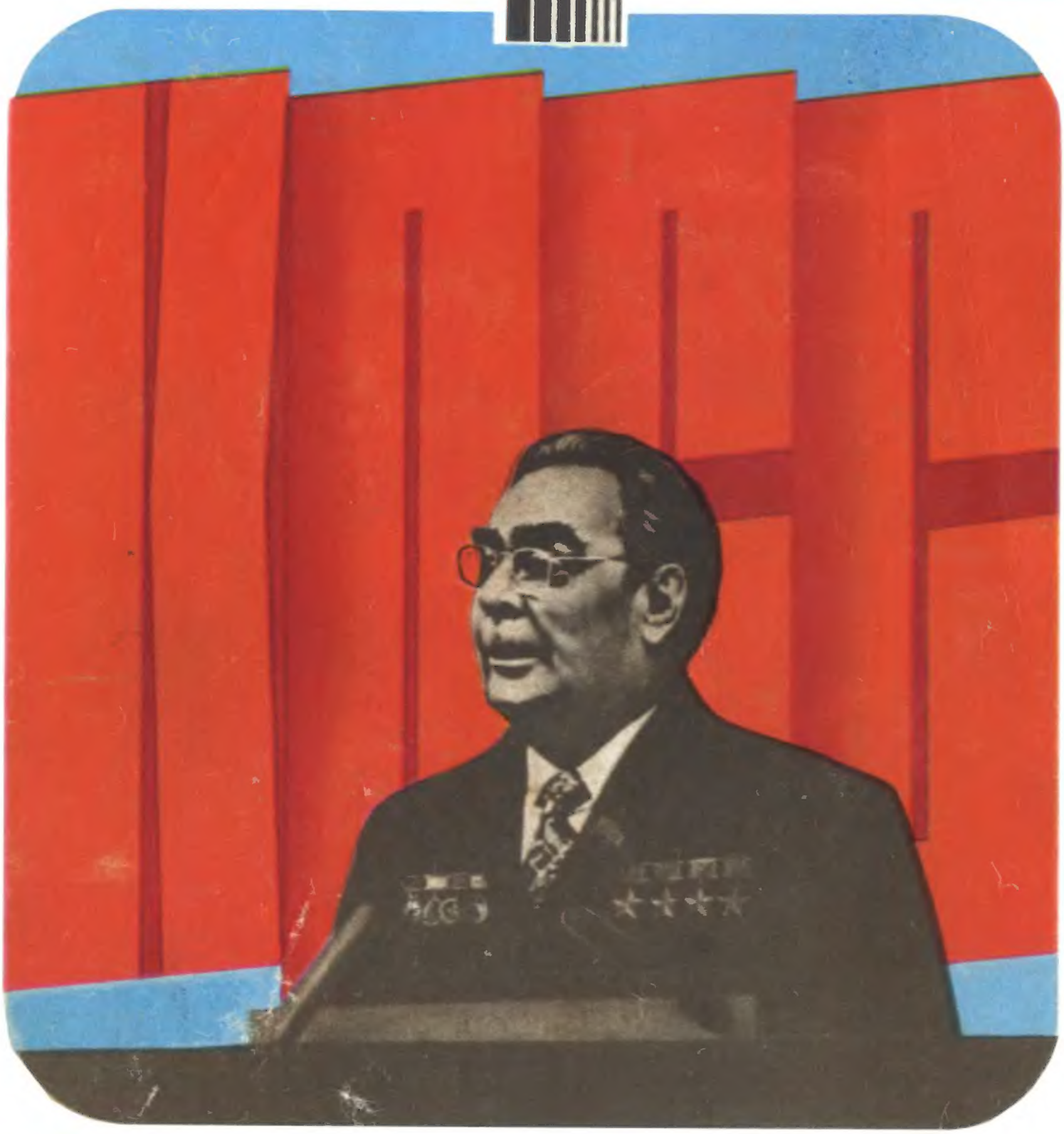
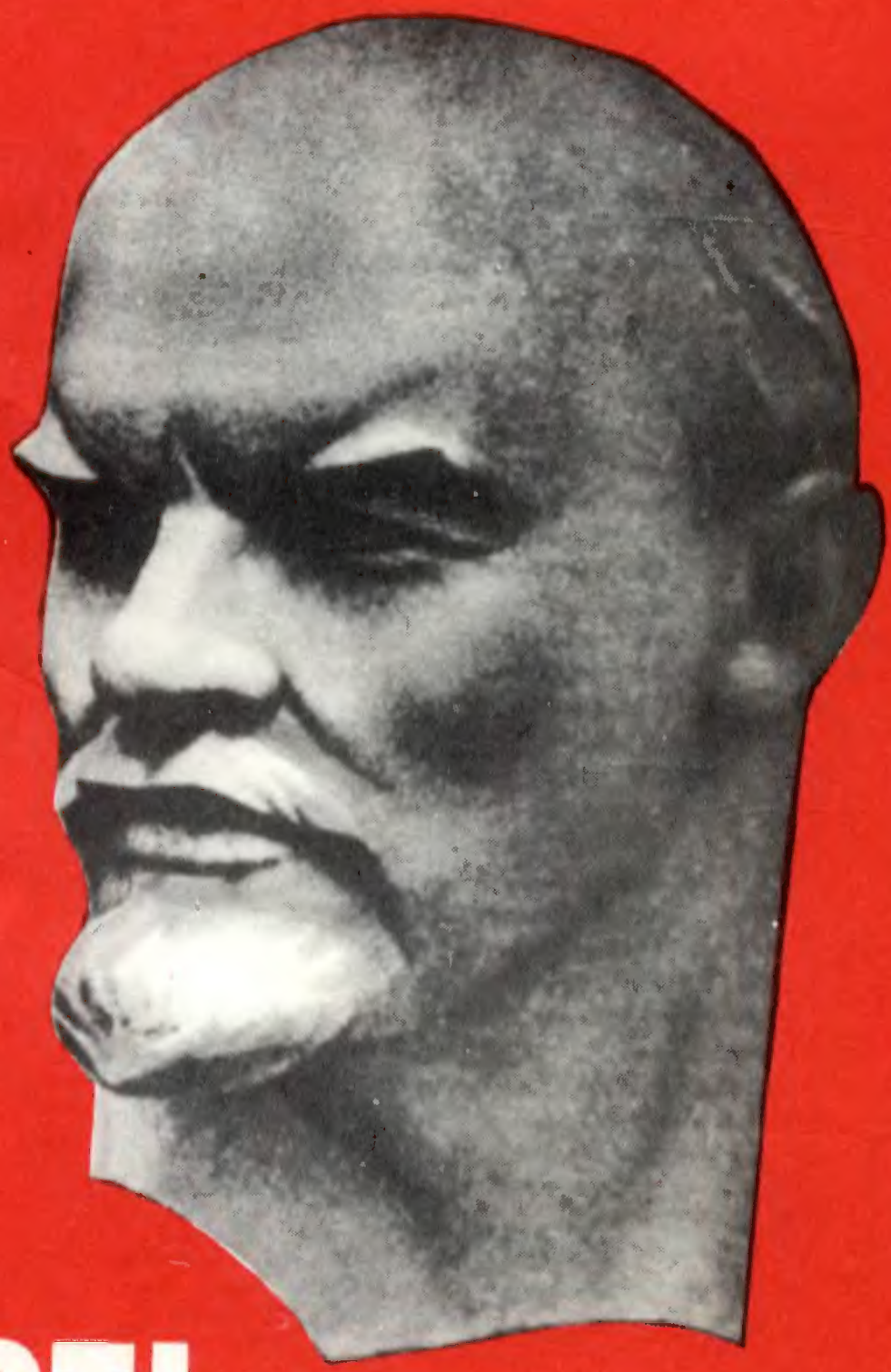
МОЛОДАЯ ГВАРДИЯ



2 • 1981

ПАРТИЯ —



УМ, ЧЕСТЬ И СОВЕСТЬ НАШЕЙ ЭПОХИ!

ПРОЛЕТАРИИ ВСЕХ СТРАН, СОЕДИНЯЙТЕСЬ!

Ежемесячный литературно-художественный и общественно-политический журнал ЦК ВЛКСМ

2 • 1981

Основан в 1922 году

В НОМЕРЕ:

Владимир ЕГОРОВ, заведующий Отделом пропаганды и агитации ЦК ВЛКСМ. **Лениным начертанным путем** 3

Песня причастности. Владимир ПАВЛИНОВ. **Коммунист. Начало.** Наталья ВАРЕНИК. **Красная площадь.** Юрий ОСИПОВ. **Наставнику. «Я ни разу...».** Владимир БРОВЧЕНКО. **Песня причастности.** Перевел с украинского Николай Котенко. Стасис ЙОНАУСКАС. **«А руки от вечной работы устали...».** Перевел с литовского Георгий Ефремов. Виктор КРУТЕЦКИЙ. **К. Валдаю.** Ободияв ШАМХАЛОВ. **Отец.** Перевела с аварского Инна Кашежева. Владислав ФАТЬЯНОВ. **Красная Пресня.** Стихи 20

Сергей АЛЕКСЕЕВ. **Створ.** Повесть 28

Антонина БАЕВА. **Поволжане.** Из поэмы 73

Ульмас УМАРБЕКОВ. **Две весны.** Повесть. Перевел с узбекского Эмиль Амит 78

Астер БЕРКХОФ. **Вулкан в цепях.** Роман. Перевел с голландского Вячеслав Федоровский 148

ЖУРНАЛ В ЖУРНАЛЕ «ТОВАРИЩ»

Заветам Ленина верны. Строка в комсомольский Рапорт XXVI съезду КПСС 161

Рюрик ИВНЕВ. **Семнадцатый год.** Из поэмы 226

НАШИ ПЕРВЫЕ ПУБЛИКАЦИИ

Егор КИСЕЛЕВ. **От моря к полю.** Стихи **228**

ОЧЕРК И ПУБЛИЦИСТИКА

Ко Дню Советской Армии и Военно-Морского Флота

Николай ЧЕРКАШИН. **Траектория шторма** **233**

На земле сибирской

Николай БЕЛОУС, электросварщик нефтегазодобывающего управления «Стрежевойнефть». **Город нашей юности** **245**

Юлий ФАЛАТОВ. **Встречающая зарю** **259**

ЛИТЕРАТУРНАЯ КРИТИКА

Г. ЗАОСТРОВЦЕВ. **Память сердца.** Заметки о поэзии Владимира Фирсова **266**

Вл. СЕМЕНОВ. **Чародей слова.** К 150-летию со дня рождения Н. С. Лескова **279**

Амир МАХМУДОВ. **Поэзия бессмертия.** К 75-летию со дня рождения Мусы Джалиля **293**

НАШЕ ОБОЗРЕНИЕ

М. ПОПОВ. **Боевой помощник партии.** Юрий ДЬЯКОНОВ. **Всепобеждающая жизнь.** В. КОЛОБАЕВ, С. СЕМАНОВ. **Сделать все для мира.** Георгий СУРИН. **Главный ориентир** **295**

КРУГ ЧТЕНИЯ

Леонид БАЛАНДИН. Олег Туманов. **Глубже ватерлинии.** Повесть и рассказы. А. АБДУСАЛАМОВ. Кадрия. **Мосты.** Стихи и поэма. Ю. ПОЛЯКОВ. Владимир Андреев. **Тяжелые ветви.** Стихи. Николай ДАЛАДА. Алексей Осипов. **Я люблю Кольку.** Повести. Анатолий ТРИНЬКО. Татьяна Веселова. **Двадцать лет.** Стихи. Анатолий ЗЯБРЕВ. Борис Петров. **Мой край сибирский** **313**

Рисунки в номере на стр. 28, 78 и 148 художника В. Васильева.

Наш адрес:

125015, Москва, А-15, Новодмитровская ул., д. 5а. Телефоны редакции: приемная — 285-88-58; отдел прозы — 285-80-55; отдел поэзии — 285-88-40; отдел очерка и публицистики — 285-80-26; отдел критики — 285-80-14; отдел «Товарищ» — 235-89-66; секретариат — 285-80-16.

© «Молодая гвардия», 1981 г.

Партия идет навстречу своему съезду в тесном единстве с народом, идет с четкой программой действий в области внутренней и внешней политики.

Л. И. Брежнев

Владимир ЕГОРОВ,
заведующий Отделом пропаганды и агитации ЦК ВЛКСМ

ЛЕНИНЫМ НАЧЕРТАННЫМ ПУТЕМ

Каждый съезд партии открывал новые горизонты перед партией и страной. Выступая на июньском (1980 г.) Пленуме ЦК КПСС, товарищ Л. И. Брежнев выразил уверенность, что таковым станет и XXVI съезд КПСС. И с момента своего создания комсомол, действуя по-ленински, учится, работает, несет воинскую службу, выполняя указания партии, претворяя в жизнь решения ее съездов. У партии перенимает комсомол огромный опыт для своей деятельности. У партии учится Ленинский союз молодежи великой науке побеждать. «И это естественно, — говорил на XVIII съезде ВЛКСМ товарищ Л. И. Брежнев. — Ведь у партии и комсомола одна цель — коммунизм, и путь тоже один — это путь Ленина, путь служения народу».

Особым смыслом была отмечена подготовка коллективного Рапорта Ленинского комсомола «Заветам Ленина верны!» XXVI съезду родной Коммунистической партии. В самом девизе Рапорта заложена историческая ответственность комсомолии 80-х за то, как несет она эстафету дедов и отцов, ответственность за судьбы социализма.

ИСТОКИ СИЛЫ. ВЕХИ ИСТОРИИ

Партия и молодежь. Партия и комсомол. Эти понятия соединены нерасторжимыми узами единства. Творчески развивая взгляды основоположников научного коммунизма на роль молодежи в общественном прогрессе, революционном преобразовании мира, В. И. Ленин разработал цельное учение о месте союзов молодежи в революционной борьбе и строительстве нового общества, о коммунистическом воспитании юношества. Ленину принадлежит огромная заслуга в том, что им была создана партия борьбы с эксплуататорским обществом, партия создания светлого будущего, партия, воспитывающая и ведущая за собой молодежь. По-научному убедительно и точно, по-революционному мобилизующе и окрыляюще звучат и через десятилетия вдохновенные ленинские слова: «Мы — партия будущего, а будущее принадлежит молодежи. Мы — партия новаторов, а за новаторами всегда охотнее идет молодежь. Мы — партия самоотверженной борьбы со старым гнильем, а на самоотверженную борьбу всегда первой пойдет молодежь».

С созданием большевистской партии революционная рабочая и учащаяся молодежь России получила идейного вдохновителя, политического руководителя и подлинного выразителя своих интересов. II съезд РСДРП. Первая программа ленинской партии. Резолюции съезда. Вглядимся пристальнее в это выдающееся событие. Вчитаемся глубже в строки этих исторических документов.

В Программе РСДРП были сформулированы положения, которые органически вплетали требования молодежи в общую канву требований трудового народа в революционной борьбе. Даже краткий перечень их говорит о многом — избирательное право с 20 лет, запрещение наемного труда детей в возрасте до 16 лет, ограничение рабочего дня подростков до достижения 18-летнего возраста шестью часами, право получения образования на родном языке и обеспечение обязательного общего и профессионального образования для всех детей до 16 лет. Здесь же, на съезде, был принят и первый документ большевизма, специально обращенный к юношеству, — резолюция «Об отношении к учащейся молодежи». Проект этого документа был написан В. И. Лениным. Одна из центральных его идей — обращение ко всем партийным организациям о всяческом содействии революционному юношеству в его стремлении организовываться.

Революционная юность России видела в большевистской партии выразителя своих кровных интересов. И уже первые искры разгоравшегося пламени революции 1905—1907 годов были свидетелями активного действия юных пролетариев, студентов и учащихся. «Нужны молодые силы...» — писал в начале 1905 года из эмиграции Владимир Ильич. И эти силы встали под зна-

мена большевизма. В кружках изучала молодежь ленинские труды, документы III съезда РСДРП, постигая стратегию и тактику партии в революции. На баррикадах Красной Пресни и в революционном Иваново-Вознесенске, по всей стране в ходе Всероссийской Октябрьской стачки, участвуя в Декабрьском вооруженном восстании, юноши и девушки проявляли чудеса революционного героизма. Крепли и молодели силы революции. В этом был залог ее будущих побед. По данным официальной статистики, доля осужденных царизмом революционеров в возрасте до 21 года в 1905—1908 годах составляла более 26 процентов по сравнению с 15 процентами в 1900 году.

В период реакции, в годы нового революционного подъема, первой мировой войны партия, Ленин уделяли проблемам молодежи, революционного воспитания юношества первостепенное внимание. Суть отношения к этим вопросам В. И. Ленин неоднократно высказывал в своих работах. Значительную роль в становлении революционного сознания молодежи, и прежде всего молодой рабочей смены, играла большевистская печать. Практически нет ни одного номера газеты «Правда», в котором бы не публиковались материалы на эти темы. Большевики, писал В. И. Ленин, «...будут защищать и развивать традиции великой революционной борьбы, настойчиво и неуклонно подготовляя все более и более широкие и сознательные массы борцов из молодых поколений рабочего класса».

Глубоко закономерно, что в революционном 1917 году, борясь за перерастание буржуазно-демократической революции в социалистическую, партия большевиков, взяв на VI съезде РСДРП(б) курс на вооруженное восстание, приняла и историческую резолюцию «О союзах молодежи». «В настоящее время, — формулировалось в резолюции, — когда борьба рабочего класса переходит в фазу непосредственной борьбы за социализм, съезд считает содействие созданию классовых социалистических организаций рабочей молодежи одной из неотложных задач момента и вменяет партийным организациям в обязанность уделять работе этой возможный максимум внимания».

Под непосредственным руководством партийных комитетов создавались, боролись за чистоту своих рядов, мобилизовывали, сплачивали юношество первые союзы рабочей молодежи. Как вспоминала впоследствии Н. К. Крупская, рабочая молодежь в Октябрьскую революцию «заполняла собой ряды Красной гвардии». Тысячи и тысячи волнующих документов донесла до нас пролетарская революция. Невозможно без трепетного чувства от прикосновения к высокой и суровой истории читать эти строки. Из воззвания Киевского социалистического союза рабочей молодежи: «Мы не хотим цепей... Мы, юные пролетарии, жаждем света, солнца, а потому идем на смертный бой с капиталом. Трепещите, тираны! Да здравствует III Интернационал! Да здравствует социализм!»

Октябрь семнадцатого года. В историю человечества социалистическая революция в России как бы ворвалась под девизом «Впервые!». Первая победоносная социалистическая революция. Первое рабоче-крестьянское государство. Впервые: заводы — рабочим; землю — крестьянам; мир — народам. Тогда все было впервые. Впервые партия научного коммунизма — ленинская партия — возглавила победоносную борьбу рабочего класса, трудящихся за

практическое претворение в жизнь коммунистических идеалов. В размахе невиданных свершений впервые в истории молодежного движения создавался партией и Коммунистический союз молодежи. «Рожденный революционной бурей, закаленный в горниле классовых битв, комсомол, — говорил товарищ Л. И. Брежнев,— это родное детище большевистской партии, боевая юность Страны Советов. У его колыбели стоял великий Ленин».

С октября 18-го года, с момента создания, и вот уже более шести десятилетий комсомол с гордостью и честью несет звание помощника и резерва партии. В труднейших условиях гражданской войны, иностранной военной интервенции, разрухи в марте 1919 года проходил VIII съезд РКП(б), принявший вторую Программу партии. Это была программа построения социализма. Ее положения показывали, что действительно по-настоящему и в таких масштабах в интересах трудового народа, будущего страны может действовать только партия коммунистов. Но, ставя цели и задачи в социально-экономической и политической областях развития общества, планируя создание благоприятных условий для учебы, труда и отдыха детей и молодежи, партия в то же время в резолюции съезда «О работе среди молодежи» подчеркивала, что от степени участия молодого поколения рабочего класса и беднейшего крестьянства в социалистическом строительстве, деле продолжения и углубления революции в значительной мере зависит судьба революции. В документах съезда широкое отражение нашли вопросы партийного руководства комсомолом, его места и роли в системе диктатуры пролетариата.

В социалистическую эру человечества большевистская партия вступила как партия созидания. И несмотря на кратковременность мирной передышки, тяжелые условия войны с внутренней и внешней контрреволюцией, Советская власть делала все возможное для строительства нового общества. Партия сражалась на фронтах гражданской войны. Партия строила и укрепляла основы рабоче-крестьянского государства. В эти годы на полях сражений РКП(б) потеряла не менее 50 тысяч своих членов, но в ее ряды становились новые десятки и сотни тысяч. Это было лучшим, ярчайшим подтверждением неодолимости идей социализма, непобедимости народа, взявшего под руководством марксистско-ленинской партии власть в свои руки. В период борьбы с Деникиным в ходе партийной недели только в центральных районах страны более 200 тысяч рабочих и крестьян вступили в РКП(б). Чтобы лучше понять суть этого факта, обратимся к отчету ЦК РКП(б) о партийной неделе. В нем писалось: «Членский билет нашей партии при таких условиях означал до известной степени кандидатуру на деникинскую виселицу...»

Партией мобилизованный, героически сражался за власть Советов комсомол. На борьбу с врагом ЦК РКСМ провел три всероссийские мобилизации комсомольцев — на Восточный, Южный и Западный фронты. «Дан приказ: ему — на запад, ей — в другую сторону... Уходили комсомольцы на гражданскую войну». Только в ходе всероссийских мобилизаций по призыву комсомола ушло на защиту социалистического Отечества более 17 тысяч комсомольцев. Это из тех огненных лет вошли в историю комсомола тревожные, наполненные глубоким смыслом слова: «Райком закрыт. Все ушли на фронт».

И когда еще гремели бои на территории Советской Респуб-

лики, в период новой передышки весной 1920 года партия на своем IX съезде разработала перспективы социалистического строительства, восстановления народного хозяйства. Дыханием будущего вступил в жизнь истерзанной, голодной и разрушенной страны ленинский план ГОЭЛРО. А через полгода на историческом III съезде РКСМ В. И. Ленин перед молодым поколением революции, перед комсомольцами 20-х произнес знаменитую речь «Задачи союзов молодежи», в которой была сформулирована программа деятельности комсомола по коммунистическому воспитанию юношества. Вождь революции обращался к Коммунистическому союзу молодежи, ставил конкретные и насущные задачи дня и открывал перспективы участия комсомола в хозяйственном и культурном строительстве, воспитании нового человека на весь период созидания социализма и коммунизма.

Глубокой верой в творческие силы молодежи, указаниями конкретных путей, форм и средств воспитания комсомольцев, юношей и девушек пронизана программа «учиться коммунизму». «Недостаточно того, чтобы Советская власть приказала или чтобы партия дала определенный лозунг... Для этого нужно, чтобы само молодое поколение взялось за это дело... Союз Коммунистической Молодежи должен быть ударной группой, которая во всякой работе оказывает свою помощь, проявляет свою инициативу, свой почин». Этой ленинской программе комсомол следует во всем.

В 1924 году комсомол принял имя Ленинского коммунистического союза молодежи. И в борьбе за чистоту своих рядов с «новой оппозицией» и троцкистами ВЛКСМ убедительно доказал свою верность ленинскому знамени партии. Этому в огромной мере способствовало постоянное внимание к деятельности комсомола со стороны ЦК ВКП(б). Этой ленинской заботой о молодежи проникнуты решения партийных съездов, Пленумов ЦК.

Вторая половина 20-х — 30-е годы — это время осуществления ленинского плана строительства социализма в СССР. Индустриализация страны, коллективизация сельского хозяйства, проведение культурной революции. Первые пятилетки и завершение социалистической реконструкции народного хозяйства. Знаменательные годы. Огромные свершения. И с новыми понятиями, входившими в жизнь, вставала, росла и мужала Родина Октября — пятилетка, ударник, колхоз, стахановец, ликбез, культармейцы. Ритм и дыхание гигантского созидания доносят до нас чеканные строки Владимира Маяковского:

Вперед,
тракторами по целине!
Домны
коммуне подступом!
Сегодня
бейся, революционер,
На баррикадах
производства.
Раздувай
коллективную
грудь-меха,
Лозунг
мчи по рабочим взводам.

От ударных бригад
к ударным цехам.
От цехов
к ударным заводам.

В условиях социалистической реконструкции народного хозяйства новые задачи вставали перед комсомолом, менялись условия его деятельности. Особую роль в этот период сыграла принятая XIV съездом ВКП(б) резолюция «О работе комсомола».

Днепрогэс и Турксиб, Магнитка и Комсомольск-на-Амуре. Здесь закладывался фундамент участия комсомола, молодежи в ударном строительстве, шефства ВЛКСМ над возведением важнейших народнохозяйственных объектов. Характерен в этом отношении пример с сооружением автомобильного гиганта на Волге, в Нижнем Новгороде. В сентябре 1931 года на Автострой приехал председатель ВСНХ СССР Г. К. Орджоникидзе, который призвал повысить темпы работы. «Нужны новые силы, — сказал Серго. — Кто даст? Комсомол! Он — шеф». На этот призыв комсомол ответил мобилизацией молодых рабочих и крестьян-активистов. В короткий срок на стройку была дополнительно направлена 10-тысячная армия строителей.

Значительна роль Ленинского комсомола в социалистическом переустройстве деревни. Вот только несколько фактов. Среди двадцатипятитысячников более 55 процентов были молодые люди в возрасте до 29 лет. Вместе с коммунистами комсомольцы возглавляли пропагандистскую и воспитательную работу почти 28 тысяч политшкол, кружков и курсов, 20 тысяч изб-читален, более полутора тысяч клубов. По всей стране по инициативе комсомола проводились «хлебные эстафеты», засевались «комсомольские гектары», широкий размах получило движение «Комсомолец — на трактор!». В трудных условиях сопротивления кулачества проводилась эта работа. Вот что писала газета «Комсомольская правда», рассказав о зверском убийстве комсомольца-тракториста Петра Дьякова: «Можно одного комсомольца превратить в огненный факел, но для всех не хватит огня, не из соломы сплетен комсомол, и разом от кулацкой спички он не вспыхнет. Другим огнем горит наш союз: огнем энтузиазма пылает комсомол, строя новые гигантские колхозы, наступая на классового врага».

Успех участия комсомольцев и молодежи в выполнении поставленных партией задач в огромной мере был результатом целенаправленной идейно-воспитательной и культурно-просветительной работы партии и комсомола. Комсомол учился сам общей и политической грамоте и учил других, познавал духовное богатство и способствовал становлению молодых художественных талантов, ликвидации культурной отсталости населения. В эти годы сложилась система политпросвещения молодежи и практика работы агитбригад «синеблузников», рождались новые, советские обряды и все мощнее входила в жизнь молодежная печать. Так, например, уже к концу первой пятилетки комсомол издавал 51 комсомольскую и 19 пионерских газет, 33 молодежных и детских журнала. С комсомолом тесно сотрудничали Д. А. Фурманов, А. С. Серафимович, А. А. Фадеев. Со страниц комсомольской печати вошел в литературу М. А. Шолохов. А в журнале ЦК ВЛКСМ «Молодая гвардия» была опубликована первая книга Н. А. Островского «Как закалялась сталь».

Замечательные качества воспитали партия, работающий под ее руководством комсомол у миллионов юношей и девушек, которые с честью пронесли эстафету верности великому ленинскому делу трудными верстами фронтовых дорог, по заводам и колхозным нивам в суровые годы Великой Отечественной войны. «Как и во времена Николая Островского, комсомольская сталь закалялась в огне сражений, в напряженном, самоотверженном труде, — говорил товарищ Л. И. Брежнев. — Юноши и девушки, вчерашние школьники, не знавшие до тех пор ни голода, ни нужды, в суровый час испытаний проявили выдержку, стойкость и непоколебимую веру в победу».

Только в первые, самые трудные два года войны 3,5 миллиона комсомольцев пополнили ряды Вооруженных Сил, на фронтах войны более 7 тысяч членов ВЛКСМ и воспитанников комсомола проявили чудеса героизма, были удостоены звания Героя Советского Союза. Комсомольцы, юноши и девушки составляли 60 процентов состава партизанских соединений. К концу войны в различных отраслях промышленного производства работало 154 тысячи фронтовых молодежных бригад численностью свыше миллиона человек.

В годы войны большинство пополнения рядов Коммунистической партии составляла фронтовая молодежь. В партию в это время было принято 2,5 миллиона комсомольцев, или в два раза больше, чем за соответствующий предвоенный период.

«Прошу считать меня коммунистом», — писали тысячи, десятки тысяч советских людей перед уходом в бой. И рядом с этими святынями бережно хранятся в музеях и комнатах славы по всей стране заявления юных патриотов, такие, как написанное в руинах Сталинграда Антониной Щепочковой: «Прошу принять меня в ряды Ленинского комсомола. Обязуюсь с честью выполнять долг комсомольца перед Родиной — уничтожать гитлеровских фашистов до последнего, не жалея крови, а если нужно, то и жизни».

«Никто не забыт. Ничто не забыто». Священна память народная. Память о павших. Память о пережитом. Более 20 миллионов советских людей отдали свои жизни в боях за свободу и независимость нашей Родины. Свыше 1700 городов и поселков, 70 тысяч сел и деревень, 32 тысячи промышленных предприятий, 100 тысяч колхозов и совхозов было уничтожено и разграблено фашистами. Но наша живая память — это созидающая, борющаяся память. Действующая во имя идеалов, за которые отдана жизнь соотечественников, действующая во имя дальнейшего процветания Отчизны и повышения ее могущества.

Под руководством партии Ленина, свершениями героев в кратчайшие сроки были восстановлены гиганты индустрии, сооружались новые производственные мощности на Волге и в Средней Азии, на Урале и в Сибири. Уже в 1948 году объем промышленного производства в СССР превзошел довоенный.

Великим подвигом партии и народа назвал товарищ Л. И. Брежнев целинную эпопею. За период с 1954 по 1956 год было освоено около 36 миллионов гектаров целинных и залежных земель. В этом историческом походе за хлеб активное участие принимала молодежь. «Нам вручил путевки комсомольский комитет» — эти слова популярной песни звенели тогда по всей стране. Свыше 500 тысяч молодых энтузиастов из всех республик и областей прибыли в эти годы в районы Казахстана и Сибири. Среди них

было около 80 тысяч посланцев Москвы, Украины, 12 тысяч — Краснодарского края, Казахстана.

Но целина — это не только хлебная нива. Это большая школа гражданственности. Как подчеркивал товарищ Л. И. Брежнев, «когда мы говорим, что целина подняла людей, мы мерим их рост не одним послужным списком. Есть и другой вид роста, столь же по-человечески значительный и благородный. Я имею в виду духовную закалку, повышение мастерства, нравственное возмужание».

Могучая социалистическая индустрия, развитое сельское хозяйство, взлет науки и техники, огромные успехи в воспитании советских людей — все это, несмотря на трудности и лишения, выпавшие на долю Страны Советов, стало явью к концу 50-х годов. Вторая Программа ленинской партии была выполнена. В 1961 году Коммунистическая партия на своем XXII съезде приняла третью Программу КПСС — программу строительства коммунизма.

Весь исторический опыт свидетельствует, что комсомол может добиться успеха в воспитании молодежи только под руководством партии. В условиях развертывания коммунистического строительства важное значение имел XXIII съезд КПСС. В докладе на съезде товарища Л. И. Брежнева, в решениях съезда было уделено исключительное внимание вопросам усиления и совершенствования партийного руководства комсомолом, всей деятельности ВЛКСМ. Было установлено, что молодежь в возрасте до 23 лет включительно должна вступать в ряды партии через ВЛКСМ. Решения съезда повышали роль комсомола как помощника, главного, непосредственного резерва КПСС.

Комсомольцы и молодежь с энтузиазмом боролись за претворение в жизнь указаний партии. В эти годы дальнейшее развитие получило марксистско-ленинское образование молодежи, совершенствовалось участие юношества в ударном строительстве, многое было сделано для улучшения условий труда, учебы, быта и отдыха юношей и девушек. Говоря о делах комсомольских в Отчетном докладе ЦК КПСС XXIV съезду партии, товарищ Л. И. Брежнев сказал: «Трудно даже представить себе такой участок хозяйственного и культурного строительства, где не находили бы применения энергия, творчество и дерзание комсомольцев. Ударные комсомольские стройки, групповые конкурсы мастерства молодых рабочих, студенческие строительные отряды, молодежные производственные бригады, летние лагеря труда и отдыха — все это конкретные и очень нужные дела комсомола, вожака советской молодежи».

В ответ на высокую оценку своей работы в комсомольских организациях страны развернулось массовое патриотическое движение по претворению в жизнь решений XXIV съезда КПСС под девизом «Пятилетке — ударный труд, мастерство и поиск молодых!». В годы девятой пятилетки комсомол шефствовал над сооружением 675 важнейших объектов промышленности, транспорта, сельского хозяйства. КамАЗ и БАМ, нефтяные месторождения Сибири и Нечерноземье стали адресами комсомольского подвига.

Эстафета поколений продолжалась благодаря неустанной заботе партии об идейно-нравственной, трудовой закалке молодежи. 18 миллионов молодых производственников обучались в партийном и комсомольском политическом просвещении, в системе экономического образования. Широкий размах получили конкурсы

студенческих работ по общественным наукам, совершенствовалась общественно-политическая практика студентов, воспитательная работа в школах и ПТУ. Свыше 30 миллионов юношей и девушек приняло участие в VII Всесоюзном походе по местам революционной, боевой и трудовой славы советского народа, посвященном 30-летию Великой Победы и 50-летию присвоения комсомолу имени В. И. Ленина. В 1971—1975 годах 33 миллиона 500 тысяч молодых рабочих и колхозников, студентов и специалистов, пионеров и школьников стали значкистами комплекса «Готов к труду и обороне!».

Свидетельством высокого доверия партии к комсомолу, показателем идейной зрелости воспитанников ВЛКСМ является то, что в 1975 году доля комсомольцев в новом партийном пополнении составила 70 процентов.

Вглядимся пристальнее в страницы истории. Вдумаемся в суть фактов, далеких и близких. Осмыслим еще раз значение исключительных событий и, казалось бы, незначительных крупиц в нашей биографии. В биографии нашего союза. В них истоки нашей силы. Они вехи славной истории, за продолжение которой мы в ответе.

ВОСПИТАНИЮ — КОМПЛЕКСНЫЙ ПОДХОД

Формирование всесторонне и гармонически развитой личности — программная цель Коммунистической партии. Впервые в истории общества, коренные интересы которого совпадают с интересами всех групп населения, ленинская партия с первых лет Советской власти руководствовалась указаниями своего создателя — воспитывать поколение, способное «действовать так, как того действительно коммунизм требует», уделяла огромное внимание коммунистическому воспитанию подрастающих поколений. Социалистическое государство сильно сознательностью трудящихся масс, которая обеспечивается объективными условиями жизни строя, самим образом жизни и неустанной работой КПСС, общественных организаций. Сама же воспитательная работа партии всегда строилась и строится, исходя из конкретных особенностей времени. Выступая с Отчетным докладом ЦК КПСС XXV съезду партии, товарищ Л. И. Брежнев говорил, что «современные условия выдвигают новые задачи перед идеологической деятельностью партии. Практика партийных организаций подсказывает нам путь, следуя по которому мы можем добиться повышения ее эффективности. Это — комплексный подход к постановке всего дела воспитания, то есть обеспечение тесного единства идейно-политического, трудового и нравственного воспитания с учетом особенностей различных групп трудящихся».

Коммунистическая идейность. Она формируется в семье и школе, техникуме и ПТУ, в вузе и на занятиях в кружках и семинарах политического просвещения, в лекционной аудитории и на материалах печати, передачами радио и телевидения, формируется всем укладом нашей жизни. И когда мы говорим о формировании идейно закаленных, сознательных борцов за коммунизм с самых юных лет, речь идет прежде всего о воспитании человека на коммунистическом идеале. Примером для подражания у советской молодежи всегда были, есть и будут коммунисты. А когда

мы говорим о коммунистах, перед нами всегда встает во всем историческом величии и человеческой простоте, в научной глубине и прозорливости, революционной страстности действия и принципиальности образ Владимира Ильича Ленина. И, следуя бессмертным ленинским заветам, комсомольцы, юноши и девушки учатся коммунизму, строят коммунизм.

Всесоюзный Ленинский зачет «Решения XXV съезда КПСС — в жизнь!» стал важной составной частью работы по осуществлению комплексного подхода к воспитанию молодежи. Овладевать ленинской наукой коммунистического созидания, своей учебой, работой, воинской службой, поведением в повседневной жизни утверждать наши принципы отношения к делу, нормы поведения гражданина социализма — это суть и цель деятельности миллионов молодых людей. Личные комплексные планы участников Ленинского зачета составляются в комсомольских организациях в соответствии с текущими и перспективными планами работы, становясь программой развития личности. В последние годы в практику работы комитетов комсомола все прочнее входят ленинские задания. Сверять жизнь по Ленину, учиться у Ленина, действовать по-ленински — вот что отличало и отличает устремления, жизненные помыслы советской молодежи.

В соответствии с требованиями партии совершенствовалась работа по идейно-политическому воспитанию различных категорий молодежи. Изучение основ политических знаний, истории СССР в школе сегодня дополняется работой клубов и факультативов по вопросам текущей политики, экономики и права. Политические информации, диспуты и дискуссии становятся действительно неотъемлемой частью воспитательного процесса там, где к работе с подрастающей сменой подходят по-деловому, вдумчиво, творчески.

Трудно представить в настоящее время жизнь вузовских комсомольских организаций, комсомольских организаций средних специальных учебных заведений без конкурсов по проблемам общественных наук и общественно-политической практики, деятельности факультетов общественных профессий и школ молодого лектора.

Произошли изменения в содержании и структуре, в организации работы системы комсомольской политической и экономической учебы. Постоянно актуализировалось содержание занятий в кружках и семинарах, были введены новые программы в связи с решениями XXV съезда КПСС. Широкое развитие получили активные формы учебы, количество слушателей возросло за годы десятой пятилетки с 6,8 до 9,2 миллиона человек.

Комитеты комсомола стали уделять больше внимания вопросам лекционной пропаганды, устной политической и наглядной агитации. Общественно-политические чтения, тематические лектории, деятельность пропагандистских групп и бригад на комсомольских ударных стройках — все это вошло в повседневную жизнь, в практику работы. А можно ли представить себе сейчас жизнь молодежных коллективов БАМа и Западной Сибири, Нечерноземья и районов Украины, Средней Азии без пропагандистской, культурно-массовой работы агитпоездов ЦК ВЛКСМ «Комсомольская правда», «Молодогвардеец», «Ленинский комсомол», агитпоездов ЦК ЛКСМ союзных республик, агитпароходов и агитавтобусов обкомов и крайкомов комсомола? «Красные эшелоны», вдохновителями которых были М. И. Калинин и Н. К. Крупская, деятельность

которых так высоко оценил В. И. Ленин, и сегодня мчатся по просторам Родины там, где бьется пламенное сердце наших современников, наших сверстников.

Трудовой день страны. Из его темпов и ритмов, итогов, материализованных в тоннах угля и нефти, в станках и механизмах, в хлебе и хлопке, складывается рабочая поступь страны, могущество Родины и благосостояние народа. День страны. С думами и устремлениями миллионов, столкновениями характеров и борьбой за новое, передовое, за торжество правды и справедливости, за все то, что мы с гордостью называем нашим образом жизни, с гордостью и ответственностью людей за его ценности и завоевания. День страны. С новостями изо всех уголков земного шара о жизни наших друзей из братских стран социалистического содружества, оттуда, где ведется непрекращающаяся борьба сил прогресса и мира за светлое будущее человечества. И невозможно представить себе этот день без его рупоров и летописцев — печати, радио, телевидения.

Благодаря заботе и вниманию партии и государства мощными средствами массовой информации и пропаганды располагает сегодня Ленинский комсомол. ВЛКСМ издает свыше 240 газет и журналов общим тиражом 75 миллионов экземпляров. К юношеству страны обращены передачи радиостанции «Юность» и Главной редакции телепрограмм для молодежи. Руководствуясь указаниями XXV съезда КПСС, требованиями постановления ЦК КПСС «О дальнейшем улучшении идеологической, политико-воспитательной работы», трехтысячная армия работников комсомольской и пионерской печати совершенствует тематику, углубляет содержание, повышает информационную насыщенность, действенность публикаций и передач. Сделано за эти годы немало. Однако и сегодня актуальной остается задача, поставленная на V пленуме ЦК ВЛКСМ: «Повышать уровень работы комсомольской и пионерской печати, молодежных редакций телевидения и радио, усиливать конкретность, содержательность, оперативность, партийную страстность их выступлений. Ярко и убедительно пропагандировать величие коммунистических идеалов, труда на благо народа, преимущества советского образа жизни, воспитывать у юношей и девушек революционное самосознание, формировать классовый подход к явлениям общественной жизни, умение отстаивать принципы коммунистической идеологии, своевременно давать отпор проявлениям буржуазной идеологии и морали, смелее вскрывать рецидивы частнособственнической психологии».

Завершившееся пятилетие было насыщено знаменательными событиями в идейно-политической жизни партии и народа, Ленинского комсомола. В 1978 году исполнилось 60 лет Всесоюзному Ленинскому Коммунистическому Союзу Молодежи. Высокой оценкой итогов самоотверженной борьбы поколений и поколений комсомольцев стало вручение ВЛКСМ Генеральным секретарем ЦК КПСС, Председателем Президиума Верховного Совета СССР товарищем Л. И. Брежневым памятного Красного знамени ЦК КПСС. В 1980 году советский народ, все прогрессивное человечество отметили 110-ю годовщину со дня рождения В. И. Ленина. Яркой демонстрацией преданности молодежи великому делу партии стала Всесоюзная ленинская поверка, празднование шестидесятилетия исторической речи вождя «Задачи союзов молодежи». Жить,

учиться и бороться по-ленински, по-коммунистически — закон жизни миллионов комсомольцев, юношей и девушек.

В пафосе великого созидания растет, мужает, формируется молодой советский гражданин. Широкий размах в годы десятой пятилетки получило патриотическое движение «Пятилетке эффективности и качества — энтузиазм и творчество молодых!». По традиции, уходящей своими корнями в первые годы социалистического строительства, комсомол осуществлял шефство над сооружением важнейших народнохозяйственных объектов.

Каждая пятилетка характеризуется своими центральными точками приложения сил. Десятая — пятилетка эффективности и качества. Борьбой за осуществление ее главной задачи отмечено и участие комсомола в развитии экономики страны.

Транспортные артерии державы, ее стальные магистрали в значительной мере определяют содержание всей экономической жизни. К концу пятилетки только на железнодорожном транспорте работали почти один миллион молодых тружеников, более шести тысяч комсомольско-молодежных коллективов. Строительство БАМа и начало комсомольского шефства над эксплуатацией дороги, распространение опыта работы Ленинградского транспортного узла в соединении усилий, развитие сотрудничества и трудового состязания железнодорожников и моряков, автомобилистов и речников, создание сквозных комсомольско-молодежных смен — все это звенья одной цепи, имя которой — шефство комсомола над транспортом. В завершающем году пятилетки только на предприятия и в организации Министерства путей сообщения прибыло 11 тысяч добровольцев.

От молодежных ударных бригад Донбасса берет свое начало участие комсомола в развитии топливно-энергетического комплекса страны. Этот фонд сегодня пополнился комплексной программой шефства Ленинского комсомола над освоением нефтяных и газовых месторождений Западной Сибири, развитием содружества по принципу «рабочей эстафеты» в движении «Заказам Западной Сибири — комсомольскую заботу», участием в создании крупнейшего в мире Канско-Ачинского топливно-энергетического комплекса. На Всесоюзную ударную стройку КАТЭК в 1980 году было направлено по комсомольским путевкам 7 тысяч юношей и девушек.

60 лет назад с ленинского плана ГОЭЛРО началась электрификация страны. Энергетика Родины Октября сегодня — это тысячи ГЭС, атомных и тепловых электростанций. Примечательно, что каждая пятая ударная комсомольская — строительство объектов энергетики. Несопоставимы масштабы, но едины в сути своей блики лампочек в подмосковной деревне Кашино, где на открытии маленькой сельской электростанции присутствовал В. И. Ленин, и мощь уникального «Атоммаша» — неудержимая устремленность в завтра людей свободного труда.

Остовом и сердцем промышленности являются металлургия и машиностроение. Именно эти отрасли, подчеркивает товарищ Л. И. Брежнев, определяют темпы технического прогресса практически во всех отраслях народного хозяйства. Именно поэтому комитеты комсомола направляют усилия молодежи на участие в техническом перевооружении предприятий, в борьбе за экономное и бережное расходование металла, улучшение технического уровня и качества машин и оборудования. Только один пример.

Из 73 тысяч наименований продукции машиностроения, аттестованных за четыре года пятилетки на государственный Знак качества, над 26 тысячами шефствовали комсомольские организации.

Всесоюзная. Ударная. Комсомольская. Это звание носили 150 важнейших объектов пятилетки эффективности и качества. «Я — хозяин стройки» — движение, которое не только определяет отношение молодых строителей к труду, но и является выражением подлинной гражданственности. И наряду с новыми гигантами индустрии вырастают на земле советской молодые города, забота о которых стала важным делом Ленинского комсомола.

Не только с гордостью, но и с чувством глубокой ответственности называем мы сегодня по-настоящему молодежные отрасли народного хозяйства — легкую и пищевую промышленность, торговлю и сферу обслуживания. Как задачу первостепенной важности рассматривают комсомольские организации шефство над их развитием. От отношения к делу молодых здесь зависит очень многое, ведь в этих отраслях трудятся 4 миллиона молодых людей в возрасте до 30 лет — каждый второй рабочий и инженер.

Важнейшим направлением деятельности Ленинского комсомола было и остается участие в осуществлении аграрной политики партии. Немалая заслуга комсомольцев, молодежи в том, что в десятой пятилетке среднегодовой сбор зерна впервые превысил двести миллионов тонн.

Хорошо известна трудовая слава комсомола. Но лозунг дня «Сегодня работать лучше, чем вчера, завтра — лучше, чем сегодня» обязывает нас вновь и вновь обращать внимание на неиспользованные резервы, имеющиеся недостатки. На это нацеливает нас партия, и комсомольские организации направляют свои усилия на повышение роли молодых тружеников в борьбе за эффективность и качество.

Каждая пятилетка рождает новые имена ударников коммунистического строительства. Среди них шахтер из Кузбасса, лауреат премии Ленинского комсомола, бригадир комсомольско-молодежной проходческой бригады Николай Власов. Прославленный коллектив выполнил пятилетку к ленинскому юбилею, а к XXVI съезду КПСС обязался пройти сверх плана еще 550 метров горных выработок.

Четыре пятилетних задания выполнила еще к осени 1980 года Тарлан Мусаева — хлопкороб из азербайджанского колхоза «Коммунизм». По своему рабочему календарю депутат Верховного Совета СССР, член ЦК ВЛКСМ Т. Мусаева уже вплотную приблизилась к новому тысячелетию, к двухтысячному году.

Эти примеры, как и сотни тысяч других, рельефно и ярко высвечивают лучшие черты характера молодых граждан социалистической Отчизны, в труде и повседневной жизни на деле занимающих по-настоящему активную жизненную позицию. Успехи, достигнутые советским обществом на фронте коммунистического воспитания молодежи, опираются на прочный фундамент наших замечательных традиций. Нравственным идеалом, образцом для подражания служат для юношей и девушек подвиги тех, кто боролся за установление Советской власти, созидал социализм и приумножал могущество Родины в годы первых пятилеток, возрождения и целины, на стройках коммунизма, кто с оружием в руках защищал свободу и независимость любимой Отчизны.

Торжественно и величаво, как патриотическая песня, широко и

гордо, как характер нашего народа, строго, сурово и трепетно, как память солдата, будет зеленеть на рубежах былых сражений, во всех городах, селах и деревнях страны Всесоюзный комсомольский парк Победы, посаженный наследниками героев Великой Отечественной в честь 35-летия Победы. Незабываемы состоявшиеся в прошлом году встречи молодежи с ветеранами минувшей войны — артиллеристами и пехотинцами, летчиками и партизанами, подпольщиками и медиками. Новым важным этапом в совершенствовании военно-патриотического воспитания юношей и девушек стал IX Всесоюзный слет победителей похода по местам революционной, боевой и трудовой славы советского народа, проходивший в городе-герое Минске.

Партия, Родина делают все необходимое, чтобы молодое поколение росло духовно богатым, нравственно полноценным, чтобы молодые люди были действительно всесторонне и гармонически развиты. Все более широкий и разносторонний характер приобретает научно-техническое и художественное творчество. Постоянно укрепляется материально-техническая база, служащая досугу, совершенствуется деятельность Дворцов и Домов культуры, клубов, музеев, библиотек, детских внешкольных учреждений.

Комсомольские организации активно участвуют в развитии физкультурной и спортивно-массовой работы. В прошедшие годы вся эта работа проходила под знаком подготовки и проведения XXII Олимпийских игр. «Олимпийские игры — не только для олимпийцев!», «От значка ГТО — к олимпийской медали» — сами девизы эти олицетворяют собой массовое развитие физкультуры и спорта в стране. Рекорды и спортивные достижения не самоцель. Они как вершины огромного айсберга в работе по воспитанию молодых людей здоровыми, физически развитыми, способными к активной трудовой деятельности на благо народа, к защите завоеваний социализма.

Выполняя решения XXV съезда КПСС, комсомольские организации направляли свои усилия на обеспечение тесного единства идейно-политического, трудового и нравственного воспитания молодежи. В практику работы комитетов комсомола внедряется комплексное и перспективное планирование, более тесным стало сотрудничество со всеми заинтересованными организациями, первостепенное внимание стало уделяться вопросам эффективности форм, средств и методов воспитательного воздействия. Духовное развитие молодого человека, воспитание у него коммунистического отношения к труду, высоких нравственных качеств, привитие навыков и потребностей в самообразовании и самовоспитании направлено в конечном счете на то, чтобы молодые люди росли и становились полноценными личностями, способными, говоря словами Николая Островского, наполнить свою жизнь «содержанием, необходимым для оправдания самой жизни».

СЛОВО О СОВРЕМЕННИКЕ

В коммунистическом воспитании молодежи велика и благородна роль советской литературы и искусства, массовой пропаганды и информации. «Средствами литературы и искусства, печати, радио и телевидения, — говорил товарищ Л. И. Брежнев, — надо делать все, чтобы ярко и впечатляюще раскрывать перед моло-

дежью красоту и благородство дел и поступков настоящего советского человека».

Рассказать о времени и о себе, о людях, тебя окружающих и творящих это прекрасное и неповторимое время. Велика и ответственна миссия художника. Когда мы вчитываемся в прозу, повторяем запавшие в душу поэтические строки, переживаем вместе с публицистом, перед нами встают образы наших современников. Вместе с ними мы садимся за школьную парту, варим сталь, встаем за штурвал комбайна, входим в студенческую аудиторию, несем воинскую службу, беремся за кисть, чтобы и свой кирпичик положить в сооружение здания, имя которому — наш социалистический строй, свою лепту внести в приумножение ценностей нашего общества, нашего народа. И как важно, чтобы молодой читатель рос и мужал вместе со своим героем, учился вместе с ним познавать истинную правду и красоту жизни, боролся со всем тем, что мешает нашему движению вперед, становился духовно богаче, целеустремленнее, чище и благороднее. Мы верим герою, когда видим в нем устремления, черты характера жизненно правдивые, когда говорит он с нами языком реально существующего человека, переживает и борется не в надуманных конфликтах и ситуациях. И самое важное, чтобы входили в мир юношества новые имена по-настоящему корчагинской пробы. Как лирический герой молодой таджикской поэтессы Гулрухсор Сафиевой, проходящий через ее творчество с глубоким пониманием своего предназначения:

Всего превыше Родину любил
Последней и единственной любовью.

Партия постоянно нацеливает всех работников идеологического фронта на необходимость говорить с людьми ясным и понятным языком, откровенно, доходчиво и доверительно, решительно бороться с искусственной шумихой, казенщиной, словесной трескотней. Просто и образно рассказать о днях минувших или текущих событиях, помочь читателю за отдельным образом, небольшим штрихом, конкретной деталью увидеть суть происходящего, глубину того или иного явления, его значение, заставить задуматься о своем месте в общем движении, подвести к размышлениям об ответственности человека за судьбы Родины. Уметь повести такой разговор вдвойне необходимо, когда речь идет о молодом и совсем еще юном читателе.

Сегодняшний школьник и молодой человек, которому за тридцать. Немалая возрастная дистанция, разные интересы, свои заботы. Но всех нас объединяет одно — послевоенное поколение. И не просто рассказом о делах военной поры, а обобщением и большим нравственным зарядом, который не имеет исторически преходящего значения, звучат для нас, например, строки Альберта Лиханова из обращения к читателю книги «Обещание»: «Мы стояли в очередях за хлебом, ухватив локти впереди стоящего человека, потому что очереди были бесконечны, а мы голодны, и никто не хотел пропустить кого-нибудь без очереди. Мы теряли карточки, потому что уж так устроены ребята любого времени — они обязательно что-нибудь теряют... Врачи говорят, что дети, пережившие войну, ниже ростом по сравнению с теми, кто родился раньше или позже, и это неудивительно. Мы забывали,

каким бывает масло, а кусок сахара считали лакомством. Я помню, как мама принесла мне кусочек белого хлеба и как я ел его, положив на черный хлеб... Война минувшая не зря названа Отечественной. И не зря названа Великой. Великий народ наш, все Отечество поднялось на врага. И все воевали. Не только взрослые. Воевали и мы, дети. Не оружием, так сердцем — отчаянно и страстно».

В жизни всегда есть место подвигу. Это стало не только гражданской, нравственной аксиомой для теории воспитания, но и практически каждодневно благодаря неустанному труду талантливых летописцев социалистической действительности входит реальными примерами в жизнь молодежи. Особенно досадно, а в конечном счете и нетерпимо, когда о замечательных людях рассказывается сухим, бесстрастным языком, за простым перечнем фактов и цифр просто невозможно рассмотреть реального человека, понять нравственные истоки его поступков.

Интересно, содержательно рассказывает читателю о своих героях журналист «Комсомольской правды» Геннадий Бочаров. Речь, скажем, идет о молодом хлеборобе Г. Чердинцеве. Можно было, конечно, завершить повествование там, где кончились примеры, рассказано уже об основных, наиболее примечательных эпизодах. Но автор заключает свой материал размышлениями, которые не могут не заставить задуматься: «Сегодня, конечно, кто-то может усомниться: еще неизвестно, кто как поведет себя в огне, кто станет героем, а кто так и не оторвет рук от бруствера. Такого рода размышления допустимы. Но нельзя забывать о конкретности времени, в котором человек живет и действует. Каждый из нас уже сегодня, а не в далеком будущем находится в центре испытаний. Они уже идут! И моя мысль в данном случае такова: если во фронтовое время подвиги становились нормой, то в наше время, мирное время, то, как живет и действует Чердинцев, тоже должно стать нормой. Для каждого, без исключения. Без дезертирства перед своим временем. Никто, на мой взгляд, не готов так стойко выдержать внезапные испытания судьбы и поступить героически в любой горький для отдельного человека или всей Отчизны миг, как тот, кто живет во имя людей. Происходило и происходит главное: человек забывает о себе, не думает о себе, а думает о других! Я уверен, что через много лет, когда обратятся к нашим дням, именно в таких людях, как Григорий Чердинцев, увидят документальное содержание того, что мы называем сегодня подвигом».

Мера ответственности художника перед историей и сегодняшним днем, перед народом и перед самим собой, если под собой не разуметь нечто эгоистичное, сугубо личностное, соизмерима таланту. А талант художника — это его сила, сила, дающая возможность отобразить жизнь во всей ее полноте, вторгнуться в ее содержание и суметь понять и показать главное ярко, образно, так, чтобы было достойно самой жизни, выразить ее существо. Сила истинного таланта дает возможность создавать произведения, входящие навсегда в сокровищницу духовных ценностей народа, занимать активную гражданскую позицию писателю, который полностью осознает свое место в литературном процессе, являющемся частью общего процесса поступательного развития общества. И это движение не вообще, а движение осязаемое, сегодняшнее. Слова А. Т. Твардовского, сказанные по конкретному

поводу, звучат как его художническое кредо: «И вопреки проскользнувшему и сильно заметному ...тону самоуничижения: вот, мол, Пушкин придет, он напишет, а мы будем лимитные книжки получать, — вопреки этому тону я бы сказал с полной ответственностью, что, может быть, то немногое новое, что было сделано честно, в полную меру сердца, останется жить и не снимется тем, что потом напишут лучше. И когда придут те произведения, которые будут обладать гораздо большим «запасом прочности», созданные в иных условиях, они не отринут, не уничтожат этих произведений, сильных и неумирающих, представляющих собой особую ценность современного горячего свидетельства».

Литература социалистического реализма всегда была и будет сильна истинностью отображаемого, глубиной проникновения в тему, революционной устремленностью в будущее. Как «Мать», дающая жизнь, она пронесла ее через «Хождения по мукам» и защищала народную власть вместе с «Человеком с ружьем», познавала силу народа в «Тихом Доне» и неслась неумолимо, как «Железный поток», и говорила о правде революции «Во весь голос», познавала, «Как закалялась сталь», и спрессовывалась в монолитный «Цемент», возрождалась, как «Поднятая целина», сражалась за правое дело вместе с солдатами «Василия Теркина», творила и созидала, вглядывалась и устремлялась в будущее, туда, где все зримее и величественнее встает светлое коммунистическое здание.

* * *

Следуя замечательной традиции революционных борцов, комсомольцев всех поколений, комсомол направляет усилия юношей и девушек на безусловное выполнение заданий партии, достойную встречу XXVI съезда КПСС. VII пленум ЦК ВЛКСМ, обсудивший вопрос об итогах октябрьского (1980 г.) Пленума ЦК КПСС и задачах комсомольских организаций по выполнению его решений, задач, выдвинутых в речи на нем товарища Л. И. Брежнева, и о подготовке к форуму советских коммунистов, поддержал предложения о подготовке коллективного Рапорта Ленинского комсомола «Заветам Ленина верны!» XXVI съезду КПСС. Подготовка Рапорта способствовала подъему предсъездовского социалистического соревнования молодежи, знаменовалась высоким накалом борьбы комсомольцев, юношей и девушек за право вписать в него свою строку.

●

ПОЭЗИЯ

ПЕСНЯ ПРИЧАСТНОСТИ

Владимир ПАВЛИНОВ

КОММУНИСТ

Темно, вот-вот повалит снег,
ложится иней на ограду,
и по ночному Петрограду
шагает плотный человек.
Спешит он — дорог каждый миг,
рукою взмахивает крепкой.
Быстр, бритолиц, парик под кепкой,
застегнут, поднят воротник.
Гудят тревожно провода,
и небо облачно и грозно.
Сегодня — или никогда!
Сегодня — завтра будет поздно!
Над Петропавловкою скоро
сигналом озарится мгла:
уже тяжелая «Аврора»
на Зимний пушки навела.
Из мрака ночи грозовой
плеснет по стеклам дождь
свинцовый —
уже на площади Дворцовой

отряд шагает штурмовой.
Что ж, напрямик — сквозь город весь!
Тут невозможен путь окольный.
Сюда, сюда скорее — в Смольный,
сегодня мозг восстанья здесь.
Он этой ночью не один:
немного позади, в тумане,
сжимая пистолет в кармане,
его охрана — рослый финн.
Он вслед спешит, почти бежит,
туман плечами раздвигая...
Представить страшно мне, какая
на нем ответственность лежит!
Что там блеснуло меж кустов?
А, это только пятна света...
Он эту жизнь, он сердце это
собою заслонить готов.
Нагие липы в грозной мгле
дрожат, к ногам роняя платье...
Для нас нет рас и наций — братья
все коммунисты на Земле.

НАЧАЛО

Вагонов бешеный галоп,
как пулемет, стучат колеса.
В платке, надвинутом на лоб,
стоит старуха у откоса,
из-под руки уставясь вдаль, —
немое изваянье горя.
В недвижном ярко-синем взоре
застыла древняя печаль.
Россия! Что с тобой стряслось?
Куда же вы? Идите с миром!
Здесь столько крови пролилось
что и не снилось ста Шекспирам.
За тучами не видно звезд,
бурьяном прорастают тропы —
о Русь, залитый кровью мост
меж Азиею и Европой!
Война. Идет на брата брат,
идет гроза на Петроград.

Кто руку эту отведет?
Кто тучу эту остановит?
Там, впереди, боев не счесть:
коварен враг и смотрит зверем.
Но мы в победу твердо верим, —
У нас товарищ Ленин есть!

Москва

Наталья ВАРЕНИК

КРАСНАЯ ПЛОЩАДЬ

Мостовая — отполированная ногами,
Сандалиями и сапогами,
Целованная губами,
Проклятая врагами.
Из трещин, как из песочных часов,
Струятся отзвуки голосов —
Петровских стрельцов
И в сорок первом павших отцов.
Каждый камень — фотообъектив,
Запечатлевший кусок неба, —
В пожарах — страшное, как тиф,
В салютах — золотое, как ломоть хлеба,
Заплаканное от счастья небо.
Когда обнимут Россию снега,
Переливаясь миллионами каратов,
Часовой, поскрипывая слегка,
Войдет в двенадцатый удар курантов,
Полночь вспарывая — как во сне —
Острым штыком серебристым —
Навытяжку! — хлынут звезды и снег
В завороженные глаза туристов...
Тогда — сквозь пурги налетевшей свист
Застыть голубой ледышкой
И сердце собственное остановить,
Чтоб Родину было слышно!

г. Белая Церковь

Юрий ОСИПОВ

НАСТАВНИКУ

Уходишь
Сердце старое лечить.
Пора:
Тебе давно уже
Не двадцать.
На память нам
Оставь свои ключи
Слесарные,
Они нам пригодятся.
Ты их годами —
Знаем —
Собирал.
Полировал ладонями
Годами.
В твоих руках
Согревшийся металл
Холодным не останется
И с нами.
Мы можем
Разделить ключи
На всех
По-честному —
Бригада в том порукой.
И каждый наш
Успех иль неуспех
Как будто и в твои
Вольется руки.
Мы можем дать их
Лучшему из нас.
Пускай негромок приз,
Да нужен в деле,
Чтобы ключи твои
В нелегкий час
Как и в твоих —
В его руках горели...

* * *

Я ни разу
Снов не досмотрел,
Чем они кончаются — не знаю:

Полусонный, я уже летел
К проходной
В трясущемся трамвае.
Там, в вагоне,
Шум и толкотня,
Разговоры
Будто между прочим.
Хорошо себя
В начале дня
Человеком чувствовать рабочим.
Чувствовать,
Как молотом в груди
Сердце бьет.
Спасибо, верный молот!
Целый день бескрайний
Впереди.
В этом дне
Силен я,
Свеж и молод.
Пусть вагон — битком,
Здесь все — свои.
Коль прижмут сильней,
То — ненароком.
К проходной стекаются ручьи
Мощного рабочего
Потока.

Москва

Владимир БРОВЧЕНКО

ПЕСНЯ ПРИЧАСТНОСТИ

На рассвете говорила Доля
(В люди меня за руку вела):
— Горизонт — для шляха и для поля,
Небо — для крыла.
Мать-земля, как щедро ты дарила,
Сколько весен ты мне отдала!
Море — для надежного ветрила,
Небо — для крыла.

Соловьино дали зазвенели,
Радуга полсвета обняла.
Нива для зерна уже поспела,
Небо — для крыла.
Где цветы я высеял, как годы,
Там добра тропинка пролегла.
День для мира и любви восходит,
Небо — для крыла.
Все вокруг моей согрето страстью,
И трудом, и пламенем чела, —
Ведь земля сотворена для счастья,
Небо — для крыла.

Киев

Перевел с украинского
Николай КОТЕНКО

Стасис ЙОНАУСКАС

* * *

А руки от вечной работы устали,
И дым каждодневный и горек и солон.
Но золотом лунным затоплены дали,
И воздух свечения теплого полон.
Под небом — созвездья сирени лиловой,
А в небе — соцветья огней пятипалых.
Трудись как трудился — живой и здоровый,
Ты землю несешь на ладонях усталых.

г. Тельшэй,
Литовская ССР

Перевел с литовского
Георгий ЕФРЕМОВ

Виктор КРУТЕЦКИЙ

К ВАЛДАЮ

...И если правду говорят,
Что есть

Прозрачнее слезы
Вода живая,
Так где же ей струиться,
Как не здесь?
Откуда ж течь,
Как не с высот Валдая?
Мы расстаемся вновь с тобой,
Валдай!
Уже туман ползет, и птицы смолкли.
Дай наглядеться на тебя
И дай
Напиться вдосталь
Из истока Волги.

Ленинград

Ободияв ШАМХАЛОВ

ОТЕЦ

Отец, лицо твое память хранит:
Тесаный, строгий, но теплый гранит.
Видно, впитались в него навсегда
Горное солнце и холода.
Отец, твое мужество память хранит:
В дни испытаний в звоне копыт
На ветер ты попусту слов не бросал.
«Спасем мы Отечество», — тихо сказал.
Отец, твою ласку память хранит:
Снова к плечу твоему я приник...
Плеч твоих склон необозрим —
Хватало его нам всем, четверым.
Отец, твою силу память хранит:
По-прежнему сакля наша стоит,
Как будто все так же, тверда и крепка,
Ее подпирает твоя рука.
Отец, твоя ранняя смерть — не конец:
Во всем, что ты сделал, живешь ты, отец.

Я знаю, ты видел в последний свой час
Аварское небо,
аул свой и нас.

г. Махачкала

Перевела с аварского
Инна КАШЕЖЕВА

Владислав ФАТЬЯНОВ

КРАСНАЯ ПРЕСНЯ

Не оттого ли ты красная,
Что навсегда пропитались
Кровью твои мостовые
С грозными лбами булыжников?
Не оттого ли ты красная,
Что над тобой ярче всходит
Доброе красное солнце
Мира, свободы и счастья?
Не оттого ли ты красная,
Что одинаковы корни,
Корни в прекрасном и красном —
Символах вечных Отечества?
Не оттого ли ты красная,
Что навсегда осветилась
Самыми жаркими стягами,
Алыми стягами Родины?
Камни твоей революции
В громе боев баррикадных
Вздыбили площадь Восстания,
Став новой жизни фундаментом.

пос. Измайлово,
Московская обл.

Сергей АЛЕКСЕЕВ,
участник VII Всесоюзного совещания молодых писателей

СТВОР

Повесть

1

Туруханск Красноярского экспедиция 21 Овчинникову — Направляем для использования должности начальника участка 120 км Стороженко Валентина Дмитриевича тчк Жилье Туруханске не нуждается тчк Приступление обязанностям доложите — Ленгидропроект — Майков.

Многие говорили Стороженко про Север, про Тунгуску, а с того момента, как он высадился с топографами и геофизиками на месте основного створа, многое узнал сам. Створа тогда еще не было. На карте красным карандашом была проведена черточка поперек реки, заключенная в размашистый круг, и все. Старший топограф экспедиции Максим Трофимович Рахимьянов вылез на берег, задрал голову вверх — шапка свалилась.

— Вот это горки... — только и смог вымолвить он и вместе с рабочими начал забираться на левый берег.

Прорубили первую поперечную просеку, «отстреляли» по инструменту створ. Кажется, простое дело: совместил все точки по прямой, и готово. Но Максим Трофимович раза по три на каждый берег с инструментом поднимался. Все казалось, что-то не так. Словно кто-то подсказывал: проверь еще разок... Проверял, ошибки не было, и совесть была чиста. Стороженко лазил с ним, обливался пóтом, чувствовал, как трясутся колени.

С самого начала работа на участке шла негладко. Одно летит, другое ломается, третьего не хватает. И тут уж не до северных красот или буйства Тунгуски, когда Овчинников каждый день по рации спрашивает, что сделано, а сделано мало плюс очередной сюрприз: то трактор «разулся», то буровая на аварию встала. По утрам Стороженко поднимался со страхом: не дай бог, еще что стряслось. И если ночь проходила без происшествий, день грядущий предполагался счастливым. Тогда он надевал белую рубашку, чистую брезентовую куртку и ботинки, брился и обещал сыну Сережке съездить на рыбалку. Мысли тоже были веселые, и ничего дурного не вспоминалось.

Но чаще бывало, что Стороженко ходил в черной поношенной рубахе с вылинявшими петухами и болотных сапогах. Сережка тогда, вздохнув, шел на берег собирать камушки или ловить первых весенних жуков; смуглые щеки начальника участка зарастали густой черной щетиной (хорошо, до бороды дело не доходило), и навязчиво

вспоминалась картина легкомысленного катания по Тунгуске.

Как-то перед Щеками, в трех километрах от поселка, в моторе Стороженко кончился бензин, и лодку понесло вниз. Ладно бы где на плесе, а тут за скальными берегами, отвесно уходящими в воду, сразу же воронка. Тогда он уже знал, что Тунгуска не ласковая реченька, какой кажется всем приезжающим впервые. Стороженко сел на весла, замахал, проклиная конструкторов лодки и сбивая козонки пальцев. Вода вдруг показалась густой как мед, и лодка прилипла — ни с места. А впереди, будто гигантская центрифуга, урчал водоворот. Страх не сковал, а, наоборот, только сил добавил. Мелькнула перед глазами какая-то надпись на крутом лбу скалы, которую вылизывали прибойные волны, битые и мятые останки судов на уступах, словно на жертвенниках. Волосы дыбом, глаза из орбит, и только руки работают... Выгреб.

И теперь, как только утром ему сообщали досадную новость, казалось, что тянет его в эту воронку, вода бушует кругом, мотор на корме — кусок железа и надо выгребаться вручную.

Участок «выгребал». Не было запчастей — ехали на базу нефтеразведчиков, которая стояла в бывшем поселке Большой Порог, кланялись, просили. Ездили туда за дизтопливом и бензином, ходили по тайге в поисках оставленных геологами буровых. Раз нашли целиком установку. Включай и бури. Ахали: живут же люди!.. Искали, находили, изобретали, на то, говорили, и изыскатели. Однажды зимой, когда разбуривали конкурирующий створ на 36-м километре, кончились трубы, коронки, штанги. Участок замирал, вертолетов не было. Некоронованный король туруханской авиации Иванов, начальник нефтеразведки, разогнал «борты» по своим буровым. А из двух тракторов и вездехода, посланных мять зимник, ни один на участок не пришел. Овчинников телеграфировал в Ленинград: просим срочно прислать трубы. Задыхаемся, план горит. Замначальника отдела юго-восточных объектов Платонов дал предписание «искать в соседних колхозах».

Однажды перед сменой буровой мастер Сергеев, у которого Стороженко на Камчатке еще в помбурах ходил, пришел утром и сон свой рассказал. Будто приснилась ему Синильга, плывущая по воздуху, и шлейф черных волос у нее, как положено, по воздуху развевается, а на

голове сверкающая от новизны буровая коронка. Синильга в Тунгуске утопилась, а коронку Сергеев быстренько под подушку спрятал, чтобы другие буровики не стащили.

— Ну и возьми там, куда спрятал, — буркнул Стороженко. Он знал: Сергеев сочинил сон затем, чтобы уязвить. Мол, позорище, Дмитрич, приехали Угрюм-реку покорять, а бурим-то дробью.

Такой способ бурения был прост, как все гениальное, и стар, как паровоз. Заключался он в следующем: к колонковой трубе прикручивали кусок толстостенной трубы с кривой прорезью на торце и сыпали на забой чугунную дробь. Включай и ложись спать. Как ни старайся, за смену больше полуметра не пройдешь. Конструкторы станков не предусмотрели, что изыскателям Ленинградского «Гидропроекта» взбредет в голову бурить в крепчайших породах дробью, и рассчитали станки на алмазные и в крайнем случае твердосплавные коронки. Станки от дроби выколачивали такую дробь, что у мастеров и помбуров после смены часа два чакали зубы.

На алмазные коронки не было фондов. Слово «фонды» вызывало у Стороженко много всяких ассоциаций. Одна из них даже стала изречением: «Скажи, какие у тебя фонды, и я скажу, кто ты». Изыскательский бог — а начальник участка, окончательный материалист, верил в него — творил так: за шесть дней экспедицию и объект изысканий, а за один — материальную базу. На сотворение фондов не оставалось времени. Однако план выполнялся!

Зимой вскоре после предписания поискать оборудование в соседних колхозах приехал на Тунгуску Платонов. Морозы были как раз те, что туруханских стариков удивляли. День короткий, солнце едва-едва из-за горизонта вываливается. Поселок на участке, еще без названия, в десять домиков, зарос сугробами да куржаком. Хиус с Тунгуски потягивает, жиганет по лицу, и не поймешь сразу: то ли холодный он, то ли горячий. Дни были из-за морозов актированными, участок съежился и притих. Лишь один дизель электростанции стучал так, что на кухне посуда гремела. Впрочем, у населения поселка и в такую пору работа была важная и ненормированная: пережить «мертвый сезон» и жилье не выстудить. Овчинников привез Платонова на участок, и они, прихватив Стороженко, отправились осматривать створ и буровые. Александр Петрович шубу нараспашку, уши у шапки подвя-

зал вверх и шел впереди, как и положено начальнику экспедиции. Щеки покраснели, будто свеклой натертые, кожу стянуло на лице — рот не закрывается, а терпит. Только Стороженко принялся рассказывать, что да где, Платонов отрезал:

— Мне все ясно.

И назад повернул. Вы-де можете продолжать осмотр и без меня. Но от Овчинникова отделаться было непросто. Он проследил, как удаляется Платонов, улыбнулся, хотя какая там улыбка — кожи на лице не хватает, и немного погодя пошел следом.

Окоченевший Платонов сидел у Стороженко в домике и обнимал печку. Александр Петрович снял шубу, шапку, пиджак расстегнул и дверь нараспашку: ух, мол, натопили — не продохнуть. В домике туман поднялся, лиц не видно, а жаль...

Вначале вся эта затея начальника экспедиции показалась Стороженко несерьезной. По-мальчишески как-то. Но когда дело с оборудованием после отъезда Платонова в Ленинград на поправку пошло, пусть даже временную, начальник участка задумался. Пробрало ведь...

— Чем богаты, тем и рады, — поговаривал Александр Петрович. — Тем и гостей встречаем-провожаем...

Однако ни удовлетворения, ни довольства на его лице Стороженко не замечал.

Поэты любят называть изыскателей бродягами, пилигримами, странниками. И поскольку Стороженко относился к этой категории, на него, как и на всех «бродяг», нападали минуты тяжких раздумий. И вообще, если присмотреться и посчитать, как часто люди, чья жизнь связана с постоянными переездами, обращаются к своему прошлому, то, пожалуй, в этом они дадут фору любому оседлому. Кто знает, отчего это? Может, время для этого есть, а может, жизнь часто так подопрет к стенке, что приходится оправдываться перед самим собой. И аргументы надо брать из своего прошлого. У оседлого же и мысли и поступки оседлые, прочные. А тут связался однажды с изыскателями, хлебнул этой жизни, почувствовал ее и оторопел: и соли-то пересыпали, и перцу-то переборщили. А говорили, будто жизнь у них — мед.

Дом Стороженко в Кировске пустой, жилым не пахнет. Лида и Сережка с самой Камчатки за ним ездят. Где экспедиция, там и дом, а река — так уж чуть ли не родина.

Жена, геолог, с буровых и шурфов не вылезает. А Сережке за что такое наказание? В девять месяцев он уже сидел на буровой в загородке из керновых ящиков, и, когда мать документировала скважину, свободные от смен помбуры и мастера развлекали его гайками да болтами. В первый класс пошел в Северо-Уральске, во второй — в Кировске, в третий придется отдавать в Туруханский интернат. Однажды в Северо-Уральске собрал Сережка весь класс и повел в лес сосать из муравьев кислоту. Ничего, конечно, не стряслось, полакомились, если не считать, что с учительницей дурно стало. Кем он вырастет, коли уже сейчас камнями дом завалил, буровым мастерам советы дает и из Тунгуски не вылезает? Правда, когда корреспондент с радио приезжал и нашел Сережку на берегу и еще нашел, что это живой материал для «Пионерской зорьки», то сын на вопрос, хочешь ли ты быть изыскателем, отрубил:

— Конечно, нет. Меня жуки всякие интересуют. У них лап только по шесть...

И сам он, Стороженко, начал сразу после армии, и вот уже к тридцати трем подкатило, а покоя нет. Говорят, что в его годы покой обязательно должен быть. Если нет, пустой ты человек. В Северо-Уральске, кажется, начал коечто ощущать. Крупная партия, своя контора, бухгалтерия, освоение в миллионах и все прочее. Тунгуска открылась, и смешалось все...

Не раз задавал Стороженко себе вопрос: отчего на изыскания тянет? Сколько думал, не ответил. Интересно, что на этот банальный вопрос знают ответ все, кроме самих изыскателей. Тщеславие? Все-таки не шутка, крупнейшая в мире ГЭС. Но слава-то всегда достается строителям.

На пуске первой очереди Саяно-Шушенской об изыскателях даже и не вспомнили. Просидели они на галерке, хотя и палатку первую, и все другие атрибуты для музея взяли у них, изыскателей. А главное, изыскатель говорит то самое последнее слово «да», за которым уже идут экскаваторы, арматура, бетон и первый киловатт. Только после торжественного заседания в перерыве подошел к Овчинникову начальник милиции, майор, и крепко руку пожал. Милиция, она всегда догадается, кто начинает первым...

А может, деньги влекут? Как-никак в тайге магазинов нет, соблазнов меньше, а платят больше с учетом тунгус-

ских условий. Есть и такие. Деньги только подавай. Но и это не про него. В то небывалое мелководье механик участка — ему бы оглоблю держать на берегу, а не румпель — разбил на шивере последний мотор. Шурфовщиков возить не на чем, пешком не находишься. Ну и выложил Стороженко четыреста рублей за новый мотор. Через бухгалтерию такую сумму не проведут, да и мотор с рук покупал.

Романтика? Это смешно. Это стало теперь уделом туристов. Для Стороженко любая романтика — это производство, обыкновенное, как завод или фабрика. Впрочем, романтикам на Тунгуске хорошо. Они вначале баранами лезут в тайгу, в горы, а потом их спасают вертолетами. Неромантикам трудно. Дизтоплива нет, буровая стоит, и никакая авиация оборота винтом не сделает. Надевай с утра черную рубашку...

Коли тебя, Стороженко, ничто не тянет, что ты делаешь здесь?

Ответит: судьба, долг...

2

Туруханск Красноярского экспедиция 21 Овчинникову Баскову — Буровые работы конкурирующем створе 36 километр прекратите связи неблагоприятными данными геологической съемки тчк Буровую бригаду направьте основной створ. Необходимо провести более тщательное исследование карстовых явлений районе створа 36 километр — Ленгидропроект — Майков.

Про Владимира Алексеевича говорили, что ему всегда везет. Есть-де такая категория людей, которым везет исключительно везде: в игре, в работе, в любви и самых невероятных ситуациях. Другого на их месте так судьба ушибет, что ходит, бедолага, напуганный до самой смерти. А эти как заговоренные, ходят с удачей в обнимку.

Правда, говорят еще, что тому везет, кто сам везет.

У Баскова это началось еще со студенчества. Все его однокашники рабочими в маршруты ходят, он старшим техником. Они, наконец, техниками, он начальником отряда. Но везучим его все-таки начали считать с Хантайки. Давным-давно, когда ГЭС только начали строить, а в Снежногорске стояли одни бараки и вагончики, никак не могли найти постоянного главного геолога экспедиции. Вернее, находилось-то много, но больше месяца-двух не

держались. Овчинникова в ту пору на Хантайке уже не было. Закончив стадию изысканий для технико-экономического обоснования, он уехал на Саяно-Шушенскую, а объект сдал экспедиции из «Сибгидропроекта».

Басков удивился, когда ему, молодому специалисту, неожиданно предложили должность главного на Хантайке. Басков благополучно освоил новую должность и ко времени приезда на Тунгуску уже был главным специалистом отдела юго-восточных объектов с исполнением обязанностей главных геологов в третьей и двадцать первой экспедициях. Выходил своеобразный должностной треугольник, острым углом которого был Ленинград и двумя не менее острыми — экспедиции Овчинникова и Теплова. Обе были на Тунгусках: одна на Нижней, другая на Подкаменной. Вот, говорили, и тут ему везет. У всех одна Тунгуска, у Баскова две.

Однажды осенью семьдесят восьмого, закончив большие дела в Ленинграде, он, по обыкновению утешая себя, что впереди дела поменьше и приятнее, помчался сначала на Подкаменную к Теплову, а затем на Нижнюю к Овчинникову. У Александра Петровича на створе «36 км» старший геолог Дивов заканчивал геологическую съемку. И надо-то было всего посмотреть полевые материалы, сбегать самому в контрольный маршрут и ехать на основной створ «120 км». Там было сложнее, интереснее, и сердце за этот створ болело у него и в Ленинграде и на Подкаменной.

Басков приехал на участок «36 км», когда Дивов сворачивал лагерь. Материалы съемки были в порядке, выполнены с величайшей аккуратностью и четко по инструкциям. Но Владимир Алексеевич был учен, как часто у геологов на вид бывает все сладко, но солоно на вкус. В первом же маршруте недалеко от лагеря он обнаружил огромную карстовую воронку, в которую, будто в преисподнюю, уходила вода довольно мощного ручья. Затем еще и еще и наконец нашел целую карстовую долину.

— Да, я этих ям много видел... — сознался геолог Комаров, бывший с Дивовым на съемке, — и старшему геологу докладывал.

Пришлось лагерь вновь развернуть и продолжить съемку, но скоро выпал снег, и работы свернули.

Обнаружение карста в створе коренным образом меняло отношение к его пригодности. Карст наверняка был свя-

зан с глубинными разломами, а это значит: вода могла спокойно уходить из водохранилища, минуя плотину. И опять сказали: и тут Баскову повезло. Приехал на день и решил судьбу створа. Опоздай он, зимой бы развернули буровые и горные работы. Тратили бы напрасно время, силы, деньги, нервы — как раз то, что нужно было для основного створа «120 км».

Зиму Басков провел на Нижней Тунгуске.

Открытие карста заставило пересмотреть всю геологию района. Упоминали о нем лишь в геологическом описании рек Сухая Тунгуска и Летняя. Пришлось садиться за отчеты съемочных партий, когда-то работавших на этой территории, опрашивать охотников, лесников, транспортников из нефтеразведки. Оказалось, что все знают о «ямах» в тайге, куда вода уходит, «ровно в земле дырка проверчена», в которых тонули трактора и вездеходы. Буровики-нефтяники жаловались, что снаряд иногда ни с того ни с сего вдруг проваливается метров на пять-десять и бесследно исчезает промывочный раствор.

Всю зиму работал с молодым геологом Васей Самошиным. Вася шутил, что он бывалый изыскатель, так как успел поработать четыре месяца на Саяно-Шушенской, успел посмотреть пуск первого агрегата и получить от этого все удовольствия: его сняли по телевидению, правда со спины, в толпе и дали пусковую премию согласно проработанному времени пятнадцать рублей. Он приходил по утрам в камералку розовый от мороза, буркал: «Доброе утро», расчесывал бороду и садился за стол с бумагами. За весь день из Васи слова не вытянешь. Чертит, читает, думает. И так до вечера. Однажды Басков пришел к Васе домой. Вася жил в маленькой комнатке дома, арендованного экспедицией у какого-то частника. Комната почти не отапливалась, ободранные стены, хотя и были побелены и кое-где обиты старой декоративной тканью, выглядели мрачно. Над кроватью Самошина висела фотография девушки. Девушка грустно улыбалась.

Вася лежал на кровати в одежде и глядел в потрескавшийся потолок. Басков сел на громыхнувший пружинами хозяйский диван и тоже задумался. Каково ему тут, молодому специалисту? Углы промерзли, на стенах иней, пар изо рта идет. Кинофильм уже неделю один и тот же

крутят, танцев нет. Так что, кроме магазина, и пойти некуда. Библиотека? У него и так книги в каждом углу, значит, читает. Одним чтением сыт не будешь. Утром на работу, вечером в каморку, и так всю зиму. Да, конечно, кто захочет, найдет, чем заняться. Но это лишь слова. А Самошин двадцать два года прожил в городе, среди шума и суеты, в кругу друзей. Покорить Угрюм-реку, конечно, красивые слова, но жить здесь и работать человеку непривычному туго. Романтика, борьба с трудностями, поиск себя — звучит, может быть, только в песенках, которые писали люди, бывавшие здесь наездами.

Басков вспоминал БАМ. За пять лет работы на магистрали всякое было. Многие приезжали, но многие и возвращались на Большую землю. За эти годы изыскательская экспедиция, в которой был Владимир Алексеевич, раз пять обновилась. Однако на магистрали выглядело все немного иначе. БАМ — огромная стройка. Другое дело такие вот экспедиции, которых по всему Союзу на два БАМа наберется. С ними как?..

— Ну что вы, пришли и молчите, — прервал размышления Басова Самошин. — Мне кажется, ваши карсты — ерунда. Не связаны они с глубинными разломами. Вода по кровле коренных пород стекает, а кажется, уходит...

— Ты сейчас об этом думал? — спросил Владимир Алексеевич. Самошин помолчал, сел на кровати, свесив руки между коленей.

— А о чем еще с вами говорить?

— Это невеста? — Басков кивнул на фотографию.

— Невеста. Работает в отделе кадров. Живет во Львове. Пишет. Друг друга любим и все прочее.

— Ты что как заведенный? — спросил Владимир Алексеевич и подумал: «Не подпускает...»

— Меня все спрашивают. Ну я и отвечаю сразу, чтобы лишних вопросов не задавали, — махнул Вася рукой и полез в шкаф за папиросами.

— Я тебя скоро в поле отправлю, — пообещал Басков.

Свой визит и неудачный разговор с Васей Самошиным Басков вспомнил, когда готовил отряд в поле. Съемщики должны были сделать рекогносцировочное обследование берегов Тунгуски до 150-го километра. Надо было знать, каких еще ждать сюрпризов от реки. За зиму были изучены фондовые материалы, составлены прогнозные карты,

словом, оставалось лишь определить личный состав отряда.

Все было изучено за зиму, кроме людей. Можно ли доверять Самошину? Не сделает ли он свою работу только «от» и «до»? Отряд должен был возглавить старший геолог Котоусов, приезжающий с Саяно-Шушенской. Но что знает он о Котоусове? Геолог молодой, но опыт, говорят, есть. Мнения высказывают, что Котоусова можно назначить главным геологом экспедиции. О Дивове, кстати, тоже говорили.

Эти мысли не давали покоя Баскову. Он приглядывался к Самошину. Парень как парень, хмуроват, мало говорит, но соображает неплохо.

В отпуск Басков поехал лишь в середине апреля. А вернулся из солнечного майского Ленинграда, когда на Тунгуске шел лед. По улицам невзрачного Туруханска бродили чьи-то псы-водовозы, выпрашивали хлеб у прохожих. Тоскливо трубили самоходки на реке, и торжественно-грустно звучал марш «Прощание славянки» на отваливающих от пристани первых теплоходах.

Правда, с пассажирских теплоходов продавали пиво и колбасу. Там же Басков нашел и Васю Самошина. Вася, начиненный бутылками пива, прорывался сквозь толпу на дебаркадере и счастливо улыбался. Заметив Баскова, сник, засуетился, начал прятать торчащие отовсюду горлышки бутылок.

— Да ладно тебе... — бросил Басков.

Он пришел в Васину каморку, где, кроме растаявшего льда в углах, ничего не изменилось, и прямо с порога спросил:

— В поле готов?

— Как пионер... — без энтузиазма ответил Самошин.

— Выезд послезавтра. Я поеду с вами.

— Не доверяете, — грустно улыбнулся Вася.

— Доверяю, Василий, — заверил Басков, — мне просто самому интересно. В маршруты побегаю... Мне сын говорит, ты растолстел, с тобой футбол гонять невозможно...

Покривил душой Басков: все-таки не доверял. И ехал только поэтому. «Мне же нужно глянуть на тебя в поле, — думал он, — на что ты гож. Нет в тебе злости. Другой бы сейчас вскочил, кричать начал, а ты — «не доверя-ете»...»

3

Туруханск Красноярского экспедиция 21 — Овчинникову — Данные геофизики осложнили геологическую обстановку основного створа тчк Необходимо принять все меры форсирования буровых работ тчк Противном случае сорвем сроки проекта тчк Телеграфируйте целесообразность отгрузки спецрейсом дополнительного бурового станка СБА 500 двигателем — Ленгидропроект — Майков.

Дней десять подряд буровой мастер Созыкин вставал чуть свет, надевал спецовку в серых расплывах засохшего шлама и шел в столовую. Повара, еще вялые от сна, только начинали заливать воду в котлы и раскладывать тесто в хлебные формы, а он уже работал. Самодельные резцы, молоточки, паяльную лампу он прятал на кухне за макаронными ящиками и старался поспеть раньше поваров, чтобы избежать лишнего шума. Опять, скажут, бензином навонял и без халата на пищеблок заходишь.

Он раскладывал инструменты на скамейке, доставал мятую-перемятую бумажку с эскизом, набросанным за вчерашний день, и минут пять стоял неподвижно. Все эти пять минут в голове Созыкина роились идеи и планы. Обшитая вагонкой стена сначала исчерчивалась одному Созыкину понятными линиями и походила на детские тротуарные художества.

Исчертив всю стену, Созыкин брался за резец, и рисунок становился еще загадочнее. Пот стекал с лица художника и падал вместе со стружками на замусоренный пол. Выпуклые, малоподвижные глаза его горели лихорадочным огнем. Грязные, с утолщениями в суставах пальцы Созыкина подрагивали, едва он отнимал резец от дерева и начинал ощупывать, как слепой, тонкие линии.

И лишь тогда Созыкин брал в руки паяльную лампу, обжигал рисунок, наносил светотени — стена оживала. Проступали лица и фигуры людей, птиц, животных. А Созыкин, вытирая с губ пот и гарь, пятился к двери, часто-часто моргал, словно и сам не верил в такое чудо.

Работал он по два-три часа, затем уходил на смену. Так было все десять дней. Но сегодня, встав по обыкновению рано, он пришел в столовую, сел напротив торцевой стены зала, которая была еще не расписана, да так и застыл на все два часа. То ли в голове его что-то застопорилось, то ли не родилось ничего интересного, но он резко встал, покидал инструменты в сумку и пошел к выходу.

Стороженко вышел на улицу. На буровой, что стояла на окраине поселка, кончалась ночная смена. Элеватор бегал вверх-вниз: спускали снаряд. Низкие рваные тучи расползались веером из-за белесой вершины горы, по которой проходил основной створ, и, отражаясь в реке, делали воду зловеще-синей. Он уже давно заметил эту особенность: какое небо, такая и Тунгуска. Яркое солнце — и река яркая, безобидная. Багровый закат — и вода будто в отблесках пожара. Может, так было на всех реках, но Валентин впервые обнаружил эту перекличку цветов на Тунгуске. Поселок, придавленный низкими тучами, присел, вжался в береговой склон. Домики стоят уступами, карабкаются вверх. Вот уж действительно специфика изыскательства: кругом одни косогоры, сапоги на один бок стаптываются.

Стороженко пришел на буровую. Сменный мастер Сергеев стоял за рычагами, на начальника участка внимания не обратил. Другие мастера обычно подходили к нему, здоровались. Если ночь прошла нормально — шутили, трепались о пустяках, иные спрашивали о нарядах, запчастях, коронках. Один Сергеев во время работы никого не замечал. Стороженко считал это заносчивостью, которая осталась у него со времен Камчатки. Давно ли, кажется, крутился он вокруг станка и орудовал трубным ключом, время от времени получая суровые указания Сергеева...

Отходив в учениках положенный срок, Стороженко сам стал мастером, затем начальником партии, но его всегда тянуло к Сергееву. Валентин привык проверять свои мысли мнением бывшего учителя. Кроме того, Сергеев умел на любую проблему глянуть по-своему. Причем не просто давал готовый ответ, а, разглядывая собеседника большими голубыми глазами, размышлял вслух и перебирал разные варианты.

Начальник участка дождался конца спуска и, когда мастер включил вращение снаряда, сам подошел к нему. Сергеев крикнул что-то помбуру и встал к верстаку Стороженко.

— Станок новый предлагают, Алексей Георгиевич. — Стороженко заглянул через плечо мастера. Станок дрожал, мотался в разные стороны нагнетательный шланг на ведущей штанге, мерно постукивали штоки насоса.

— А я при чем тут? — удивился Сергеев. — Решайте сами.

— Ты скажи: нужен станок или нет? Тебе?

— Мне ничего не надо, — смахнув пот, бросил Сергеев и зло сверкнул глазами.

«Не в духе», — подумал Валентин и сказал:

— Ладно, как Образцов скажет, так и будет.

— Ну иди к Образцову, — проронил Сергеев.

— Смену сдашь Некрасову, — распорядился Валентин. — Я Созыкина в Туруханск отпустил.

Он последил, как из обсадной трубы ровным куполом вытекает белая от шлама вода, и вспомнил на мгновение, как хорошо было, когда он работал помбуром у Сергеева, таскал трубы, выколачивал керн из колонковой, до одури крутил тяжелым ключом штанги, а потом, в короткие минуты перекуров, сидел, уронив тяжелые от усталости руки. Тогда ему было чуть больше двадцати, впереди была целая жизнь, а потому хотелось выйти из ученического возраста.

«Это он со злости так, — думал обратной дорогой Валентин о Сергееве. — Но чего это он разозлился? Неужели потому, что я Созыкина отпустил?»

Сережка не спал. Он ходил по комнате в трусах и разбирал разбросанные по углам вещи. За неделю, пока Лида находилась в Туруханске на камеральных работах, отец с сыном ни разу не прибирались и в доме все было вверх ногами.

— А я хотел прибраться, — будто бы с сожалением протянул сын и схватил брюки. — Удочки брать?

— Куртку возьми, — повторил отец.

— Не нашел! — бросил Сережка и выскочил на улицу.

Стороженко отыскал свитер и сунул его за пазуху. На реке ветер взъерошивал мутную тяжелую воду. Два «Прогресса» у берега бодались носами, словно молодые бычки. А снизу поднимался ледокол «Капитан Чечкин», громоздкий и белый, словно пятиэтажный дом. За ним мышиным хвостиком тащились баржи, и в голове каждой пыхтел небольшой теплоход. «Капитан Чечкин» с начала навигации дежурил за Щеками и всю весну проводил грузовой и пассажирский транспорт через Большой порог. Сережка сидел в лодке и глазел на ледокол.

— Красиво? — спросил Валентин.

— Ничего... — махнул рукой сын. — Сам здоровый, а ползет, как муха. Одна волна от него...

— Что ты хочешь, тут же перекат, — любуясь теплоходом, проговорил Стороженко. — На Большом пороге еще медленнее пойдет. Ты вот еще Большого порога не видел. Знаешь, как там бурлит? Вал до двух метров...

— Ты покажи мне его, чего ты мне рассказываешь.

— Покажу, — пообещал Валентин, — на обратном пути заедем.

Мотор завелся сразу, и лодка захлопала днищем, рассекая волны. Через пять минут Сережка съежился, глянул на отца и вдруг прокричал сквозь вой двигателя:

— Что у тебя за пазухой отдувается?

— Ветер! — ответил Валентин.

Сережка вздохнул и сполз со скамейки в нос лодки, где меньше дуло. Стороженко причалил к каменистому мыску, где проходил основной створ плотины. Гольцы по обоим берегам доставали облака. Левый был ниже, склон положе и залесен так, что одна макушка торчит. Правый же, на котором стояла буровая и работали шурфовщики, выглядел внушительнее, имел два уступа. Его голая вершина поднималась над окружающими сопками, будто голова гуся. Гольцы стояли друг против друга, поставленные в створ природой. Узкая просека расчеркнула их лесистые подножия, наметила контуры будущей ГЭС. За этой просекой шли другие одиннадцать. Каждую нужно было разбурить, исследовать шурфами, а потом и штольнями. Один из поперечных разрезов, самый надежный в смысле геологических условий, станет осевой линией плотины. Его нужно найти, разведать, изучить породы, прощупать руками каждый метр, доказать, выдержит ли он напор воды в многие миллионы тонн, не промоет, не прорвется ли Тунгуска под плотиной?.. Да, крутить ключом трубы и выполнять распоряжения Сергеева легче и проще. Устал, можно перекурить, отдышаться.

...Сережка выпрыгнул из лодки и заскакал по валунам в гору.

— Замерз? — крикнул ему вдогонку Стороженко.

— Ничего... — на секунду остановившись, ответил сын. — Но лучше летом у костра, чем зимой на солнце!

Кубавин, молодой лохматый парень с редкой бородкой по круглым щекам, стоял за рычагами и покрикивал на помбура Сашу Прахова:

— Куда ты руку суешь?.. Башку убери, элеватор спускаю!

Прахов испуганно озирался по сторонам и дергался от каждого окрика.

— Пуганный ты в детстве, что ли? — ворчал Кубавин, подражая мастеру Сергееву. — Руки-крюки... Да что ты пыжишься? Одень патрубок на ключ! Рычаг сделай, понял? Дайте мне рычаг, и я переверну Землю — кто сказал?

Саня Прахов вытянул тонкую девичью шею, неожиданно грубым голосом поправил:

— Не рычаг, а точку опоры, между прочим.

— Молоде-ец! — опять по-сергеевски протянул Кубавин, и Стороженко молча улыбнулся. Все эти окрики и вопросы про рычаги у Кубавина еще не успели выветриться. Полгода назад Кубавин сам слушал их от Сергеева и так же шарахался от летящего вниз элеватора. Бригада на верхней буровой состояла из одной молодежи. Стороженко давно советовал старшему мастеру Образцову перевести сюда Созыкина или Сергеева, но тот тянул. Дескать, отбурят скважину в поселке, тогда. Три сменных мастера начинали работать самостоятельно в один день, но Стороженко выделял среди них Кубавина. Правда, он иногда излишне горлопанил, зато по делу. В пересмену, едва завидев, что помбуры сели где-нибудь перекурить, Кубавин тут же появлялся перед ними и кричал:

— Вы чего расселись? Кто настил мыть будет?

Помбуры, и тот, что заступал, и тот, что сменялся, брали ведра и шли мыть эстакаду. Кубавин набуривал больше остальных, но самое главное — Кубавин был учеником Сергеева.

Образцов сидел в стороне у костерка и, спокойно наблюдая за работой смены, пил чай из консервной банки. Раскаленная банка жгла ему пальцы, и он по очереди брал ее то одной, то другой рукой. Он был невысокий, но крепкий, словно отлитый из одного куска, и дремучая старательская борода его тоже казалась прочно пришитой к лицу суровой ниткой. Говорил всегда медленно, толково, но, случалось, вспыхивал, кричал, махал руками и обиженно уходил. Рассказывали, будто во время блокады Ленинграда он чуть не умер от голода. Девятилетнего мальчишку нашли в каком-то тряпье в холодной квартире и вывезли в Ташкент.

Стороженко с сыном уселись на керновый ящик возле костра, и Образцов налил им чаю. Сережка тут же разбавил свой чай водой из лужи и стал пить. А Валентин,

обжегшись, поставил банку и спросил про глубину скважины.

— За ночь полметра. Всего тридцать два, — ответил Образцов.

— Пустое это дело, а не бурешка! — крикнул Кубавин. — Мослы болят рычаги дергать.

— Мы сможем еще одну бригаду скомплектовать? — спросил Стороженко.

— Станок обещали? — сообразил старший мастер.

— Предлагают обдумать.

— Берем, Дмитрич, — оживился Образцов и отставил банку с чаем. — Тут и думать нечего, берем. Потом не выпросишь... Дают — бери... Если что, на запчасти пустим.

— На двух бурить нечем, а на трех?

— Вижу, ты не хочешь? А зря, Дмитрич. — Образцов потрепал бороду.

— На станок сразу план дадут. Мы этот план не сделаем, — сказал начальник участка и снова обжег руку. — Да и бригаду не из кого собирать.

— Ты не слушай, что тебе Овчинников говорит, — убеждал старший мастер. — Ты настаивай. Надо, мол, и все.

— Овчинников как раз ничего не говорит, ты же его знаешь. У меня спрашивает.

— Я сам с ним поговорю, — решил Образцов. — Ты только захвати меня на обратном пути. А заодно и в баню схожу. Грязью зарос тут, как в пустыне...

Буровики закончили подъем, выбили кусок измочаленного в трубе керна. Шла морена. Прогноз геофизиков подтверждался. Кубавин, лежа возле устья скважины и засунув в нее руку по плечо, шарил что-то там и вращал большими выпуклыми глазами.

— Ты чего? — спросил Стороженко.

— А! Заусенцы какие-то, — буркнул Кубавин, — как стану снаряд подымать, так цепляет.

...Шурфы били метров на пятьсот выше скважины. Вернее, уже не били, а несколько дней едва успевали отчерпывать воду и грязь, ползущую с растепленных стенок. На забое же смерзшийся гравий с валунами напоминал крепчайший бетон. Кайло отскакивало, а взять мерзлоту больше нечем. Пробовали в нарушение инструкций идти с пожогом — заливает костер. Ни компрессоров, ни взрывчатки на участке и в экспедиции не было.

Стороженко походил возле выработок, наполненных водой, и, чувствуя на себе взгляды горняков, не мог прямо посмотреть на них. Это заметили, и один из шурфовщиков сказал:

— Чего ты отворачиваешься? Кому этот мартышкин труд нужен?

Стороженко сообщал Овчинникову и Баскову, что бить шурфы невозможно, что половина бригады горняков простыла и надо снимать их с шурфов, но согласия не получил. Советовали попробовать еще, авось наладится работа. Теперь стало ясно: ничего тут не наладишь, нужны взрывчатка и компрессоры.

— Собирайте инструменты и в поселок, — хмуро сказал начальник участка. Хотел еще добавить, что не он виноват и нечего с него спрашивать эту проклятую взрывчатку. Он бы сам готов таскать ее сюда на собственном горбу, если бы знать откуда. Но не добавил, промолчал. Горняки знали об этом. Сейчас надо думать, чем занять освободившихся шурфовщиков. Отправить к плотникам? Заставить ремонтировать трактора, благо, что они мастера на все руки? Через месяц работа им бы нашлась. Басков обещал начать разведку стройматериалов, запасы которых требовалось подсчитать уже к сдаче первого этапа изысканий. Но это лишь через месяц...

...На обратном пути начальник участка еще раз завернул на буровую. Все спокойно. Кубавин стоит за рычагами и что-то жует. Прахов стучит кувалдой, выправляет искривленную штангу. Жидкий серый шлам вылетает после каждого удара, и все вокруг медленно сереет: эстакада, станок, лицо и руки помбура.

— Отмой ты настил! — кричит на него Кубавин. — Всю буровую забрызгал!

Образцова догнал недалеко от реки. Тот шел не спеша, покачивая мощными крутыми плечами, бережливо расходуя силу. Вдруг пришла мысль, что все, кроме него, начальника участка Стороженко, чувствуют себя уверенно на Тунгуске. Он один постоянно чего-то боится, в чем-то сомневается, злится, негодует. Все знают, чего хотят: Созыкин — расписать столовую, Дивов — расставить все по своим местам и не паниковать, Сергеев — бурить хорошим инструментом, Образцов — иметь станок новый, другие — взрывчатку, хорошее питание, деньги, рыбалку, Сережке снег подавай. Он, Стороженко, сразу хочет все, а так не бывает.

— Порог посмотреть хочешь? — спросил он Сережку, когда сели в лодку.

— Не-а! Едем домой, — отказался сын, — у меня такое чувство, будто мама приехала...

В это время мастер Некрасов, впервые заступивший на самостоятельную смену, недоглядел за промывкой и прижег снаряд на забое. Вращатель станка несколько раз натужно прокрутился, заскрежетал и встал. Некрасов выключил насос, отогнал станок и попробовал поднять колонну труб лебедкой. Бревна деревянного копра прогибались, горела краска на крышке муфты сцепления, но трубы ни с места. Тогда мастер сел возле устья скважины и уткнулся лицом в грязные, мазутные руки.

4

Туруханск Красноярского экспедиция 21 — Овчинникову — Вашу личную ответственность обеспечьте форсированное выполнение буровых работ основном створе тчк Ваша нераспорядительность течение длительного времени ставит угрозу сроки проектирования объекта тчк Положение осложняется неблагоприятными данными геофизических исследований основном створе — Ленгидропроект — Бадухин.

Аварию не удалось ликвидировать ни в этот день, ни через неделю. Способов извлечь колонну штанг из скважины, вырвать прикипевший к породе наконечник существовало множество. Но применить можно было единственный: выбивать трубы ударной «бабой». Другого аварийного инструмента в экспедиции не было. К «бабе» приспосабливали «шутильник», расходный патрон в триста килограммов весом, и с утра до вечера гоняли лебедкой «бабу» вверх-вниз, однако трубы сидели мертво. Ноги копра выгибались после каждого удара, станок прыгал, и звон стоял по всей Тунгуске. Ко всему прочему скважина, фонтанировавшая горько-соленой водой, неожиданно прекратила самоизлив: замерзла. Что там случилось, не заглянешь. Дивов, не успевший отобрать пробу воды, пришел к Стороженко с рапортом, в котором подробно описал причину замерзания. Выходило, что виноваты буровики, нерасторопное начальство, но ни в коем случае не вечная мерзлота, ибо, знал Дивов, горько-соленая вода не замерзает при температуре меньше пятнадцати градусов.

Через неделю с момента аварии кончилась солярка. Скатили одну бочку с верхней скважины, приплавили ее с горем пополам, но и она не спасла. Дизель-электростанцию заглушили. Буровики посидели возле станка, послушали благостную тишину и разошлись.

Овчинников каждый день по два раза выслушивал ультиматумы Стороженко насчет аварийного инструмента, дизтоплива и в который раз уже звонил в Лесосибирск. Транспорта по-прежнему не обещали.

— Чудаки вы, ленинградцы, — отвечали ему из Лесосибирска. — Ваша экспедиция ни в один план не включена. А сейчас массовый завоз грузов, худой баржонки не осталось...

Александр Петрович спросил у Стороженко, что он решил с дополнительным станком. Тот наотрез отказался брать его. Минут пять ругался по рации, что Ленинград хочет заткнуть этим станком дыру, что они там «чего-то мудрят» и лучше бы похлопотали о транспорте. Едва Овчинников отправил телеграмму, в которой отказывался от станка, как следом послал вторую: «На основном створе аварийная обстановка. Горные работы приостановлены отсутствием взрывчатки. Нижняя буровая на аварии. Просим оказать помощь в получении баржи». Он уже предугадывал, что в институте будет шум, что его там могут не понять, однако скрывать что-либо не собирался. А когда Стороженко на очередной связи сообщил, что кончилось дизтопливо, Овчинников вызвал капитана катера «Азов» и спросил, пройдет ли он сейчас до створа своим ходом.

— В Щеках не пройду, — отрезал капитан. — Во-первых, мощи не хватит, во-вторых, воронка там...

— Боишься? — Овчинников, подперев голову, смотрел на спокойного, деловитого капитана.

— В такую воду не ходил, — пояснил капитан. — Если пару недель обождать...

— Давай-ка грузи дизтопливо,—мягко сказал Александр Петрович. — Сколько возьмешь на палубу? Пару бочек можешь в свою рубку поставить?

Капитан пожал плечами и спросил, когда отходить.

— Как загрузишься, сразу. — Овчинников натянул плащ и уже в дверях бросил секретарше: — Мне тут делать больше нечего. Я на створе.

Он забрал у секретарши тугой пакет с почтой, сунул под мышку и пошел к жене, которая работала в экспедиционной лаборатории.

— Мать, я поехал, — сказал он. — Ты меня скоро не жди.

Антонина Пименовна бросила сито с породой и шагнула к мужу, удивленная и растерянная.

«Вот, каждый раз так, — подумал Александр Петрович. — Как мне ехать куда, так удивляется. Смешно, до сих пор не привыкла».

— Ну чего ты? — спросил он грустно.

— Да я так... — неопределенно протянула жена и вытерла руки о фартук. Это чисто женская, какая-то домашняя привычка ее растрогала Овчинникова, и он пробубнил:

— Ладно, мать, не волнуйся.

Овчинников вышел из конторы в серую дождевую мглу, и сразу стало зябко. Он заспешил домой. Надо было что-нибудь надеть под плащ. Но на дороге его остановил начальник Туруханского ремстройуправления и с ходу бросился к нему.

— Александр Петрович!—торопливо заговорил он, поймав за рукав. — Дай автокран. Не откажи, век помнить буду! Горю, баржи пришли!

— Счастливый, — вздохнул Овчинников.

— Выручи, не дай пропасть! Мне на два дня...

— Бери, что уж! — согласился Овчинников.

«Азов» догружали. Уже забили бочками корму и теперь закатывали последние на нос. Капитан в рыжем мокром дождевике катал бочки вместе со всеми и тихонько ругался, дескать, пропал. Где же успеешь пятнадцать бочек скинуть?

Овчинников знал, что этого дизтоплива хватит на неделю, самое большое — на полторы. За это время аварию не успеют ликвидировать. Но важно, чтобы «Азов» сейчас пришел на участок. Там, кроме аварийной обстановки и нервотрепки с ней, люди, которым кажется, что о них забыли, что начальство и не чешется, а только сулит помощь.

Когда грузчики закатили последнюю бочку, Овчинников вспомнил просьбу Стороженко отыскать и прислать на участок бурмастера Созыкина.

Александр Петрович спустился в кубрик, где рулевой моторист кочегарил железную печурку, устроился на капитанской койке, и показалось ему: задремал только, едва

окунулся в тепло и покой, как тут же его разбудили. Капитан объявил, что подходят к Щекам. Овчинников поднялся на палубу и сразу очутился на предутреннем холодном ветру. Изморось сыпала сверху, густая и колкая. Приближающиеся скалы чуть проступали сквозь нее, и солнце, спрятанное за тучами, матово белело огромным кругом с рваными краями.

— Воронка, — капитан ткнул пальцем вперед.

Овчинников рассмотрел кипение волн у отвесных скал, частые цепи их пенных гребешков, и остатки сна в мгновение исчезли.

— Пускай, — проронил он, — ты тоже давай крути помаленьку.

Капитан стрельнул взглядом в сторону начальника экспедиции и послал матроса на нос. Щуплый раскосый матрос напялил дождевик и покинул рубку. Овчинников шагнул следом.

К поселку причалили рано утром, заглушили двигатель и спрятали трап. От внезапной тишины слышно было, как стучит кровь в ушах. Черными столбами торчали над крышами трубы, и только из одной, кухонной, валил сизый стремительный дым. На окраине поселка дыбилась тренога буровой вышки, а с ее кронблока безжизненно свисал канат с элеватором на конце.

Неподалеку от буровой каменными останцами чернели «разутые» трактора. Около дома Стороженко стояли люди, о чем-то разговаривали и махали руками. Самого начальника участка видно не было. Кто-то протянул: «Овчинников!» — а появившийся в дверях Стороженко замер.

— Вы что, от тишины-то оглохли? — спросил Александр Петрович и поднялся на крыльцо. — Куда так рано нацелились?

Все молчали. Начальник участка вдруг с безнадежностью махнул рукой и отвернулся. Овчинников заметил, что Стороженко медленно наливается краснотой.

— Чего это ты махаешься с утра?

— Представляете, Александр Петрович... — начал Стороженко и замолк, не найдя слов.

— Представляю, говори, — сказал Овчинников. — Что опять стряслось? Чего вы как заговорщики? На рыбалку-то ходили, нет? На Ерачимо должно брать...

— Короче, Александр Петрович, участок встал, — возмущенно заговорил Стороженко с сильным украинским акцентом. — Весь. На верхней скважине авария... Я не знаю, как дальше работать!

Буровая бригада стояла у крыльца с обреченным видом: головы вниз, безвольно опущенные руки с одинаково большими кистями. Только неизвестно почему оказавшийся здесь Сергеев задумчиво курил самокрутку и смотрел голубыми немигающими глазами куда-то поверх голов.

— Та-ак, — протянул Овчинников, сунул руки в карманы плаща и, выпятив грудь, пошел на бригаду. — А ну признавайся, кто отличился?

И вдруг улыбнулся, и улыбки никто не ожидал, а поэтому буровики молча расступились, подозрительно косясь на начальника экспедиции.

— Чего молчите-то? Ну?

— Да я, — тихо произнес Кубавин и сверкнул белками глаз.

— Ах ты... — беззлобно ругнулся Овчинников. — Тебя что, бурить не научили?

Сергеев вытянул худую шею, возмущенно мотнул головой.

— Научили, — буркнул Кубавин, глядя исподлобья. — Я полгода сменным...

— Спуск делали, — пояснил напряженным голосом Стороженко, — и колонковая вдруг у него отвалилась. От руки завернули, а ключом не затянули...

— Погоди, — оборвал его начальник экспедиции, — у него свой язык есть.

— А что я? — вскинул голову Кубавин. — Мы б ее сразу подняли, если бы метчик на буровой был. А то пока сходили за ним, труба примерзла...

— Ты скажи, почему ключом не затянул колонковую? — Овчинников вплотную приблизился к мастеру. — Ты что, нарочно?

— Да что я, вредитель? Была бы фреза, мы б трубу разбурили сейчас, и все...

— Была бы! Была бы! — передразнил Александр Петрович. — Был бы я на месте Стороженко, я бы тебя... Ну а еще что натворил? — обратился он к начальнику участка. — Кухня-то у тебя не на аварии?

— Нет, работает...

— Это уже хорошо! — одобрил Александр Петрович, возвращаясь на крыльцо. — Я вот тебе блудного мастера привез, Созыкина. Отправляй его с бригадой, пусть там придумает что-нибудь.

— На верхнюю Сергеев пойдет, — отрезал Стороженко и глянул на Сергеева. — На этой Созыкина оставлю.

— Тогда хватит митинговать. Что на верхнюю надо? — спросил Овчинников.

— Шутильник надо, — ответил Сергеев. — Там «баба» есть, а шутильника нету...

— Забирайте с нижней, — распорядился Александр Петрович, — и поскорее, а то скважина совсем замерзнет.

— Это же сдуреть — шутильник на себе поднимать! — завозмущался Кубавин. — Вы что, смеетесь? Триста килограммов в гору...

Но Сергеев глянул так выразительно, что Кубавин замолк и побрел к буровой вышке. Помбуры и другой сменный пошли за ним.

Шагая по изыскательскому поселку со Стороженко, Овчинников поймал себя на том, что думает о сложившемся положении на створе, как когда-то думал на войне. Вот она, Тунгуска, неотвратимо мощная и беспощадная в своей силе. Что он сделает против нее двумя буровыми станками? И куда ни кинь, всюду помехи. Бездорожье, барж нет, материалов не хватает, сроки поджимают, торопят телеграммы. Стороженко уже не видит выхода и нервничает, рабочие постепенно выматываются на аварийной работе. А что ему, начальнику экспедиции, делать? Слать ответные оправдательные телеграммы? Кричать на подчиненных?

Он подошел к осевшему на разбитую гусеницу трактору и пнул ногой отвалившийся каток.

— Ходовая полетела, — сказал Стороженко. — У обоих. Не идут здесь сотки. Курумник сплошной. Башмаков хватает на километр. А потом гусеницу будто собака обгрызла...

— На рыбалку-то ездишь? — спросил Овчинников.

— Какая тут рыбалка? — раздраженно ответил начальник участка.

— А зря. Нервы надо успокаивать. Гляжу, т на Сергеева стал покрикивать?

— Он знает, за что! — бросил Стороженко.

— Ты не шуми, — отмахнулся Овчинников, — у тебя, наверное, сейчас в голове красно.

— У меня в глазах красно...

— Знаешь, а когда я разозлюсь, у меня в голове, — поделился Александр Петрович, — будто фонарь горит.

На буровой они застали полусонное движение рабочих, которые возились у станка, лишь в углу на защитной каске сидел безучастный Созыкин. Усики его стояли торчком, глаза блестели, а верхняя губа оттопыривалась еще сильнее.

— Чего сидишь, Юрий Леонидыч? — спросил Овчинников и хлопнул его по плечу.

— Думаю, — бросил мастер и, помолчав, добавил: — Увольняться буду.

— Э-э, дорогой мой, — улыбнулся Александр Петрович, — ты про аварию думай. Ликвидируешь, тогда другое дело.

— Чем? — спросил мастер, вжимаясь в угол. — Шутильник и тот унесли. Левый снаряд надо или домкрат... А где взять?

— В Лесосибирске, — сказал Овчинников.

— Сейчас пойду принесу, — съязвил Созыкин.

...Овчинников с начальником участка обошли поселок, затем съездили на поперечник, где стояла верхняя буровая. И все это время нет-нет да возникало у Александра Петровича ощущение бессилия. Вспоминался капитан «Азова» в Щеках, его потные руки на штурвале. Виду не показывал капитан, а ведь сник, съежился перед неумолимым вращением воды...

Но капитан прошел. Отыскал лазейку в полой дурной воде, чтобы провести маломощный катер.

— Ну, Стороженко, что делать будем? — спросил Александр Петрович, когда они закончили обход.

Начальник участка дернул головой и промолчал.

— Давай-ка для начала планчик набросаем, чтобы все наши дыры заметней были. — Овчинников достал записную книжку в черных пластмассовых корках и раскрыл чистую страницу.

— Я не знаю, Александр Петрович, — тихо ответил Стороженко, — телеграммы шлют — давай-давай!

— А я, кажется, знаю, — проронил Овчинников...

5

Туруханск Красноярского экспедиция 21 Овчинникову Баскову.

Согласно утвержденному плану изысканий необходимо срочно начать разведку и оконтуривание месторождения строительных материалов районе Большого порога тчк. Развернуть геолого-съемочные работы основном створе... — Ленгидропроект — Майков.

Басков выехал на 120-й километр моторной лодкой. Овчинников, вернувшись на несколько минут в лагерь рекогносцировочного отряда, рассказал об авариях и уплыл в Туруханск. Сразу же после Овчинникова пришла лодка дорожной партии, и моторист передал Баскову пакет. «Довожу до вашего сведения, — писал Дивов, — что обстановка на основном створе крайне тяжелая. Из-за нераспорядительности начальника участка Стороженко, его наплевательского отношения к подбору людей в буровых бригадах обе буровые находятся на авариях. Им же самостоятельно закрыты работы по проходке глубоких шурфов на втором поперечнике. Десять человек горняков вынуждены простаивать уже вторую неделю. Но самое опасное, что в экспедиции ходит слух, что вы самоустранились от проблем на основном створе и отсиживаетесь в отряде Котоусова...»

Он не стал читать дальше, скомкал рапорт и сунул в карман.

— Мне надо ехать на сто двадцатый, — сказал он Котоусову, собирая вещи в рюкзак. — Самошин тебе все расскажет, посвятит во все планы. Материалы у него. Обязательно исследуйте правый берег. Сходи на пару с Самошиным в маршрут.

— Понял,— кивнул начальник отряда. — Он ружье просит, говорит, в тайгу шагу не сделаю, пока ружье не дадут. Не положено без оружия...

— А ты ему свое отдай, — посоветовал Басков, — он день потаскает его и откажется... Связь каждое утро. Все вопросы сначала перед связью запиши, а потом спрашивай, понял?

Басков вышел на берег, проголосовал первой же моторке и уехал.

На 120-м километре его никто не встречал и не ждал. Простившись с хозяином лодки, Басков направился к Стороженко. Хотя было уже около десяти вечера, начальника участка дома не оказалось.

— На буровой он! — сказал Сережка. — Вы только его не ругайте, он злой ходит.

— С чего ты взял, что я ругать его приехал? — рассмеялся Басков.

— У вас на лице написано. С таким видом только ругаться приезжают, — заявил Сережка и добавил: — Вы идите сначала в столовую, там каша оставалась... Сытый всегда добрый.

Басков внял совету младшего Стороженко и отправился в столовую. Он вспомнил, что с утра не ел. Каша на самом деле была и еще не остыла. Съев полмиски гречки с маргарином вместо масла и выпив чаю, он ощутил, что злость, с которой он покидал лагерь рекогносцировочного отряда, будто бы притухла. На окраине поселка за вертолетной площадкой горел огромный костер, толпилась молодежь, бренчала гитара. На другом краю, на эстакаде буровой, блестел огонек электросварки, слышался стук кувалды и визг наждака. Басков спустился с крыльца столовой и направился к буровой.

Начальника участка было трудно отличить от буровиков: заляпанная грязью брезентуха, развернутые грязные голяшки болотных сапог... Стороженко резко боднул головой, и глаза засверкали.

— Мы с вами, Владимир Алексеевич, виноваты, — с сильным украинским акцентом проговорил начальник участка. — В первую очередь перед ними, перед рабочими... Однако вы не виновных приехали искать?

— Кажется, нет. — Басков почувствовал удовлетворение, что начальник участка правильно понял цель его приезда. — Горняки что делают у тебя?

— Склад под буровое оборудование рубят, — ответил Стороженко.

— Телеграмму Майкова тебе передали?

— Стройматериалы? Да, передали... — махнул рукой начальник участка. — Разведку начинать бесполезно. Та же песня будет, что и с шурфами на поперечнике.

— Все равно начнем. Где Дивов?

Стороженко глянул на часы.

— Видимо, дома...

— У тебя как с ним отношения? — спросил Басков.

— Ничего... — пожал плечами Стороженко.

— Я у него ночую, — бросил Басков и пошел к домику старшего геолога, но остановился и спросил: — А ты как, если я его на разведку стройматериалов переведу?

— А как же участок? — беспокойно спросил Стороженко. — На одних техниках останется, что ли? Они же мальчишки, в армии еще не служили...

— Любич из Ленинграда скоро приедет. Ты знаешь Любича?

— Да знаю, — проронил начальник участка, и Баскову показалось, что он переживает, болеет за Дивова. «Знал бы ты, каким тебя изобразил Дивов в рапорте, руками и ногами открещивался бы от него...» — подумал он.

— Дивов вам рапорт прислал? — вдруг спросил Стороженко. — Он мне сказал, что напишет...

— Прислал, — кивнул Басков. — Короче, завтра собери горняков, отправлять будем.

— Оставьте Дивова на участке, — попросил Стороженко. — Мы с ним как-то сработались... Он свое дело знает.

— Я подумаю, — уходя, бросил Басков, хотя уже решил, что думать тут нечего. Дивов возглавит разведку стройматериалов, а потом произведет подсчет их запасов — доверить больше некому.

Дивова дома не оказалось. На растянутой поперек комнаты веревке висели портянки, выстиранная энцефалитка и носовые платки. Басков раздвинул плотные черные шторы на окне и присел к столу. На столе, придавленная сверху массивной бронзовой пепельницей, лежала общая тетрадь. «Дивов-то не курит, — вспомнил Басков, — а такую тяжесть возит с собой». Он приоткрыл уголок тетради. Бумага была в линейку, точно такая же, на которой написан рапорт.

Дивов пришел около двенадцати. Сдержанно поздоровался, снял полевую сумку и вместе с молотком положил на кровать. Затем не спеша переобулся в мягкие заячьи тапочки, умылся под рукомойником в углу и спросил:

— Стороженко видел вас?

— Разговаривали, — неопределенно ответил Басков. — Вы где так задержались?

— Я уже неделю хожу в маршруты. Подключил к этому делу двух техников, — ответил Дивов и достал геологическую карту из сумки, разложил на столе. — На сегодняшний день мы имеем очень интересную ситуацию...

— На сегодняшний день мы имеем интересную ситуацию, — оборвал его Басков, — участок в аварийном положении. Сроки проектиро ания под угрозой срыва.

На скважинах геологические осложнения, а геологов на участке нет!

Дивов, склонившийся было над столом, выпрямился, спокойно и уверенно прошелся от кровати к двери. Желтоватое лицо его осталось каким-то сосредоточенным, какое бывает у человека, одержимого своей идеей.

— Аварии произошли по техническим причинам, а не из-за геологических осложнений, — проговорил старший геолог, — я об этом доложил вам в рапорте. Стороженко, надеюсь, не опровергает это.

— Я знаю, — успокаиваясь, сказал Басков. — Но у нас нет опыта бурения в мерзлых породах. Поэтому любая авария — наша с вами вина.

— Да-да, я понимаю, — невозмутимо продолжал старший геолог. — Но коли аварии произошли и геологам на буровых стало нечего делать, я решил начать съемочные работы.

— Правильно решили, разумно, — одобрил Басков и подумал: «А что? Действительно правильно!»

— Кроме того, Владимир Алексеевич, — чеканя слова, говорил Дивов, — вы не знаете еще некоторых причин аварий. В день аварии Стороженко отпустил мастера Созыкина в Туруханск, за станок встал молодой Некрасов и прижег снаряд. Мало того, Стороженко разрешил уйти с верхней буровой Образцову, хотя знал, что там одна молодежь типа Некрасова и оставлять одних, без руководителя, их нельзя. Проходку шурфов он прекратил, даже не согласовав со мной.

«Да... — мысленно протянул Басков. — Отчего же мне взбрело в голову, что Дивов старается свалить с себя ответственность? Говорит-то он все правильно...»

— Сейчас начальник участка пытается прикрыться условиями Тунгуски, снабжения, обеспеченности, — продолжал Дивов, расхаживая по комнате, — дескать, это вам Угрюм-река, а не какая-нибудь Бурея. А что? Удобно. Название впечатляет. Я уверен, именно поэтому отказались брать станок. Станком-то работать надо. А кому? Так лучше встать в позу, мол, не затыкайте дыру станком. Тут, на Тунгуске, вам эти номера не пройдут...

«Черт, я ведь тоже считаю Тунгуску непростой рекой, — слушал и мысленно спорил Басков. — Ничего подобного в мировой практике не было. По-моему, и отношение к реке должно быть другим...»

— Я о станке ничего не знал, — сказал вслух Басков.

— Ленинград предлагал дополнительный станок, — спокойно пояснил старший геолог. — Это был один из выходов форсировать бурение... Кстати, шурфы проходить можно и без взрывчатки. Я сегодня нашел три золотоприискательских шурфа глубиной метров по двадцать. Судя по отвалу, били вручную. Работали ведь люди...

— Я знаю эти шурфы, — перебил его Басков. — Они как раз на месторождении стройматериалов.

— Да, там, — подтвердил старший геолог. — Могли же, умели проходить. А теперь чуть мерзлота, так взрывчатку подавай...

— И мы завтра же начнем бить. Надо разворачивать разведочные работы на месторождении. Ленинград требует. Нам не простят, если мы не успеем подсчитать запасы к сдаче первого этапа изысканий.

— Только не доверяйте это Стороженко, — отозвался Дивов, — иначе опять найдутся причины остановить разведку.

— А я вам хочу поручить. — Басков подвинул карту Дивова к себе. — Вы будете полностью отвечать за стройматериалы на участке.

Лицо Дивова из желтоватого медленно превращалось в серое. Однако ни один мускул, ни одна морщина не дрогнула.

— Разумнее сейчас снять отряд Котоусова. Рекогносцировку можно провести будущим летом, — бесцветным голосом предложил старший геолог. — Участок нельзя бросать...

— Не бросим, — заверил Басков. — Буквально на днях приедет Любич. Я тоже буду постоянно здесь, на сто двадцатом. Вдвоем с Любичем управимся и со скважинами и со съемкой. Кстати, я посоветовался со Стороженко, он против того, чтобы вы занимались разведкой. Говорит, без вас дело на участке станет.

— Мне в помощь нужен Самошин, — после раздумья заявил Дивов, — разведка — дело непростое.

— Самошина дать не могу. Он сейчас единственный у Котоусова геолог, знающий геологию Тунгуски. Выбирайте любого техника.

— Хорошо, — помолчав, согласился Дивов. — Материалы по месторождению у вас?

...Басков долго не мог заснуть. Слушал во тьме, как ровно и глубоко дышит Дивов, смотрел в окно на затих-

ший в белой ночи поселок и все прокручивал в памяти недавний разговор со старшим геологом. То хотелось сейчас же идти к Стороженко и спросить с него за все грехи, сказать ему, что он бездельник, очковтиратель, то хотелось разбудить Дивова и сказать ему что-нибудь такое, отчего бы он заплакал или засмеялся. И нервозность Стороженко, и холодное равнодушие сейчас в равной мере мешали делу.

6

Туруханск Красноярского экспедиция 21 — Овчинникову — Срочно доложите действительную обстановку основном створе — Ленгидропроект — Майков.

Созыкин расхаживал по участку с клочком мятой бумаги в руке, рылся в металлоломе, подолгу стоял, удивленно шаря выпуклыми глазами вокруг, и, очнувшись, брел дальше. Буровики его бригады суетились возле станка, пробовали выколачивать снаряд «бабой», без шутильника, вращали трубы вручную под натяжкой, но все усилия шли прахом. Стороженко, отправив Сергеева с Образцовым на верхнюю скважину, целыми днями сам крутился на буровой и вздыхал: снаряд бы с левой резьбой, за три часа аварию ликвидировали бы...

Иногда Созыкин приходил на буровую, мерил трубы, шепча что-то под нос, и Стороженко с внутренней надеждой каждый раз спрашивал:

— Ну что, Леонидыч?..

Созыкин тупо смотрел на Стороженко и молчком уходил.

После каждого такого монолога начальник участка злился и думал, что ждать чуда не стоит, единственная надежда на Овчинникова. Тот что-то задумал и срочно уплыл на «Азове» в Туруханск. Но когда это будет!.. Басков каждый день на планерках смотрит молча на Стороженко, иногда качает головой, слушая его распоряжения, дескать, эх вы, возитесь, елозите, а толку никакого. Буровики с нижней скважины, уставшие от бессмысленной работы, обозленные друг на друга и на начальство, встретили однажды утром Стороженко вопросом:

— Как платить будете за такую ликвидацию? Понятно, авария по вине бригады, но ты дай нам инструмент! Дай! А на тарифе мы сидеть не желаем...

Некрасов стоял тут же и поддакивал. Сергееву надоело торчать на чужой буровой, пришел к Валентину поздно вечером, заявил: хватит, у меня своя бригада есть. Пришлось тут же написать приказ о переводе мастера в бригаду на верхнюю буровую. Сергеев кричать не стал, зубами скрипнул и ночью же ушел на скважину.

— У тебя, Алексей Георгич, совести нет, — стыдил его начальник участка, — Кубавин — твой ученик. Вот и расплачивайся теперь...

— Без тебя знаю, — буркнул мастер, — надоело мне понапрасну ребят мучить. Нервов не хватает...

Беды одна за другой валились на голову Стороженко. От Овчинникова ни слуху ни духу. Басков, кажется, и разговаривать не хочет. Но вот блеснуло впереди. Созыкин принес на буровую метровый болт с ленточной резьбой, гайку, подшипник и втулки. Бросил все это на эстакаду, подозвал Стороженко и заявил:

— Домкрат делать будем.

Мастер начал объяснять, что к чему приваривать да как колонну труб выдирать из скважины. Стороженко загорелся идеей, распорядился ехать за сварщиком на верхнюю, и началось. Резали штанги, кроили железо, приваривали, настраивали.

— Гиблый номер, — тянул помбур, хотя во всем старался помочь Созыкину, — у домкрата тоже предел есть, как и у твоей головы, Созыкин...

И оказался прав. Едва дали натяжку, подшипник разлетелся и болт лопнул, словно ножом отрезало. Созыкин взялся за голову, посидел так с час и отправился на базу нефтеразведчиков опять рыться в металлоломе.

Утром в столовой начальник участка подозвал кухонного рабочего Гену и, показав на белый выцветший флаг на крыше, распорядился:

— Сменить! В складе возьми кумач и сделай новый.

Гена пощурился сквозь очки, пожал плечами, но кивнул.

На нижней буровой что-то варили, стучали кувалдой, время от времени взвывал электромотор станка, визжал от нагрузки трос лебедки. Созыкин, упав на колени, шарил рукой в яме, заполненной жидким шламом.

— Он что? — спросил Стороженко у буровиков.

— Он новый болт нашел. Видели?

— Нет, что он в яме ищет? — переспросил Валентин.

— А! Шайбочку какую-то уронил, — засмеялись буровики.

— Вы болт, болт посмотрите! — настаивал кто-то.

Чудеса все-таки бывают. На эстакаде действительно лежал новый болт с ленточной резьбой. Найти в тайге нужную деталь шансов почти нет. Будут попадаться самые разные, которые порой не сыщешь даже на хорошо оснащенном складе, будут попадаться детали, которые необходимы были вчера, но редко найдется нужная. Созыкин нашел первый болт, чем немало удивил искушенных в постоянных поисках буровиков, нашел и второй! Стороженко потрогал толстые витки резьбы, словно проверяя их прочность, и только присвистнул.

— Этот не лопнет, — хмуро сказал Созыкин, вытирая грязную по плечо руку. — Скорей станок в землю уйдет...

— Или станку мощности просто не хватит, — вставил Некрасов.

— Руками крутить будешь, — отпарировал мастер и примерил к болту выуженную из ямы шайбу.

Болт приладили на место, включили станок и разошлись по своим местам.

Вращатель медленно начал проворачиваться, и гайка, приваренная к ведущей штанге, поползла по виткам мощного болта. Станок трясся, запахло жжеными дисками муфты, вновь задымилась краска на ее крышке.

— Тянет! — удивленно промолвил Некрасов.

Вдруг раздался резкий щелчок, словно где-то в глубине лопнула виолончельная струна, и станок сразу же набрал обороты. Болт вывинтился до отказа.

— Колонковую оторвали! — заговорили буровики радостно.

— А вдруг штангу?

— Не, точно колонковую. На переходнике не выдержала.

— Наконец-то!

Колонну труб подняли, осмотрели переходный конус, и Стороженко, облегченно вздохнув, сел на землю.

— А ты говорил, у домкратов предел! — продолжали торжествовать буровики. — Да нет у него предела, и у созыкинской головы его нет!

Овчинников приехал в Туруханск вечером и, не заходя домой, направился в контору. На его столе ровной стоп-

кой лежало шесть телеграмм. В первую очередь он прочел срочную от начальника отдела Майкова. Хотел тут же дать ответную, коротко обрисовать действительное положение на основном створе, но секретаря уже не было. В остальных сообщалось, что на Красноярский ремонтно-механический отправлена листовая сталь для емкостей, что самоходка «Золотая», отправленная полмесяца назад в Лесосибирск, стоит до сих пор в Подтесове, где ей меняют рули и винт. Что снабженцы на перевалбазе Лесосибирска достали гвозди не на сто пятьдесят, как требовалось, а на сто и баржу «выбить» по-прежнему невозможно.

«Нич-чего, выбьем», — подумал Овчинников. Было восемь местного, значит, в Москве всего четыре часа. Если заказать переговоры сейчас, то шанс захватить Иванцова на работе есть. Александр Петрович попытался представить, как все это произойдет. Он позвонит, расскажет замминистра о состоянии изыскательских работ в экспедиции.

Но не будет ли выглядеть этот звонок обыкновенной жалобой? Дескать, спасите, горю, не могу справиться. Начинал и кончал пять экспедиций. Во всех были одни и те же проблемы. Однако справлялся. А теперь начал последнюю, да какую! И не хватает сил, способностей, изобретательности? Обязательно нужно звонить в министерство? Аварии в конце концов ликвидируют, удастся, выполним квартальный план. А что из Ленинграда тревожные телеграммы, так это в порядке вещей. Подгоняют, чтобы не расслаблялись.

Александр Петрович закурил, поднялся и вышел в коридор. Там было пусто, лишь за стенкой, где располагалась милиция, звучали голоса.

— Я сколько раз тебе, дураку, говорил, не ходи ты к ней, — увещевал грубый милицейский голос, — как пойдешь, так скандал, она к нам бежит...

— Ну что я поделаю... — тянул хриплый голос, — тянет меня туда, и все. Небось десять лет прожили, пока она себе этого не завела. Тянет к ней...

— Ты же мужчина, посмотри, сколько вокруг незамужних женщин.

— Ну сосватай кого-нибудь, попробуй... Тянет...

«Не будет ли это предательством, ударом в спину «Ленгидропроекту», — продолжал думать он, прислушиваясь к голосам в милицейской половине, — Майкову, с которым лет двадцать проработали вместе. Он же не обрадуется,

скажет: эх ты, через меня, через Бадухина прыгнул в министерство...»

Но есть опасность, что грузы так и останутся в Лесосибирске до будущей навигации. Если часть их придет на попутных баржах, то обмелеет Тунгуска, и все останется лежать в Туруханске. Вода уже пошла на убыль. Скоро наступит «мертвый сезон». Есть опасность из одной аварии угодить в другую. И если это заболевание в экспедиции станет хроническим, то так и пойдет до самого конца изысканий. Кто от него больше пострадает? Институт? Овчинников? Стороженко? Нет, пожалуй, изыскания створа пострадают в первую очередь. А значит, и строительство гидростанции. Но Тунгуска — река уникальная и отношения к себе требует уникального.

Овчинников вернулся в кабинет, снова снял трубку, секунду подумал и набрал домашний номер телефона начальника нефтеразведки.

— Вам приходилось министру своему звонить? — спросил он.

— Нет, — ответили ему, и в голосе послышалось любопытство.

— А если бы он дал визитку и сказал: звони, когда туго придется?

— О-о! Я бы каждый день ему звонил! — раздался в трубке довольный голос.

«Каждый день — это, конечно, роскошь, — думал Александр Петрович, заказывая срочные переговоры с Москвой. — Хоть бы раз вышло, и то ладно». Обещали дать быстро, но Овчинников докуривал четвертую сигарету, а телефон все молчал. «Достукался Овчинников, — с иронией думал он о себе, — раньше директора стеснялся лишний раз побеспокоить. Теперь Иванцову напрямую звонишь. Неужели тебе, Овчинников, так приспичило? Еще года нет, как на Тунгуске, порыбачить не успел...»

Телефон задребезжал неожиданно тревожными короткими звонками.

— Москва на линии, говорите, — услышал он телефонистку, и тут же неторопливый, спокойный голос Иванцова разом снял напряжение. Овчинников коротко и не спеша изложил суть и высказал свои опасения относительно завоза грузов. Замминистра поблагодарил за звонок и обещал помочь немедленно.

«Как все просто и как все сложно, — подумал Александр Петрович, — будто я на Хантайке, а экспедиция

эта первая...» Чувствуя какое-то неудовлетворение от слишком короткого разговора, он вышел на улицу и двинулся напрямик к дому через березовый тонкоствольный парк. Деревья зеленели, листья жидкими пучками робко топорщились из почек, но уже шелестели! «Таймень же начал скатываться!» — подумал Овчинников.

Утром он строго-настрого приказал секретарше всем говорить, что его нет, он на створе, а самое главное — отвечать так по телефону, кто бы ни позвонил. Овчинников опасался, что в «Ленгидропроекте» начнут выяснять причину его звонка в министерство раньше, чем будет результат от него. Пусть сначала сделают, помогут, думал он, а потом уж выясняют.

Через три дня позвонили из Лесосибирска и сообщили, что для экспедиции ни с того ни с сего дали трехсоттонную баржу. Спрашивали, какой груз отправлять в первую очередь.

В этот же день со створа приехал Стороженко, небритый, в черной рубашке.

— Что у тебя там? — поинтересовался Овчинников.

— На нижней аварию ликвидировали, — глухо сказал начальник участка.

— А что же ты мрачный-то?

— С чего веселиться, Александр Петрович, — устало заговорил Стороженко, — мало радости. Тут еще журналистов черт принес...

— Каких? — опешил Овчинников. — Почему я не знаю?

— Они говорят, вас не было в Туруханске. Прилетели сами...

Александр Петрович некоторое время сидел молча, затем поскреб затылок и спросил:

— Ну и как? Довольны остались?

— Они-то да... Послушали, поснимали, может, и толк будет какой, увидим сегодня вечером. Специально приехал... Представляете,— вдруг с жаром заговорил Стороженко, — у меня такое чувство, будто на створ нас отправили, чтобы экзамен на выживаемость сдавать... На верхней, кстати, тоже пошло. Правда, хуже, чем на нижней, но идет. Видимо, вся колонна сидит в мерзлоте... Должно быть, дня через два вытянут. Но что из этого? Люди, Александр Петрович, сделали аварию и остановили уча-

сток. Они, конечно, плохие. Но эти же люди ликвидировали аварию, дали квартальный план и стали хорошими. И так всегда. Ну а если бы не было Созыкина? Труба!

— Стоп. Погоди, — оборвал его Овчинников, — не пойму, в чем ты меня убедить хочешь.

— В том, Александр Петрович, что нельзя так больше работать. Созыкин сегодня есть — завтра нету. Он и в самом деле куда-то исчез... А мы как? — Стороженко покраснел и разгорячился. — Привыкли считать экспедицию каким-то особым производством, — рубил начальник участка. — Мол, там не просто люди работают, а сплошные герои! Надо, по две смены работают, надо, в воду полезут, как лазили в прошлую осень, когда брус уплыл! Тоже ведь сначала шум был: разини, лодыри, золотой брус проворонили. А когда выловили его, героями сделались. Был бы у нас исправный трактор, и подвигов бы этих дурацких не было! В тракторе тогда форсунки не хватало! Смех! Подвиг из-за форсунки. И тот, кто должен был вовремя прислать эту деталь, выходит, ни при чем! Он, видите ли, условия для подвига создал! И про него никто не вспомнил. Сейчас еще один «подвиг» совершаем, голыми руками аварии ликвидируем...

— Всю дорогу, поди, готовился, — улыбаясь, спросил Овчинников, — как это ты передо мной выступать будешь.

— Я с первого дня на Тунгуске готовлюсь, — отпарировал Стороженко. — Я раньше думал: крутиться в этой неразберихе, чего-то искать, доставать, пробивать как раз и есть моя работа. И все так думают, вплоть до вас, Александр Петрович. Но мне деньги платят за должность начальника участка, а не за снабженца.

— На рыбалку-то не ходил? — спросил Александр Петрович, глядя поверх очков. — Таймень же скатывается, а вы сидите там, дурошлепы.

Стороженко смешался, помахал руками, силясь что-то сказать, но дернул головой и отвернулся, дескать, издеваетесь еще.

— Скоро поедем, — Овчинников заглянул в календарь, — в четверг, пятого июля. А ты, дорогой мой, все-таки радуйся, что аварию ликвидировал. Я буду радоваться, что баржу дали. Аж в триста тонн! Давай радоваться вместе и готовиться тоже. Что ты за дорогу навыдумывал, никуда не годится. Одни эмоции и голые слова... А с нас дело спросят, понял? Пятого же июля и спросят. На, читай. — Овчинников протянул Стороженко телеграмму.

Валентин прочитал. Текст был короток и комментария не требовал...

Туруханск Красноярского экспедиция 21 — Овчинникову — Пятого июля буду Туруханске — Ленгидропроект — Майков.

7

Стороженко ходил по комнате на цыпочках, однако пол скрипел так, что Овчинников проснулся. В легкой дреме сквозь чуть приоткрытые веки он увидел начальника участка, который сидел на пороге и накручивал портянку. Свежая рубашка под старой, затертой штормовкой слепила белизной, и поблескивали от крема выбритые смуглые щеки. «Черти его носят в такую рань», — недовольно подумал Александр Петрович, поднял голову, огляделся и, сев на кровати, стал одеваться.

Собрались сразу после завтрака в столовой. Пока ожидали Дивова, Майков ходил вдоль стен и разглядывал их роспись. Кое-где останавливался, отходил назад и качал головой. Не понять было: удивляется ли он искусству художника, или возмущается тем, что испортили стены.

Овчинников со своего места наблюдал за ним и все старался угадать его настроение. Однако на лице Майкова никаких определенных чувств не выражалось. Еще вчера, когда они делали обход створа и лазили по горам, Овчинников пытался определить, с чем приехал начальник отдела. Будет ли обыкновенный разнос за аварии, за срыв квартального плана, или же он постарается вникнуть в суть объективных причин и дать какой-то совет или помощь? Но Майков очень хорошо владел собой и никаких намерений не высказывал и не выражал их как-либо. Казалось, ходит, безразлично смотрит, что творится вокруг, и воспринимает совершенно однозначно, как человек непричастный и далекий от дел на створе. А может быть, у начальника отдела давно уже готовы выводы, и ходит, смотрит он так, для порядка. Майкова непросто напугать Тунгуской. Вдруг он, Овчинников, зажатый теснотой экспедиционных неурядиц, оглушенный ими и уставший от них, потерял способность ориентироваться, потерял кругозор? Что он видит дальше экспедиции? У Майкова же таких экспедиций несколько, он сидит над ними и видит намного дальше, а значит, и судить может объективнее, по-государственному. Тут же суета заест. Где уж там ду-

мать шире, чем это нужно для сегодняшнего или завтрашнего дня?

— Я на секунду, — бросил Басков и скорым шагом вышел на улицу. Едва он исчез, как появился Дивов. Сухой, строгий, деловитый, обутый в заячьи тапочки. Неслышно прошел к столу, сел и замер, по-ученически сложив руки перед собой.

— Один пришел, другой ушел, — проворчал Овчинников. — Хоть бы при начальнике отдела дисциплину немного соблюдали...

— Ничего-ничего, — торопливо вмешался Майков. — Обождем. — И снова медленно пошел вдоль стены.

«Ишь ты, терпеливый какой, — удивился Александр Петрович. — Раньше так покрикивал за это...»

Стороженко сидел на краю скамьи около окна и, уперев взгляд в руки, сосредоточенно сдирал заусенцы на ногтях. На указательном пальце перестарался, и по ободку ногтя выступила кровь. Дивов, разложив на столе бумаги, что-то писал четким, с наклоном в левую сторону почерком. Строчки получались ровные, тугие, будто пружина. Ухватившись руками за щеку, сбив при этом бороду на один бок и слабо раскачиваясь, сидел старший мастер Образцов. Глаза вяло шарили по стенам, словно искали спасения от застарелой зубной боли.

А Майков невозмутимо разглядывал созыкинские художества. Трогал руками коричневые, обожженные паяльной лампой рисунки и молчал. Долго стоял возле торцевой стены, где был изображен кусок реки с крутым изгибом, с двумя гольцами по берегам, а на ближнем плане — островерхий чум, внутри которого сидели хмурые бородатые люди. Небольшой костерок полыхал посередине, висел плоский черный котел с мохнатым белым паром поверху. Угловатый, неестественно большой транзистор завис в воздухе над головами людей. Майков двинулся дальше, но другая торцевая стена, вернее, половина ее оказалась чистой. Строганые доски успели слегка почернеть, а в метре от пола виднелась широкая грязная полоса. В этом месте всегда стоит очередь, и буровики в ожидании прислонялись мазутными робами к стене.

— Что же не дорисовали? — спросил Майков, кивая на белое пятно. — Художник-то где?

Стороженко оставил заусенцы, выпрямился и коротко ответил:

— Нету художника. Уехал.

Майков покачал головой и не спеша занял место во главе стола.

— Куда Басков пропал? — спросил Овчинников. — Ну-ка, Валентин, сбегай.

Но Басков пришел сам. Извинился и, еле сдерживая улыбку, сказал:

— Котоусов с Самошиным приехали. Короче, на створе тридцать шестой километр можно ставить окончательный крест. На правом берегу найдено несколько карстовых долин. Карсты связаны с глубинными разломами.

— Нужно обязательно перепроверить, — отчеканил Майков. — Это очень важно. Проектанты все еще верят в него. Если подтвердится, значит, плотине быть только на этом месте, — он топнул ногой по полу.

«Черт, начинали бы скорее! — злился Стороженко. — Теперь за эти карсты уцепились. Душу вытягивают...» Он сидел, пока ждали Дивова, затем Баскова, и готовился высказать все без утайки и боязни.

А разговор с карстов на тридцать шестом километре перекинулся на геологию основного створа. Басков разложил карты и завелся не меньше чем на полчаса. Майков будто забыл, для чего тут собрались, начал спор, какие скважины бурить в первую очередь, да как удобнее перемещать станки. Стороженко уже неистовствовал. «Ну встань ты наконец, — просил он мысленно Майкова, — да выясни, кто прав, а кто виноват, чтобы гора с плеч!»

— А ты чего сидишь как дундук? — спросил Овчинников и толкнул Стороженко в бок. — Ты здесь начальник, твое последнее слово, как лучше станки двигать.

«Да у нас их нечем двигать еще! — чуть было не выкрикнул Стороженко. — Вам хорошо рассуждать о перспективах. А мне надо завтра уже не рассуждать, а работать!» Он подвинул к себе план расположения скважин, но его тут же прикрыл лист бумаги в линейку с тугими, как пружины, строчками.

— Пока все начальство здесь, подписывайте, — ровным голосом произнес Дивов.

Лист от Стороженко пошел к Овчинникову, затем к Баскову и остался наконец лежать перед Майковым.

— Причина? — не поднимая глаз, спросил Майков.

Дивов повернул лицо к нему, и Овчинников заметил,

как челноком заходил у него на горле крупный угловатый кадык.

— Климат не позволяет, — сказал старший геолог.

— Владимир Алексеевич, кем вы можете заменить Дивова? — Начальник отдела приготовил авторучку. — Прислать сейчас некого.

— Самошину предложу, — после паузы ответил Басков. — Правда, он на стройматериалах никогда не работал... И вообще он еще почти не работал.

«Жалко отпускать Дивова, — думал Овчинников, — он неплохой специалист. Все у него есть...» Стороженко, ободрав все заусенцы, начал ломать спичечный коробок. Дерево хрустело в его пальцах, и остро пахло селитрой. Дивов молча забрал подписанное заявление и бесшумно исчез за дверью. Майков снял очки, несколько секунд глядел куда-то поверх голов в окно, потом встряхнулся и спросил, на чем остановились. Стороженко начал говорить короткими, осторожными фразами. «Верхний станок к урезу воды... На этом же поперечнике...»

...На кухне все настойчивее гремели тарелки, начали подходить рабочие на обед, а за столом только-только кончилось это совещание, у которого не было начала.

— Ты, Александр Петрович, не спеши, — остановил Майков Овчинникова. — У меня еще одно дело к тебе...

Овчинников, протерпевший без курева с самого утра, не выдержал, закурил сигарету с изжеванным фильтром.

— Распишись-ка мне вот тут за выговор. Да не читай! Знаешь ведь за что...

Майков, как и утром, стал сосредоточенно протирать стекла очков.

8

Туруханск Красноярского экспедиция 21 — Овчинникову — Есть возможность началом осеннего паводка организовать централизованный завоз грузов основной створ тчк Подберите место причала судов осадкой 1,5 метра тчк Обеспечьте складирование материалов незатопляемых высотах — Ленгидропроект — Майков.

Туруханск Красноярского экспедиция 21 — Овчинникову Баскову — Подготовить министерство краткий очерк возможности строительства гидростанции створе 120 километр тчк Особое внимание уделить отрицательным характеристикам створа тчк Выразить личное мнение относительно надежности створа тчк Выводы мотивировать тчк Документ шлите мое имя — Ленгидропроект — Майков.

Туруханск Красноярского экспедиция 21 — Овчинникову — Буровой мастер Созыкин просит принять его на работу прежнюю должность тчк Телеграфируйте ваше мнение — Ленгидропроект — Платонов.

Тунгуска мелела. За ночь лодки обсыхали и безжизненно, грузно припав на один борт, лежали на валунной косе. Каждое утро буровики под «раз-два — взяли!» спускали их на воду, и на камнях оставались белые следы алюминия. Скоро берег стал исчерчен метров на сто пятьдесят. Напротив устья правого притока реки Ерачимо показалась на свет бурная шивера. Рядом с отшлифованными водой глыбами распахивала желтоватую тунгусскую воду стальная станина утонувшего грязевого насоса. Каждый раз, проезжая мимо, изыскатели высматривали его в кипении волн и удовлетворенно говорили:

— Лежи-ит...

Дивов отработал положенных двенадцать дней, передал разведку стройматериалов Васе Самошину и отправился в Туруханск. Басков плыл с ним, чтобы принять материалы геологического фонда экспедиции. «Прогресс» под тридцатисильным мотором шел быстро, лишь изредка встряхивало и обдавало брызгами на волне шивер.

Перед Косым порогом, едва впереди замаячила белая пенная полоса, Дивов резко зашевелился, вытянул из багажника спасательный жилет и, надев, застегнул на все пуговицы. И уже когда лодку бросало на волне, когда перехлестывало через борт, Дивов сидел покойный, неторопливо стряхивал капли воды с рукавов бушлата, словно жилет, набитый пластинками пенопласта, гарантировал ему спасение в любом случае, даже если бы сейчас заглох мотор и лодку, развернув, опрокинуло, он бы все равно был уверен, что не погибнет, что его не размозжит об отвесную стенку прижима.

На створе «36 км», который теперь уже не мог конкурировать с основным, Басков попросил остановиться. На берегу стояли колесные вагоны, приготовленные к отправке на 120-й километр, сложенные в штабеля брусья и плахи от разобранных домов, кирпичи, целые и половинки, аккуратно увязанные в пучки, лежали крепежные болты от тракторных саней и скобы. Золотой груз... Между вагонами горел костер с ведром на таганке, возле которого хлопотал Котоусов.

— Запах учуяли? — улыбался он. — Как раз к ухе подъехали...

Моторист хватал куски разваренной рыбы, обжигался горячей юшкой и с набитым ртом кричал, зазывая оставшегося на берегу Дивова, смеялся от удовольствия, крякал.

— Как там Вася? — спросил Котоусов.

— Днем на шурфах сидит, — проговорил Басков, провожая глазами высокую, прямую фигуру Дивова, шагающего по отмели. — Вечером деревья за поселком валит. Говорят, избушку рубить собирается.

— Это мы с ним договорились, чтобы он лес заготовил, — объяснил Котоусов. — Я приду на створ, срубим...

Легкие сумерки затягивали Тунгуску, вода побелела и напоминала мятую ленту алюминиевой фольги. Дивов шел медленно, качался маятником среди воды и камней. Его профиль сиротливо чернел в свете вечера.

Овчинников, узнав, что со створа пришла лодка, разыскал Баскова и заявил:

— Я еду с вами. Во как надо! Срочно!

— Мне материалы принять надо, — ответил Басков, — ревизия, акт и все прочее... А что стряслось?

— Все. Хватит, — рубил начальник экспедиции. — На рыбалку еду. Вся экспедиция каждый день уху хлебает, а я в Туруханске пыль нюхаю.

— Передали бы по рации, я захватил бы пару килограммов, — сказал Басков.

— И-эх ты... — вздохнул Овчинников и, дав последние распоряжения секретарю, ушел домой собираться.

Весь путь до створа начальник экспедиции готовился к рыбалке. Наматывал новую японскую леску, снова чистил самодельную блесну и без конца вспоминал рыбные реки.

Едва моторист причалил к берегу, Овчинников проворно высадился, захватил спиннинг и запрыгал по камням в сторону устья Ерачимо.

— Меня нету! — обернувшись, крикнул он.

А от поселка к пристани спешил Стороженко, что-то кричал, махал руками Овчинникову: дескать, стой! Куда?! «Беги-беги, — думал Александр Петрович, — ты молодой, у тебя силы много. Но я ни за что не вернусь, хоть ты что делай». Он перехватил спиннинг в другую руку, в это время леска прослабла, и тяжелый кованый якорек вцепился в брюки. «Тьфу т-ты...» — выругался Овчинников и, на-

гнувшись, стал выдирать крючок. Стороженко догнал, тяжело переводя дух, выпалил:

— Александр Петрович, назад! Утром Иванцов прилетает, передали...

Сел на камень и отер вспотевшее лицо.

Рвать штаны было жалко, но иначе вытащить якорь было невозможно...

Вертолет опустился точно в назначенный час прямо на речную косу. Из распахнутой дверцы, не дожидаясь остановки винтов, высыпало человек десять, сгрудились, разобрались по порядку и зашагали к поселку. А от поселка навстречу тоже шла группа числом не меньше. Встретились, смешались, заговорили... Иванцов подтолкнул вперед коренастого, лет сорока человека.

— Знакомьтесь, начальник будущей стройки...

У Овчинникова отлегло от сердца.

— От него вы можете получить все, любую поддержку, — продолжал замминистра, — и материальную, и моральную...

— И скипидарную! — вставил кто-то из гостей.

Вокруг засмеялись. Но Иванцов, сделав небольшую паузу, решительно произнес:

— Туруханская ГЭС — авторитет страны. Вы знаете об этом. Владимир Алексеевич, можно на этом створе строить гидростанцию? — словно выстрелил, в упор спросил он.

Басков секунду помедлил.

— Что покажут изыскания. Нужно работать.

— А вы как, Александр Петрович, считаете? — мгновенно переключил внимание Иванцов. — Вот-вот выйдет постановление правительства о начале стройки.

«Эх ты, как круто взяли...» — подумал Овчинников и ощутил впервые в жизни, как дрожат руки...

— Можно. С этого створа отступать больше некуда.

Он сжал до хруста пальцы. Унялась дрожь.

— Прекрасно, — подытожил будущий начальник строительства и огляделся, словно сию минуту же намеревался закладывать фундамент плотины, — площадка для поселка есть?

— В километре ниже отсюда, — пояснил Басков. — Но тоже с уклоном в сторону реки. Породы мерзлые...

— Надо скорее изыскивать дорогу до створа, нечего медлить.

— Партия работает, трассу уже ведут, — объяснил Овчинников.

— А не то я пригоню в Туруханск пару «Катерпиллеров», — продолжал будущий начальник строительства. — Они мне эту дорогу за месяц без всякой трассировки пробьют...

«Какой горячий! — подумал Овчинников. — Зайди-ка лучше в лес да посмотри: курумник сплошной, скалы, болота... Тунгуска-то на вид только плоская да тихая. Сгоряча тут можно таких дров наломать!..»

— Не пробьют, — неожиданно хриплым голосом проронил молчавший все время Стороженко.

Начальник строительства с любопытством оглядел начальника участка.

— А вы обоснуйте. Вы же изыскатель, а я строитель, вас послушаю.

— Знаете, как в Туруханске люди говорят? — спросил Овчинников. — Они говорят: на Тунгуске плотину начали строить. Начали! И письма в экспедицию со всей страны пишут — на стройку просятся, а не на изыскания. И по телевидению не зря передали — начато строительство Туруханской ГЭС. А мы между собой все еще делимся: ты изыскатель, я строитель. Нам бы сначала между собой дорогу пробить... Потом можно и «Катерпиллеры» пускать.

Начальник строительства молча покивал головой, то ли соглашаясь, то ли размышляя над чем-то. Они остановились возле самой воды и отсюда, с каменистого мыса, хорошо было видно гольцы, которыми проходил створ, крутые, в развалах глыб, берега реки, белую накипь шиверы против устья Ерачимо. Вода скрадывала расстояние, и все это казалось близким: протяни руку — достанешь.

«Думает, — отметил про себя Александр Петрович, поглядывая на будущего хозяина стройки. — Разговоров будет еще!.. И копья, и зубы только трещать будут. Строить-то здесь можно, створ выбрали подходящий!»

Вертолет уже раскручивал винты, оттуда махали руками, звали, и Сережка, вынырнув из-за спин взрослых, хотел что-то сказать, но посмотрел на отца, смутился и, чтобы скрыть это, подобрал камень, швырнул его в тугую от завихрений воду.

Туруханск — Томск, 1979 год

●

ПОЭЗИЯ

Антонина БАЕВА

Лауреат премии Ленинского комсомола Антонина Баева — человек мужественной судьбы. Она пишет о сильных характерах, о революционном прошлом Родины, о героическом труде нашего современника.

В настоящее время поэтесса заканчивает работу над поэмой о семье Ульяновых, главы из которой — о сестре и матери Владимира Ильича Ленина — предлагаем вниманию читателей.

ПОВОЛЖАНЕ

Хоть время быстротечно и сурово,
да все ж — у тихой вечности
в горсти...
И я прошу у времени:
— Дай слово!
Потом к крылатым людям отпусти.

* * *

Вон у Невки ледок оробелый
лежит,
а по мосту от Смольного кто-то
бежит...
Кто — не знамо еще.
Институтка, поди...
Время, время, и ты поспешать
погоди!

Может, знаешь ее?
Ну, конечно же, да!
Ничего, что она здесь еще молода,
по-домашнему просто — Маняша...
Это имя себе
ты стократ повтори
и не смейся, узнав,
что Мимозою дразнят,
а еще Медвежонком,
конечно, любя...
«Боевой» она станет.
Как будто на праздник —
под знамена пойдет Октября...
Но пока еще главное все впереди.
Время, время, ты здесь громыхать погоди!
И война и разруха, подполье и труд,
задержитесь еще, хоть на пару минут...
И ответь, Октября быстроглазый солдат:
— Год рожденья?
Когда прибыла в Петроград?
Из Самары? Парижа?
В беде ли росла?
— Нет, с сумой не ходила,
гусей не пасла... —
Да, училась.
Да, знала аресты, тюрьму...
Да, она вместе с братом.
Да, верит ему.
И давно уже стала не просто сестрой...
— Так прислушайся к времени,
Вставшая в строй!
Может, все же не поздно,
вернулась бы ты
на поляны, где скоро очнутся цветы,
вместе с матерью будешь букеты вязать... —
кто осмелится эти слова подсказать
или даже потребовать:
— Стой! Погоди!
Что уже позади?
Что еще впереди? —
вот и мысли ее беспокойно-быстры...
Очень кстати б сейчас побывать у сестры,
у Анюты, у старшей, наведаться к Мите...
Все они жили светом грядущих событий

и сражались потом —
не на смерть, а — на жизнь...
Медвежонок, Маняша, мужайся, крепись!
Будут близким твоим — одиночки, тюрьма...
Все ты это пройдешь, испытаешь сама,
сдюжишь ты!
И твои неокрепшие руки
взять успеют еще
столько дел на поруки!
Все умеют они: и готовить и шить...
Им, красивым, придется
и в порохе быть...
В двадцать — в партию,
в пекло смертельной борьбы
и на гребень своей беспримерной судьбы:
так бесстрашное сердце летело и пело
и скорее быть взрослым и сильным хотело!
Да и позже, уже пожилой человек,
все смотрела светло
из-под пристальных век
и всегда и во всем заводилой была,
до последнего дня
оптимисткой слыла,
умудряясь поглубже запрятать все то,
до чего и добраться не сможет никто,
коль умеешь сама управляться с собой,
со своею бедой, со своею судьбой...
А пока все бежишь ты,
солдат Революции,
через Время и Версты
в душегреечке куцей
то с листовкой, то с книгой,
с заметками в «Правду»...
Это вам, господа, не «хожденье в народ»!
За людей на Земле
«бой свершается правый»
и «ни шагу назад!»,
«лишь вперед и вперед!»,
«Промедление смерти подобно сейчас...».
...Всюду с братом идешь,
сберегая для нас,
для теперешних, да и для мира всего, —
если надо, ты грудью закроешь его!
Беззаветны, как ты, и друзья и родные,

а недавно еще был домашний ваш бог —
мама, «мусенька»...
Как ты, волнуясь, впервые,
из охранки бежала на мамин порог!
А потом — то из ссылки,
то — в ссылку, в изгнанье...
И была ваша кровная связь горяча!
По сей день вместе с ней
боевое заданье
ты у нас выполняешь,
сестра Ильича.

* * *

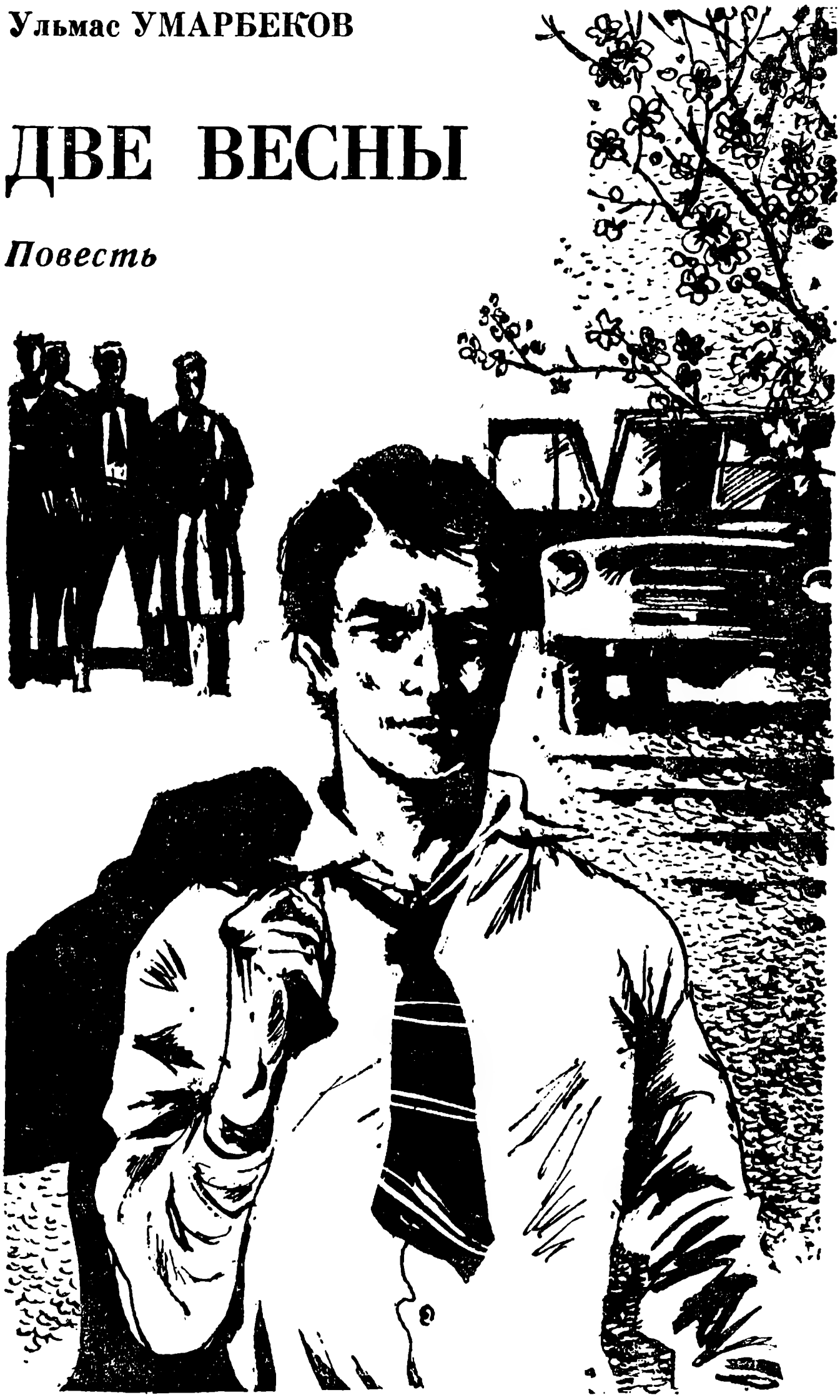
Да, оно нелегко, материнское счастье!
И, если еще принимаешь участье
в делах своих взрослых, серьезных детей...
Так сердце тревога сжимает у ней,
и беспокойство никак не проходит!
А чаще и горше всего — о Володе.
Легко ли ему вдалеке от России!
Там зимы сырые...
Там стены чужие...
Горька эмиграции трудная чаша!
Опять о Володе...
А как же Маняша,
и Митя,
и Аня?
Все в партии с братом...
Последняя встреча с Володей
в десятом,
в Стокгольме...
Сестре он и матери рад,
да запретили взойти на корабль
с родными проститься:
он — поднадзорный...
Но скоро конец тирании позорной!
Пока же родных, одаля, провожает.
В Россию, в Россию плывут «поволжане»...
А он остается «на том берегу»...
Сказал:
— На чужбине уже не могу,
да надо готовиться, надо работать!

В Симбирск и Самару поехать охота,
в Казань бы нагрянуть,
обнять Жигули...
Так жить нестерпимо от дома вдали,
от вас, моя мамочка, и от России!
Там белые снеги и ливни босые
и все еще там непроглядная ночь!.. —
И хочется матери сыну помочь,
хоть чем-нибудь малым,
не делом, так — словом...
На все материнское сердце готово!
Была б лишь, сколь может, полезной Володе.
А время земное ее на исходе.
Уходит туда, где ни дел, ни забот.
...Вернется Ильич в Петроград через год.
На Волково кладбище кинется он,
чтоб матери — первый сыновний поклон.
«Не додержалась, родная, устала...»
А после увидит она с пьедестала:
Расстанняя улица тянется с Лиговки,
засажена кленами, тихими липами...
Щебечут пичуги, росинки на камне...
А ей бы вернуться к Володюшке с Аней
и к Мите с Маняшей, былое припомнить,
пригладить вихры материнской ладонью,
в глаза посмотреть, обо всем расспросить...
Кому ж удавалось назад приходить?
Да что уж об этом?
Не надо, не надо!
Вон дети другие из Ленинграда,
а может, со всей неоглядной планеты,
приходят сюда к ней с цветами, с приветом...
Так как же ей с жизнью земною расстаться?
Сумела всей сутью с живыми остаться
в делах их бессмертных,
в бессмертном народе...
Хоть люди не вечны: живут, да уходят...
Но это под корень ее не скосило,
и крепнет ее материнская сила,
и славится имя ее на века:
РОДИВШАЯ ПЕРВОГО БОЛЬШЕВИКА,
Вождем и Учителем ставшего людям!
И ОН свою мать никогда не забудет:
не властны над памятью светлой года...

Ульмас УМАРБЕКОВ

ДВЕ ВЕСНЫ

Повесть



I

Районная партконференция закончилась в шесть вечера. Кудрат Саидович Садыков поблагодарил присутствующих и объявил, что после перерыва состоится концерт художественной самодеятельности. Он наблюдал, как постепенно пустеет зал, и постукивал кулаком о ладонь левой руки со скрюченными пальцами — результат перенесенного два года назад гипертонического криза. За его спиной члены президиума двигали стульями, переговаривались, покидая сцену. Лишь второй секретарь райкома Казим Бурханов медлил, он держал себя как хозяин дома, которому положено пропустить впереди себя гостей.

Садыков дружелюбно заметил:

— Вот если бы все собрания заканчивались так, а, Казим Бурханович?

Бурханов усмехнулся.

— Угощение готово? Тогда незачем терять время. — И он первым направился к выходу.

Гости собрались в комнате отдыха, напротив зала заседаний. Все сидели молча на расставленных вдоль стен стульях. Людей сковывало присутствие первого секретаря обкома партии Гайибова. А Искандер Гайибович в это время стоял возле окна, беседуя с первым секретарем райкома Дамиром Усмановым, высоким худощавым человеком, молодым, но с поседевшими висками. Дамир внимательно слушал его, наклонив голову и изредка кивая.

Разговор прервался, когда в комнату вошли Бурханов и Садыков. Искандер Гайибович посмотрел на часы.

— К сожалению, не могу остаться с вами. Но ничего, у нас еще будет время. Всем вам больших успехов, товарищи! До свидания.

Сидевшие поднялись с мест. Дамир Усманов вышел вслед за секретарем обкома.

Ульмас Умарбеков принадлежит к представителям молодой узбекской прозы, чьи успехи за последние годы привлекли внимание всесоюзного читателя. Новая повесть У. Умарбекова рассказывает о молодом секретаре сельского райкома партии, о борьбе трудящихся республики за освоение новых земель, на которых труженики Советского Узбекистана выращивают рекордные урожаи «белого золота».

На улице, несмотря на конец февраля, дул теплый влажный ветер. Спускаясь по ступенькам, Искандер Гайибович заметил Усманову:

— Не ходите без головного убора.

— Привык, — улыбнулся Усманов.

Зашуршав шинами, подкатила белая «Волга». Оба стояли и молчали, будто не заметив машины. У обоих на душе было неспокойно.

— Теперь догадываетесь, почему он не стал первым? — спросил Искандер Гайибович. — Вы уже больше года работаете. Срок достаточный, чтобы изучить друг друга.

— Знаю, — вздохнул Усманов. — Одному поражаюсь: неужели за это время он все еще ничего не понял? А мне казалось, в последнее время он изменился.

— Вряд ли. Я его хорошо знаю. Но все-таки он немало сделал для партии. И работник неплохой. Заставьте его работать!

Усманов подождал, пока машина, объехав обширную круглую клумбу, не выехала на асфальтированную дорогу и, помигивая красным огоньком, не скрылась за углом. Он вернулся в райком, поднялся в свой кабинет и надел пальто. Из зала заседаний доносилась музыка — начался концерт.

На улице Усманов поднял воротник. У подъезда его ждала машина. Водитель открыл дверцу.

— Поезжайте, Рустамджан. — Усманов захлопнул дверцу. — Я пройдусь пешком.

Районный городок был невелик. Под ногами чавкала грязная снежная кашица. С крыш домов падали капли. Ветер из степи пах оттаявшей землей. У своей калитки Усманов остановился, в дом идти не хотелось. С тех пор как не стало Хафизы, он нигде не чувствовал себя таким одиноким, как дома. Впрочем, его дожидается мать. Как бы поздно он ни пришел, она ждет, чтобы подать ему горячий ужин. В последнее время она все чаще затевает разговор о том, что не годится молодому мужчине одному век вековать. Да и ей трудно вести хозяйство без невестки.

По безлюдной улице Усманов вышел за окраину. Редкие огоньки городка остались за спиной. По краям дороги тихо колыхались голые прутья шелковиц. Навстречу, разбрызгивая грязь, проехал грузовик, ослепил его фарами.

Усманов сошел с дороги и перебрался через кювет. Упругий ветер трепал полы пальто. Полузанесенные снегом, чернели угловатые силуэты могильных камней.

Усманов стоял у белой мраморной плиты и думал о Хафизе. Он видел: ветер треплет ее длинные черные волосы и белое платье, у Хафизы бледное лицо с темными веками.

II

Год назад примерно в такое же время Дамир Усманов сидел в своем кабинете. Рабочий день только начался, он просматривал газеты. Внезапно на столе зазвонил телефон. Усманов узнал густой баритон секретаря обкома:

— Поднимитесь ко мне.

Усманов перебрал в памяти все дела, которыми занимался последнюю неделю. Он не успел ответить на два письма. Из кабинета Усманов вышел, захватив с собой блокнот в кожаном переплете.

Искандер Гайибович сидел за длинным полированным столом, обставленным стульями, и читал какую-то бумагу. Всякий раз, когда Усманов входил в этот прохладный тихий кабинет, бесшумно ступая по ковровой дорожке, ему казалось, что однотонное постукивание старинных настенных часов усиливалось, становилось громче.

Искандер Гайибович поднялся с места и протянул руку, затем указал на стул рядом с собой. Усманов сел.

— Какими делами заняты?

— Собирался подготовить ответы на некоторые письма.

— А не съездить ли нам с вами в Бадамсай?

— Я готов, — сказал Усманов.

— Превосходно. Через пять минут я спущусь вниз.

Усманов возвратился в свой кабинет, взял с вешалки плащ.

Через несколько минут белая «Волга» мчалась по гладкой и широкой дороге.

Есть неповторимая прелесть в бескрайних распаханных полях, освободившихся от снега. На обочинах среди желтой прошлогодней травы уже проклюнулась зелень. Деревья еще голы, но на ветках уже бугрятся набухшие почки. Вот-вот брызнут клейкие ярко-зеленые листочки. Вода в канавах и арыках прозрачна как хрусталь. Всю

зиму никто не нарушал ее спокойствия. Гул тракторов, запах вспаханной земли, стаи птиц, сплошь заполняющих голубое небо.

Искандер Гайибович неотрывно смотрел в боковое стекло и, видимо, был занят своими мыслями. У поворота на Бадамсай Искандер Гайибович обернулся.

— Вы хорошо знаете этот район?

— Не очень. Так, относительно... — уклончиво ответил Усманов.

— Район большой, хозяйство многоотраслевое. Только какая-то неслаженность стала наблюдаться здесь в последние годы. Урожайность хлопчатника не превышает сорока центнеров!

Нахмурив густые черные брови, секретарь обкома надолго замолчал. Затем задал вопрос, которого Усманов не ожидал:

— Отца помните? Сколько вам было лет?

— Я был маленьким. Лет пять было. Помню, но смутно.

— А я хорошо помню вашего отца, — сказал Искандер Гайибович. — Удивительный был человек. Настоящий коммунист! После института я год работал у него в колхозе. Это он направил меня в партийную школу. В то время в Бадамсае было всего три колхоза. И самый крупный — «Красный Октябрь». Хороший был колхоз. В то время имя Усмана-ака не сходило со страниц газет.

Искандер Гайибович опять умолк, устремив взгляд в сторону пашни, по которой деловито расхаживали черные грачи. Усманов тоже молчал. В последний раз он видел отца в одну из осенних промозглых ночей, когда шли нудные дожди. Сквозь сон и шум ветра он услышал в доме чьи-то голоса. Чужие голоса. Что-то загремело в прихожей. Дамир открыл глаза, протирая их маленькими кулачонками. Он увидел отца. На нем было потертое пальто, черные волосы зачесаны назад. В руках он мял шапку.

— Я разбудил тебя, сынок? — спросил он, ласково улыбнувшись.

Дамир не успел ничего ответить. Отец порывисто поднял его с постели и прижал к груди...

Вдали показались белые домики под шиферными крышами.

— В райком? — спросил шофер, хранивший до сих пор молчание.

— К Носиру, — велел Искандер Гайибович. Он посмотрел на Усманова. — Знаете его?

— Слышал.

— Славный человек. И руководитель хороший. Но вот хворает.

Машина въехала в кишлак и остановилась возле больших голубых ворот. Бывший секретарь Бадамсайского райкома партии Носир Пулатов во дворе подстригал виноградник. Увидев гостей, он бросил работу.

— Саида! — окликнул он жену и поспешил к воротам. — Входите, входите! Салам алейкум! Ну и уважили старика! Вот уважили!

Искандер Гайибович крепко обнял его и похлопал по спине.

— Знакомьтесь. Усманов, инструктор обкома.

Пулатов повел гостей в дом. Навстречу вышла полноватая женщина средних лет.

— Саида, смотри, кто к нам пожаловал!

Видно было, что этих людей связывает личная дружба. Искандер Гайибович держал себя свободно, шутил, заставляя звонко хохотать хозяина и хозяйку. На столе появился большой чайник. Искандер Гайибович спросил:

— Ну как здоровье?

Пулатов задумался, потом вздохнул.

— Неважно.

Некоторое время царила тишина. Наконец Искандер Гайибович поднял голову.

— А я надеялся, что вы вернетесь.

— Нет, — твердо сказал Пулатов. — Я ушел вовремя. На нашем месте человек не может отдаваться работе лишь наполовину.

— Ладно, вам виднее. Но ваша помощь нам будет нужна.

— Благодарю вас.

— Вы не узнали этого парня?

Пулатов внимательно посмотрел на Усманова.

— Нет, не узнал.

— А помните первого председателя колхоза «Красный Октябрь»?

— Как же! — оживился Пулатов.

— Этот парень — его сын.

Гости вняли просьбам Саиды и остались обедать.

Наломав кусочков лепешки в шурпу и утапливая их ложкой, Искандер Гайибович стал с огорчением говорить

о сегодняшнем дне района. По его мнению, район живет прежними заслугами. А что будет через два-три года? Район может оказаться в хвосте по всем показателям.

Пулатов молча ожидал, когда секретарь обкома закончит говорить. По его мнению, беда была в том, что мало осваивалось новых земель.

От Пулатова они выехали уже в сумерках.

Искандер Гайибович ехал молча. Неожиданно он с досадой проговорил:

— Все идет по инерции. Не хватает новизны. Как было два-три года назад, так все и осталось. Но сейчас же совсем другое время!

Искандер Гайибович подвез Усманова к самому дому.

Хафиза, услышав звонок, торопливо открыла дверь. Она заметила, что муж чем-то радостно взволнован.

Он обнял жену.

— Беспокоилась?

— Нисколечко! — Хафиза улыбнулась.

— В Бадамсае был, — начал рассказывать Усманов, снимая плащ. — Знаешь с кем? С Искандером Гайибовичем...

Скоро Хафиза принесла чайник и пиалу.

— Чувствую, — сказала она, наливая чаю, — у нас будет какая-то перемена?

— Разумеется! — подхватил Усманов. — У нас скоро родится сын или дочь!

— Нет, я имею в виду другое. Мне кажется, что-то изменится в твоей работе.

— Вот еще! — рассмеялся муж. — Работа у меня хорошая.

Но Хафиза оказалась права. На следующее утро его снова вызвал Гайибов.

— Ну, как вам Бадамсай? Понравился? — с улыбкой спросил Искандер Гайибович.

— Хороший район, — ответил Усманов.

— Разве может показаться плохим район, где ты родился! — Искандер Гайибович добавил: — Земли много. А сколько можно еще освоить! И воды предостаточно.

Секретарь обкома сделал паузу и внимательно посмотрел на Усманова.

— Мы тут посоветовались с членами бюро и решили направить вас на работу в этот район.

Сердце Дамира Усманова сильно забилось. Он растерялся.

— Вы приобрели хороший опыт в аппарате обкома. Научились работать с людьми. Я не стану объяснять вам, сколь трудна, сложна задача секретаря райкома. Как вы относитесь к нашему предложению?

Усманов задумался.

— Я очень благодарен за доверие. Однако боюсь, что не справлюсь.

— А обком? Поможет. Да и в районе немало опытных товарищей. — Искандер Гайибович встал. — Завтра в Бадамсае партийная конференция. Поедем вместе.

III

Председатель Бадамсайского райисполкома Кудрат Садыков предложил новому секретарю райкома временно поселиться в одном из коттеджей в совхозе. Однако Усманов предпочел остаться в гостинице. Много ли ему надо одному? Хафиза и мать решили повременить с переездом. Пусть он сначала устроится, узнает, хорошая ли там больница. Мать не могла оставить невестку, ждущую ребенка.

Усманов подготовился с вечера к своему первому рабочему дню в Бадамсае. Первым долгом он, конечно, познакомится со всеми работниками райкома, затем еще раз просмотрит постановление конференции и выступления ораторов. Да, сегодня же следует ознакомиться и с предложениями, которые вносились на заседаниях бюро. В зависимости от этого придется наметить порядок посещения хозяйств.

Однако первый рабочий день Усманова начался совсем не так, как он предполагал. Еще в коридоре он услышал визгливый голос. В приемной стояла немолодая женщина в платке, из-под которого выбились растрепанные волосы. Размахивая руками, она кричала на секретаршу:

— Я тебе покажу милицию! Это тебя надо отправить в милицию!

— О чем речь? — спросил Усманов.

Секретарша обернулась к нему со слезами на глазах.

— Вот эта женщина... Салтанат-апа. У них дома, оказывается, скандал. Я сказала: «Пойдите в милицию». А она... Говорит, ей нужен секретарь. А Казим Бурханович еще не пришел.

— Заходите, — пригласил Усманов, открывая дверь, на которой уже красовалась табличка с его фамилией и инициалами.

Усманов повесил плащ и шляпу и направился к массивному письменному столу.

— Итак, чем вы недовольны, Салтанат-апа?

Женщина потупилась и затеребила кисти на конце цветастого платка.

— Я... и раньше приходила. Спасибо товарищу Бурханову, очень вежливый человек.

Выяснилось, что муж женщины чинит автомобили. Оказывается, поломанных машин больше, чем больных людей, от заказчиков нет никакого спасенья — не дают покоя ни днем, ни ночью. Муж понемногу начал выпивать, а сейчас в доме кладовка полна бутылок.

— Поговорите с ним, избавьте меня от позора, товарищ секретарь. Товарищ Бурханов беседовал с ним раза три, спасибо ему. После этих разговоров он стал мягкий, как белая булка. А сейчас опять...

— Как ваша фамилия? — спросил Усманов, взяв карандаш.

— Пармонова. Мне уже пятьдесят два года. Работаю сменным поваром. Приходите как-нибудь, товарищ секретарь.

— Конечно, приду, — пообещал Усманов. — А как фамилия мужа?

— Полвонкул-ака.

Усманов сдержал улыбку. Крупная и сильная женщина, жалуясь на своего щуплого мужа, произнесла его имя так ласково и нежно, что способна была растрогать самое черствое сердце.

— Вы поговорите с ним? — с надеждой спросила она.

— Непременно. Однако и вы, апа, будьте помягче. Попробуйте на него воздействовать, как сами сказали, добрыми, ласковыми словами.

Женщина, раскланиваясь, вышла из кабинета.

«Придется побывать на техстанции, — подумал Усманов. — Надо посмотреть, что за специалисты там работают».

Выходит, Бурханова в районе уважают. Это и естественно. Он много лет работает в Бадамсае. Здесь его все знают. Ему вспомнилось, что два голоса были против кандидатуры нового секретаря. Возвращаясь в город, Искандер Гайибович и Усманов говорили об этом. Кто

эти два человека? Почему они проголосовали против: чтобы просто досадить и испортить Усманову настроение, или, может быть, они убеждены, что первым секретарем следовало избрать Бурханова?

— Казим Бурханович обладает массой положительных качеств, — сказал тогда Искандер Гайибович. — Постарайтесь эти его качества направить на добрые дела.

Из селектора послышался голос секретарши:

— Дамир Усманович, извините. Возьмите, пожалуйста, синюю трубку. Звонят из «Максима Горького».

— Слушаю.

— Дамир Усманович! — В трубке слышалось учащенное хриплое дыхание. — Вас беспокоит Кабулов, секретарь парткома.

— Слушаю вас, товарищ Кабулов.

— У вас первый рабочий день, а я с неприятной вестью.

— Говорите!

— Дело в том... Один наш тракторист... Яхшибай Эргашев... только что попал под трактор.

— Каким образом?

— Сегодня с утра он распахивал склон возле оврага. Трактор соскользнул вниз и перевернулся.

— Тракторист живой?

— Когда вытащили, еще дышал. Сейчас в больнице. Я вас побеспокоил... У него шестеро детей.

— В какой он больнице?

— У вас, в райцентре.

Усманов повесил трубку и вызвал секретаршу.

— Свяжите меня с главврачом больницы!

Он тут же передумал и, на ходу надевая плащ, вышел из кабинета. Лучше побывать в больнице самому!

Состояние тракториста оказалось тяжелым. Главврач был занят операцией.

— Уже минут двадцать прошло, — сообщила медсестра.

— Надежда есть? — спросил Усманов.

— Не знаю. Потеряно много крови.

Решив дождаться конца операции, Усманов зашел в кабинет главврача и, придвинув к себе телефон, позвонил в обком Муслиму Иноятову.

— Муслим-ака, один наш тракторист пострадал при аварии. Сейчас его оперируют. Нам нужны хороший терапевт и хирург.

Иноятов спросил фамилию тракториста.

— Эргашев. Яхшибай Эргашев.

— Знаю. Из «Максима Горького». Как же его угораздило?

— Пока не знаю, — ответил Усманов. — Съезжу, разберусь.

...Во дворе больницы послышался громкий плач женщины. «Жена, — догадался Усманов. — Хоть бы все обошлось благополучно».

Небольшая группа людей обступила плачущую женщину, и каждый успокаивал ее как мог. В стороне беседовал с мужчинами Бурханов. Увидев Усманова, он направился к нему.

— Сказали, вы здесь, — произнес он, подавая руку.

Усманов сказал, что вызвал врачей из города.

— Хорошо сделали, — одобрил Бурханов. — Трудно будет его семье, если он не выживет.

— Что же случилось? Знаете подробности? — спросил Усманов.

Вместо ответа Бурханов обернулся к мужчинам, с которыми беседовал.

— Султанов, подойдите сюда!

От толпы отделился человек лет шестидесяти, дородный, с пышными усами. Усманов узнал председателя колхоза имени Максима Горького. Султанов снял тюбетейку и, вытирая платком бритую голову, подошел. Он был бледен. Несмотря на прохладную погоду, по его лицу катился обильный пот.

Председатель протянул Усманову пухлую влажную ладонь.

— Неподалеку от главного арыка есть овраг. Метра три-четыре глубиной. Каждый год земля там пустует. Если подсчитать, огромная площадь пропадает. Мы и решили вспахать. Молодым трактористам я не доверил, велел Яхшибаю. После позавчерашнего дождя земля не успела просохнуть, трактор занесло. Яхшибай мог спрыгнуть, но не спрыгнул. Трактор пожалел. Ничего бы не случилось с трактором! Лучше бы трактор разбился! В общем, как бы там ни было, беда.

Султанов потупился и вытер лицо влажным платком.

— Так я пойду узнаю? — спросил Султанов, поглядывая на дверь больницы.

— Идите, — сказал Усманов.

Операция закончилась через полчаса. Главный врач, устало снимая с лица маску, сказал:

— Трудно надеяться. Грудная клетка раздавлена, три ребра сломаны, травмирована печень. Увидим. Он сильный человек.

Султанов вынул из нагрудного кармана сигареты и задымил. Главный врач открыл форточку и резко обернулся к секретарю райкома.

— Товарищ Усманов, в «Максиме Горьком» в прошлом году загорелся амбар, три человека получили ожоги. Года четыре назад кто-то, помнится, отсек серпом себе палец. Правильно я говорю, Хаитбай-ака?

Султанов вместо ответа еще ниже наклонил голову.

— А как в других колхозах? — спросил Усманов.

— Случается.

Усманов заметил, что Бурханов метнул на главврача предостерегающий взгляд.

— Казим Бурханович, — сказал Усманов, — я съезжу и взгляну на этот овраг.

Бурханов пожал плечами: дескать, есть ли смысл? Султанов встал, намереваясь сопровождать секретаря райкома, но Усманов ему сухо бросил:

— Оставайтесь.

Растерянный председатель возвратился на свое место, тяжело опустился на стул и снова вынул промокший платок.

К оврагу пришлось пробираться пешком по пашне. Усманов, выбирая места посуше, направился к видневшимся вдалеке людям. Ноги увязали, к сапогам липла грязь. Время близилось к полудню, но было прохладно, дул влажный пронизывающий ветер. Солнце, как раскатанное для лапши тесто, еле проглядывало сквозь толстый слой белесых облаков.

Люди, возившиеся вокруг опрокинутого трактора на дне оврага, увидели незнакомого человека и прекратили работу. Высокий смуглый парень выбрался к Усманову.

— Это я утром звонил вам. Кабулов.

Усманов пожал ему руку.

— Вашему трактористу сделали операцию. Положение тяжелое. Как он мог перевернуться? Как это произошло?

— Да вот, акт составили, — кивнул Кабулов на поднимавшихся начальника районного отделения милиции и инспектора.

Они подошли, поздоровались.

— Тут не только трактор, волы не развернутся, — сказал инспектор. — Трактор занесло при развороте. Край оврага обрушился, машина сползла вниз.

Усманов вскарабкался на противоположный склон, где утром работал Эргашев. Расстояние между распаханным полем и оврагом составляло не более двух саженей. Из-за такого клочка рисковать жизнью человека?

— Не измеряли, сколько гектаров составляет эта целина? — спросил Усманов у следовавшего за ним секретаря парткома.

— Два гектара, — ответил Кабулов. — Можно и обойтись без этого клочка. Вон степь рядом — не два, а двести гектаров можно освоить!

— Почему об этом раньше не сказали председателю?

Кабулов смутился. Можно было догадаться, что на этот счет он уже имел неприятный разговор. Сейчас он чего-то не договаривал.

— Что прельстило вас в этом клочке? — настаивал Усманов.

— Земля уж больно хороша, — вздохнув, произнес парторг. — Самое меньшее по пятьдесят центнеров можно получить.

— А человек для вас, значит, стоит меньше? — вспылил Усманов. — С каких пор являетесь парторгом?

— Первый год, — упавшим голосом ответил Кабулов. — До этого был бригадиром.

Усманов заметил, что колхозники прислушиваются к их разговору, и поймал себя на мысли, что повел себя неверно. Не сдержался. Не следовало в присутствии людей отчитывать секретаря парткома. Стараясь исправить положение, он тепло попрощался с Кабуловым. Парторг Усманову все же понравился. Серьезен, правдив. Судя по всему, с большим уважением относится к председателю, хотя их взгляды по некоторым вопросам, видимо, расходятся.

Усманов счистил с сапог грязь. Шофер лихо погнал машину.

На дороге попадались выбоины, машину подбрасывало. Навстречу неслись старые корявые шелковицы, росшие по обеим сторонам дороги вдоль арыков. Поля уже распаханы и ждут сева. Поодаль, мельтеша в воздухе, перелетает с места на место стая диких голубей. А вон по обнаженной стерне клеверного поля бродят овцы, и одинокий чабан стоит в отдаленье, опершись на посох.

Усманов увидел на обочине женщину, сидевшую на чемодане.

— Останови, — бросил он шоферу.

Машина замерла. Женщина слегка повернула голову, укутанную темным платком, и опять с безразличным видом подперла щеки ладонями. Усманов вышел из машины. Он увидел молодую девушку с большими черными глазами, полными слез.

— Простите, — смутился Усманов. — Мне показалось... Могу подбросить до райцентра.

— Весьма признательна.

Долго ехали молча. Девушка не плакала, но то и дело тяжело вздыхала и подносила к глазам платочек.

— Чем вы так расстроены? — решился наконец спросить Усманов.

— Сама во всем виновата, — произнесла она, водя пальцем по запотевшему боковому стеклу. — Предлагали остаться в институте, не согласилась. Думала, тут больше будет проку. Оказывается, не нужна. Ах, если б знала!

Она не выдержала и всхлипнула. Усманов растерялся.

— Возьмите себя в руки, — пробормотал он.

Заметив в зеркальце улыбку шофера, он покраснел.

— Наверное, поссорились с муженьком, — посмеиваясь, сказал шофер.

Девушка улыбнулась.

— Муженька у меня еще нет.

— А может, на работе обидели? — осведомился Усманов.

Девушка кивнула. Она оказалась агрономом. После института попросилась в район. Ее направили в Бадамсай, в колхоз «Шарк юлдузи». Все ее несчастья начались с того момента, когда она приехала. У нее испортились отношения с председателем.

— Ни о чем другом, кроме хлопка, и думать не хочет, — с огорчением рассказывала девушка. — Только хлопок, хлопок, хлопок! Но ведь человек живет не только хлопком! Пять пальцев на руке и те неодинаковы. А он еще разводит руками: почему, мол, молодежь в колхозе не остается?

— Ни к кому не обращались? — спросил Усманов. — Например, к парторгу?

Девушка горько усмехнулась.

— Секретарь парторганизации его шурин. Говорит, а сам в рот ему смотрит.

— Ну уж, наверное, не настолько! — смеясь, возразил Усманов.

— Наш председатель — член райкома. К тому же товарищ Бурханов очень его уважает. Правда, я слышала, что прибыл новый секретарь. А впрочем, это уже не имеет значения.

— Почему же?

— Уезжаю.

— Трудностей испугались, выходит?

Девушка сердито взглянула на Усманова:

— Я проработала целый год. Попробуйте на моем месте хотя бы день!

— Хорошо, — согласился Усманов. — День я поработаю. Только с одним условием: вы сегодня же вернетесь в свой колхоз.

— Нет, — отрезала девушка.

— Тогда оставайтесь в райцентре. Завтра утром мы вместе поедем в «Шарк юлдузи» и во всем разберемся.

— Сами-то вы кто? — спросила попутчица.

— Новый секретарь райкома.

— Ой! — Девушка зарделась и закрыла лицо руками.

— Будемте знакомы. Усманов.

— Халида, — еле слышно произнесла девушка.

Возле райкома партии Усманов сказал шоферу, чтобы он отвез девушку в гостиницу.

— Значит, договорились? — спросил он. — Завтра поедем в ваш колхоз.

Девушка, просияв, кивнула.

Секретарша сообщила, что звонил главный врач. Тракторист пришел в себя. «Слава богу», — подумал Усманов. В кабинете он разделся, выдвинул ящик стола. С утра он собирался просмотреть материалы конференции. Но эту работу можно оставить на ночь. В гостинице тихо, никто не помешает. Сейчас самое время познакомиться с планами работы отделов. И он нажал кнопку селектора.

В гостиницу Усманов попал только к полуночи. Он позвонил домой.

— Хафиза? Ты спала?

— Нет. Сидим с мамой и беспокоимся. Несколько раз тебе звонили. У тебя все хорошо?

— Конечно. А как малыш?

Хафиза рассмеялась.

— Растет. С каждым днем все больше.

Усманов пожелал жене спокойной ночи и положил трубку.

Едва он улегся, его тотчас сморил сон, зыбкий и тревожный. Приснилось, будто он с группой людей несет на кладбище погребальные носилки. Усманов проснулся и сел в постели, чувствуя, как часто колотится сердце. Вспомнился тракторист. Кажется, он думал о нем и во сне...

Отпив воды прямо из горлышка графина, он подошел к окну и распахнул форточку.

IV

У высоких, украшенных замысловатой резьбой ворот Казима Бурханова остановился ГАЗ-69 с брезентовым верхом. Полный человек выбрался из машины и огляделся. На улице было темно, тихо.

— Поезжай, — буркнул он шоферу. Машина отъехала, мужчина достал крючок из проволоки и ловко отомкнул запор в калитке.

Послышался звон цепи и грозное рычание собаки. Поздний гость подал голос, и пес успокоился, ласково заскулил.

В двух окнах огромного дома горел свет.

— Казим Бурханович! — негромко позвал толстый человек и по широким деревянным ступеням поднялся на веранду.

Дверь отворилась, вышла средних лет женщина в шелковом пестром халате.

— Входите, Хаитбай-ака, — приветливо сказала она, принимая у гостя пальто и шапку.

Не дожидаясь повторного приглашения, гость вошел в дом, поглаживая ладонью гладкую бритую голову.

Бурханов лежал на диване с подсунутой под локоть подушкой и перелистывал ветхую толстую книгу. На письменном столе красного дерева, ножки которого изображали львиные лапы, стояла бутылка коньяка, на блюдце желтели ломтики лимона, присыпанные сахарной пудрой.

— Прошу, — не поднимая головы, буркнул Бурханов.

— Извините, что так поздно. Наверное, сердце разорвалось бы, если бы не повидал вас.

— Что, испугался? — с иронией в голосе спросил Бурханов, закрывая книгу и отыскивая ногами стоявшие на ковре тапочки.

Султанов, кряхтя, опустился на диван рядом с ним, извлек из нагрудного кармана кителя тюбетейку, ударил ее о колено и водрузил на поблескивающую влажную голову. Было заметно, что он обдумывает ответ.

— Султанов не из тех, кто боится собственной тени, Казим Бурханович! Однако... Хороший был тракторист.

— Почему в прошедшем времени?

— Врач говорит, переломлен позвоночник. Если и останется жив, вряд ли сможет работать, — сказал Султанов и вздохнул.

В комнату, шурша шелковым халатом, вошла жена Бурханова, молча поставила на стол еще одну рюмку и так же тихо удалилась. Бурханов наполнил рюмки.

— Ну, давай. Успокаивает.

Со стуком поставив опорожненную рюмку, Бурханов взял ломтик лимона. Обсасывая его, он осведомился:

— Что говорит семья?

— Трудно будет семье, — покачал головой Султанов. — Шестеро детей. Дочки. Старшей, правда, уже семнадцать. Осенью собирался свадьбу справлять.

Схватив бутылку, он наполнил свою рюмку, но выпить не смог и поставил обратно.

— Что семья? Занята охами да ахами. Однако...

— Что «однако»? — спросил Бурханов, когда пауза затянулась.

— Как бы милиция не подпортила дело. Я до сих пор не смог перемолвиться с Мамурджаном. Хайдарали, правда, виделся с ним, но разве он может поговорить толком! Молодой еще.

— Кто такой Хайдарали?

— Мой парторг. Способный парень, но...

— А, знаю, — сказал Бурханов и дружески хлопнул по круглому колену Султанова. — Ладно, не думай о милиции, Хаитбай-ака. С Мамурджаном я поговорю.

— Не повредит, я думаю. Чтоб не пошли всякие там разговоры.

Султанов отпил из рюмки глоток и отставил ее, углубившись в собственные мысли.

Да, разговоры вокруг происшествия сейчас ни к чему.

Странные люди: что бы ни случилось — виноват руководитель. Там недосмотрел, тут недоглядел, этого не сделал, того не сделал, того не сказал! Во всех бедах одна голова виновата — Султанова голова... Конечно, можно было не трогать этот клочок земли. Урожай с него и плевка не стоит. Однако, если подумать, в хорошем хозяйстве и копейка имеет значение. Если там бросить клочок, здесь пятачок, что станется с хозяйством?

Султанов внезапно осознал, что ищет для себя оправдания.

— Ничего, разговоров не будет, — успокоил его Бурханов. — Выдели помощь семье, детям с устройством посодействуй.

— Конечно, конечно! — закивал Султанов. — Старшую сам выдам замуж. Или помогу поступить в институт!

— Но только умеючи, — посоветовал Бурханов. — Если будешь навязываться, сразу подумают, что чувствуешь за собой грешок.

— Что вы, что вы! Я сумею.

— И потом — незачем так убиваться. На тебе лица нет. При чем тут ты, скажи, пожалуйста? Каждый человек голову должен иметь на плечах. Если ты велел вспахать эту землю, пускай бы и пахал. Ты же не сказал ему: «Падай в овраг!» Сам должен думать.

Услышав ободряющие слова, Султанов затосковал изболевшейся душой: «Почему Бурханова не избрали первым секретарем? Ну почему?»

Он поднял на Бурханова глаза и только сейчас заметил, насколько у того усталый вид. «Тоже переживает, бедняга. Своих забот полон рот, а тут еще я... — подумал Султанов. — Но виду не подает. Крепкий человек».

— Слыхали новость? — спросил он, вспомнив о сплетне, переданной ему в пути шофером. — Наш новый-то... шустрый малый! Говорят, в гостинице полно молоденьких девчат.

— Этого не может быть, — спокойно проговорил Бурханов.

— Одна приехала в райкомовской машине. Говорят, и хороша же!

Бурханов засмеялся, лоб его разгладился.

— Откуда сведения?

— Шофер.

— Сказал мне, и будет! Больше никому! Ясно?

— Что я, сумасшедший? Или болтун какой? — Султанов обиделся.

Он взглянул на наручные часы. Время приближалось к полуночи.

— Пойду, пожалуй.

Бурханов не возражал. Однако провожать гостя до калитки, как он это делал прежде, не пошел.

Ночной приезд председателя усугубил его дурное настроение. Прежде он не раз встречал Усманова в обкоме. И почему-то сразу почувствовал к нему антипатию. Такие мужчины, пожалуй, нравятся женщинам. Усманов чем-то напомнил Бурханову его собственную молодость и вызывал сожаление о минувших годах, о безвозвратно утраченном. Всего каких-то двадцать лет назад и он был таким же чернобровым, черноглазым, стройным парнем с серебром на висках. В руках все горело. И — вот! Он не мог простить Усманову, что тот явился на все готовенькое. Невольно вспомнились сплетни, переданные Султановым. «Плохи же твои дела, если с первого дня такие слухи! — подумал он злорадно. — Не успел начать, а уже попался на крючок».

V

Усманов вышел из гостиницы, едва завозилась в своем гнезде пара горлинок. У входа, сидя на табуретке, дремал старик. Небо было голубое, без единого облачка. Макушки зазеленевших деревьев высветило восходящее солнце. По пустынной, еще погруженной в прохладную тень улице проехали две арбы, груженные сеном.

Усманов с наслаждением вдохнул прохладу и сладость утреннего воздуха.

На крыльце райкома, прямо на ступеньках, несмотря на ранний час, сидел старик, скрестив ноги. Края ушанки были завязаны под подбородком, озябшие руки засунуты в рукава черного чапана. На разостланной перед ним тряпице что-то ярко поблескивало в лучах солнца. На белом платке лежали тончайшей работы ювелирные изделия.

Усманов присел на корточки. Украшения напомнили ему далекое прошлое: археологические раскопки на холме Дальверзинтепа.

— Где вы их нашли, отец?

— Нашел? — изумился старик. — Сам сделал!

— Вы ювелир? — спросил Усманов.

— Да, ювелир! И отец был ювелиром! И отец моего отца был ювелиром! И прадед. Все были известны от Карши до самого Туркестана! А я вот сижу и жду Бурханова.

— Зачем?

Старик вскочил на ноги.

— Вчера обэхээс опечатал мой дом. Говорит, отберет мое имущество, а меня прогонит из района. Такое распоряжение дал Бурханов. Но еще не родился тот, кто может меня прогнать из собственного дома!

Старик достал из-за пазухи тряпичный сверточек и дрожащими руками развернул. Из кипы пожелтевших, потершихся бумаг, отпечатанных на машинке, он отделил кусок газеты.

— Читай!

Клочок газеты оказался вырезкой из «Советской культуры». В заметке под заголовком «Народный умелец» давалась высокая оценка ювелирным изделиям, изготовленным мастером Мамашарифом Кадыровым.

Старый мастер говорил спотыкающимся от волнения голосом:

— Ты слышал про Тамару-ханум? Она приезжала ко мне и заказала подвеску, а потом выступала с этой подвеской по телевизору. Я сам видел! Что, я вдруг оказался ненужным Бадамсаю, где родился и вырос?

— Успокойтесь, отец, — мягко проговорил Усманов. — Вас никто не обидит. Пойдемте со мной.

— Ни на шаг не сойду с этого места! Я должен увидеть Бурханова.

— Увидите. Он сейчас придет.

Усманов стал заворачивать в платок украшения.

— Ученики у вас есть? — спросил он, вкладывая в руки старика сверток.

— Где уж там ученики, когда меня хотят прогнать как спекулянта! Бурханов сам позвонил по телефону в милицию. Дескать, у вас под носом сидит спекулянт и торгует золотом! У меня весь дом перевернули!

В кабинете Усманов указал старику на стул, бросил на стол шляпу и позвонил председателю райисполкома.

— Кудрат Саидович? Вы знакомы с ювелиром Мамашарифом Кадыровым? Спекулянт? А это проверено? У него опечатали мастерскую. По распоряжению Казима Бур-

хановича? Я с ним переговорю. Видимо, недоразумение. Хорошо. Подумаем, что можно сделать.

— Сынок, — растерянно спросил старик, — извините, а вы кто?

— Я здесь работаю, — улыбнулся Усманов. — К вам просьба, отец. Найдите себе учеников. Не одного, а пятерых, десятерых. Пусть учатся вашему ремеслу.

— Найду! — пообещал старик. Лицо его казалось помолодевшим. В глазах сияла радость.

— Ступайте в райисполком, зайдите к товарищу Садыкову.

— Хорошо, сынок. Дай бог вам долгой и счастливой жизни! Сынок... А вам от этого Бурханова не попадет?

— Не беспокойтесь. Работайте спокойно.

Мастер еще раз поклонился и покинул кабинет.

В коридоре послышались женские голоса, смех. В кабинет порывисто вошла секретарша.

— Дамир Усманович, вам заварить чаю?

Усманов улыбнулся. Он сегодня не завтракал и был благодарен девушке за внимание.

— Потом соедините меня с колхозом «Шарк юлдузи», — сказал он. — И передайте товарищам, пусть каждый день по утрам приносят мне районную газету.

— Хорошо, — кивнула девушка и замялась. — Только наша газета не всегда выходит утром. Хорошо, если к полудню. Сегодня, наверное, тоже выйдет поздно.

— Почему? — удивился Усманов.

— Казим Бурханович был занят и задержал материалы. Поздно просмотрел.

— А что, Казим Бурханович просматривает все газетные материалы? — изумился Усманов.

— Да, конечно. Просматривает и подписывает. Только после этого несут в типографию. Такой у нас порядок.

Усманов задумался. «Надо заняться, — решил он, внося пометку в блокнот. — Если райком знакомится с каждым материалом газеты, какая же нужда в редакторе?» Он слышал, что Бурханов человек деспотичный и крутой. Носир Пулатов, еще не зная, что Усманов приедет в Бадамсай, как-то признался ему: «С этим человеком идти в разведку опасно. Слишком зычно отдает команды!»

В кабинет вошел Бурханов.

— Уходите? — спросил он, здороваясь.

— Хочу съездить в «Шарк юлдузи»,

Бурханов засмеялся:

— Нажаловалась девушка-агроном?

Усманов бросил на него быстрый взгляд. «Кажется, в районе нет ничего такого, о чем бы этот человек не знал».

— Да. Хочу помирить ее с председателем. Инициативная девушка и, кажется, знающий агроном.

Смуглое, почти коричневое лицо Бурханова приняло озабоченное выражение.

— Вы только правильно меня поймите. Напрасно вы собираетесь это делать.

— Почему?

— Сатыбалды-ака ни за что не отступится от своих слов. Я его хорошо знаю. Мне не хотелось бы, чтобы вы оказались в неловком положении.

Усманов положил руки на стол, сцепив пальцы. Он всегда так делал машинально, если колебался.

— Все же я съезжу посмотрю, — сказал Усманов. — У меня к вам просьба, Казим Бурханович.

— Пожалуйста.

— Трагедия в «Максиме Горьком» не должна остаться без последствий. На очередном бюро мы рассмотрим этот вопрос. Если бы вы подготовили его...

— Да-а, — вздохнул Бурханов, и на его лице снова появились следы озабоченности. — Скверное дело. Куча детей, мал мала меньше. Я наказал Хаитбаю-ака, чтобы оказывал семье постоянную помощь. Ходит сам не свой, бедняга! Я тоже считаю, Дамир Усманович, что надо вынести на бюро. Пусть другим будет урок!

— Казим Бурханович, придется сурово наказать виновных.

Бурханов отвел взгляд в сторону.

— Насколько мне известно, это обычный несчастный случай, Дамир Усманович. Кто может быть виновным? Можем строго предупредить. Так сказать, принять профилактические меры. Но наказать! Извините меня, это невозможно, мы не имеем права.

Усманов почувствовал, что в нем начинает вскипать гнев.

— Но наша совесть! Один приказал, а другой стоял в стороне, хотя и знал, что работать здесь опасно!

Взглянув на часы, Усманов встал, давая понять, что времени у него в обрез. Направляясь с Бурхановым к двери, он вдруг остановился.

— Кстати, в нашем районе, оказывается, есть удиви-

тельный мастер. Ювелир. Мы с ним случайно познакомились. Золотые руки. Его поделками мог бы гордиться любой музей. Вы видели его изделия?

— Слышал.

— Мало слышать. Вы посмотрите. И у такого мастера нет условий для работы! Я сказал Кудрату Саидовичу. Он пообещал помочь.

Они вышли. Бурханов направился в свой кабинет. Он опустился в кресло и тяжело вздохнул. Настроение с утра было испорчено. Дело касалось происшествия в «Максиме Горьком». Бурханов злился на самого себя. «Почему я сам не завел разговора об этом? Зачем было ждать, пока он скажет?»

Бурханов с силой опустил на стол кулак. Посидев в задумчивости, он откинулся в кресле и закурил. «Началось, — думал он, глядя, как синие колечки дыма медленно всплывают к потолку. — Однако в народе говорят, что прыткий теленок бегает до хлева!..»

Он резко встал, обошел вокруг стола и нажал на кнопку селектора.

— Найди мне Султанова, — крикнул он секретарше. — Хоть из-под земли!

VI

На улице оказалось прохладно, хотя ярко светило солнце. На скамье возле клумбы сидели, беседуя, девушка из «Шарк юлдузи» и шофер.

— Ну, Халидахон, как спали? — справился Усманов, здороваясь. — Значит, едем?

— Едем, — ответила девушка и смущенно отвела глаза. — Дамир Усманович, вчера я наговорила много лишнего. Со зла. Простите меня.

— Ничего. Все это сегодня выскажете самому председателю.

— Ой, тогда мне в самом деле придется бежать из колхоза! — воскликнула Халида.

Ямочки на ее щеках, тонкие черточки по углам налитых губ напомнили ему Хафизу.

— Поехали! — сказал он, садясь в машину.

Вскоре они свернули с асфальтированной магистрали на дорогу, покрытую щебенкой. По обеим сторонам широкой улицы, обсаженной молодыми деревьями, стояли одинаковые дома с черепичными крышами.

— Кишлак? — недоуменно проговорил Усманов. — Что-то не припомню.

— Это новый кишлак! — весело сказала Халида. — Сюда пока что переехало четыре или пять семейств. Я тоже здесь живу. Смотрите, какие хорошие домики! А вон там новый клуб. Уже и водопровод провели. Только газа еще нет. Сатыбалды-ака собирается переселить сюда всех жителей Ширмансая. Здорово, правда?

«Действительно, здорово!» — подумал Усманов, восхищаясь способностью Полвонова вести хозяйство.

— Остановите, — попросил он шофера. — Давайте посмотрим.

Машина съехала на обочину.

Усманов перепрыгнул через арык и дорожкой, засыпанной красноватым песком, приблизился к дому. Да, строились основательно. Фундаменты высокие, из красного кирпича. По ступенькам он поднялся на веранду.

— Это дом Машрабхон, — объяснила Халида. — Замечательная девушка, трактористка. Осенью будет ее свадьба.

— Хороший дом, — сказал Усманов, оглядываясь по сторонам. — Все такие?

— Все. А вон мой дом! — указала Халида.

Под окнами ее дома уже ярко цвели ирисы и гладиолусы.

У подъезда правления колхоза появился сам Полвонов. Сколько Усманов его помнит, председатель все время ходит в одних и тех же защитного цвета брюках галифе и кителе. На голове черная тюбетейка, вышитая белыми шелковыми нитками.

— Добро пожаловать, товарищ Усманов. Только я не успел собрать всех членов правления.

— Ничего. Мне достаточно поговорить с вами.

Из длинного прохладного коридора они вошли в кабинет. Усманов ощутил сильный запах одеколона. Он оставил дверь открытой. Из форточки потянуло свежим воздухом.

Полвонов прошел к своему столу и провел рукою по полированной поверхности, посмотрел на ладонь.

— Прошу вас, — сказал он, указав на кресло, а сам сел на один из стульев.

Молодой парень внес большой фарфоровый чайник и две пиалы.

— Товарищ Усманов, — сказал Полвонов, — познакомьтесь, это вожак наших комсомольцев Хидиров.

Парень застенчиво улыбнулся и осторожно поставил чайник с пиалами.

— Прекрасно, — сказал Усманов, здороваясь. — А сколько домов в новом кишлаке предназначено молодым?

— Новый кишлак в основном наш, молодежный. Более половины домов предназначено молодым. Двадцать восемь домов.

Парень понравился Усманову. Он сказал об этом Полвонову. Лицо председателя озарила улыбка.

— Хороший парень. Энергичный, умный. Заочно учится в институте. Будущее колхоза принадлежит им.

Думая о предстоящем разговоре с Полвоновым, Усманов приготовил аргументы в защиту девушки-агронома. «Зачем вы обижаете молодежь, Сатыбалды-ака?» Однако председатель такого упрека не заслуживал. Этот пожилой человек, немало повидавший за долгие годы, всю жизнь посвятил колхозу. Не мог он ни с того ни с сего обидеть человека! Усманов решил поговорить с ним откровенно.

— Я вашего агронома привез, Сатыбалды-ака, — начал он.

— Напрасно. — Тот улыбнулся.

— То есть?

— Через неделю бы сама вернулась. Не могла она надолго убежать от нас. Я знаю — она землей бредит. Побродила бы денек-другой в городе, пришла в себя и вернулась бы. Не может она прожить без земли!

Полвонов налил в пиалы чаю.

— Шустра только больно. Как воробышек чирик-чирик! Планов полно, а ни один до конца не довела. А земля не любит спешки.

Председатель вышел из кабинета. За дверью послышался его бас:

— Ты что тут сидишь? В приемной дожидаются только те, кто приходит с просьбой!

Через минуту Полвонов вернулся, за ним вошла и Халида. Председатель подал ей пиалу с чаем.

— Наверно, и не завтракала еще?

Халида молча опустила голову. Полвонов посмотрел на Усманова и развел руками:

— Оказывается, в колхозе под Ташкентом зимой растут арбузы, помидоры, огурцы. Зеленый лук прямо с гря-

док! Эх-хе-хе, — вздохнул он. — Земли там с носовой платок, а доход — со слона!

Усманов не отрывал взгляда от его коричневых рук. На жилистых руках, словно корни дерева, вздулись вены. Эти большие крестьянские руки держали и винтовку, и соху, и перо, и руль трактора. Большой палец на левой руке был порезан серпом, пожелтевший ноготь на нем свернулся и походил на ракушку. Усманов разом увидел всю его жизнь, начиная с того времени, когда старик батрачил и погонял волов, прокладывая борозду за бороздой на чужой земле. Он вспомнил своего отца. Они, пожалуй, ровесники. У отца руки тоже были такими же крепкими, а лицо коричневое, обожженное солнцем и ветрами. Многое в Полвонове напоминало Усманову отца.

— Мы тоже можем построить парник, — говорил Полвонов. — Вырастут и арбузы, и лимоны, и помидоры. Даже укроп и петрушка! Но кому мы все это станем продавать? Город далеко. Давайте лучше увеличим посевы хлопка.

— Но теплица нужна, — ввернула Халида, не поднимая головы.

Полвонов резко встал и зашагал по кабинету.

— Согласен, нужна. Но не сейчас. Терпения нет, Халида! Дехканин не берется за все сразу. Сначала пашет, арыки проводит, а потом уже сеет. Должна быть последовательность в делах. Всему свое время. Ладно, — заключил он, — ступай, тебя ждут в поле. Об остальном поговорим потом.

Халида бросила быстрый взгляд на Усманова и вышла из кабинета.

«Кажется, отношения у них наладятся. Друг друга они ценят, а это главное. Что еще нужно?»

Усманов предложил председателю обойти колхозные поля. Полвонов согласился.

— Конечно, Дамир Усманович. Разговор лучше продолжать на свежем воздухе.

VII

Полвонов сам вел «газик». Скоро кишлак остался позади.

Председателем «Шарк юлдузи» Полвонов стал тридцать лет назад. Колхоз из отсталого вышел в благополучные. Он стал какой-то чистенький, аккуратный и напо-

минал двор, в котором только что прибрали перед приходом гостей.

Усманов знал, что председатели передовых колхозов не любят Полвонова. Вот, мол, устроился: все время в тени! И понять их можно. Полвонов все время оставался как бы в роли стороннего зрителя. Он не стремился вырваться вперед. «Нельзя быть острием колышка, — рассуждал среди близких ему людей Полвонов. — Вгонят в землю. Нельзя быть и верхом колышка — будут бить по голове. Лучше всего быть серединкой».

Усманов знал о Полвонове понаслышке. Первая же встреча неожиданно раскрыла перед ним душевную мягкость и щедрость старого председателя.

Полвонов завидел впереди медленно ползущий бульдозер. Он остановил машину, высунулся из кабины и раздраженно спросил бульдозериста:

— Только едешь?

Чумазое лицо паренька расплылось в улыбке.

— Возвращаюсь. Все закончил. Теперь еду в бригаду к Мамаду-ака.

— Молодец! — похвалил Полвонов и поддал газу. — Суюнбай, сын тракториста. Отличный парень. Недавно вернулся из армии. Осенью женим.

Он сделал небольшую паузу. Лобовое стекло машины покрылось тонким слоем пыли, с трудом различалась дорога. Впереди виднелись горы. Полвонов не сбавлял скорости. Открылась зеленая долина, разделенная надвое голубой извилистой полоской речки. Начало реки терялось далеко в тумане, у подножия гор. Неподалеку виднелись два выложенных из камня загона для овец и приземистое жилище чабанов с плоской крышей.

Около кошары стоял ярко-желтый микроавтобус с антенной.

— Кажется, приехали? — спросил Усманов, расправляя затекшие ноги.

— Приехали, — ответил Полвонов. — Интересно, кто это пожаловал? Да это из Ташкента, с телевидения!

Перед входом в хижину стояло пять или шесть человек. Они были чем-то расстроены. Седой смуглый мужчина в голубом джинсовом костюме направился к председателю.

— Ну как вы тут? — спросил Полвонов, здороваясь с ним. — Знакомьтесь, Дамир Усманович, режиссер.

— Вообще-то мы закончили, — сказал режиссер и

усмехнулся. — Остался один кадр. А Саидмурад не соглашается сниматься. Рассердился.

— Из-за чего? — удивился Полвонов. — Где он?

— Там, — режиссер кивнул в сторону хижины. — Битых два часа упрашиваем. Не желает, и все тут!

— Но почему он не соглашается?

Полвонов посмотрел на занавешенную рогожей дверь хижины.

Режиссер чем-то не понравился Усманову. Из-за высокомерия, что ли? Усманов незаметно разглядывал столичных гостей. Одеты модно, двое бородаты, в темных очках, у одного завитые волосы касаются плеч.

Режиссер попросил Полвонова:

— Скажите ему, один кадр. Всего один!

Из хижины выбежал мужчина лет пятидесяти в чапане, подпоясанном платком. Он был такой же высокий и сухощавый, как Полвонов. Пожимая его жесткую горячую руку, Усманов почувствовал, что она дрожит. Что могло так расстроить этого человека?

— Что случилось, Саидмурад? — спросил Полвонов.

Ишимов был бледен, губы его дрожали.

— Застрелили моего Куктая. И зачем только вы их послали ко мне, Сатыбалды-ака? Я остался без любимого пса!

— Когда? Зачем застрелили? — спросил Полвонов. Волнение чабана передалось и ему.

— Откуда я знаю, зачем! Застрелили, и все.

Оттопыренные уши режиссера стали пунцовыми.

— Искусство требует жертв. Подумаешь, пес!

— Я остался без собаки! Ты это понимаешь, глупая башка?

— Успокойся, Саидмурад, — мягко заметил Полвонов. — Нельзя же так разговаривать с гостями!

— Не можете ли объяснить, почему искусству потребовалась такая жертва? — спросил Усманов режиссера.

— Сейчас все расскажу, — охотно согласился седой, чувствуя, что назревает скандал. — Только вы, товарищ Ишимов, помолчите, не перебивайте. Так вот, уже прошло три дня, как мы приехали в колхоз. Появилась идея: волки. Оказывается, он убил более пятнадцати волков!

Режиссер выхватил из нагрудного кармана лист бумаги и, развернув, начал читать:

— «Светает. Саидмурад-ака еще в постели...»

— Да когда это было, чтобы я нежился в постели, если уже светает? — пришел в негодование чабан.

— Погодите вы! — махнул рукой режиссер. — «Внезапно залаяла собака, овцы в страхе заметались. Саидмурад-ака вскакивает с постели. В руках у него двустволка. В кошару забрался волк. Чабан стреляет и убивает волка. Остальная стая разбегается».

— Разбежится тебе стая волков от одного выстрела? — проворчал Ишимов. — Будь он проклят, этот твой эпизод! Где я найду такого пса? Не я чабан, а Куктай был чабаном!

Режиссер повернулся к Усманову и спокойно продолжал:

— Конечно, пес и в самом деле был завидным. Тысячу сожалений! Но где бы мы нашли волка? А Куктай смахивал на самого настоящего. Мы и решили воспользоваться. Да, собака погибла, зато мы имеем прекрасный фильм!

— Значит, вы считаете, что поступили правильно? — спросил Усманов.

— Несомненно! — ответил режиссер.

— Когда мы увидим фильм?

— Весной. Но сегодня мы должны доснять последний кадр.

— Хватит! — прервал его Ишимов. — Тут нет глупцов сниматься в твоем кино. Убирайся!

— Да-а, хороший был пес, — с огорчением произнес Полвонов. — Одолевал любого волка. Разве нельзя было как-то иначе? Не убивать?

Режиссер обратился к чабану:

— В последний раз спрашиваю, Саидмурад-ака, будете сниматься или нет?

— Не буду! — упрямо повторил Ишимов.

Режиссер пожал плечами и посмотрел на председателя:

— Может, вы уговорите?

— Этот человек говорит только раз. Он не согласится, — ответил Полвонов.

— Поехали! — крикнул режиссер, махнув своим рукой.

Микроавтобус уехал, оставив облачко пыли над дорогой.

— Не огорчайтесь, Саидмурад-ака, — сказал Усманов,

положив на плечо чабана руку. — Думаю, мы вам найдем хорошего пса.

— Конечно, найдем! — подхватил Полвонов.

Ишимов поднял на него недоверчивый взгляд.

— Прошу вас. Присаживайтесь. Сейчас расстелю дастархан, чаю заварю.

— Хороший ожидаете приплод? — поинтересовался Усманов, усаживаясь рядом с председателем.

— По сто сорок ягнят на сотню маток, думаю.

Полвонов довольно улыбнулся и погладил усы.

VIII

В потемневшем небе вспыхнули мириады звезд. Полвонов включил фары. Дорога была неровной, яркий сноп света то припадал к земле, то взмывал кверху, выхватывая из тьмы одинокие кусты за придорожными кюветами. Тихо и успокаивающе играла музыка. Оба молчали.

Усманов находился под впечатлением разговора с Ишимовым. Старый чабан оказался незаурядным человеком. Летом 1943 года взвод сержанта Саидмурада Ишимова держал оборону на подступах к Белгороду. В начале боя Ишимова ранило в руку и голову. Из взвода в живых осталось трое или четверо. Громыхнул взрыв. Ишимов почувствовал, будто кто-то толкнул его в спину... Очнувшись, он обнаружил, что лежит в лесу связанный... Так он оказался в плену. Его отправили в Германию. Через некоторое время наиболее крепких и сильных повезли в Югославию. По пути, уже в Черногории, Ишимову удалось бежать. Много дней он скитался в горах и наконец отыскал партизан. До конца войны он сражался в составе интернациональной партизанской бригады. Ишимов возглавлял диверсионную группу. Среди товарищей он был известен под кличкой Черный Миша.

Перед правлением колхоза стояла, дожидаясь Усманова, райкомовская «Волга». Из высоких окон падал свет. Усманов отказался зайти в правление.

— Благодарю вас, — сказал он, прощаясь. — Вы познакомили меня с интересным человеком.

— Желаю всяческих успехов, Дамир Усманович.

Усманов сел в машину и захлопнул дверцу.

Проезжая через новый кишлак, он невольно посмотрел в сторону дома, который Халида назвала своим. Из окон ярко лучился свет. «А что, если неожиданно пожаловать в гости?» — подумал он.

В райкоме, кроме дежурного, сидел заведующий отделом сельского хозяйства Назир Каримов. Прежде он работал агрономом в колхозе у Хаитбая. Год назад Бурханов перевел его в райком. Усманов давно собирался расспросить, почему он ушел из колхоза.

В приемной было накурено, на столе в беспорядке лежали исписанные листы бумаги.

— Чем вы заняты? Я не помешал? — спросил Усманов, показав на бумаги.

Каримов смутился.

— Кое-какие записи... Привычка со студенческих лет.

Усманов спускался по лестнице, когда его догнал Каримов.

— Дамир Усманович! Извините, забыл сказать: вас спрашивала женщина. Говорит, была у вас на приеме. Очень благодарила.

— Кто же такая?

— Пармонова. Скорее всего сейчас ожидает вас в гостинице. Говорит, важное дело.

«Что там у нее еще стряслось?» — подумал Усманов. Он испытывал неловкость, что так и не смог поговорить с ее мужем.

Подъезжая к гостинице, он увидел крупную фигуру Пармоновой. Женщина прохаживалась по тротуару, заложив руки в рукава бархатного жакета. Лицо ее расплылось в улыбке.

— Товарищ Усманов, а мне сказали, что вы приедете поздно!

— Почему не подождали в райкоме? — спросил Усманов, заметив, что женщина озябла.

— Тысячу раз спасибо вам! — сказала Пармонова, сверкнув глазами. — Муж стал тише воды и ниже травы. Даже минеральной воды в рот не берет! Я стала жить как невеста.

— Видите, как славно! Я очень рад, — сказал Усманов.

— У меня еще одна просьба, товарищ Усманов.

— Какая же?

— Не надо принимать никаких мер к моему мужу!

— Хорошо, — пообещал Усманов.

— Спасибо. Тысячу раз спасибо. Я знаю, без жены

вам трудновато. Я принесла вам немного еды. В комнате. Ешьте сразу, пока не остыло. А в столовой разве еда?

Он засмеялся и пошел в гостиницу. «Надо не забыть рассказать об этом Хафизе», — подумал он.

От отпер ключом дверь и зашел в комнату. Не успел снять пальто, зазвонил телефон. Хафиза! Разговаривали они долго. Усманов рассказал, где побывал, с кем встретился. Доволен ли он? Очень. Доволен, что приехал именно в Бадамсай, здесь живут замечательные люди. Скучает ли по ней? Конечно, еще как! Но что поделаешь! Как только он получит жилье, она приедет, и жизнь снова наладится. Не голоден ли он? Сыт. А сейчас еще примется за манты. Кто принес? Нет, совсем не молоденькая, он обязательно познакомит с нею Хафизу...

Пожелав жене спокойной ночи, Усманов решил поговорить с редактором районной газеты Исмаилом. Позвонил. Тот оказался дома.

— Исмаил, нужна твоя помощь. В колхозе «Шарк юлдузи» есть чабан, Саидмурад Ишимов. Слышал? Этот человек для тебя — находка. Приедешь? Когда?..

— Дня через три-четыре.

— Жду.

— Послушай, Дамир, — спохватился Исмаилджан, — чем кончилось дело с трактористом? В редакцию поступила жалоба.

— Послезавтра бюро, — сказал Усманов.

Слышно было, как Исмаил дышит в трубку, о чем-то раздумывая. Не сказав более ничего, он прекратил разговор.

IX

Утром в приемной Усманов встретил Хайдарали Кабулова, истомившегося ожиданием.

— А, Хайдарали, заходи! Что случилось?

Заикаясь от волнения, Кабулов не знал, с чего начать разговор.

— Знаете, Дамир Усманович... Вчера вечером у нас состоялось партийное собрание. А двумя днями раньше мы провели бюро. Хотели серьезно поговорить с Хаитбаем-ака. Но Хаитбай-ака попросту не явился! Сказал, что у него срочные дела. Что ж, товарищи выступали активно. Решили объявить мне и председателю выговор.

Кабулов вынул из кармана пиджака сложенный вчетверо листок и протянул Усманову.

— Что ж, решение верное, — сказал Усманов, дочитав бумагу.

— Верное-то верное, но... не прошло, — произнес с огорчением Кабулов.

— Почему?

— Султанов!

Усманов задумался. Нелегко Кабулову, молодому и еще неопытному парню, бороться с Султановым. Но он сумел все же настоять на своем и вынести решение бюро на обсуждение собрания. Молодец!

— Дамир Усманович! — прозвучал по селектору голос секретарши. — Спрашивают из больницы.

— Слушаю, — сказал Усманов.

Он узнал низкий голос главного врача.

— Дамир Усманович, тракторист из колхоза «Максим Горький» скончался.

Усманов растерянно молчал. Наконец он спросил:

— Сколько ему было?

— Тридцать три.

«Почти мой ровесник».

— Сейчас приеду.

Положив трубку, он посидел, стараясь овладеть собой. Не глядя на Кабулова, произнес:

— Слышали?

На лице Кабулова проступила бледность.

Первым человеком, которого Дамир встретил во дворе больницы, была жена Эргашева. За несколько дней она заметно осунулась. Женщина сидела на скамейке, обхватив голову руками. У ног ее стоял узелок. Она не ответила на приветствие, будто не слышала.

Дверь отворилась и навстречу приехавшим вышел главный врач.

— Ничего не могли поделать, — грустно ответил он на их немой вопрос. — Печень.

— В колхоз сообщили? — спросил Усманов.

— Позвонил.

Усманов взглядом показал Хайдарали на женщину:

— Побудьте с ней, пока приедут из кишлака.

Члены бюро заняли места вокруг длинного стола, приставленного к письменному столу секретаря. Приглашен-

ные расселись на стульях вдоль стен. Султанов пока отсутствовал. Без трех минут девять пришли Садыков и районный прокурор Соколов. В самый последний момент вошел Бурханов с толстой красной папкой под мышкой. За ним, шумно отворив дверь, ввалился запыхавшийся Султанов.

— Прошу извинения, — сказал он, вытирая обильный пот с красного лица. Ни на кого не глядя, он присел на краешек стула возле самых дверей.

В кабинете воцарилась тишина.

— Слово товарищу Бурханову.

— Я буду краток, — предупредил Бурханов, поднимаясь с места. — Вы все, наверное, знаете о происшествии в колхозе имени Максима Горького. Районная партийная организация не может пройти мимо такого случая. Я лично одобряю, что по инициативе Дамира Усмановича этот вопрос вынесен на наше бюро и сюда приглашены все руководители хозяйств. Происшествие обязывает нас сделать для себя очень серьезные выводы. Что же, собственно, произошло? Правление колхоза решило освоить не обрабатывавшуюся в течение многих лет землю вдоль оврага. Так ведь, Хаитбай Султанович? — Султанов, не отрывая от него взгляда, утвердительно кивнул головой. — Благие намерения! Однако во время работы трактористом Эргашевым были нарушены элементарные правила техники безопасности. Он не учел, что накануне прошел дождь и земля скользкая. Но ни правление колхоза, ни партийная организация не обратили внимания на это обстоятельство. Положились на то, что тракторист имеет опыт и сам примет меры предосторожности. Но, увы, он их не принял... Зная сложные условия данного участка, Хаитбай-ака поручил вспашку не какому-то молодому джигиту, а опытному Яхшибаю Эргашеву. Я подчеркиваю — опытному трактористу. Однако я не собираюсь, конечно, оправдывать председателя. Он виноват. И партийная организация колхоза тоже. У них абсолютно не налажены охрана труда и техника безопасности. Вот почему я их считаю виноватыми, товарищи! По-моему, этому вопросу уделяется недостаточно внимания и в других хозяйствах.

— Верно говорите, — послышались голоса.

— Дамир Усманович, у меня имеется предложение, — продолжал Бурханов. — Нам следует создать авторитетную комиссию и поручить ей изучить эту сторону

дела во всех хозяйствах района. Что же касается случая с трактористом Эргашевым... я предлагаю строго предупредить товарища Султанова. Учитывая, конечно, что сама трагедия — достаточно серьезное наказание для этого человека и всего коллектива.

Бурханов сел и оглядел присутствующих, словно желая определить, какое впечатление на них произвело его выступление.

Усманову выступление не понравилось. Говорил вроде бы все верно. Однако Бурханов сглаживал причины, повлекшие за собой трагедию, смягчал вину тех, кто мог предотвратить ее, но не предотвратил, сводил все к нарушениям техники безопасности. Усманова так и подмывало выступить самому.

— Кто желает еще выступить? — спросил он.

Слова попросил Кудрат Саидович.

— Казим Бурханович исключительно прав, — сказал он, покашляв в кулак. — Сегодня мы должны сделать серьезные выводы. Аналогичное случается то в одном, то в другом колхозе. Помнится, лет десять назад в колхозе «Айбек» один арбакеш вез сено и свалился с арбы. Мы тогда не обратили внимания на этот случай. Сам пострадавший никуда не пожаловался. Между тем этот человек до сих пор не поднимается с постели. Кто в этом виноват? Бесспорно, в первую очередь он сам. Но косвенно виноваты и мы, товарищи! Никто не сказал этому арбакешу: мол, зачем так много грузишь, лучше сделай еще одну ездку. Теперь вот и Эргашеву никто не сказал: «Этот склон скользкий, будь осторожен». Как говорят люди, его даже заставили начать там пахоту. Вы заставили, Хаитбай Султанович! Да, вы! Я побывал там, осмотрел участок. Там же очень легко перевернуться даже при соблюдении всех правил безопасности! Неужели вы этого не видели? Земли-то с ладонь. Нет, не было необходимости пускать туда трактор.

Садыков помолчал, как бы собираясь с мыслями, и обратился к Усманову:

— Дамир Усманович! Я не против предложения товарища Бурханова. В конце концов сейчас не главное, какое наказание применить к виновным, а главное — осознать, что произошло, главное — понять свою вину в происшедшем. Если Хаитбай Султанович не понимает этого, если не понимают этого и другие, то мы не изле-

чимся от своих болезней, и такие трагедии будут повторяться и впредь.

— Почему я не понимаю? — пробубнил Султанов. — Я все понимаю. Очень нехорошо получилось. Только одного не возьму я в толк. Вы что, хотите, чтобы я вообще не распоряжался? Тогда зачем в колхозе председатель?

— Вот видите? — сказал Садыков, обращаясь к Усманову. И, обернувшись к Султанову, с укоризной покачал головой. — Распоряжайтесь, товарищ Султанов, распоряжайтесь. Только распоряжайтесь разумно. Распоряжайтесь так, чтобы люди не гибли.

— Я, что ли, его убил? — повысил голос Султанов. — Вы хотите меня сделать убийцей? Я за всю жизнь и воробья не убил. Думайте, что говорите, товарищ Садыков!

— Не забывайте, что вы на бюро, товарищ Султанов, — строго сказал Усманов.

После Садыкова говорил районный прокурор Виктор Иванович Соколов. Усманов давно знал этого человека. В самом начале войны Соколов добровольно ушел на фронт, гнал врага до Берлина. По возвращении долгое время работал в республиканской прокуратуре, а восемь или девять лет назад его потянуло в родные места, он и попросился в Бадамсай.

Внимательно вслушиваясь в неторопливое выступление Виктора Ивановича, Усманов порадовался, что работает с таким человеком.

— Простите меня, Хаитбай Султанович, — сказал в заключение Соколов. — Однако вы виноваты. И напрасно обижаетесь на Кудрата Саидовича. Из-за вашего неразумного распоряжения погиб человек. Я ни в коей мере не могу согласиться с предложением Казима Бурхановича. Наказание должно соответствовать тяжести вины. Виновному в трагедии, повлекшей за собой смерть человека, предупреждение — слишком легкое взыскание. Я предлагаю председателю колхоза Султанову объявить строгий выговор с занесением в учетную карточку.

Заседание продолжалось до полудня. Выступили почти все члены бюро.

— У вас есть что сказать? — спросил Усманов, обращаясь к Султанову, который сидел, опустив голову.

Председатель поднялся с трудом, будто ноги едва держали его.

— Я же не знал, что так получится, — еле слышно произнес он. — Разве я хотел, чтобы он погиб? Мой лучший тракторист... Думаете, мне легко? Как увижу его детей, сердце кровью обливается. Конечно, я виноват. Кто же еще? Ругаю себя. Товарищ Садыков говорит, я не понимаю. Нет, я очень хорошо понимаю. Но ведь он сам не без головы, должен был работать осторожно!

В комнате воцарилась тишина. Все ожидали, что скажет первый секретарь. Из выступления Султанова Усманов понял, что председатель не понял сути трагедии. Произносил правильные слова, как и Бурханов, но в них не чувствовалось боли и уважения к человеку. Эта трагедия для него просто несчастный случай, и только.

— Вчера я встретил в больнице жену Эргашева, — тихо произнес Усманов и медленно поднялся. — Я видел ее и в первый день, когда ее мужа привезли в больницу. Но вчера... Вчера я не мог смотреть ей в лицо. Стыдно...

— Правильно, — негромко произнес кто-то.

— Согласен, — продолжал Усманов, — большую часть работ без распоряжений не осуществишь. Но нельзя же командовать вслепую! Если в чем-то недостаточно компетентен, надо советоваться. А вы, товарищ Султанов, не только не посоветовались ни с кем, но даже не вняли разумным словам бригадира механизаторов и самого Эргашева. Они высказывали свое опасение. А вы накричали на них. Невежество, самодовольство всегда приводят к несчастью. Это надо понять. До вашего сознания это еще не дошло. Если вы не измените отношения к людям, то руководить колхозом вам будет трудно. И нам будет трудно с вами работать... Казим Бурханович внес очень дельное предложение. Мы создадим при райкоме специальную комиссию и проверим состояние охраны труда и техники безопасности во всем районе. Решение же сегодняшнего бюро мы разошлем во все хозяйства. Трагедия, происшедшая в колхозе «Максим Горький», не должна повториться. Голосуем, товарищи. Первое предложение: за нарушение правил техники безопасности, приведшее к несчастному случаю со смертельным исходом, председателя колхоза «Максим Горький» товарища Султанова предупредить. Кто за это предложение?

Первым поднял руку Бурханов, медленно поворачивая голову, будто запоминая, кто не поддержал его предложения.

Под взглядом Бурханова нерешительно поднял руку заведующий отделом народного образования. Этого человека Усманов еще не знал. Никто больше не проголосовал за первое предложение.

Султанову был объявлен строгий выговор с занесением в учетную карточку.

В конце дня к Усманову зашел Бурханов. Он был заметно взвинчен.

— Ко мне у вас ничего? — хмуро спросил он.

— Нет. — Усманов встал из-за стола. — Вид у вас усталый, Казим Бурханович.

— Голова разболелась. Если вы не против... я пойду.

— Идите, идите. Только не расхворайтесь.

Бурханов кивнул и вышел.

С его уходом мысли Усманова обрели ясность. Неприятный осадок у него остался от выступления Бурханова, от его стремления оградить Султанова от наказания. Он и прежде слышал, что они близки с Султановым, почти приятели. Дружба дружбой, но не должны же приятельские отношения отражаться на деле. Второй секретарь райкома, откровенно встав на защиту Султанова, допустил промах. Понял ли он это? Надо поговорить с Бурхановым. Он же опытный человек, но почему только притворяется простаком? Кажется, Бурханов сложнее, чем предполагал Усманов.

X

Начало весны было нерешительным. В марте были частые ветры, дожди. Но в конце концов берега арыков покрылись зеленью, зацвели урючины, резко выделялись своим розовым нарядом в темных садах. На полях с рассвета до ночи рокотали тракторы, шел сев хлопчатника.

В такую страдную пору состоялось расширенное собрание партийно-хозяйственного актива Бадамсайского района. На нем присутствовал Искандер Гайибович. С тех пор как Усманов стал секретарем райкома, актив был первым крупным собранием. Подготовка к нему доставила Усманову немало хлопот.

Всех волновал ход посевной. Хаитбай Султанов, когда ему предоставили слово, обвел зал орлиным взором и объявил, что колхозники «Максима Горького» пересмотрели свои обязательства и решили продать государству еще тысячу тонн хлопка-сырца.

В зале бурно зааплодировали.

Когда Султанов стал спускаться со сцены, Искандер Гайибович громко спросил Усманова:

— Ну а район? Какие планы у района?

Аплодисменты еще не стихли, но вопрос первого секретаря обкома услышали все. Вопрос, обращенный к Усманову, касался всех.

Бурханов негромко, но уверенно произнес:

— Искандер Гайибович, по предварительным расчетам — дадим сверх плана еще шесть тысяч тонн. Предполагаю, что будет даже больше.

— А что скажет первый секретарь? — спросил Искандер Гайибович.

Усманов поднялся с места. Весь зал смотрел на него.

— Хаитбай-ака выступил с хорошим предложением, — сказал он. — Но это пока лишь одно желание. В сердцах тружеников нашего района имеется такое желание. Я в этом убежден.

— Правильно! Верно! — послышались голоса в разных концах зала.

— И, конечно же, имеются свои намерения и у района. Но наше твердое слово мы вам скажем, Искандер Гайибович, когда засеем поля. Можете поверить, что бадамсайцы пересмотрят свои обязательства.

Уезжая и прощаясь с Усмановым, Искандер Гайибович пошутил:

— Дамир Усманович, я был убежден, что из вас выйдет хороший партийный работник. Но вы, оказывается, еще и дипломат.

Усманов смутился.

— Правильно ответили, — дружески хлопнул его по плечу Гайибов. — Райком знал об инициативе Султанова?

— Нет.

— Я так и подумал. Инициатива — вещь хорошая, но ею надо управлять. А почему вы не переезжаете в отведенный вам дом? Первый секретарь райкома — не гость для района. Ему не к лицу жить в гостинице.

Искандер Гайибович уехал, а Усманов еще долго стоял, не трогаясь с места. Легкий ветерок освежал лицо, трепал волосы. Большая круглая клумба в скверике уже была сплошь в цветах. В тени темно-зеленой арчи сидела молодая женщина и покачивала детскую коляску, держа на коленях раскрытую книгу. Усманов подумал о Хафизе. Как она там? Искандер Гайибович прав, зачем им столько времени жить врозь?

От раздумий его отвлек председатель райисполкома Садыков.

— Дамир Усманович, простите. Сегодня вам уже нельзя не переехать в новый дом. Искандер Гайибович меня отругал!

— Да, да, — рассеянно ответил Усманов, — надо переезжать.

— Тогда я распоряжусь, чтобы ваши вещи перенесли из гостиницы?

Усманов кивнул.

— По-моему, Хафизе Рахимовне дом понравится. Светлый, окнами на солнце.

Усманов улыбнулся.

На столе лежала кипа бумаг, приготовленная со вчерашнего вечера. Жалобы, просьбы. Сегодня у него приемный день.

Он начал читать письмо, лежавшее поверх бумаг, и позабыл обо всем. Несколько страниц были исписаны убористым почерком. К первому секретарю райкома обращался персональный пенсионер, член партии с 1919 года. Он подробно излагал события времен гражданской войны, происходившие в Бадамсае. Автор письма был активным участником этих событий, встречался с Ахунбабаевым, Куйбышевым, Фрунзе. Эти люди бывали у него в доме, однажды проводили даже военный совет. Как сообщал автор, у него имеется множество ценных документов и фотографий. Заботясь о сохранности этих бумаг и снимков, автор письма предлагал превратить его дом в музей. С этим предложением он, оказывается, обращался во многие инстанции, но определенного ответа не получил. «Слышал, что вы историк, — писалось в письме. — Потому и обращаюсь к вам, надеясь, что правильно меня поймете. Жить мне осталось немного. Боюсь, что с моим уходом из жизни могут затеряться все эти документы».

В конце письма значился адрес.

«Надо зайти», — подумал Усманов, откладывая письмо.

Затем ему попались документы Саидмурада Ишимова, связанные с представлением его к награде. Неизвестно, читал ли их кто-нибудь вообще.

Усманов нажал кнопку селектора.

— Казим Бурханович, зайдите на минуту.

Он тут же смекнул, что поспешил. Лучше было дождаться очерка об Ишимове. А впрочем...

— Я вас слушаю, — сказал Бурханов, входя в кабинет.

Он сел в кресло перед письменным столом и закинул ногу на ногу. Усманов положил перед ним бумаги Ишимова.

— Почему до сих пор не рекомендованы эти документы?

— Что это? — Бурханов, не меняя позы, чуть наклонился. — А, чабан из колхоза «Шарк юлдузи». Что, пожаловался?

— Это неважно. Четвертый год подряд на Ишимова заполняются наградные листы, но дальше райкома они не идут.

— Правильно, — кивнул Бурханов. — Ишимова нельзя рекомендовать. А Полвонов даже собирается представить его к званию Героя!

— Почему нельзя? Работает он хорошо.

— Работает-то хорошо. Но райком против. Ишимов долгие годы находился в плену. Вопрос обсуждался на бюро.

— А вы знаете, что Ишимов делал в плену?

Бурханов усмехнулся:

— Он там вершил героические дела! Райком не может руководствоваться слухами.

— Но в райкоме не могут и безразлично относиться к судьбам людей.

— В этом виноват он сам, — сказал Бурханов, пожимая плечами. — Никто же не тянул его в плен за руку!

— На войне случалось всякое, Казим Бурханович. На то и война... Но Ишимов честный человек. Вы только вникните в его документы. Да и по нему видно.

Бурханов усмехнулся.

— Я не исключаю возможности, что вы опытный физиономист. Но поймите меня правильно, Дамир Усманович. Я тоже озабочен судьбой Ишимова. Но мы же не знаем, что он делал на той стороне!

— Так узнайте!

— Нет свидетельств.

— А эти письма?

— Письмо — не документ.

«Да, с этим человеком трудно разговаривать, — подумал Усманов. — Он верит только официальной бумаге».

Стараясь не потерять над собой контроля, он спокойно произнес:

— Авторы писем — свидетели. Свяжитесь с ними.

— Но эти свидетели не знают, как он очутился в плену. Кроме того, Ишимов возвратился домой в сорок седьмом году. Почему сразу не вернулся? Боялся? Не хотел? — Бурханов выпрямился в кресле, уверенный в своей правоте. — Пусть лучше работает, трудом смывает свое бесчестье. Мы оказали ему доверие, предоставив возможность спокойно жить и трудиться. Разве это не свидетельство уважения государства к нему? Если он этого еще не понял, то я скоро буду в «Шарк юлдузи», я ему растолкую!

— В этом нет надобности, — негромко произнес Усманов. — Делом Ишимова я займусь сам... Кстати, не довелось ли вам посмотреть телефильм о Зиямате Хусанове?

— Нет, не довелось, — ответил Бурханов. Лицо его сделалось каменным.

— Тоже попал в плен. Под Курском. А дома получили извещение о гибели. Но Хусанов бежал из плена, воевал против фашистов в Болгарии. И ему присвоили звание Героя Советского Союза!

Бурханов покинул кабинет, не произнеся более ни слова. А Усманов некоторое время сидел, чувствуя неимоверную усталость.

Он попросил секретаршу принести крепкого чая. За чтением остальных заявлений он не заметил, как пролетело время.

Из селектора донесся голос:

— Дамир Усманович, будете принимать по личным вопросам? Уже пять часов.

— Много посетителей?

— Шестеро. Первым хочет зайти Носир Пулатович.

— Пригласите.

Усманов поспешно встал и направился к двери.

— Как здоровье, Носир Пулатович? Выглядите превосходно!

— Благодарю.

Они сели на диван напротив распахнутых окон. В кабинет вливался теплый ветерок.

— Мне кажется, дело идет на поправку, — сказал Пулатов, потирая колено. — Только голова еще порою кружится. Вот и хожу с палкой. Но, думаю, скоро пройдет.

— Непременно пройдет! — поддержал Усманов.

— А вы правильно поступили, что не оставили без последствий случай с трактористом в колхозе имени Максима Горького. Люди все замечают.

Усманову была приятна похвала старого и опытного партийного работника.

— А я хотел зайти к вам посоветоваться.

— Пожалуйста. В любое время. Но сейчас я сам к вам за советом.

— Слушаю вас, Носир-ака.

Глаза Носира Пулатовича заблестели.

— К колхозу имени Максима Горького с юга подступает степь. Целина. Вода туда не поднимается, а без нее там ничего не посеешь. Когда я работал в райкоме, не раз говорил Султанову: давайте освоим эти земли, разобьем там сад. Он обещает и ничего не делает. Волокиты много! Если вы не возражаете, хочу с десятком парней освоить эти земли. Как считаете? Останется обо мне хоть какая-то память. Вырастет замечательный сад!

— Сколько же там земли?

— Гектаров шестьсот.

Усманов задумался. Бывший секретарь пришел, конечно, с дельным предложением. Но по силам ли груз он хочет взвалить на свои плечи? Врачи рекомендуют ему покой и покой.

Пулатов не сводил с него проницательных глаз.

— Я знаю, кое-кто против этого предложения. Сомневаются, говорят, что я болен. Один наш совхоз сможет ежегодно обеспечивать фруктами два-три сибирских города. Думаете, строители БАМа или других строек не будут рады нашим фруктам?

— Удивительный вы человек, Носир Пулатович!

— Так как же насчет сада?

— Вашу мечту будем претворять в жизнь вместе!

Он проводил Носира Пулатовича до двери и сердечно простился.

Приняв последнего посетителя, Усманов прибирал у себя на столе, когда вошел секретарь по идеологии Холяр Алиев.

— Я по личному делу, Дамир Усманович.

— Прошу вас, Холяр Алиевич. Все благополучно?

— Да вроде бы... — смущенно сказал Алиев, отводя взгляд в сторону. — Дамир Усманович, я давно собирался поговорить с вами... Думаю, вы меня поймете. Мне

кажется, будет лучше, если я вернусь на прежнюю работу.

— Почему? — спросил Усманов.

— Эта работа для меня слишком трудна.

Этого Усманов не ожидал. Почему вдруг Алиев решил уйти? Увидел недостатки в своей работе? А может быть, причина совсем в другом?

— Мне тяжело это слышать, — сказал наконец Усманов. — Я тут новый человек. А новенькому обычно все помогают.

— Правильно! Но я чувствую, что работу не выполняю как следует.

— Что же вам мешает?

Алиев снова отвел глаза и вздохнул.

— Что может мешать? По-видимому, виноват сам. Не могу наладить.

Разговор затянулся.

Очертания чинары перед окнами размыло в вечерних сумерках. С улицы потянуло прохладой. Усманов встал, включил электрический свет.

— А вы ставили свои вопросы на бюро? — спросил Усманов.

Подумав, Алиев ответил:

— Неоднократно. Но... — и он развел руками.

— Я сожалею, что мы с вами не поговорили раньше, — сказал Усманов. — Давайте договоримся: о своем решении уйти вы сказали только мне, пусть никто больше об этом не знает. По-моему, мы хорошо сработаемся.

С этим словами Усманов протянул Алиеву руку. Тот встал.

— Я не хотел жаловаться, Дамир Усманович...

За окнами совсем стемнело. Чуть слышно доносились звуки оркестра из парка. Усманов рассказал о старом ювелире, с которым познакомился случайно.

— Таких мастеров почти не осталось, — с сожалением заметил Алиев. — Бадамсайцы должны гордиться, что среди них живет такой мастер. Кудрат Саидович как-то сказал, что исполком решил открыть для него мастерскую.

— Видите, как много дел у нас! А вы?

Алиев опустил глаза.

— Дамир Усманович, вот теперь я, кажется, начинаю чувствовать себя секретарем.

XI

— В новый дом поедем? — напомнил шофер, когда Усманов садился в машину.

А Усманов и в самом деле чуть не забыл, что сегодня ехать не в гостиницу. С улыбкой кивнул шоферу. Интересный народ эти шоферы, все они всегда узнают, ничего без них не обходится. Наверное, уже несколько раз побывал в новом доме...

Усманов все время порывался спросить у этого сильного и боевого парня, почему он работает на легковой машине. Ему бы штурвал хлопкоуборочной машины или МАЗа в руки! И зарабатывал бы больше, и работа — для джигита. Усманов сейчас хотел затеять этот разговор, но сказал совсем другое:

— Рустамджан, в гостинице у нас ничего не осталось?

— Абсолютно. Все взяли, — весело ответил шофер, прибавляя скорость, и как-то странно посмотрел на Усманова. Будто собирался сказать что-то, но раздумал и лишь улыбнулся многозначительно.

«Вот теперь становлюсь настоящим бадамсайцем, — подумал Усманов. — Дом есть. Интересно, понравится Хафизе? Понравится. Все, что нравится мне, нравится и Хафизе».

Усманов попробовал представить себе, что сейчас делает жена. Он очень любил ее. С годами любовь его все крепла, становилась сильнее и сильнее. Вовсе не правы те, кто говорит, что с годами любовь угасает, остается привычка. Восемь лет они прожили, а кажется, только вчера поженились. Хафиза стала ему близким другом. И мудрым советчиком. Кто знает, может, все женщины семи пядей во лбу, но Хафиза, хоть и моложе его на три года, куда его умнее и опытнее. Усманов часто и сам не замечал, как во многих случаях поддавался влиянию жены. Со стороны могло показаться, будто все делается, как хочет он, однако сами-то они знали, чье желание в данном случае возобладало. Он не жалел об этом, не обижался. Потому что все, о чем заранее говорила Хафиза, в конце концов исполнялось.

Они познакомились во время сбора хлопка. Как давно это было! Усманов был вторым секретарем комсомольской организации института и в страдную пору работал в штабе при правлении колхоза. Однажды он отправился верхом в бригаду, где собирали хлопок первокурсники,

объехал поля, проверяя, чисто ли обобраны кусты, не остается ли в коробочках ощипков хлопка, которые потом развеет ветер. Вечерело. Многие несли уже собранный хлопок на хирман. Юноши с трудом тащили на себе канары *, девушки, поддерживая обеими руками, несли на голове, словно огромный белый каравай, набитые хлопком фартуки. Скосив глаза, они с интересом поглядывали на молодого всадника. Многие узнавали его, здоровались. А кто на язык побойчее, опускал ношу на землю, словно бы передохнуть, и с улыбкой говорил: «Дамир-ака, покатайте! На таком скакуне хоть на край света... с вами!» Ну и девушки, любого джигита могли в краску вогнать. Он поднимал коня на дыбки и пускал вскачь. Под ним вправду был добрый конь, послушный. На солнце его круп блестел, как терракотовый. Ноги тонкие и быстрые. Сам раис одолжил ему своего коня.

На хирмане высилась белоснежная гора хлопка. А сборщики все несли и несли набитые ими мешки, фартуки. У весов собралась очередь. На хирмане первокурсников каждый день хлопковая гора вырастала выше, чем у соседей. Переходящее Красное знамя они удерживали у себя до конца сезона. И так каждый год — никто не мог отобрать знамени у первокурсников. Чем выше курс — тем ниже хлопковая гора на хирмане. А меньше всех собирали дипломники. Ни критика, ни уговоры на них не действовали. Если же их пытались пристыдить, приводя в пример первокурсников, они отвечали, что тоже были первокурсниками и собирали не меньше сегодняшних, если не больше. И это было истиной. Студенты старших курсов переиначили народную песню и весело распевали:

Мы были такими, как вы,
Вы станьте такими, как мы!..
Мы джигиты, что надо — Алпомышу под стать,
А ваши девушки красивы, как Барчиной **...
Помогайте сокурсницам норму собрать,
А нам предоставьте девчат развлекать,
С ними гуляя всю ночь под луной.
Собирайте, эй, собирайте,
Ощипок на кустах не оставляйте!..

Первокурсники, конечно, замечали в песне скрытую иронию, но и пожеланием старшекурсников оставались довольны и, теша себя надеждой, что спустя три-четыре

* Канар — большой мешок для хлопка.
** Алпомыш, Барчиной — герои дастана «Алпомыш».

года тоже станут такими, как они, старались до конца сезона работать на совесть.

И в тот день, как всегда, первокурсники поработали на славу. Усманов взял у табельщика сведения, опять сел на коня и поехал в правление. Дорога шла краем поля. Смеркалось. Вдалеке слышались голоса, смех сборщиков, возвращающихся в кишлак. Вдруг откуда-то из слившихся в сумерках междурядий до него донесся тоненький жалобный голосок:

— Эй, дядя!..

Дамир пришпорил коня и въехал в поле. Конь скачками преодолел несколько междурядий. И он увидел прямо перед собой девушку. Она испуганно отпрянула в сторону.

— Вай, это вы, Дамир-ака? — удивилась она. — А я думала, тот дядя, который хлопок принимает!..

— Что так задержались? — спросил Дамир, слезая с седла.

— Не заметила, как наступил вечер, — простодушно ответила девушка и посмотрела в междурядье, где лежал ее фартук, до отказа набитый хлопком. Она была невысокого росточка и хрупкой, и, должно быть, поэтому фартук рядом с ней казался неимоверно большим.

— Не могу поднять, — смущенно сказала девушка.

Усманов нагнулся, чтобы одной рукой взять фартук и водрузить на лошадь — продемонстрировать силу.

— Тяжелый... — предупредила девушка.

Дамир хотел поднять рывком, но лямки фартука выскользнули из пальцев. Осердясь, схватил обеими руками, поднатужился, но из-под ноги выскользнул ком сухой земли, он оступился и бухнулся на колени. Девушка звонко рассмеялась. А он залился краской — благо, что было темно.

— Камни, что ли? — спросил он, раздражаясь.

— Хлопок... С обеда не сдавала. Я помогу...

Девушка нагнулась и тоже взялась за фартук. Дамир почувствовал ее теплое чистое дыхание. Он смягчился.

— Сами собрали столько?

— Конечно.

— Многовато.

Дамир положил свои ладони поверх ее рук, чтобы отвести их от тюка. Они были теплые, нежные и очень маленькие. Девушка выпрямилась и поспешно отдернула руки, глядя исподлобья.

А Усманову как раз в эту минуту почему-то очень захотелось понравиться ей. Он собрал все свои силы и, подняв фартук, положил на седло. Стараясь дышать ровно, он как можно спокойнее посоветовал:

— Завтра не задерживайтесь так. Ведь я могу и не приехать.

— Ладно, — кивнула девушка и улыбнулась.

Однако он приехал и на второй день. И на следующий. А спустя некоторое время уже весь институт говорил о влюбленных. Но Усманова эти разговоры нисколько не смущали. Он чувствовал себя на седьмом небе, что встретил такую славную девушку. Всем сердцем полюбил он Хафизу. Мучился, не зная, любит ли она. А вскоре, когда они сидели на травянистом берегу канала, Хафиза призналась, что видела его во сне. А когда же девушке может присниться юноша? Только в том случае, если она его любит...

Они уговорились, что поженятся, когда оба закончат учебу. Но спустя два года пришлось спешно сыграть свадьбу. О причине знали только они двое. Ждали ребенка. Ждали... Но не дождались. Хафиза не смогла сохранить беременность... Переживали. Особенно Хафиза. Все глаза выплакала. А Мастура-апа успокаивала: дескать, молоды еще — успеете обзавестись и детьми и богатством. Она очень привязалась к Хафизе, полюбила как родную дочь. И Хафиза с первого дня называла ее «онаджон», мамочкой. Усманов радовался этому. До женитьбы он не раз слышал, что невестка и свекровь часто не понимают друг друга и это приводит к разладу в семье. Думая об этом, знал, что не сможет встать ни на чью сторону: он и к матери, и к Хафизе относился с одинаковой нежностью. К счастью, его опасения оказались напрасными.

Иногда Усманов шутя говорил Мастуре-апа:

— Мама, не очень ли вы разбаловали свою невестку?

А та, не принимая шутки, отвечала:

— Почему это я разбаловала? Она меня называет мамой, как и ты. Я осталась в свое время с одним ребенком, а теперь вас у меня двое.

Усманов не без удовольствия передавал жене слова матери.

— Я тоже онаджон очень люблю, — говорила Хафиза. — Она только посмотрит и уже знает, что у меня на душе...

Но шли годы, а детей у них все не было и не было.

И учебу закончили, и работать стали, ходили поздравлять с первенцами друзей, которые поженились много позже. А сами...

У каких только врачей не побывала Хафиза. И в Ташкент ездила с Мастурой-апа, и в Москву. И вот, после стольких переживаний, они опять ожидают ребенка. У Хафизы, слава богу, минул кризисный период, которого опасались врачи, боялась она сама, и теперь ее радости нет предела. Мастура-апа не позволяет ей ничего делать по дому, сторожит каждый ее шаг, каждое движение.

«Рискнет ли мать привезти невестку сюда до родов?» — подумал Усманов, когда «Волга», скрипнув тормозами, остановилась у ворот.

А в новом доме, оказывается, его ожидала радость. Давешняя улыбка Рустама имела особый смысл! Едва Усманов, отворив калитку, шагнул во двор, он увидел Хафизу, которая вышла на веранду, заслышав звук остановившейся машины.

— Хафиза! Когда же?.. — бросился он к ней, обнял.

— Я их привез еще днем, — сказал Рустам, поднимаясь по широким ступенькам веранды с охапкой книг в руках.

Голос шофера отрезвил Усманова. Выпустив жену из объятий, он взял у него книги и укоризненно покачал головой:

— А мне хоть бы слово, а, Рустам?

Рустам взглянул на Хафизу, улыбнулся:

— Сюрприз!

— Что ж, за такой сюрприз полагается суюнчи! * — смеясь, сказал Усманов. — Проходите в дом.

— Не-е, мне домой пора.

— Останьтесь поужинать, — предложила Хафиза.

Но Рустам поблагодарил, попрощался и ушел. На веранду неспешно вышла Мастура-апа в фартуке и с шумовкой в руках. Свободной рукой обняла сына, поцеловала.

— Хафиза решилась. Одна, говорит, поеду. А разве ж я отпущу ее в дорогу одну. Как можно... А ты похудел, скулы выступают, — заметила она, внимательно вглядываясь в сына.

Усманов задумался, провел рукой по щекам, словно желая убедиться, права ли мать.

— Что же не сообщили? Завтра-послезавтра собирался съездить за вами. Зачем было спешить?

* Суюнчи — подарок за радостную весть.

— Не посмели ослушаться Искандера-ака, — ответила Хафиза, лукаво поблескивая глазами. — Он позвонил нам и сделал выговор, что мы тебя обрекли на одиночество.

— Благо есть кому проявить заботу. Ну, я очень рад...

— Только мы с собой не захватили никаких продуктов. Так, налегке, — сказала Мастура-апа. — Взяла только крупного девзирского рису. Умывайся скорее. Плов, наверное, уже готов.

И она, спохватясь, заспешила обратно в кухню.

— Значит, рад? — спросила Хафиза, когда они остались одни.

Усманов осторожно прижал ее к груди. Его поразила перемена в ней — лицо полно спокойствия и значительности.

— Я соскучился. Хорошо, что ты приехала.

— Я тоже... соскучилась, — сказала Хафиза тихо, почти шепотом, и, закрыв лицо руками, прижалась лбом к его груди.

Во время ужина Усманов, обведя взглядом стены, потолок, спросил:

— Понравилось?

Хафиза огляделась, словно только что обратила внимание на комнату и на все, что в ней находилось. Видимо, так оно и было. Хафиза радовалась не дому, а тому, что они наконец вместе.

— Одну комнату отведем под кабинет, — сказала она.

— Тогда наш малыш останется без комнаты. Нет, лучше одну из комнат сделаем детской, — сказал Усманов.

Мастура-апа перевела взгляд с сына на невестку, потом опять на сына.

— Двор, оказывается, большой, — вмешалась она в разговор. — Если где-нибудь в углу соорудите мне комнатушку с маленькой верандой, то все прекрасно разместимся...

— Ну что вы, мама! — запротестовал Усманов. — Лучше я построю себе отдельный кабинет. А вы будете жить здесь.

— Конечно! — поддержала его Хафиза.

После ужина Мастура-апа почти силком отправила их гулять. Хафиза надела свое широкое клетчатое пальто, скрадывавшее ее полноту. Усманов бережно взял ее под руку. Он решил, что они дойдут до райцентра и вернутся обратно. Уже стемнело, улицы погрузились в тишину.

Впереди, между растущими вдоль улицы деревьями, ярко мерцали вдалеке огни районного центра. Хафиза была весела, рассказывала, как они жили вдвоем с матерью, смеялась. Когда проходили мимо здания райкома, Усманов увидел на втором этаже свет. «Сидит дежурный», — подумал Усманов. Хорошо, что он организовал это дежурство. Светятся окна, будто маяк в ночи, и каждый знает, что в райкоме всегда кто-то есть. В случае чего любой человек может обратиться прямо в райком.

— Это мои окна, — показал он на два темных окна рядом со светящимися.

Хафиза остановилась и долго смотрела на них.

— Дамир... Ты... не боишься?

— Чего? — не понял Усманов.

— Своей работы. Ведь район какой большой, а?.. И людей сколько. И у каждого свои интересы, свои взгляды. А ты обязан знать, что у каждого на сердце и на уме... Это же такая ответственность...

— Иногда боюсь, — признался Усманов. — Когда остаюсь один...

— Я никогда не оставлю тебя одного, — сказала Хафиза и крепче прижала локтем его руку.

В парке Хафиза устало опустилась на скамейку.

— Знаешь... уже скоро, — прошептала она и улыбнулась таинственно и робко.

— Когда? — спросил Усманов приглушенным от волнения голосом. Им вновь овладела тревога. Преисполнившись нежности, он взял маленькие горячие ладони Хафизы в свою пригоршню, поднес к губам.

— Дней через десять, если не ошибаюсь... Если родится сын, как назовем?

Усманов над этим не задумывался, он пожал плечами, улыбнулся.

— А я придумала. Улугбеком. Сыновья историков должны носить исторические имена. К тому же Улугбек — красивое имя, правда? Мне кажется, такое имя могут носить только мужественные люди.

Ночью у нее начались схватки. Усманов вызвал машину и сам отвез Хафизу в родильный дом.

XII

На заседании бюро обсуждался ход посевной. Неожиданно Бурханов почувствовал слабость. Разболелась голова. Он почти не слышал, о чем говорят выступающие.

В ушах звучали голоса, а слова пролетали мимо сознания. Речь шла опять о Султанове. Но ведь говорили же о нем на предыдущем бюро! Разве недостаточно! А все Усманов. Еще и об Ишимове затеял разговор. Помянул и Бурханова.

Дождавшись конца заседания, Бурханов поднялся и первым покинул кабинет. У себя в кабинете он бросил в рот две таблетки анальгина, запил остывшим зеленым чаем. Посидел в кресле, закрыв глаза. Звучали голоса идущих через приемную членов бюро. Облегчения не наступило. Прибавилась еще и ноющая боль под левой лопаткой. Боль эта ему знакома — дает себя знать сердце.

Он взглянул на часы. Ого, давно пора быть дома!

Придя домой, Бурханов прилег на диване. Упругие толчки крови в голове ослабли, покалывание в сердце стало утихать.

Что его так расстроило? Ведь никто из членов бюро и слова не сказал против Бурханова. Только Усманов... Все, конечно, поняли, что Бурханов защищает Султанова. Ну и что? А если он твердо убежден, что нельзя так строго винить Султанова!

Бурханов закрыл глаза, потом подложил под голову расшитые шелком подушки и взял журнал.

Опять, словно буравчик, ввинтилась в голову боль. Он, кажется, понял наконец, что сегодня его так расстроило. Усманов. Чем больше этот человек нравится окружающим, тем большую неприязнь испытывает к нему Бурханов. Вот и сегодня... Бурханов вспомнил, как однажды в беседе с ним Пулатов обмолвился о своей болезни и о желании уйти с работы. С того момента Бурханов потерял покой. Неужели на место Пулатова могут прислать нового человека? Но почему не его? Он уже столько лет в районе, и работает неплохо. Бадамсай недаром считается одним из передовых районов области. Бурханова знают и в обкоме, и в Ташкенте.

Как-то терпение у него лопнуло, и он сам зашел к Пулатову — посоветоваться по некоторым делам. Разговорились. Бурханов незаметно подвел разговор к интересующей его теме.

— Носир Пулатович, меня беспокоит будущее района. Я за район болею...

— Казим Бурханович, — сказал Пулатов, глядя в окно, где медленно угасал день, — давайте поговорим откровенно. Как коммунисты.

— Я слушаю вас, — растерянно проговорил Бурханов.

— Вы знаете, что я отношусь к вам с уважением, — негромко произнес Пулатов, продолжая глядеть в окно, где постепенно меркли лучи солнца, пронизавшие крону чинары. Чувствовалось, что разговор ему стоит усилий, но он не хочет, чтобы это заметили. — Вы хорошо знаете свою работу. И район и людей... Однако это очень большая ответственность. Нужно уметь не только думать о завтрашнем дне, но уже осязать его. Надо проявлять больше уважения к людям, внимания, любви. К сожалению, не могу сказать, что я сам обладаю всеми этими качествами. Может, потому и говорю, что мне недостает этих качеств. И быть может, потому собираюсь уступить свое место другому... Правильно поймите меня, как сами выражаетесь. Первый секретарь просто не имеет права таить на кого бы то ни было обиду, или, как в народе говорят, держать камень за пазухой. Для него нет крупных и мелких дел, важных и второстепенных. Все для него важно. Потому что за всяким делом, за всякой бумажкой стоит человек...

«Видимо, считает, что у меня эти чувства атрофированы», — с неприязнью подумал Бурханов.

— Без этих качеств быть первым секретарем невозможно, — продолжал Пулатов. — Если даже он многоопытен, грамотен, окончил высшую партийную школу. Если бы меня спросили, кто может быть партийным работником, я бы ответил: «Тот, кто любит людей и может пожертвовать собой ради правды». Может, ответ примитивный, но правильный. Писателей называют инженерами человеческих душ. Это название подходит и для партийных работников. Так что простите, Казим Бурханович. Вас я не могу рекомендовать первым секретарем.

— Но я не имел в виду себя. Я же не предлагаю своей кандидатуры!

— Знаю, — поспешно согласился с ним Пулатов. — Видимо, вы понимаете, что это выглядело бы... нескромно. Но со временем, мне кажется, из вас может получиться хороший первый секретарь.

Бурханов сидел потупясь. Он не помнил, как вышел тогда от Пулатова, как возвратился домой. Он еще ни разу не попадал в столь неловкое положение.

Но неужели кто-то еще думает о нем так же, как Пулатов? Почему такие, как Пулатов, не видят, что Бурханов печется не о себе?

В комнату зашла жена. Заслышав ее шаги, Бурханов спустил с дивана ноги и сел, потирая лоб. Головная боль прошла.

— Как вы себя чувствуете? — спросила Карима.

— Мансур дома? — осведомился Бурханов.

Мансур, их младший сын, в этом году заканчивал школу. А старший, Элнур, учился в Ташкенте на пятом курсе мединститута.

— В школе. Сегодня у них практика.

— Дай-ка... — и Бурханов показал на бутылку коньяка в буфете.

— Жена вашего Усманова приехала, — сообщила Карима.

Это известие не удивило Бурханова. Его поразило, что жена сказала «вашего Усманова». Как она догадалась о его взаимоотношениях с Усмановым?

— Когда?

— Вчера. Она, оказывается, была в положении. Ночью Усманов отвез ее в роддом.

— Вот как? — Бурханов отложил ложку. — Надо же... Ничего не сказал. Вот почему он был рассеян сегодня. Проведай ее завтра-послезавтра, — посоветовал он и принялся есть.

— Я и сама подумывала.

Бурханов промолчал.

— Я принесла из библиотеки несколько книг, — сказала жена. — Говорят, Усманов наводит справки, кто и сколько книг прочел. В его списках, говорят, видели и наши фамилии.

— Ладно, ступай... Я немного подремлю. Если по телевизору будет кино, разбудишь.

Бурханов отвернулся к стене и закрыл глаза.

Проснулся он в полночь, сел за письменный стол, включил лампу и принялся писать: «Мы, группа трудящихся из Бадамсая, озабоченные событиями, происходящими в нашем районе в последнее время, вынуждены взять в руки перо. Первый секретарь райкома партии товарищ Усманов...»

Он задумался. Впервые он решился на то, чего никогда в жизни не делал. Когда пришла ему в голову эта мысль? Давно. Он давно подумывал об этом, да не отваживался. А сейчас... Он подумал, что письмо лучше отправить не из Бадамсая. Завтра он поедет в «Максим

Горький», там и опустит в ящик. Получится, будто написали сторонники Султанова.

Перо снова забегало по бумаге.

«...Товарищ Усманов творит дела, не соответствующие его положению. Сейчас мы еще не можем его винить в моральном разложении, но весь район только и говорит о его интимных отношениях с молодой женщиной, агрономом колхоза «Шарк юлдузи». Наша партия и правительство ведут непримиримую борьбу со спекуляцией, а товарищ Усманов берет районных спекулянтов под свое крылышко. Одного даже освободил из-под следствия...»

Бурханов перечитал. Письмо написано, как и надо, шероховато, а главное, мягко, без злости. Пусть не подумают, что кто-то руководствовался личной неприязнью к секретарю. Бурханов вынул из ящика стола конверт, вложил в него письмо и заклеил. Затем аккуратно вывел адрес и, как человек, завершивший тяжелую работу, закинул руки и потянулся.

Накинув на плечи халат, висевший у двери, он вышел во двор. Небо было усыпано звездами, сияла полная луна. Пес радостно взвизгнул и рванулся к хозяину, ласкаясь и гремя тяжелой цепью. Бурханов оттолкнул его и, отперев ворота, вышел на улицу.

Шагах в ста от его дома было место, которое он очень любил. По обеим сторонам неширокой дороги росли высокие тополя. Даже в безветренную погоду они трепетали серебристыми листьями и мягко шелестели. Вверху деревья почти смыкали кроны и образовывали длинный коридор, наполненный зеленым светом. В их гуще птицы вили гнезда и выводили птенцов. Когда Бурханов уставал или находился в подавленном состоянии, он приходил сюда и прогуливался часок-другой. На север от Бадамсая вела только эта дорога. Когда бы Бурханов ни проезжал по ней, с восхищением смотрел на ровные белые стволы тополей, похожие на мраморные колонны старинных построек. Кто и когда посадил эти деревья? Когда он приехал в Бадамсай, они были такими же большими и величавыми. Только внимательно присмотревшись, можно увидеть среди старых деревьев и молодые. А кое-где тянулись кверху и совсем еще тонкие поросли. Известно, что тополя недолговечны. Но эти, казалось, стоят в течение многих веков. Число их не увеличивалось и не уменьшалось. Чьи-то заботливые руки удаляли засыхающие деревья, а на их место сажали новые, молодые. И те

быстро догоняли в росте старших. Кто этот заботливый человек, никто не сможет сказать. Никто из бадамсайцев обычно не выбрасывает оказавшуюся у него в руках свежесрезанную палку, а сажает ее в землю. И палка пускает корни, превращаясь в росток...

Сейчас на дороге было темно, как в тоннеле. Зато по обе ее стороны, за зыбко белеющими стволами деревьев, голубел простор, затопленный лунным сиянием. Не видно и края хлопковых полей. Убегают вдаль, смыкаясь где-то в сумраке, как у нижнего края гигантского веера, рядки молодых всходов, мерцает, переливаясь, роса, будто не семенами засеяно поле, а усыпано драгоценными каменьями...

Бурханов перепрыгнул через глубокий арык и, выйдя на свет, зашагал по тропке. Он шел и думал. Почему так тяжко у него на душе, куда девался его покой?

XIII

Как обычно, Усманов пришел на работу раньше всех. Ему нравилось выходить из дому чуть свет и отправляться пешком. Улицы еще погружены в прохладную тень, только на вершинах деревьев, позолоченных солнцем, просыпаются птицы. Тротуары подметены, побрызганы водой.

В коридорах райкома тишина. Он вошел в приемную и на месте секретарши увидел Носира Пулатовича, который сидел, задумчиво глядя в окно.

— Я знал, что вы приходите рано, — сказал он, поднимаясь.

Они обменялись рукопожатием. Усманов отпер кабинет и пропустил гостя вперед.

— У меня просьба.

— Пожалуйста.

Усманову нравилось разговаривать с этим человеком. Речь его всегда кратка и ясна.

— Дали бы вы мне Назирджана Каримова, — сказал Пулатов. — Я его давно знаю. Он любит садоводство.

Усманов, потирая гладкий подбородок, задумался. Пулатов заметил, что секретарь колеблется.

— В свое время он работал агрономом в «Максиме Горьком». Но не сработался с Султановым. Казим Бурханович его взял в райком. Вчера он пришел ко мне сам. Говорит: «Давайте создавать новый совхоз вместе!»

Я очень обрадовался его предложению, Дамир Усманович.

Усманов вспомнил отца. У них дома была пожелтевшая фотография: большая группа людей, многие стоят, некоторые сидят на корточках, а двое полулежат впереди всех прямо на земле. Славные, веселые лица. Большинство в тюбетейках, в чапанах. Это были партийные работники, вызвавшиеся работать в кишлаках. В детстве Дамир любил отыскивать отца среди множества лиц на этой фотографии.

В эту минуту, словно зная, что может понадобиться, в кабинет заглянул Каримов.

— Проходите, Назир Каримович. Садитесь, — Усманов показал на кресло напротив Пулатова. — Ваше решение твердо?

— Да, — кивнул Каримов. — Садоводство — моя основная профессия, Дамир Усманович. И я хорошо знаю те земли. Исходил вдоль и поперек. Можно создать замечательный сад.

Слушая его, Усманов все более убеждался, что Пулатов сделал выбор правильно. Каримов как раз тот человек, который ему нужен.

— Хорошо, — сказал Усманов. — Думаю, бюро пойдет вам навстречу.

Глаза Каримова радостно блеснули.

— Рахмат. — Носир Пулатович пожал Усманову руку и ушел вместе с Каримовым. Оставшись один, Усманов позвонил в родильный дом.

— Не беспокойтесь, Дамир Усманович, все будет хорошо, — ответила главный врач роддома.

— Как мать? — спросил он.

Усманов впервые назвал так Хафизу.

— Настроение хорошее, смеется, — ответила врач. — Говорит, что хочет сына. Не исключено, что вы сегодня станете отцом.

— Вы полагаете?

— Я вам позвоню. Не беспокойтесь.

Усманов опустил трубку. Рядом стояла секретарша. Она положила на стол два свежих номера газеты, еще пахнувших типографской краской.

Усманов развернул газету.

Передовица: «Залог высокого урожая». «Наверное, на материалах актива», — предположил Усманов. На всю

страницу шла шапка «Созидатели нашего района». Фотографии...

По селектору раздался голос секретарши:

— Дамир Усманович! К вам товарищ Мукимов.

— Пожалуйста.

Усманов сложил газету и положил на край стола, чтобы была на виду. Вошел Мукимов, темный от загара, высокий, плечистый, с крупным носом.

— Поселок, который мы строили несколько лет, готов.

— Поздравляю. С новосельем, — сказал Усманов.

— Вы, наверное, знаете Найманчу?

Усманов утвердительно кивнул.

— Я намеревался всех жителей Найманчи переселить в новый поселок. Но некоторые не желают переезжать: «Нам и здесь хорошо!» Это преимущественно старые люди. Но если старики не переедут, то и молодежь не тронется с места. Дамир Усманович, я уважаю наши обычаи и традиции. Но до каких пор мы будем носиться с обычаями, которые идут нам во вред? Совхоз затратил столько средств, построил современный поселок! Но из-за четырех-пяти отсталых людей мы будем всех лишать удовольствия жить в новых домах? Как хотите, но, по-моему, это неправильно.

— А что говорит молодежь? — поинтересовался Усманов.

— Что скажет молодежь? Молодежь готова хоть сегодня переехать. Только у них есть и родители, и деды, и бабушки. Они говорят: старики к нашим уговорам не прислушиваются, вот если бы руководство приняло решение!

— С товарищем Садыковым советовались?

— Советовался. Если б моя воля, говорит, я бы сейчас своими руками снес старый кишлак. Но стариков, мол, надо уговорить. Чтоб не приходили жаловаться. Но зачем им жаловаться? В каких дома они сейчас живут и какие дома им предлагают? Это же небо и земля!

— Ладно, надо поговорить с ними, — сказал Усманов.

— Я был уверен, что вы меня поймете, Дамир Усманович!

Нахлобучивая соломенную шляпу, Мукимов торопливо покинул кабинет.

Усманов позвонил Садыкову.

— Кудрат Саидович, не распространить ли нам почин Мукимова? Мне кажется, он начал большое дело.

— Хорошее дело, вы правы, — ответил Садыков. — То же самое и в поселке. Видели, наверное, вдоль дороги новый поселок? Только Сатыбалды-ака не спешит переселять людей.

— Надо поторопить, — посоветовал Усманов. — Чем скорее люди переедут в новые дома, тем благоустроеннее станет район.

— Это верно, — согласился с ним Садыков. — Только сдается мне, переселение будет не таким уж легким. Во всяком случае, оставить землю, где человек родился, очень трудно. Особенно старикам.

Слова председателя райисполкома заставили Усманова задуматься. Не поторопились ли они с Мукимовым?

— Пусть Мукимов начнет первым, — сказал он Садыкову. — Посмотрим, как у него получится.

В обеденный перерыв Усманов решил встретиться со стариком ювелиром. Он хотел купить для Хафизы браслет. Сейчас как раз кстати. Хотя Хафиза не охотница до украшений, такому подарку она будет рада.

Усманов миновал центральные улицы и свернул в старую часть поселка. Дом ювелира располагался в конце узкой кривой улочки. Небольшие воротца отворены настежь. Небольшой зеленый дворик. Дорожки подметены. Усманов поднялся на веранду. Старик оказался дома. Он усадил гостя на узкий матрац, постланный на полу вдоль стены.

— Сынок, теперь у меня десять учеников. Все славные ребята.

Усманов высказал свою просьбу. Старик всплеснул руками.

— Ах, какая жалость. Я уже отдал его одной танцовщице из Ферганы. Но не огорчайтесь, сынок, для вас я сделаю еще лучше.

Ювелир пообещал зайти к нему во вторник.

Навстречу Усманову из подъезда райкома выбежала секретарша.

— Хафиза-апа родила сына!

Усманов обнял ее и расцеловал.

— Скажи Рустаму, пусть подаст скорей машину!

Хафиза скончалась вечером того же дня, прижимая к лицу свежие розы. На полу валялись осколки вазы, из которой она успела выхватить цветы в последнюю минуту.

Усманов потерял чувство времени. Возле него суети-

лись люди в белых халатах, что-то говорили, но он не сознавал, что происходит...

На второй день он своими руками опустил Хафизу в могилу и бросил первую горсть земли. Он действовал словно во сне. Кажется, было много народу, Искандер Гайибович, Пулатов, Казим Бурханов. Они что-то говорили... Должно быть, успокаивали.

Только возвратясь в осиротевший дом, он вдруг почувствовал всю тяжесть утраты.

— Мама! Что случилось, мама? Зачем мне дитя, если нет у меня Хафизы?

Мать, прижимая голову сына к груди, пыталась его утешить.

— Не говори так, сынок. Пусть долго живет наш ребеночек.

Она и сама не в силах была сдержать слез.

XIV

Заседание бюро обкома продлилось до полудня. Бурханов пообедал в обкомовской столовой и решил вернуться домой. Он уже садился в машину, когда его кто-то окликнул. Обернувшись, он увидел инструктора Далимова.

— Извините за беспокойство, Казим Бурханович. У меня к вам дело. Не могли бы вы подняться ко мне на пять минут?

— Пожалуйста.

Они поднялись на второй этаж и направились вдоль прохладного коридора, застланного плюшевой дорожкой. Далимов семенил мелкими шагами и странно улыбался. Впрочем, этот человек улыбался всегда, даже когда его ругали. «Что у него за дело? — подумал Бурханов. На сердце стало неспокойно. — Неужели по поводу письма?»

С того дня как у Усманова случилось несчастье, Бурханов не находил себе места. На похоронах он даже всплакнул, поднося к глазам платок. Он утирал слезы и едва сдерживал себя, чтобы не сказать: «Простите меня, Дамир Усманович! Я совершил подлость».

Далимов занял место за столом, Бурханов сел напротив.

— Как там Дамир Усманович? Трудно ему сейчас? На работу еще не вышел?

Бурханов тянул время, чтобы успокоиться, унять волнение.

— Работает, — негромко ответил он, досадуя, что голос выдает его волнение. — На следующий же день вышел на работу.

— Очень хорошо, очень хорошо, — проговорил Далимов, продолжая с улыбкой разглядывать Бурханова.

«Он мне хочет что-то сказать», — подумал Бурханов.

— Казим Бурханович, мое уважение к вам беспредельно. Вы опытный партийный работник, с большим стажем. Потому я и выбрал вас, чтобы посоветоваться. Но разговор наш сугубо конфиденциальный.

— Понимаю. Пожалуйста.

Далимов бросил взгляд на дверь и сунул руку в ящик стола.

— На мое имя поступило одно странное письмо...

Бурханов почувствовал, как кровь отливает от лица.

— Вот прочтите.

Далимов положил перед ним его собственное письмо. Бурханов начал читать. При этом краем глаза он следил за Далимовым.

— Вот уже три дня я не знаю, что с ним делать.

— Порвите, и дело с концом.

— Ну что вы! — усмехнулся Далимов. — Я собирался показать его первому секретарю.

— Во-первых, — сказал Бурханов, задумчиво потирая лоб, — поверьте мне на слово, что письмо от начала до конца клевета. Во-вторых, оно анонимное.

— Да, — согласился Далимов. — Я знаю Дамира Усмановича. Он чист как стеклышко. И другие о нем такого же мнения. Но если авторы письма напишут официальное письмо? Да еще сообщат, что в свое время они уже писали в обком?

— По-моему, они этого не сделают, — сказал Бурханов. — Дамир Усманович в первые дни работы, возможно, не понравился кому-то. Однако люди изо дня в день все лучше и лучше узнают, что́ это за человек. И уважение к нему растет. Нет, я убежден, что другой такой глупости никто себе не позволит. Кто знает, может, авторы письма уже сейчас раскаиваются.

Далимов взглянул искоса.

— Значит, больше писать не будут?

— Не напишут! — твердо сказал Бурханов. — Я бы на вашем месте порвал письмо и выбросил.

— Спасибо, Казим Бурханович.

И Бурханов легко, словно человек, сбросивший тяжелую ношу, покинул кабинет.

На другой день Далимов позвонил в Бадамсай и попросил Усманова, чтобы он выбрал время приехать в обком. Усманов приехал в конце дня. Он хотел повидаться с Искандером Гайибовичем, чтобы поговорить с ним об Ишимове.

В республиканской газете появился большой очерк о чабане, озаглавленный «Биография подвига».

Далимов встретил Усманова приветливо, как старого друга.

— Еще раз примите мои искренние соболезнования, Дамир Усманович, — сказал он, крепко пожимая его руку.

— Что это? — спросил Усманов, глядя на конверт, который Далимов положил перед ним.

— Письмо. Не стоящее особого внимания, но... Не принимайте только близко к сердцу!

Далимов произнес это искренне. Увидев осунувшееся лицо Усманова, его поседевшие волосы, он проникся к нему сочувствием. Нет, он не хотел бы оказаться на его месте.

Усманов грустно улыбнулся.

— В первый раз в жизни читаю такое о себе.

— По-моему, и в последний.

— Кто знает, — пожал плечами Усманов.

— Не обращайте внимания, — посоветовал Далимов.— Начали вы хорошо. Все очень хорошего мнения. Словом, собака лает, а караван идет!

Усманов попрощался с Далимовым и, поднявшись этажом выше, зашел к первому секретарю. Искандер Гайибович встал из-за стола, вышел навстречу Усманову и обнял его.

— Вы хорошо сделали, что поддержали Пулатова. Я рад.

Усманов сказал, зачем зашел. Он показал очерк и документы Ишимова. Гайибов отложил газету в сторону и внимательно посмотрел документы.

— Хорошо, — сказал он. — Прибавьте сюда итоги работы Ишимова за этот год. Мы вас поддержим. Этот человек заслуживает звания Героя Труда. А что еще?

По лицу Усманова пробежала тень.

— В обком на меня поступило письмо.

Вызвав тут же Далимова и прочитав письмо, Гайибов

положил его на стол, неприязненно отодвинул кончиками пальцев.

— Мы еще не избавились от клеветников, — сказал он. — Сколько отнимают времени! Только не таите на людей обиду. На меня, кстати, тоже писали.

— На вас? — удивился Усманов.

— Много раз. В чем только не обвиняли! Но если человек на правильном пути, то все это че-пу-ха!

— Спасибо, Искандер Гайибович!

Усманов, попрощавшись, направился к двери. Гайибов, как бы неожиданно вспомнив, сказал:

— А вот стариков Найманчи вы оставьте пока в покое, Дамир Усманович. Такие дела нельзя вершить администрированием. Пусть переезжают молодые. За ними потихоньку и остальные потянутся.

Усманов остановился.

— Хорошо, Искандер Гайибович.

Гайибов приблизился, положил руку на плечо:

— Как сын? Растет? Небось с рук не спускаете? Я все понимаю. В жизни и радости хватает, и печали. К этому надо привыкнуть. Иначе трудно жить и работать. Передайте привет вашей маме и поцелуйте сына...

XV

К Бадамсаю Усманов подъезжал в хорошем настроении. Солнце еще не село, лишь зависло над темными силуэтами отдаленных тополей огромным красным шаром. Усманов намеревался зайти в райком и оттуда позвонить Мукимову, но передумал.

— Рустам! Давай в Найманчу.

Шофер развернул машину и погнал ее в обратную сторону.

— Через «Максим Горький»? Так ближе.

— Можно.

Усманов посмотрел на густо-зеленые поля по обеим сторонам дороги. Хлопчатник цвел.

— В этом году хлопок хороший, — сказал Рустам, словно разгадав его мысли.

Слева замелькали дувалы, глинобитные дома.

— Колхоз. Минут через пятнадцать будем на месте, — заметил Рустам.

Впереди, на самой середине дороги, показался гусеничный трактор. Рустам сбавил скорость, а поравнявшись

с трактором, высунулся по пояс из кабины и что-то прокричал. Но голоса его сквозь рев мотора не было слышно. Стальной трос, зацепленный за крюк трактора, то натягивался, как струна, то, слабея, падал на дорогу. Гусеницы трактора, буксуя, вспарывали дорогу.

Натянутый трос был привязан к одному из кряжистых тополей, растущих вдоль арыка. Раскаленное солнце било в глаза, слепило, и Усманов не сразу заметил прижавшегося к тополю старика. В развевающейся на ветру длинной белой рубахе, в белых шароварах, он стоял, распластавшись по толстому пепельно-серому стволу дерева, обхватив его руками, словно пытаясь удержать, не дать ему упасть. Усманов поспешно вышел из машины.

— Стой! Стой! — закричал он трактористу.

Однако было поздно. Трос натянулся, и вывороченный с корнями кряжистый тополь, с треском ломая ветви, рухнул на дорогу. И старик и Усманов исчезли под обрушившейся кроной.

— Дамир-ака! — не своим голосом закричал Рустам.

— Иди сюда, Рустам, — послышался глухой голос Усманова.

— Он здесь, — сказал кто-то.

Это был тракторист. Бледный, как полотно, он дрожал.

Усманов лежал, придавленный толстыми ветвями. Упираясь руками в землю, он пытался встать.

— Быстрее, подо мной старик, — сказал он, увидев Рустама.

— Иди сюда! — крикнул Рустам трактористу.

Вдвоем они раздвинули ветви и протянули Усманову руки.

— Берите старика, я сам, — сказал Усманов, приподнимаясь.

— Ничего? С вами ничего? — ощупывая его, спросил Рустам.

— Кажется, ничего, — улыбнулся Усманов и стал отряхиваться. У него был порван рукав и оцарапана щека.

Тракторист пригоршнями черпал воду и смачивал голову и грудь старика.

— Живой? — спросил Рустам.

— Дышит... — процедил тракторист сквозь зубы. — А что мне оставалось делать, если он не отходит? Тысячу раз просил его отойти! У меня распоряжение. Попробуй-ка не выполни!

— Чье распоряжение? — спросил Усманов.

— Чье же еще... председателя, — буркнул тракторист.

— Давайте его в машину, — сказал Усманов и приподнял старика. — Помогите... Быстро в больницу!..

Рустам развернул машину и на предельной скорости помчался в районный центр.

На шум собрались жители кишлака. Сваленное дерево обступила толпа. Многие узнали Усманова. Кто-то принес йод и смазал рану на его щеке. Тракторист растерянно стоял в сторонке. Его никто не замечал.

— Есть кто-нибудь из близких старика? — спросил Усманов.

Шагах в пятнадцати возвышался глинобитный дувал, через отворенную калитку виднелся обширный двор.

— Дочь, — сказал кто-то. — Учительница. Утром повезла школьников в город на экскурсию. Еще не вернулась.

— Было у него пятеро сыновей, — мрачно заметил средних лет мужчина. — Все пятеро погибли на войне. Эти тополя он посадил в память о них.

Сердце Усманова дрогнуло. Он перескочил через арык и направился к калитке. Во дворе лохматый черный щенок сорвался с места и стал кидаться, ласкаясь и повизгивая. За беседкой простирался ухоженный сад.

— Ступай, ступай! — сказал Усманов щенку, слегка отстранив его ногой.

Дверь в дом отворена настежь. У окна низенький столик, на нем чайник и пиала с недопитым чаем. «Наверное, сидел и пил чай», — подумал Усманов.

В комнате на полу расстелены курпачи. Вся стена завешана старым красным ковром, а поверх висят в одинаковых рамках пять портретов. Усманов подошел поближе. Сыновья Шакира, все пятеро, в гимнастерках, один подстрижен наголо, остальные в пилотках со звездочками. Все похожи друг на друга. Лишь младший оставил под носом квадратик усов — как видно, для солидности.

Послышались торопливые шаги. В комнату вошли Султанов и Кабулов. Усманов ощутил прилив гнева.

— До каких пор вы будете увечить людей? — спросил он.

Кабулов виновато потупился. Султанов, бегая по сторонам глазами, стал вытирать лицо и шею огромным платком.

— Хотели расширить дорогу, Дамир Усманович, — виновато проговорил он. — И старик вроде бы согласился...

А портреты его сыновей мы повесим в музее. А тополя... Какой же это памятник?

Усманов прошел мимо них к двери.

— Завтра бюро. Приходите оба.

В этот день он так и не попал в Найманчу. Из райкома он позвонил Мукимову, передав ему разговор с Искандером Гайибовичем, затем отправился в больницу. Главный врач сказал, что старик скоро оправится от шока. Он просто перепугался. Завтра вернется домой.

С Усманова будто гора свалилась. Он успокоился, но более часа бродил по темным опустевшим улицам.

Выяснилось, что Султанов и на этот раз пренебрег мнением членов правления, которые советовали ему не трогать деревьев. По предложению Усманова бюро вынесло решение освободить Султанова от работы. Председателем колхоза был рекомендован Хайдарали Кабулов.

Вечером в клубе колхоза «Максим Горький» состоялось общее собрание колхозников. Собрание единогласно поддержало решение райкома.

Домой Усманов возвратился в полночь. Мать сидела у изголовья внука.

— Еще не спит? — спросил он тихо.

— Только что уснул.

Усманов склонился над кроваткой и внимательно вгляделся в мальчика. Полный, с белым, как у Хафизы, лицом, бровей еще нет, а ресницы уже длинные, черные — такие же, как у Хафизы... Улугбек зачмокал во сне полными губами и вздохнул. Усманов улыбнулся.

— Днем приходила какая-то девушка, — сказала Мастура-апа. — Принесла Улугбеку игрушку. Долго играла с ним.

— Кто это?

— Халида. Сказала, что вы знакомы.

XVI

Осень пожаловала теплая, щедрая. За весь сентябрь и первую половину октября небо ни разу не заволакивали облака. Под жаркими лучами солнца хлопок быстро зрел, коробочки на кустах лопались и раскрывались, как поджариваемая на сковородке кукуруза. Первыми в Бадамсае приступили к уборке в колхозе «Правда». А через неделю началась страда по всему району. В райкоме наметили завершить сбор хлопка к празднику Октября.

В колхозе «Шарк юлдузи» сбор начался дней на десять позже, чем в других хозяйствах, — сказались затяжные весенние дожди. Но урожай на этих землях был выращен хороший.

Настроение Усманова в последнее время улучшилось. Жизнь была полна забот и тревог, и надо было жить и работать дальше.

В тот день, когда колхоз «Шарк юлдузи» завершал план, Полвонов пришел на поле к райкомовцам.

— Дамир Усманович, сегодня после сбора вы все остаетесь у нас. Слышали про нашу Машрабхон? Сегодня ее свадьба!

— Поздравляю, — сказал Усманов. — А кто жених?

— Свой. Тоже механизатор.

Усманов вспомнил, что об этой свадьбе говорила Халида.

— Свадьба состоится в новом доме? — спросил он.

— В новом, — ответил Полвонов и спохватился: — Откуда вы знаете?

— Халида говорила. Помните, когда я привез ее обратно?

Полвонов засмеялся.

— Если говорить начистоту, вы мне показали тогда ее настоящую цену. Хорошая девушка. Когда я в отъезде, нисколько не беспокоюсь о колхозе. С председательскими делами она справляется не хуже меня.

Двор, в котором Усманов когда-то побывал, заполнился людьми. Посередине полыхал традиционный костер, вокруг него плясала молодежь. Гремела музыка. Управлял свадьбой сам председатель. Он поздравил молодых.

Разве по силам кому-либо тягаться с председателем в велеречивости? Усманов от чистого сердца поздравил молодых, пожелал им счастья, здоровья и долгих лет совместной жизни. Все выпили. Дамир подумал, что он на первой свадьбе в Бадамсае. Если бы жива была Хафиза, она сидела бы сейчас рядом.

Спустя некоторое время Усманов встал. Его стали уговаривать, чтобы не спешил.

— Казим Бурханович останется, а у меня дела, — сказал он. — Да и мать беспокоится. Одна весь день с ребенком.

Подошла Халида.

— Я сегодня заходила к вам и предупредила вашу маму.

Но Усманов не остался. Бурханов и Полвонов проводили его до дороги, где стояла машина. Бурханов был угрюм. Прощаясь, он сказал:

— У меня к вам разговор. Давно хотел... Личный.

В дороге Усманов подумал: «Что за разговор у него?»

За последнее время в Бурханове произошли перемены. От прежнего в нем, казалось, не осталось ничего. Улыбчив, приветлив. С чего бы вдруг?

В кишлаке Усманов попросил остановить машину возле знакомых голубых ворот. Уже неделю Пулатов находился дома и лежал в постели. Вместо себя он оставил на новых землях Каримова.

Увидев Усманова, больной попытался встать.

— Нет, нет, лежите! — сказал Усманов и придвинул к кровати стул. — Из «Шарк юлдузи» еду.

Пулатов осунулся, побледнел.

— Ну, как у них там план, скоро выполнят?

— Сегодня выполнили. Дня через три-четыре, думаю, и район выполнит.

— Хорошо. Поздравляю. Ах, не вовремя я слег!

— С кем не бывает, Носир Пулатович! Перенапряглись. Да и жарища такая... Ничего, вот полежите и подниметесь.

— Конечно, — обрадовался Пулатов. — Самое большое, еще дней десять.

Они долго беседовали. Им принесли чай, сладости. Усманов несколько раз порывался встать, но Пулатов клал легкую, как перышко, ладонь ему на колено и просил посидеть. Он с восхищением говорил о будущем совхоза, о людях, с которыми работает, посвящал Усманова в свои мечты. Уже через четыре года совхоз окупит себя полностью. Неподалеку от совхоза будет построен санаторий. Грех не построить! Из-под земли бьет настоящий бальзам, минеральную воду обнаружили геологи. Ну и арбузы, виноград... Они будут выращивать самые сладкие на свете арбузы.

Усманов слушал, дивясь увлеченности этого человека, и от всего сердца желал, чтобы он поскорее выздоровел. Если бы у всех людей старость была такой, как у Пулатова!

Когда Усманов уходил, старик сказал:

— Дамир Усманович, вы правильно сняли Султанова. Зазнался! Но все же заслуги его перед Бадамсаем большие. В годы коллективизации враги новой жизни его на-

зывали Хаитбаем-отступником. Отступником от веры, от законов, заповеданных аллахом. Я помню, как был организован первый колхоз. В тот год у нас уродился богатый урожай гранатов. Колхоз просто не знал, что с ними делать, и Хаитбай повез в Ленинград целый вагон гранатов. Его принимал Сергей Миронович Киров. По совету Кирова рабочие завода подарили нам два трактора «фордзон», но дехкане не решались и близко подходить к диковинной машине. Тогда первым сел на трактор сам Хаитбай. А сколько раз враги пытались его убить! Трактор до сих пор стоит... Что я хочу сказать этим? Неплохо было бы Хаитбаю назначить персональную пенсию.

Усманов пообещал похлопотать.

Уже в машине Усманов подумал, что было бы хорошо встретиться с Султановым и услышать от него самого о его замечательных делах. Султанов вдруг раскрылся совсем с другой стороны. Внезапно в голову пришла мысль: этот самый «фордзон» надо поставить на высокий постамент у въезда в Бадамсай. Для памяти. Это же первый трактор, появившийся в Фергане! А еще лучше построить музей и перед музеем установить этот трактор.

Размышляя, он не заметил, как доехал до райкома. Дежурил Алиев.

— Дамир Усманович, тут одна женщина долго вас ждала.

— А-а, это Пармонова, — догадался Усманов. — Она еще придет.

— Сказала, придет утром. «Мне, — говорит, — может помочь только товарищ Усманов». Вы, оказывается, уже разговаривали с ее мужем.

Усманов выдвинул стул, уселся и рассказал Алиеву о музее.

— Да, да, большое дело! — подхватил Алиев. — Необходимо отразить дружбу наших хлопкоробов с путиловцами.

Улугбек не спал еще, в прихожей Усманов услышал его радостный смех. Увидев отца, ребенок протянул к нему ручонки. Усманов взял его на руки.

— Дожидался, — сказала Мастура. — Так и прислушивается, так и прислушивается!

— Что это... опять новые игрушки?

— Халида принесла. Как только твой сын видит Халиду, совсем преображается. Смеется, лопочет. Одним словом, они понимают друг друга.

Усманов понял значение слов матери, ее намеки. Она уже не в первый раз заводила разговор о Халиде. Но вторично обзаводиться семьей он не собирается. Хафизы нет, но она жива в его сердце. Нет, он не сможет ее забыть.

Из кабинета донесся звонок телефона. Улугбек обхватил отца за шею ручонками. Усманов засмеялся и вместе с ним направился к телефону. Включив зеленую настольную лампу, он снял трубку.

Звонил Исмаил.

— Дамир! Извини, что поздно. Я тут кое-что сделал от твоего имени. Думаю, не обидишься.

— Что именно?

— Всесоюзное общество ветеранов войны пригласило группу участников партизанского движения Югославии. Я включил в их программу и посещение Бадамсая. От твоего имени.

— Да, да, — ответил Усманов. — Хорошо сделал. Когда они приедут?

— В конце месяца.

— Превосходно. К тому времени как раз справимся с планом.

— А как Улугбек?

— Вот сидит у меня на коленях и пытается отнять трубку.

Усманов нежно поцеловал сына, вцепившегося обеими ручонками в трубку.

— Так ты приедешь? — спросил Усманов.

— Конечно! — заверил Исмаил.

Они простились, Усманов положил трубку. Зашла Мастура-апа и взяла Улугбека.

Усманов выключил настольную лампу. Комната погрузилась во мрак, из темноты проступил бледный квадрат окна. За окном от ветра раскачивались темные купы деревьев. Кружились в воздухе сорванные с ветвей голубые листья.

Перевел с узбекского Эмиль АМИТ

Астер БЕРКХОФ

ВУЛКАН В ЦЕПЯХ

Роман

ГЛАВА 1

— А теперь будьте осторожны, — предупредил Джимми, — здесь направо.

— На пустырь? Там же яма на яме! — воскликнул Пирре.

Джимми потеснил его плечом и, положив свои тяжелые руки на руль, резко повернул машину вправо. Переваливаясь на ухабах, мы въехали на узкую грязную дорогу между маленькими домишками.

— А теперь тормозите, — весело закричал Джимми.

Машина вздрогнула и остановилась. Мы оказались в Софиатауне, большом западном пригороде Иоганнесбурга, где проживали только черные. Прямо перед нами простирался пустырь — обширное заброшенное поле. Пустырь затопило волнующееся человеческое море. Море черных — пестрая, возбужденно гудевшая толпа.

Мы вышли из машины. Джимми сказал:

— Идемте, я проведу вас в местечко, откуда все будет отлично видно.

Пустырь был окружен полицейскими машинами. Обращали на себя внимание агенты в штатском. Это были сотрудники тайной полицейской службы, называемой в ЮАР Особым отделом. Черные, заполнившие пустырь, не обращали на них никакого внимания. Оживленно разговаривая друг с другом, они отворачивались от полицейских, стараясь стоять к ним спиной. Внимание собравшихся привлекала деревянная трибуна, где несколько молодых людей устанавливали микрофон.

Неожиданно подошел высокий белый с усами пшеничного цвета и взял Пирре под руку.

— Интересуетесь фольклором, господин ван Берген?

Пирре недоуменно уставился на него.

— Меня зовут Вандермюллен, я из министерства юстиции, — представился он. — Вспомните обед в честь иностранных журналистов.

Южно-Африканскую Республику — последний оплот колониализма и расизма в Африке — сотрясают выступления народа против угнетения и расовой дискриминации. Публикуемый в журнале роман прогрессивного бельгийского писателя Астера Беркхофа «Вулкан в цепях» и посвящен правдивому показу этой борьбы, нарастание которой наносит сегодня сокрушительные удары по режиму белых расистов, поддерживаемых империалистическими кругами Запада.

Роман вышел на языке оригинала до 27 мая 1973 г.

— О, да... извините меня, — смущенно ответил Пирре.

Позже он рассказал нам, что этот обед давался информационным бюро вскоре после его приезда в Иоганнесбург. На обед его привел Билл Хорман из «Рэнд Дейли Мейл».

Пирре без всякого энтузиазма пожал протянутую руку.

— Вы хорошо запомнили меня не только в лицо, но и по фамилии.

— Ну как же, как же! Ведь мой дедушка тоже из Антверпена. Как вам нравится в нашей стране?

— Я прожил здесь только месяц. Для выводов этого маловато, — ответил Пирре.

На обеде в Претории Вандермюллен уверял Пирре, что попал туда случайно. То же самое говорил другой сосед за столиком, который впоследствии оказался капитаном Особого отдела.

Вандермюллен снова спросил Пирре, не поиски ли фольклора привели его на митинг. Пирре, показав на полицейские машины среди толпы, съязвил:

— Похоже, у вас здесь все сходят с ума по фольклору!

Вандермюллен ухмыльнулся:

— Ну, знаете, на сборищах подобного рода начинают с пения, а заканчивают ударами по головам.

— По чьим? Своим или вашим? — поинтересовался Пирре.

«Он злится, что согласился приехать», — подумал я, улыбаясь.

От меня не ускользнул колючий взгляд Вандермюллена, который он искоса бросил на Пирре. Затем он засмеялся, стараясь казаться непосредственным.

— Хорошая шутка! Расскажу приятелям.

— Проходите, — громко произнес Джимми, обращаясь к Пирре и показывая на маленький домик.

Мы поднялись по лестнице и очутились в маленькой комнатке, где застали нашу племянницу Луизу за штопкой постельного белья. На полу играли четверо ее малышей.

Джимми представил Пирре. Луиза приветствовала его на очень хорошем английском языке.

Пирре повернулся к нам и спросил:

— Вы сказали, что именно сегодня будет положен конец повиновению?

— Да, именно сегодня, 6 апреля, в день Ван Рибека * — национального праздника ЮАР.

Мы рассказали журналисту о митинге, который проводит Африканский национальный конгресс. На нем будут приняты важ-

---

* Ван Рибек — первый бургомистр голландской колонии на мысе Доброй Надежды.

нейшие решения. Черные, подчинявшиеся белым сотни лет, сегодня перестанут быть послушными.

— Как понять: «конец повиновению»?

— Сегодня африканцы вежливо и деликатно скажут, что не хотят больше входить повсюду с черного хода. Недавно они написали прошение и послали делегацию к правительству. В делегацию вошли самые солидные люди. Однако им сказали: «Прекратите это безобразие». Делегацию приняли в прихожей. Что ж, правительство хотело прекратить дискуссию, конец пришел не дискуссии, а повиновению.

— В чем будут заключаться акции неповиновения?

— В невыполнении несправедливых законов и отсидке за это в тюрьме. Отряды добровольцев уже формируются по всей стране.

Пирре приехал в Преторию впервые. Ему пришлась не по душе неприкрытая жестокость этого города. Когда он проезжал мимо памятника первым колонизаторам, то просто испугался: «Это же застывшая глыба насилия!» Билл Хорман сказал ему однажды: «В Южно-Африканской Республике три миллиона белых и свыше двенадцати миллионов африканцев. Но если бы африканцев было даже сто двадцать миллионов, они все равно ничего не сумели бы сделать с белыми. В руках у белых все деньги, шахты, фабрики и лучшие земли. Они лишили африканцев права голоса. В парламенте, правительстве, суде одни белые. В их руках пулеметы, пушки, танки».

В нашей семье Пирре ван Бергена полюбили как-то сразу. Нам понравилось его красивое лицо, манера держаться, мягкая меланхолическая приветливость, создававшая впечатление, что он действительно рад встрече с вами. Нам понравилась также его тактичность. Пирре мог часами слушать рассказчика, не перебивая.

Мы стояли на балконе и смотрели на галдящую толпу. Внизу раздался голос моей сестры Сандры:

— Джимми, ты где?

Она поднялась по лестнице и появилась в дверях. Высокая, красивая, со светло-коричневой кожей, как у девушек Сенегала, со стройными ногами и необычайно продолговатым разрезом глаз, как у нашего отца.

— Давид? — воскликнула она удивленно. — А где Джимми?

Я ответил, что Джимми ушел. Мне бросилось в глаза, что Пирре остолбенело уставился на Сандру.

Позже, когда мы шутили по этому поводу, Пирре признался, что был «зачарован».

Я представил сестре Пирре. Сандра, улыбаясь, спросила:

— Уж не тот ли вы журналист, которого Джимми обещал привезти во что бы то ни стало? Брат уверял, что в случае надобности он сделает это насильно.

Пирре поднял брови.

— А он так и сделал.

— Наш Джимми ужасный фантазер. Однажды он заявил: «Я придумал, как привлечь к нам внимание всего мира. Я поеду и привезу сюда королеву Англии».

— А знаете, — сказал Пирре, улыбнувшись, — не исключено, что он привез бы ее.

— Джимми пошел за документами, — объяснил я Сандре. — Кажется, заявление для печати и тезисы доклада доктора Иллово уже готовы.

— Да, готовы. Я сама их печатала, — ответила Сандра.

— Вы тоже связаны с организацией борцов за равноправие? — спросил Пирре. В его голосе слышалось волнение.

— Совсем немного, — ответила ему Сандра. — Время от времени я печатаю им различные бумаги, делаю переводы. Я перевожу с английского на голландский и наоборот. По профессии я секретарь.

— Все это очень интересно. Вы не разрешите навестить вас на днях еще раз? — спросил Пирре.

— Вы хотите прийти к нам? — радостно удивилась Сандра. — Мама и папа будут очень рады. Особенно мама. Так ведь, Давид?

— Да, конечно.

— Почему особенно мама?

— О, мама! Наша мама особенный человек, — произнесла Сандра, — она из семьи вождя. Ее прадед Элиас Тсомо был верховным вождем племени пондо. Теперь каждый раз, когда мама ездит в земли пондо, ее встречает Абель Тсомо. Он верховный вождь племени. Мама обычно гостит у него неделю. Люди нашего племени уважают маму. К ней приходят за советами, помощью.

Неожиданно глаза Сандры заблестели.

— Мне пришла в голову интересная мысль. Почему бы вам не зайти сегодня к нам после митинга? Конечно, если у вас нет других планов.

— Определенных планов нет, — ответил Пирре, растягивая слова.

— Сегодня соберется вся наша родня. Придут дяди, тети, племянники и племянницы. Вам представится удобный случай познакомиться со всей семьей и нашими обычаями.

— Приду с удовольствием! — воскликнул Пирре с искренней радостью.

В это время толпа оживленно загудела. Мы увидели, как на трибуну поднялись около двадцати женщин. Они опустились на колени и застыли, скрестив руки на груди.

— Что это означает? — спросил Пирре.

— Они будут молиться, — ответила Сандра.

Над людским морем пронеслось: тсс... тсс... Толпа замерла. Раздалось сильное мелодичное пение женского хора. Женщины пели псалмы. Их голоса, усиленные микрофонами, величественно плыли над толпой. Постепенно собравшиеся стали подпевать.

— Смотрите, мама! — вдруг воскликнула Сандра.

Мы увидели, как мама поднялась по лестнице и подошла к микрофону. Она не шевелилась, скрестив руки на груди и устремив взгляд в небо. Немного спустя ее сильный высокий голос стал выделяться из общего хора. Она пела об Африке, ее холмистых равнинах, полноводных реках, озерах, высоких горах.

— «Благословим наши горы и реки. Благословим наши холмы. Благословим народы Африки...» — пела мама.

— Как хорошо поет ваша матушка! — воскликнул Пирре. — Она и дома поет?

— С раннего утра до позднего вечера, — ответила смеясь Сандра.

На трибуну поднялась небольшая группа мужчин. Пение перешло в крики приветствий. Представитель Африканского национального конгресса подошел к микрофону и объявил выступление доктора Иллово.

Худенькая фигурка, черный цвет кожи, седые курчавые волосы, очки в металлической оправе — таков один из наиболее знаменитых хирургов Южной Африки. Доктор Иллово оглядел пустырь, заполненный людьми.

— Я вижу здесь полицейских, — начал он. — Но правительство могло бы и не утруждать себя. Мы не собираемся предпринимать ничего противозаконного.

Над пустырем воцарилась тишина.

— Дорогие друзья! Вопрос, кому должна принадлежать Южная Африка, белым или черным, по-моему, не имеет смысла, потому что я не вижу никакой разницы между белыми и черными. Нигде не записано, что та или иная часть земли должна принадлежать только людям определенного цвета кожи. Никто из нас не хочет сбрасывать белых в море, у нас нет намерений завладеть Южной Африкой, мы не хотим господствовать над

другими. Господство одних народов над другими неправомерно. Поэтому мы просим и других не пытаться стать нашими господами.

Среди собравшихся раздались восторженные крики.

— Белые утверждают, что история разделила Южную Африку на две части, — продолжал доктор Иллово. — Но кто первым появился в Южной Африке, они или мы? Такой вопрос не имеет смысла, когда его задает белый. Всем известно, что белые появились в Африке позже нас. Они пришли сюда, когда черные прожили здесь уже тысячи лет. И белые повели себя с самого начала как захватчики.

— Правильно! — закричала толпа.

— Белые в ЮАР пытаются убедить весь мир, что мы созданы из другого теста, по этой причине черных надо изолировать от белых. Они выдумали различные законы, и любой человек, несогласный с этими унизительными законами, считается коммунистом и заносится в черный список.

— Да, да! — кричали в толпе.

— Мы сказали обо всем этом белому правительству нашей страны, — продолжал доктор Иллово. — Мы объяснили, что не хотим, чтобы страна была только для нас одних. Мы говорили только о своем месте в этой стране, о месте, где мы могли бы жить как равные, свободные люди. Мы не будем более работать для белых, пока они относятся к нам как к людям второго сорта. Мы сказали: «Вы должны сделать то, что мы просим. Иначе мы перестанем вам подчиняться».

Полицейские и сыщики из Особого отдела не отрывали глаз от маленького черного человека в очках с металлической оправой.

— А они его не арестуют? — шепотом спросила Сандра.

— Может быть, и арестуют, — ответил я ей озабоченно. — Но не сейчас. Он уважаемый человек, у него много друзей. Но в один прекрасный день они что-нибудь предпримут.

Тем временем доктор Иллово продолжал:

— Мы информировали власти, что, если законы апартеида не будут отменены к дню Ван Рибека, мы перейдем к действиям. Настал час действовать. Мы станем открыто непослушными, чтобы это мог видеть каждый. Начнем с закона, который давит нас особенно тяжело. Вы, конечно, поняли меня. Речь идет о дощечках с надписями: «ТОЛЬКО ДЛЯ БЕЛЫХ». До сих пор мы подчинялись этим надписям. Но больше мы делать этого не будем.

Повысив голос, доктор заставил собравшихся притихнуть.

— Не следует сейчас же толпой ринуться в запрещенные для нас двери, усесться на запрещенные скамейки. Власти из мухи раздуют слона. Белому правительству это только на руку. Наши акции будут называться кампанией неповиновения. Нам нужны первые группы добровольцев.

Толпа колыхнулась и с громкими ликующими криками устремилась к трибуне. Натиск был настолько сильным, что мы стали опасаться, как бы толпа не смела трибуну. Полицейские нервно переглянулись.

— Спасибо, друзья, — произнес доктор Иллово. — Я знал, что мы можем рассчитывать на вас. Теперь внимательно выслушайте меня. За нарушение законов вас будут наказывать. Поэтому каждый должен все хорошенько взвесить. Мы начнем нарушать законы многочисленными группами. Цель кампании неповиновения: начать во всех крупных городах ЮАР массовое нарушение законов, чтобы за это многих посадили в тюрьмы. Африканский национальный конгресс создает комитет помощи добровольцам и их семьям. Но наши средства ограниченны, и я обязан предупредить вас, что комитет не сможет помочь всем.

Еще раз подчеркиваю, что добровольцы должны вести себя сдержанно, быть вежливыми. Мы их рассматриваем как наших послов. Поэтому нам не годятся пьяницы, скандалисты, люди вспыльчивые, которые необдуманными поступками могут испортить все дело. Надеюсь, вы все хорошо меня поняли. На следующей неделе мы свяжемся с вами. А теперь давайте все вместе снова споем наш гимн и спокойно разойдемся.

Сильным голосом он запел: «Бог, благослови Африку». Все подхватили. Затем доктор Иллово и сопровождающие его молодые люди покинули трибуну.

Взглянув на Пирре, я заметил, что митинг произвел на него большое впечатление.

В комнату вбежал Джимми с пачкой бумаг. Он крикнул зло:

— Своенравный, упрямый и самодовольный дурак! У него было указание подогреть всех хорошенько. А он что сделал? Обдал всех холодным душем: «Принимайте участие в кампании неповиновения, и вас упрячут в каталажку».

— Джимми, — вмешался я, — господин ван Берген согласился посетить наш дом после митинга. Надо идти, наверняка уже вся родня в сборе.

— О, это здорово! — воскликнул Джимми, повернувшись к Пирре. — Вы действительно хотите пойти с нами?

Пирре кивнул.

— Прекрасно! Тогда надо спешить. Я побегу предупредить

маму. Иначе она очень рассердится, что мы не предоставили ей возможности надеть нарядное платье.

Он устремился по лестнице.

Внизу мы столкнулись с двумя белыми, входившими в дом. Одним из них был Вандермюллен.

— А, вот вы где, — воскликнул он, обращаясь к Пирре. — Я видел вас на балконе. Журналисты всегда умеют выбирать самые лучшие места.

Он хлопнул Пирре по плечу и, улыбаясь, предложил:

— Земляк, может быть, посидим где-нибудь и пропустим по рюмочке?

— Сейчас не могу. Я уже дал согласие быть в другом месте, — ответил Пирре.

Вандермюллен бросил пренебрежительный взгляд на меня и Сандру.

— В самом деле не можете? — обратился он снова к Пирре.

— Не могу.

— Ну хорошо, тогда в другой раз, — произнес он, стараясь показать добродушие. — Не забывайте, что мы земляки. Мне будет очень приятно видеть вас в моем доме.

— Непременно приду, спасибо, — поблагодарил Пирре.

Когда Вандермюллен с приятелем скрылись за дверью, я спросил:

— А может, вы предпочтете пойти с ними? Боюсь, что вы попадете у них на заметку. Они не любят, когда им предпочитают черных.

— У меня нет никакого желания быть у них на хорошем счету, — ответил Пирре. — Надеюсь, у вас не будет неприятностей с полицией.

— Мы у полиции постоянно в немилости. Наша семья живет не так, как, по их мнению, должны жить черные. Батюшка Тревор из пресвитерианской церкви приходит к нам в гости каждую неделю. Часто бывает и батюшка Гудсон. Оба они белые. Епископ Традер, тоже белый, большой друг папы и мамы. Папа играет в бридж со Стенхопесами — английскими квакерами. Они намеренно приглашают к себе в дом африканцев и индусов. Это явная демонстрация. Папа по-настоящему дружен с ними. У нашего старшего брата Тома тоже есть белые друзья. Эта дружба идет со времени войны в Европе, тогда Том служил в Британской армии. Роза, наша старшая сестра, работает медсестрой в приюте для сирот. Приютом руководят английские дамы, они тоже бывают у нас дома. Джессе, другой наш брат, учится на адвоката, он играет в теннис с белыми девушками. Мама не устает твердить полиции, что в нашем до-

ме существует отличное взаимопонимание между белыми и черными. Но правительству ЮАР не по душе такое взаимопонимание.

— Кроме того, в полиции постоянно твердят, что у нас плохие белые друзья, — перебила Сандра. — «Это коммунисты», — твердит комиссар Дейкман. «Епископ Традер тоже?» — спрашивает мама. «Епископ Традер самый ярый из них», — кричит комиссар. Тогда мама осведомляется у него, все ли члены коммунистической партии умеют так отлично служить мессу.

Сандра, улыбаясь, посмотрела на Пирре.

— А какой у вас папа? — спросил он, когда мы подошли к улицам Софиатауна.

— Я люблю его, — тихо ответила Сандра. — Он добрый и мудрый. И когда мы, дети, не знаем, как поступить, нам бывает очень полезно посоветоваться с папой. Рядом с ним чувствуешь себя спокойно и уверенно, в полной безопасности. Он очень честный.

— Как он стал заниматься гончарным делом?

— После дневной работы на золотых приисках он вечерами помогал одному гончару. Порой задерживался до поздней ночи. Потом на заработанные гроши купил маленький гончарный круг без мотора, который приводился в движение ногой. Так папа начал в свободное время работать на себя, а не на хозяина. Он оказался талантливым гончаром, а мама — отличным продавцом его изделий. Дело стало разрастаться, и вскоре папа ушел с прииска. Сейчас у нас механизированная мастерская с четырьмя рабочими и двумя учениками. Том, наш старший брат, помогает папе в мастерской, а Джимми наш торговый представитель.

— Он, несомненно, продает очень много.

— Да, — улыбнулась Сандра, — папа им доволен.

В те дни Софиатаун напоминал огромный пчелиный улей, переполненный народом шумный лабиринт.

Старинные дома стояли поодаль друг от друга. Это были фундаментально построенные каменные здания, обнесенные оградой. Они сразу бросались в глаза, так как пространство между ними было заполнено лачугами из досок, гофрированного железа и парусины. Позади домов в садах и огородах виднелись убогие хижины, прилепившиеся друг к другу. Палисадники перед домами тоже уже начали застраиваться какими-то шалашами и хибарками, сливавшимися в сплошные ряды, непомерно сужавшие улицы.

— Это, конечно, делается все незаконно, — объяснял я Пирре. — Но вы, наверное, уже заметили, что мы, африканцы,

очень привязаны к родственникам. У нас принято, чтобы богатые делились с бедной родней. Поэтому и возникают такие хаотические поселения. Африканцы отовсюду из провинции стремятся переехать в Софиатаун, привлекаемые работой на золотых приисках и возможностью жить в большом городе. Ходят слухи, что в Софиатауне африканец может стать владельцем земли и домика. Это редкая привилегия в Южной Африке. Эти слухи привлекли сюда тех, кто уже успел добиться некоторого благосостояния. Этим и объясняется наличие комфортабельных каменных домов, магазинов и ателье посреди моря хижин и лачуг.

Фантастические слухи о «райском» Софиатауне распространились повсюду и привлекли сюда всякого рода авантюристов и мошенников. Появились бары и бордели. Начались драки, воровство, убийства.

В то же время значительная часть жителей Софиатауна голодает. Многие африканцы, приехавшие сюда из далеких бедных резерваций, обнаружили, что здесь уже скопились тысячи лишних людей, которые не могут найти работу, а если и находят, то только очень низкооплачиваемую. Они не могут прокормить свои семьи и с горечью посматривают на районы, где живут белые и царят излишества.

Но не это сразу бросается в глаза в Софиатауне. Как видите, мусора на улицах нет, здесь всегда тепло и уютно, жизнь повсюду кипит. Наряду с черными тут живут индусы и небольшое число белых.

Софиатаун — это, можно сказать, огромная, доступная для всех деревня, или, вернее, район, стихийно выросший на краю большого города.

Мы подошли к церкви Христус-Конинг. Отсюда за небольшой площадью с фонтаном и двумя ветвистыми деревьями виднелся наш дом.

Продолговатый, белый, с красивой черепичной крышей и фасадом, заросшим плющом, он походил на ферму. Когда-то здесь действительно жил фермер, у которого наш прадедушка купил этот дом.

Позднее папа с мамой пристроили слева жилой флигель, а справа ателье.

— На этой улице живут почти одни наши родственники, — сказала Сандра. — Слева — бакалейщик дядя Джереми, брат мамы. За ним дядя Чарльз, брат папы, он резчик по кости. Дальше живут подряд четверо племянников. Гончары, работающие у нас, все наши двоюродные братья.

— А мы не очень рано пришли? — спросил Пирре.

— Рано?

— Да. Джимми ведь говорил, что вашей маме нужно переодеться.

— О, она уже наверняка переоделась, — со смехом ответила Сандра. — Да посмотрите, вон и она! Стоит вместе с папой. Боже мой! Она надела черное платье с кружевами! Его она надевает только для архиепископа.

Сандра быстро наклонилась к Пирре и шепотом попросила:

— Похвалите ее наряд. Хотя бы чуть-чуть. В таких случаях она бывает счастлива как девочка.

— Обязательно похвалю, — ответил Пирре.

Папа вышел к нам навстречу.

— Меня зовут Джон Тучела. Добро пожаловать в мой дом. — Он пожал Пирре руку и представил маму: — Это моя жена. Дорогая, это господин ван Берген.

— Проходите, господин ван Берген, — сказала мама. — Мое имя Сара, но все зовут меня мама Пондо.

Мы вошли во двор. Повсюду стояли рядами готовые гончарные изделия. В конце двора виднелась мастерская.

Мама подошла к высокому мужчине, который с угрюмым видом что-то рассказывал гостям.

— Это Том, наш старший сын.

Том смущенно улыбался, когда Пирре пожимал ему руку, но потом снова помрачнел.

Из дома вышла девушка, подталкивая впереди себя столик на колесиках. Она выглядела старше Сандры.

— А это Роза, моя старшая дочь, — продолжала мама. — С тех пор как она получила диплом медсестры, я ничего не могу сделать дома, не получив замечаний. Если прикоснусь к тарелке, она сразу же теряет стерильность.

— Ну, мама! — застенчиво улыбнулась Роза.

— А это Питер, ее муж, — представила мама толстого мужчину, сидевшего в камышовом кресле. — В свободное время только ест и спит. Поэтому с ним очень трудно беседовать: то он спит, то у него рот занят едой.

Питер затрясся от смеха.

— Не обращайте внимания, что говорит мама Пондо, господин ван Берген!

— За Розой идет Джимми, — продолжала мама. — Но с ним вы уже знакомы. А потом Михаел. Где он?

— Я здесь, мама.

Михаел отделился от группы гостей. Он наклонился и пожал Пирре руку.

— Не вздумайте вступить с ним в спор, — сказала мама. — Это невозможный человек. Спорить с ним бесполезно.

Она грустно улыбнулась и покачала головой.

Мы знали, она очень боится за Михаела. У каждого правительства есть свои козлы отпущения. Белые расисты всегда старались свалить все трудности на коммунистов, а Михаел был одним из них.

— Джессе! Джессе! — позвала мама. — Подойди к нам!

Высокий, элегантный, с небольшими усиками, к нам подошел Джессе.

— Это тоже наш сын, — сказала мама. — Чемпион университета по теннису. Он у нас бунтовщик. Считает митинги бессмысленными, а демонстрации ребячеством. «Гранатами надо», — говорит он. Но пока что его хватает лишь на борьбу с многочисленными невестами.

Затем мама представила журналиста дяде Джереми, дяде Чарльзу, нашим тетям, множеству племянников и племянниц. Потом мы все расселись на белых камышовых стульях, которые Сандра расставила на веранде у окон, открытых в сад.

Стоял апрель. В Южной Африке это осень. В саду было необычайно тихо и тепло.

— Будете пить чай? — спросила Сандра у Пирре. — Или вы предпочитаете кофе?

— Нет, нет, пожалуйста, чай.

Гости разделились на группы. Пирре незаметно осматривался.

К нам подошел Джессе. С Пирре они условились позавтракать вместе в следующий понедельник.

Джимми что-то темпераментно доказывал папе. А к маме все время подходили люди, что-то рассказывали, советовались. Из сада со слезами на глазах прибежала маленькая девочка. Она там упала и ушиблась, но на коленях у мамы быстро успокоилась.

Продолжение на стр. 193

ЗАВЕТАМ ЛЕНИНА ВЕРНЫ!

ЖУРНАЛ
В
ЖУРНАЛЕ

ПОВАРЮШ

КОМСОМОЛЬЦЫ, юноши и девушки нашей необъятной страны с огромным энтузиазмом несут трудовую вахту в честь XXVI съезда КПСС.

Знания и мастерство, силу и энергию, мужество и отвагу — все отдает Родине юное поколение, воспитанное Коммунистической партией. Молодые патриоты практически решают задачи общего труда, отдают жар своих сердец делу укрепления экономического и оборонного могущества Советской Отчизны.

Молодые рабочие и колхозники, ученые и специалисты, воины, студенты, учащиеся, как и все советские люди, испытывают чувство величайшей гордости за нашу партию, за свой народ, их революционно-созидательную деятельность, горячо поддерживают и одобряют ленинский курс КПСС. Как боевую программу своей работы восприняла советская молодежь решения октябрьского Пленума ЦК КПСС, положения и выводы речи на Пленуме Леонида Ильича Брежнева. Многомиллионный комсомол активно участвует во всенародном обсуждении проекта ЦК КПСС «Основные направления экономического и социального развития СССР на 1981—1985 годы и на период до 1990 года».

Сегодня каждый комсомолец с гордостью и величайшей ответственностью вписывает свою строчку в коллективный рапорт Ленинского комсомола XXVI съезду КПСС «Заветам Ленина верны!».

Это рапорт советской молодежи о верности делу партии, бессмертным идеям Ленина, о постоянной готовности молодого поколения бороться, работать и жить по-ленински, по-коммунистически.

Павел БАРЯЕВ,
бригадир комсомольско-молодежной бригады треста «Уренгойгазстрой», депутат Верховного Совета СССР, член ЦК ВЛКСМ

ПРОДОЛЖАЯ СЛАВНЫЕ ТРАДИЦИИ...

СОРОКАМИЛЛИОННАЯ армия комсомола, юноши и девушки нашей страны встречают XXVI съезд родной Коммунистической партии новыми успехами в производстве, научно-техническом творчестве, учении, воинской службе, спорте, общественной работе. Каждый день приносит добрые вести о трудовых победах молодых патриотов, вставших на ударную предсъездовскую вахту, с каждым днем набирает силу и крепнет эстафета комсомольских дел.

Моя судьба — общая для людей моего поколения, молодежи славных семидесятых годов. Она неразрывно связана с комсомолом, и дела комсомола, его заботы, стремления, поиски и свершения стали также и моими со школьных лет. Ученическая бригада, служба в армии — на памирской погранзаставе, ударные комсомольские стройки Тюменского Севера... И все лучшее, чем могу гордиться, каждый свой успех я по праву разделяю с теми, кто в разные годы моей жизни оказывался рядом со мной, был советчиком и наставником. Это и товарищи по нашей погранзаставе, и бригадир моей первой надымской бригады

комсомольско - молодежного СУ-3 треста «Северогазстрой» Владимир Шевцов — один из первопроходцев, осваивавших тюменскую нефть «с нуля», раскрывший нам, только начинавшим трудовой путь, простую мудрость — не сбавлять темпа, не расслабляться, не искать выгоды, браться за дело, каким бы трудным оно ни казалось; это и Володя Машков — создатель и руководитель комплексной бригады по сооружению нефтепроводов, и буровой мастер, член Бюро ЦК ВЛКСМ Владимир Глебов, в котором больше всего и меня, и моих друзей покоряют большая человеческая скромность, достоинство и высокая рабочая гордость...

Три года назад мне было поручено возглавить Всесоюзный ударный комсомольский отряд имени XVIII съезда ВЛКСМ. Прямо со съезда мы отправились осваивать крупнейшее Уренгойское газоконденсатное месторождение. Нам предстояло строить будущий город. Мы знали, что идем на необжитое место, в приполярную тундру. Тем, кто идет первым, легко не бывает. Но юноши и девушки были готовы к этому. Они ехали работать, строить дома и для себя, и для тех, кто придет позднее. Тогда, на съезде, бойцы нашего отряда дали клятву — верно хранить и приумножать героические традиции легендарных комсомольских строек. Мы не знали выше чести, чем быть в рядах первопроходцев, оправдать высокое доверие родной партии.

И сегодня мы можем с полным правом вписать свою строчку в рапорт Ленинского комсомола XXVI съезду КПСС. Два года назад Уренгой начал давать газ. В последний год десятой пятилетки он дал стране почти 60 миллиардов кубометров газа. Созданы не только промыслы, но и мощные системы газопроводов.

Вырос город Новый Уренгой, в котором нас, приехавших три года назад, называют старожилами... Город растет быстро, сейчас в нем уже несколько тысяч жителей.

У меня как у рабочего человека вызывают чувство гордости дела наших нефтяников, газодобытчиков, моих товарищей по профессии — строителей, всех, кто осваивает Тюменский Север. Основной итог прошедших лет состоит в том, что по воле партии, усилиями всего советского народа в области создана не только главная база страны по добыче нефти, но и главный район добычи газа.

Центральный Комитет партии, Политбюро ЦК, лично Леонид Ильич Брежнев проявляют неустанную заботу о дальнейшем развитии энергетики страны, повышении уровня добычи нефти и газа.

В проекте ЦК КПСС «Основные направления экономического и социального развития СССР на 1981—1985 годы и на период до 1990 года» выдвигается задача форсированного развития добычи природного газа, доведение ее объема в 1985 году до 600—640 миллиардов кубометров.

Перед тюменцами ставится задача увеличить в 1981 году добычу газа на 30 миллиардов кубометров. Весь этот прирост должен обеспечить Уренгой. И в дальнейшем темпы роста добычи газа в нашем районе будут оставаться высокими. Задача эта, безусловно, сложная, но она вполне реальна. И она будет решена!

На стройках Тюменской области — десятки тысяч до-

ТОВАРИЩ ПАРТИЯ

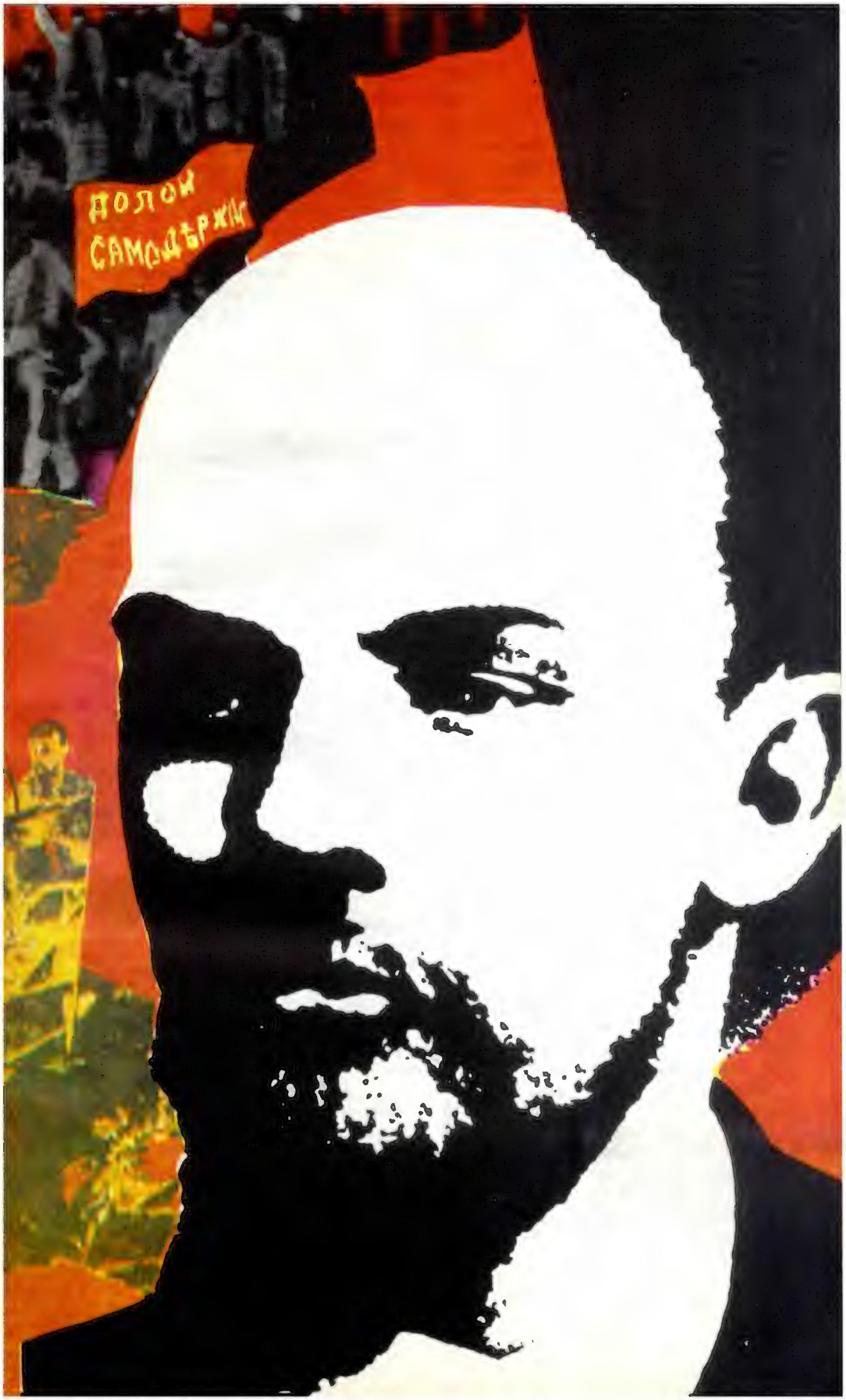
ДЕВЯНОСТЫЕ годы XIX столетия ознаменовались в России мощным подъемом рабочего движения. В стране возникли первые марксистские организации. Это подготовило условия для соединения научного коммунизма с массовым революционным движением, для создания марксистской партии.

Организатором революционной марксистской партии выступил Ленин. Он первым из марксистов поставил вопрос о партии рабочего класса как партии нового типа.

Осенью 1895 года по инициативе Ленина была создана нелегальная политическая организация «Союз борьбы за освобождение рабочего класса», объединившая все марксистские кружки Петербурга. Историческая заслуга «Союза борьбы» состояла в том, что он впервые в России стал осуществлять соединение идей научного социализма с рабочим движением. Рабочее движение стало развиваться под знаменем марксизма.

Поворотным пунктом в мировом рабочем движении стал II съезд РСДРП, положивший начало существованию революционной пролетарской партии — партии нового типа, ленинской большевистской партии, ставшей образцом для международного рабочего движения.

В русской революции 1905—1907 годов марксистская партия рабочего класса впервые в истории выступила как самостоятельная политическая сила со своей программой, стратегией и тактикой. В годы революции партия большевиков прошла большую политическую школу, приобрела огромный опыт организаторской работы в массах.


ДОЛОЙ
САМОДЕРЖИ

бровольцев, посланцев Ленинского комсомола. Они работают по-ударному, самоотверженно, проявляя энтузиазм, охваченные горячим стремлением создать прочную основу для успешной работы в одиннадцатой пятилетке. 240 комсомольско-молодежных коллективов давно уже завершили пятилетние задания и в восьмидесятом году начали трудиться в счет первого года новой пятилетки. Их пример вдохновляет молодежь.

Стало уже непреложным понятие о том, что комсомол — надежная опора партии в решении общенародных, государственных дел. Ни одна задача — будь то подъем Нечерноземья, освоение Сибири, развитие атомной энергетики или сферы обслуживания — не обходится без посланцев молодежи. 150 крупных строек объявлены всесоюзными ударными, более трех тысяч — под шефским началом обкомов, горкомов, райкомов комсомола. В различных сферах народного хозяйства занято двадцать с лишним миллионов комсомольцев.

«Продолжая славные традиции своих дедов и отцов, комсомольцы, девушки и юноши идут в первых рядах строителей коммунизма, мужают в труде, учатся управлять хозяйством, руководить делами общества и государства, — говорил, обращаясь к комсомольцам, Леонид Ильич Брежнев. — В их руках — будущее страны. И мы уверены — это надежные руки».

Такие слова ко многому обязывают.

Партия беспредельно верит своему надежному помощнику — комсомолу, и комсомольцы всей своей жизнью с честью оправдывают это высокое доверие.

С ЧУВСТВОМ заслуженной гордости хлеборобы Казахстана могут доложить XXVI съезду КПСС, что вырастили, собрали и сдали государству уже в четвертый раз свыше миллиарда пудов хлеба.

Победа досталась нелегко. Климат в степном Казахстане изменчив и капризен. Не порадовала хлеборобов погода и в минувшем году. Но люди были готовы к трудному поединку с природой. ЦК ЛКСМ Казахстана еще весной создал специальный штаб «Урожай-80», задача которого состояла в том, чтобы направлять и координировать усилия более чем полумиллионной армии молодых тружеников села. Свыше 13 тысяч комсомольско-молодежных коллективов, 213 студенческих механизированных отрядов несли ударные вахты в честь XXVI съезда КПСС.

Страда подвела итоги года, определила своих героев. Хочется рассказать об одном из коллективов, добившихся высоких показателей в труде, — мехотряде Виктора Флора из совхоза «Гаршинский» Чистопольского района нашей Кокчетавской области.

Отряд Виктора Флора — крепкий, слаженный коллектив. Все ребята закончили курсы и школу механизаторов широкого профиля. И не случайно молодые хлеборобы из года в год получают на своем участке высокие урожаи.

Минувший год отряд хотел отметить как-то по-особому: год был юбилейный, к тому же завершающий... Ребята определили свои возможности, учли все до мелочей и приняли социалистическое обязательство — повысить урожайность на один центнер на каждом из 5518 гектаров, отведенных отряду.

Есильбай КАДРАЛИН,
бригадир комсомольско-молодежной бригады механизаторов совхоза «50 лет комсомола» (Кокчетавская область), депутат Верховного Совета Казахской ССР

ДЕЛО ПО ПЛЕЧУ

Весна и раннее лето выдались жаркими, засушливыми, но звено выручила хорошо проведенная снегопахота. Почва хранила влагу вплоть до налива колоса. Все лето механизаторы заботливо ухаживали за каждым квадратным метром посевов: в нужный срок, не считаясь с трудовыми затратами, проводили подкормку и культивацию. И колос стал полным, тяжелым...

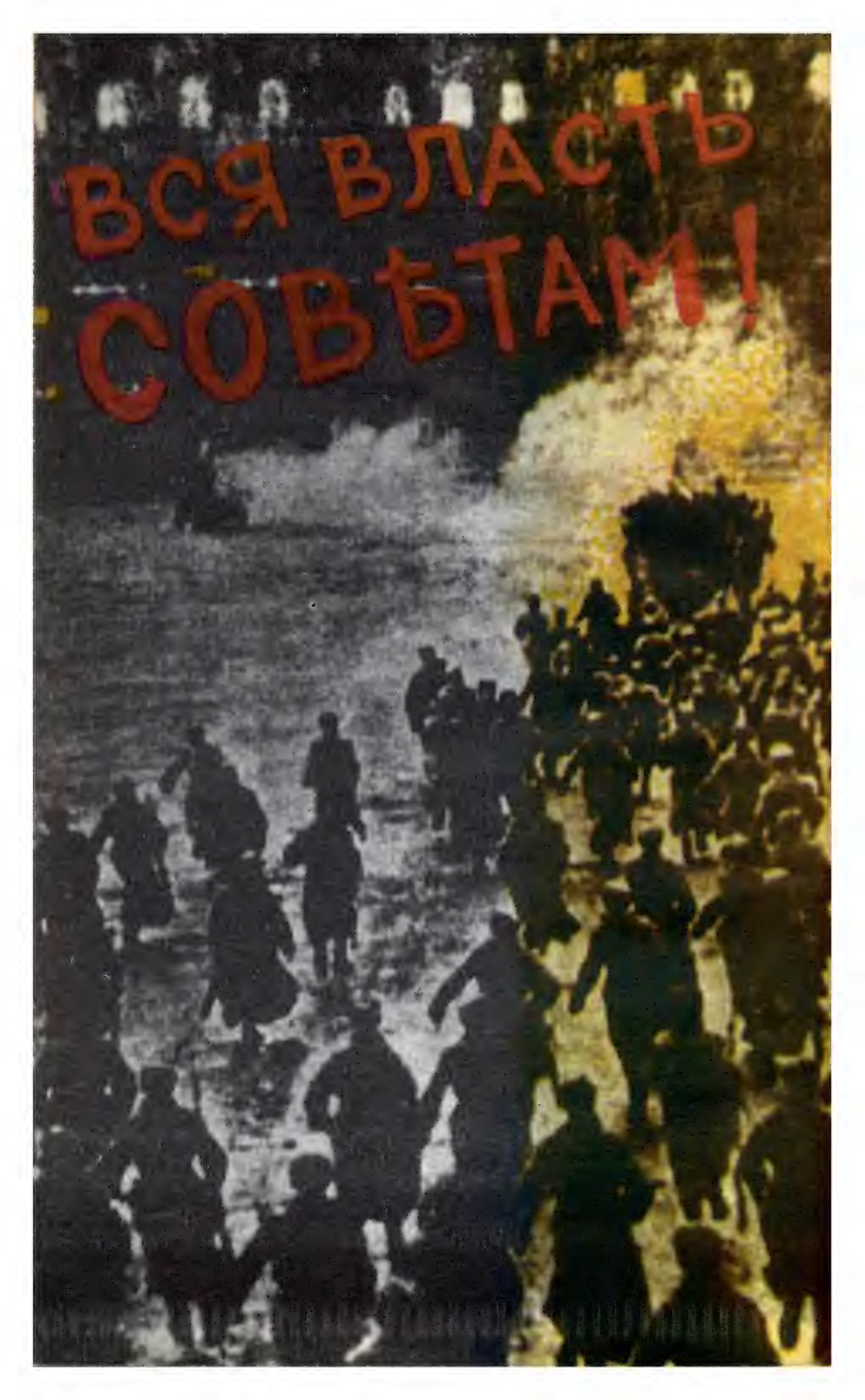
В ту пору в Казахстан прибыл Леонид Ильич Брежнев, состоялась памятная для каждого целинника встреча в Алма-Ате. Всех хлеборобов воодушевил призыв партии — дать Родине новый казахстанский миллиард. Развернулось социалистическое соревнование, рождались новые почины. Выступил с почином и коллектив Виктора Флора — внести в казахстанский миллиард свою, комсомольскую, прибавку.

Почин поддержали, подхватили, за комсомольскую прибавку начали бороться другие коллективы не только родного совхоза, но и многих хозяйств области.

И вот результаты. Механизаторы Виктора Флора собрали дополнительно к запланированному по три центнера зерна с каждого гектара. Комсомольская прибавка только в одном мехотряде составила без малого 104 тысячи пудов. А таких коллективов в области было немало. Не случайно по сдаче зерна государству хлеборобы Кокчетавской области вышли на второе место в республике. Мы этим гордимся еще и потому, что после засушливого лета в самую напряженную страдную пору во многих районах пришлось одолеть еще одну крутую преграду...

«Солнце не ждут, солнце встречают», — говорят в наших степях. По-своему встретили солнце прошлой осенью механизаторы комплексного звена Т. Каратаева из совхоза имени XX съезда КПСС. Перед самой косовицей нахмурилось небо, собрались дожди... А зерно в колосьях после летней засухи не обрело того налива, о каком мечтали каратаевцы. И они решили подождать с уборкой, дать налиться колосу, а потом наладить работу так, чтобы в ведреную пору точно в сроки, быстро и без потерь собрать урожай.

К уборке готовились, как к наступлению, отладили и жатки и комбайны. Согласовали с водителями машин график разгрузки бункеров и вывозки зерна с учетом каждой минуты. В ненастье все звено внимательно наблюдало за полем. И когда наконец проглянуло


ВСЯ ВЛАСТЬ
СОВѢТАМ!

ИМПЕРИАЛИСТИЧЕСКАЯ война 1914—1918 годов, обострившая все противоречия империализма, усилила объективные предпосылки революции, явилась, по словам Ленина, ее всесильным «режиссером».

Февральская революция в России свергла царизм, открыла возможность для ликвидации капитализма. В ходе революции сложился боевой союз рабочих и крестьян, одетых в солдатские шинели. Подлинным вдохновителем и организатором этого союза была большевистская партия, не знавшая страха в борьбе с царизмом. Партия призвала пролетариат к борьбе за социалистическую революцию.

25 октября 1917 года прозвучал исторический выстрел с революционного крейсера «Аврора». Он возвестил о начале новой эры в истории человечества — эры торжества социализма и коммунизма. Народная Октябрьская революция свергла политическую власть буржуазии и помещиков, сломала их государственную машину, установила на одной шестой части земного шара диктатуру пролетариата, основанную на союзе рабочего класса и трудового крестьянства, утвердила власть Советов — подлинную народную власть, высшую форму демократии.

Свергнутые эксплуататорские классы не подчинились власти народа, не сложили оружия. Их поддержали иностранные империалисты. В борьбе против Советской Республики объединились две силы — интервенты и внутренняя контрреволюция. Партия сплотила трудящихся и подняла их на революционную войну против внешних и внутренних врагов.

Советское государство выдержало суровое испытание. Расчеты империалистов потерпели полный крах. Под руководством партии народ одержал полную победу над силами контрреволюции.

солнце, механизаторы повели всю технику в поле. Работали и дни и ночи, спали по два-три часа в сутки — откуда только силы брались! Комплексное звено Каратаева справилось с уборкой вдвое быстрее установленных сроков и без потерь, а проигрыш во времени при начале косовицы обернулся солидным выигрышем в весе и качестве зерна. Комсомольская добавка на участке превысила 11 тысяч пудов!

Борьба за большой хлеб укрепила творческий союз хлеборобов, ученых, партийных и комсомольских работников. Нужно было сберечь зерно от гибели в сырых валках, и молодые ученые Кокчетавской опытной сельскохозяйственной станции предложили косить на «аварийных» участках узкозахватными жатками — мелкий валок скорее просыхает! Тут же слесари и механики хозяйств подготовили нужную технику, а на участки, где климатические условия были особенно неблагоприятными, направили лучшие, ударные силы. Конвейер жатвы был налажен так, что не терялось ни минуты ни в одном цикле. Агрономы, научные сотрудники, как и хлеборобы, не покидали полей. В результате область уже накануне Дня Конституции СССР досрочно выполнила план сдачи хлеба государству, засыпав в закрома Родины свыше 165 миллионов пудов хлеба.

Особый ритм работам на уборке придало социалистическое соревнование за достойную встречу XXVI съезда партии. Ни одна из побед на полях не оставалась незамеченной. Добивалось успеха звено или бригада — тотчас туда выезжали партийные и комсомольские работники, и на полевых станах алели вымпелы трудовых побед — знамена победителей на уборке «урожая-80»... В те дни опустели кабинеты районных комитетов, и на своих, комитетских, а чаще на попутных машинах комсомольские работники устремились в степь, встречались с комсомольским активом, вместе готовили боевые листки, информационные бюллетени. В комнатах отдыха на полевых станах каждый день появлялись сообщения о ходе соревнования в хозяйстве, районе, области и по республике в целом. Битве за урожай посвящались ежедневные

Мария БАМАЙСТРЮК,
бригадир садоводческой бригады совхоза «Прут» (Молдавская ССР), депутат Верховного Совета СССР

НА БЛАГО ЛЮДЯМ

ПЕРВЕЙШАЯ обязанность депутата — будь то избранник народа в местный, городской, областной или Верховный Совет — постоянно заботиться о людях, чутко прислушиваться ко всем их пожеланиям, предложениям, просьбам. Говорят, депутат — слуга народа. Это верно, и это означает, что он должен полностью отдавать себя в распоряжение избирателей, жить их интересами, свято выполнять их наказы. Мы, молодые депутаты, еще не вышедшие из комсомольского возраста, выполняя эту священную обязанность, учимся у старших товарищей — коммунистов, нако-

спецвыпуски в газетах, передачи местного радиовещания. Работали оперативно, и все ценное, передовое немедленно становилось общим достоянием. В Кустанайской области, например, комсомольско-молодежная бригада братьев-водителей Головачей разработала наиболее эффективный график вывозки зерна, а через пару дней по такому же графику трудились десятки водителей Кокчетавской области... Методы передовиков немедленно брали на вооружение тысячи молодых полеводов-механизаторов. Широкая гласность в соревновании позволила добиться своеобразной «цепной реакции», когда лучшее многократно умножалось и рождало еще более совершенное.

Скажу о себе. Весной минувшего года я взял обязательство вспахать и засеять 700 гектаров, хорошим уходом обеспечить высокий урожай. Работать, конечно, пришлось напряженно. Но и результаты порадовали: удалось достичь урожайности, о которой Леонид Ильич Брежнев говорил как о постоянной норме для казахстанской целины, — по 20 центнеров с гектара.

В решениях октябрьского (1980 г.) Пленума Центрального Комитета партии, в «Основных направлениях экономического и социального развития СССР на 1981—1985 годы и на период до 1990 года» перед нами выдвинуты новые задачи. В Казахской ССР предстоит значительно увеличить среднегодовой объем валовой продукции сельского хозяйства, повысить среднегодовое производство зерна, мяса, молока, шерсти, принять меры по обеспечению устойчивого производства зерна, особенно твердых и сильных сортов пшеницы.

Для нас эта большая работа уже началась. Разработаны планы проведения сельскохозяйственных работ применительно к местным условиям, заготовлены семена, приведена в боевую готовность техника. Под контролем партийных и комсомольских организаций начали работать курсы механизаторского всеобуча, юноши и девушки дополнительно к своим профессиям осваивают нужные для сельского хозяйства специальности.

Целинники готовы встретить страдную пору новой пятилетки!

пивших богатый опыт работы с массами, учимся партийному отношению к нуждам народа.

В октябре проходила четвертая сессия Верховного Совета СССР. Депутаты работали с большим душевным подъемом, вызванным решениями состоявшегося накануне Пленума Центрального Комитета партии, глубокой, содержательной речью на Пленуме Леонида Ильича Брежнева. Определив рубежи коммунистического созидания, Леонид Ильич остановился на некоторых вопросах, имеющих отношение к развитию экономики в новой, одиннадцатой, пятилетке. Он отметил при этом, что хотел бы начать с вопросов, от решения которых прежде всего зависят условия жизни советских людей. «Думается, — сказал Леонид Ильич, — что это и есть самый партийный подход, когда во главу угла кладется забота о благе народа».

На сессии в выступлении

Виктор ПРИСТУПКО,
заместитель командира
Всесоюзного студенческого
строительного отряда

СТУДЕНЧЕСКИЕ МИЛЛИАРДЫ

22 ГОДА МИНУЛО с того памятного лета, когда 339 студентов МГУ, выехав в целинные совхозы Северо-Казахстанской области, открыли первую страницу в истории студенческого стройотрядовского движения. Каждый последующий год был поступательным в развитии этого патриотического начинания.

Трудовой семестр 1980 года показал, что летние работы стали неотъемлемой частью учебно-воспитательного процесса, превратились в настоящую школу трудового воспитания, идейно-политической закалки вузовской молодежи.

Всесоюзный студенческий строительный отряд имени 35-летия Победы насчитывал в своих рядах 822 тысячи человек. Он выполнил в строительстве и других отраслях народного хозяйства объем работ на сумму 1,6 миллиарда рублей. Это достойный подарок студенческой и учащейся молодежи XXVI съезду КПСС.

депутатов убедительно подчеркивалось, что планомерное осуществление социальной программы, разработанной XXV съездом КПСС, результат проявления подлинно ленинской заботы партии и государства о благе советского человека, увеличилась среднемесячная зарплата рабочих и служащих, повысилась оплата труда колхозников. Возросли выплаты и льготы, предоставляемые населению из общественных фондов потребления. Улучшились жилищные условия населения — только в последний год десятой пятилетки получили новые квартиры и улучшили свои жилищные условия более десяти миллионов человек.

Документы, принятые Верховным Советом СССР, свидетельствуют о реальной заботе о благе каждой советской семьи, о дальнейшем развитии каждого населенного пункта, каждого трудового коллектива.

Претворение в жизнь планов дальнейшего подъема благосостояния народа, социально-бытового и культурного строительства — первейшая наша забота. Ленин писал, что депутаты должны сами исполнять свои законы, сами проверять то, что должно быть внедрено в жизнь, и сами отвечать непосредственно перед избирателями. И еще Владимир Ильич учил, что любая, даже самая незаметная, казалось бы, работа нужна и полезна, если она направлена на общенародное дело.

Мой депутатский стаж невелик, но и за неполных три года я успела кое-чему научиться, обрести опыт, а главное — сделала для себя первейшим правилом и обязанностью вникать в нужды и запросы избирателей. Постоянные встречи с ними никогда не проходят бесследно. Люди приходят к депутату за помощью, но и сами они помогают ему сво-

За годы десятой пятилетки отряд увеличился более чем на 130 тысяч человек, достигнув минувшим летом максимальной численности, что явилось результатом целенаправленной работы комитетов комсомола, ректоратов и дирекций учебных заведений по выполнению задачи, поставленной в приветствии Генерального секретаря ЦК КПСС, Председателя Президиума Верховного Совета СССР Леонида Ильича Брежнева участникам Всесоюзного слета студенческих отрядов: каждому студенту и учащемуся пройти школу отрядов, приобрести навыки организаторской, воспитательной работы.

Бойцов студенческих отрядов теперь можно видеть в любом уголке нашей Родины: в Западной Сибири и Нечерноземье, на Крайнем Севере и в Средней Азии, на Дальнем Востоке и в Закавказье... Парни и девушки в столь знакомой всем форме бойцов стройотрядов трудятся на стройках и предприятиях пятидесяти министерств и ведомств.

За минувшую пятилетку студенты выполнили объем работ на сумму более 7 миллиардов рублей, сдали в эксплуатацию и под монтаж оборудования 70 тысяч объектов — целый студенческий город! Таковы теперь масштабы трудовых семестров...

ими добрыми пожеланиями и советами.

Скажу откровенно: когда меня избрали депутатом Верховного Совета СССР, я побаивалась: придется ведь решать дела государственной значимости! А решать пришлось самые, как говорится, прозаические вопросы. Просили помочь устроить ребенка в детсад, определить ребятишек в интернат с гособеспечением; одному ПТУ нужен был автобус, чтобы отвозить учащихся к месту практических занятий; муж с женой попросили разобраться в несложном, вообще-то говоря, семейном конфликте; хозяйство, в которое входит пять сел, просило помочь построить дорогу, чтобы связать все села хорошей трассой... Вот эти «прозаические» вопросы и пришлось решать, но именно они и есть, мне кажется, самые настоящие государственные дела!

Я вспоминаю слова Владимира Ильича, обращенные к комсомолу, ко всей молодежи. Он говорил, что надо стремиться каждый день в любой деревне, в любом городе решать практически ту или иную задачу общего труда, какой бы маленькой или простой она ни была. Этот ленинский завет в полной мере относится и к нам, депутатам.

Юноши и девушки нашей страны рапортуют съезду родной партии о своих успехах в труде, о досрочном выполнении заданий десятой пятилетки. Пусть войдет в общий комсомольский рапорт строчка и о моих депутатских делах — они идут успешно, наказы избирателей выполняются строго и неукоснительно, а что касается трудового подарка, то бригада наша успешно справилась с уборкой урожая и выполнила социалистические обязательства, принимавшиеся в честь XXVI партийного съезда.

ПОСЛЕ ОКОНЧАНИЯ гражданской войны Страна Советов приступила к мирному строительству. Партия дала народу ясную и четкую перспективу. Она решительно проводила в жизнь указание Ленина о том, что в России есть все необходимое для построения полного социалистического общества.

В борьбе за претворение в жизнь первого пятилетнего плана советские люди совершали поистине героические подвиги. Партия пробудила в массах трудящихся колоссальную энергию, организовала всенародное социалистическое соревнование. Советские люди трудились на фронтах мирного строительства с таким же энтузиазмом, с каким они сражались за Советскую власть в дни революции и гражданской войны. Могучий трудовой подъем масс обеспечил досрочное выполнение плана первой пятилетки. В кратчайший срок страна превратилась в могучую индустриальную державу мира.

Партия направила свои усилия на претворение в жизнь ленинского кооперативного плана. Добровольное объединение миллионов сельских тружеников еще больше укрепило Советскую власть в деревне, упрочило союз рабочего класса и крестьянства. Успешно осуществлялась ленинская программа культурной революции, основным содержанием которой были ликвидация неграмотности, приобщение трудящихся масс к знаниям, культуре, науке. Неизмеримо повысилась обороноспособность страны, что имело первостепенное значение для сохранения завоеваний социализма.

В СССР было создано социалистическое общество. Победа социализма в СССР — это торжество великих ленинских идей, результат творческой деятельности трудящихся масс, руководимых Коммунистической партией.

Большая общественно-политическая работа отрядов, царящий в них дух коллективизма и ударного труда становятся для студентов прекрасной школой нравственного воспитания. Особую роль в этом играют коммунистические отряды, появившиеся в последнее время и завоевывающие все большую популярность среди студенческой молодежи. Их бойцы работают безвозмездно, отчисляя заработанные средства в различные общественно полезные фонды.

Студенты — постоянно ищущие люди, придающие всем направлениям своей деятельности элементы творчества и инициативы. В отрядах родилось, например, начинание, получившее широкое распространение, — проводить летом Дни ударного труда. Средства, заработанные в эти дни, идут в фонды мира, солидарности с молодежью стран, борющихся против агрессии, фашизма и реакции, на строительство и благоустройство родного города первого космонавта Земли Юрия Гагарина.

В Международный год ребенка в студенческих коллективах зародилось движение под девизом «Пусть всегда будет солнце!», цель которого — забота стройотрядов о школах, детских садах, городках для малышей. Только минувшим летом, продолжая начатое, студенты подарили детям около четырех тысяч игровых площадок. Ребята из Горьковского инженерно-строительного института построили для московских ребят городок сказок А. С. Пушкина. Это великолепное, выполненное с большой любовью и вкусом уникальное сооружение несет в себе большой импульс эмоционального, эстетического воспитания. Да и сами строители получили широкий простор для своей фантазии: будущие скульпторы вырезали сказочных героев из дерева, реставраторы возвели терема... Особо хотелось бы подчеркнуть, что сооруженный городок — осуществленный на деле дипломный проект одного из выпускников горьковского института.

В последнее время большое внимание уделяется профильности отрядов. Задача состоит в том, чтобы максимально приблизить выполняемые студентами работы к профилю получаемой ими специальности и даже при соответствующих условиях совмещать производственную практику с работой в отрядах. Так, студенты энергетических вузов отправляются на объекты сельской электрификации, студенты авиационных институтов сооружают аэропорты, будущие связисты проводят третий семестр на объектах связи... Таким образом, летний семестр превращается в прямое продолжение учебного процесса.

В 1980 году в специализированных отрядах трудилось около 160 тысяч человек, четвертая часть которых совмещала практику с работой в ССО. Это позволило намного повысить эффективность и качество работы студентов.

В минувшем трудовом семестре 389 тысяч человек работали в сельском хозяйстве на уборке урожая и заготовке кормов, в пищевой и перерабатывающей промышленности, на транспорте, в сфере обслуживания и в здравоохранении. При участии студентов заготовлено, например, около половины всех овощей и фруктов в Астраханской области и

Молдавии. Возросла численность студенческих отрядов механизаторов и уборочно-транспортных комплексов, в которых от посевной до вспашки зяби все делают студенты и учащиеся. Впервые в этом году около двух тысяч человек трудилось в составе специализированных ветеринарно-санитарных отрядов. Студенческий коллектив проводников достиг такой численности, которая позволила решить проблему летних отпусков четверти рабочих железнодорожного транспорта.

Принципы студенческих отрядов успешно применяются сегодня не только во время летнего трудового семестра. Подобным образом организуются осенние сельскохозяйственные работы студентов, так комплектовались коллективы, занятые на сооружении олимпийских объектов и обслуживании гостей и участников Олимпиады-80, на договорных началах разрабатываются проекты для нужд народного хозяйства, которые затем реализуются в летний период. В Ленинграде в настоящее время проводится эксперимент, предусматривающий круглогодичное предоставление работы студентам, имеющим желание и возможности трудиться в течение учебного года. И здесь, видимо, как нельзя лучше могут пригодиться организационные принципы стройотрядов.

Одна из наиболее ярких традиций студенческой молодежи — отмечать важнейшие события в жизни страны большими успехами в учебе и труде. Семимиллиардный подарок студенческих отрядов в десятой пятилетке XXVI съезду КПСС — достойное продолжение этой замечательной традиции.

Ю. В. ЮРОВ,
первый секретарь
Саяногорского горкома КПСС

ПОДВИГ НА ЕНИСЕЕ

Свой рассказ о молодых строителях Саяно-Шушенской ГЭС мне хотелось бы начать с сопоставления некоторых любопытных, на мой взгляд, фактов.

1968 год, июнь. Дивногорский горком ВЛКСМ и штаб Всесоюзной ударной комсомольской стройки Красноярской ГЭС объявили четвертый агрегат объектом особой комсомольской заботы.

1968 год, 22 сентября. В 13 часов 41 минуту четвертый комсомольский агрегат Красноярской ГЭС дал ток народному хозяйству.

1980 год, январь. Комсомольцы Саяногорска, молодые гидростроители Саяно-Шушенской ГЭС взяли под свой контроль комплекс работ по сооружению четвертого гидроагрегата.

1980 год, 29 октября. В 6 часов 32 минуты четвертый комсомольский агрегат Саяно-Шушенской ГЭС поставлен под нагрузку...

Как похожи эти события! Какое дают они удивительно емкое представление о преемственности лучших трудовых традиций молодежи! Для меня это живая история. В шестьдесят восьмом году я был начальником комсомольского штаба на Красноярской ГЭС, в восьмидесятом возглавил Саяногорскую партийную организацию.

Что позволило комсомоль-

ВЕРОЛОМНОЕ нападение гитлеровской Германии на Советский Союз прервало мирную жизнь нашего народа. Партия призвала весь народ встать на защиту Отчизны, отдать все силы священной борьбе с фашистскими агрессорами.

Коммунистическая партия выработала программу мобилизации всех сил советского народа на борьбу с врагом. Она поставила задачу организовать отпор агрессору, нанести ему наибольший урон и остановить его продвижение в глубь страны, подготовить условия для коренного перелома в ходе войны в пользу СССР... Исторические победы под Москвой, на Волге, в битве под Курском предрешили разгром фашистской Германии. Могучие удары Советских Вооруженных Сил в Восточной Пруссии, Западной Польше и Чехословакии, грандиозная Берлинская операция привели к полному разгрому германского фашизма.

«Наша победа — это высокий рубеж в истории человечества, — пишет Леонид Ильич Брежнев в своей книге «Малая земля». — Она показала величие нашей социалистической Родины, показала всесилие коммунистических идей, дала изумительные образцы самоотверженности и героизма...»

В годы Великой Отечественной войны Коммунистическая партия стала поистине воюющей, сражающейся партией. За военные годы в армию и на флот ушли свыше 1640 тысяч коммунистов. К концу войны в Вооруженных Силах насчитывалось более трех миллионов коммунистов.

После окончания второй мировой войны образовалась мировая социалистическая система. В странах народной демократии утвердились социалистические производственные отношения, укрепился народно-демократический строй.

ской инициативе в Саянах не остаться словесным порывом? Что обеспечило успех? Прежде всего, уверен, тщательная, глубоко продуманная подготовка к организации соревнования, четкая работа по его развертыванию, которую в течение всего года вел комитет ВЛКСМ строительства. Ведь задачи, которые поставили перед собой инициаторы почина — бригады слесарей-монтажников В. Демиденко и В. Дудченко и их последователи, — требовали серьезнейшего предварительного анализа. И ребята его провели: разработали всеобъемлющие и вместе с тем предельно лаконичные условия соревнования с еженедельным подведением итогов. Силы были распределены так, что на агрегате трудились в основном комсомольско-молодежные коллективы. Очень помогла, конечно, своевременная поддержка, оказанная молодежи партийным комитетом, руководством «Красноярскгэсстроя». Комсомольскую инициативу — пустить агрегат досрочно, ко дню рождения Ленинского комсомола, — обсуждали на заседаниях парткома, на партийных собраниях и в штабах стройки, с самого начала она была максимально снабжена инженерным обеспечением.

Досрочный пуск складывался из многих промежуточных, этапных достижений, нередко истинных рекордов мужества, выдержки, производительности труда молодых гидростроителей.

Пуск суммировал усилия тысяч людей, он стал возможным благодаря стремлению каждого сделать юбилейный ленинский год годом ударной работы.

В тревожные дни подготовки к пропуску паводка, как всегда, на высоте были наши прославленные комсомольско-молодежные коллективы, вместе с ними на трудовой вахте стояли Николай Кузнецов, Александр Матросов, Федор Полетаев, Тарас Костров, Павел Корчагин, Эрнесто Че Гевара, Юрий Гагарин, Сергей Павлович Королев, Андрей Ефимович Бочкин, зачисленные в списочные составы бригад.

Комсомольцы восьмидесятых — верные наследники традиций отцов и дедов, возводивших гидростанции на Волхове и Днепре, Волге и Ангаре, строивших Братск и Дивногорск, на «отлично» сдали труднейший экзамен. Содружество бетонщиков и монтажников, механизаторов и автомобилистов, работников бетонного хозяйства, промышленно-вспомогательных предприятий и сферы обслуживания, комсомольская поддержка молодежи Ленинградского Металлического завода и «Электросилы», трудовой вклад бойцов ССО Ленинграда, Москвы, Таганрога позволили успешно пропустить паводок, с высоким качеством выполнить производственные задания и заказы по гидростанции.

В июле плотина, выстоявшая в сражении с рекой, приняла пятимиллионный кубометр бетона. И продолжала расти. В рекордно короткие сроки было завершено большинство технологических и строительно-монтажных работ. 935 тонн металлоконструкций и армокаркасов при сооружении турбинного водовода смонтировали всего за 50 дней. Чуть больше месяца потратили на то, чтобы в подвижной опалубке новой конструкции обетонировать водовод на высоту 63 метра.

Укладка бетона за смену составила в среднем 8,65 кубометра на одного человека — такой выработки не достигали ни на Красноярской, ни на Братской, ни на Усть-Илимской гидростанциях.

Ударный ритм, активное научно-техническое творчество молодежи, постоянная борьба за рачительное использование топлива и строительных материалов, участие практически всех молодых горожан в молодежных субботниках на четвертом агрегате позволили внести в комсомольский фонд экономии более 300 тысяч рублей.

Особенно напряженными были, понятно, последние дни перед пуском. Напряжение это хорошо отразили специальные «молнии», которые выпускала на подшефной стройке газета «Красноярский комсомолец»:

«17 октября. Сегодня утром комсомольско - молодежная бригада Юрия Ванчагова из УОС уложила последний кубометр бетона для подготовки напорного фронта к наполнению водохранилища до пусковых отметок...»

«18 октября. Вчера вечером штаб Всесоюзной ударной подвел итоги соревнования коллективов и ИТР, занятых на комсомольской энергомашине. Поздравляем победителей: КМК Вячеслава Демиденко (комсорг Иван Красиков), прораба Светлану Фатееву...»

«21 октября. Сегодня ночью комсомольско - молодежная бригада Николая Дагаева провела монтаж последней оболочки замыкающего звена водовода. Сегодня же сварщики Александра Дрожа наложили последний, «серебряный», шов. Качество работ отличное!..»

«23 октября. Завершен еще один важнейший этап строительства: сегодня в 4 часа 23 минуты комсомольский агрегат поставлен на холостые обороты! В эти предпусковые дни отличились звеньевой плотников-бетонщиков Виктор Карпусь, слесарь Владимир Петерсон, монтажник Михаил Прокопович, старший мастер Сергей Ящук, бригадир водителей Виктор Жуков. Это они, лучшие представители бригад-победителей, поднимут в день пуска вымпел «Слава труду!».

И вот наконец наступило утро дня рождения Ленинского комсомола. Алое полотнище вымпела, на котором золотым тиснением отмечены главные вехи строительства Красноярской и Саяно-Шушенской ГЭС, поднимается к временному потолку машинного зала. Народный ансамбль гидростроителей играет «Славься, Русь моя!». На символическом рубильнике сплетаются руки лауреатов премии Ленинского комсомола Сережи Коленкова и Васи Пундыка, с которыми мы в шестьдесят восьмом пускали четвертый комсомольский агрегат на Красноярской ГЭС. Судьба распорядилась так, что они родились в один год, в один месяц, в один день и час. И вот опять наступил их звездный час, теперь уже комсомольская машина в Саянах начала работать на коммунизм!

Сибиряки горды тем, что сегодня, в канун форума советских коммунистов, могут рапортовать Родине, партии, комсомолу: десятая пятилетка увенчана досрочным пуском четвертого, а затем и пятого гидроагрегатов! За счет этого ко дню открытия XXVI съезда КПСС станция выработает дополнительной энергии на сумму более полутора миллионов рублей.

ВОЙНА нанесла народному хозяйству Советского Союза огромный урон. Материальные потери составили около 2600 миллиардов рублей.

Партия подняла народ на решение первоочередной задачи — восстановление и дальнейшее развитие народного хозяйства. Эта задача была успешно решена. На восстановление промышленности потребовалось лишь два с половиной года. Шло дальнейшее развитие основных отраслей хозяйства во всех республиках и областях СССР. Возросли производственные мощности металлургии, увеличилась добыча угля и нефти, развернулось строительство тепловых и гидроэлектростанций, вошли в строй новые мощности в машиностроительной и химической промышленности. Огромное внимание партия уделяла развитию науки, особенно таких перспективных ее отраслей, как ядерная физика, биофизика и биохимия, ракетная техника, электроника и радиотехника. Советская страна уверенно двигалась вперед, добиваясь новых успехов на пути построения развитого социалистического общества.

В летопись трудовых подвигов советского народа славной страницей вошла целинная эпопея. За три года было освоено около 36 миллионов гектаров целинных и залежных земель.

В книге «Целина» Леонид Ильич Брежнев так оценивает народный подвиг в казахстанской степи: «Целинная эпопея на этой земле еще раз показала всему миру благороднейшие нравственные качества советских людей. Она стала символом беззаветного служения Родине, великим свершением социалистической эпохи».

Пятидесятилетие Великого Октября Советская страна встретила во всем своем могуществе и величии. Советский народ построил развитое социалистическое общество.

Урви АЛАНДИ,
секретарь комитета комсомола Таллинского Дома торговли

СФЕРА ХОРОШЕГО НАСТРОЕНИЯ

НЕТРУДНО, наверное, поверить, с какой радостью и волнением встретили мы известие о том, что нашей комсомольской организации выпала большая честь — быть второй в эстафете предсъездовской вахты Морского района города Таллина «XXVI съезду КПСС — 26 ударных недель!». Переходящий мандат этой почетной вахты мы получили от сильнейшего коллектива республики — завода «Двигатель», богатого трудовыми традициями, правофлангового социалистического соревнования.

Конечно, мы понимали, доверие нам оказано не только потому, что Таллинский Дом торговли — крупнейшее торговое предприятие Эстонии, но и потому, что с нас, работников сферы обслуживания, особый спрос. Мы ежедневно общаемся с людьми, с их настроением. А настроение — великое дело. Своим главным долгом мы считаем заботу о культуре обслуживания покупателей. Но чем определяется культура обслуживания? Ведь можно вежливо сказать покупателю, что товара, за которым он пришел, нет, мило при этом улыбнуться и уйти в свои заботы. Внешне все будет выглядеть пристойно, корректно... Или, наоборот, с каменным выражением лица вручить покупку, давая понять, что «вас-де много, а я одна».

Просто плохо, ужасно плохо, если именно так молодой работник торговли будет начинать свое общение с покупателями, а чтобы такого не было, комитет комсомола окружает новичка заботой и вниманием, не говоря уже о том, что на время адаптации к нему прикрепляется опытный наставник.

Словом, стараемся трудиться так, как того и требует звание коллектива высокой культуры труда и обслуживания, присвоенное Дому торговли пять лет назад. Предприятие наше молодое — недавно отпраздновало свое двадцатилетие, но за это время коллектив 46 раз завоевывал первые места в республиканском социалистическом соревновании и 12 раз (подряд!) выходил победителем во всесоюзном. И комсомольская организация вот уже три года удерживает переходящий вымпел ЦК ВЛКСМ в республиканском смотре. О чем это говорит? О самом главном — об отношении к труду, об ответственности каждого. Трудись хорошо, не ленись, и твой труд будет оценен и вознагражден по достоинству. Вот мы и хотим, чтобы эту прекрасную истину усвоил каждый молодой работник, а молодежь составляет у нас почти половину всего коллектива.

Встав на трудовую вахту в честь предстоящего съезда коммунистов, комсомольцы решили пересмотреть ранее принятые обязательства и нашли, что резервы не исчерпаны, что усилия молодежи необходимо направить на досрочное выполнение заданий пятилетки. Комсомольцы и молодежь включились в борьбу всего коллектива за то, чтобы выпол-

нить пятилетний план к 25 ноября. Усилия наши не были напрасными. Таллинский Дом торговли справился с заданием пяти лет на десять дней раньше намеченного срока — 15 ноября. С лучшими показателями первыми к финишу пришли отделы готовой одежды, обуви, хозкульттоваров, текстильных и галантерейных товаров. Приятно, что как раз в этих отделах много молодежи, что две комсомольские группы из чулочной и металлогалантерейной секций (обе в отделе галантереи) были признаны лучшими по обслуживанию в период ударной недели.

В прямой зависимости от уровня культуры обслуживания находятся и другие обязательства, принятые в честь предстоящего съезда. Например, продать сверх плана товаров на два с половиной миллиона рублей. Как взяться за решение этой задачи, если всем, даже молодым, малоопытным продавцам известно, что ходовые товары и так не залеживаются, а не пользующиеся спросом затоваривают склады?

Тут и открывается поле деятельности для умелого организатора торговли. Всегда ли можно считать товар неходовым, если он лежит на прилавке? Не всегда. Рейды по нашим торговым залам, беседы с продавцами, адресуемые им вопросы о свойствах, назначении того или иного товара убеждали, что не все продавцы, к сожалению, обладают высокой профессиональной выучкой. Порой выявлялась масса мелочей, мешающих покупателю внимательно присмотреться к товару или найти другой, вполне заменяющий тот, которого в данный момент не оказалось. Судьбу покупки — быть ей или не быть — и решают, как правило, контакты, беседы продавца с покупателем.

Другое дело, если продукция предприятия не в почете и никакая агитация не помогает ее реализовать. Но и тут следует разобраться, почему так происходит. Нам в этом отношении помогают договоры содружества, заключенные с промышленными предприятиями. Их представители наблюдают за ходом распродажи поступивших, особенно новых, моделей, изучают отзывы и пожелания покупателей. Кроме того, в договорах предусмотрены условия о первоочередной поставке новых товаров нашему Дому торговли.

Выполнению договоров активно содействуют комсомольские прожектористы обеих сторон, которые регулярно проводят совместные контрольные рейды по качеству продукции. Крупнейшее швейное объединение республики по производству верхней одежды «Балтика» уже 15 лет имеет свой фирменный отдел в Доме торговли, через который реализует около 15 процентов своей продукции. В отделе находится постоянный представитель «Балтики», который аккуратно заполняет «Дневник торгового корреспондента», отражающий ход реализации всех видов одежды по каждому торговому дню. Эти данные, а также анкетные опросы покупателей ежемесячно анализируются на объединении, а по результатам анализа оперативно принимаются необходимые меры.

Приведу пример. Новая модель женского облегченного пальто с меховым воротником, поступившая небольшой партией «на суд» покупателей, сразу же привлекла их вни-

ПОЛНАЯ и окончательная победа социализма в СССР, успешное движение вперед развитого социалистического общества и перерастание его в коммунизм — всемирно-историческое достижение советского народа, руководимого Коммунистической партией.

Ярким выражением торжества ленинизма явились решения XXV съезда КПСС. Это был, как сказал Леонид Ильич Брежнев, «съезд больших свершений, прошедший под знаком реализма и деловитости, спокойной уверенности в своих силах, уверенности в новых победах нашего великого дела строительства коммунизма, нашей борьбы за прочный, справедливый мир на земле».

Октябрьский Пленум ЦК КПСС, IV сессия Верховного Совета СССР вооружили советский народ ясной перспективой созидательных дел. В речи на Пленуме Генерального секретаря ЦК КПСС, Председателя Президиума Верховного Совета СССР Л. И. Брежнева подведены итоги героических свершений нашего народа, определены маршруты дальнейшего движения вперед.

Документом огромной теоретической и практической важности явился проект ЦК КПСС «Основные направления экономического и социального развития СССР на 1981—1985 годы и на период до 1990 года». В нем воплощена стратегия и тактика партии по важнейшим вопросам экономического, социального и духовного развития Страны Советов.

Уверенно и непоколебимо идет Советская Отчизна по пути коммунистического строительства.

Рабочий класс, колхозное крестьянство, трудовая интеллигенция, трудящиеся всех национальностей Страны Советов тесно сплочены вокруг своей родной партии, ей они верят, в ней видят они ум, честь и совесть нашей эпохи.

мание. Модный покрой, красивая ткань, вот только не на всех оно сидело хорошо — смазывался, не подчеркивался силуэт. Ткань оказалась мягковатой, а когда ее заменили — пальто «заиграло».

Конечно, постоянный представитель предприятия в торговом зале для нас, продавцов, немалое преимущество. Многие вопросы решаются оперативно, а главное — в интересах покупателя. Такие договоры содружества сейчас заключены с объединениями «Балтика», «Марат», имени В. Клементи, «Пыхьяла», с фабриками «Сальво» и «Пунане Койти». В ближайшее время заключим еще один договор — с объединением «Норма», изделия которого (игрушки и сувениры) пользуются большим спросом.

Один из важных путей создания сплоченного коллектива — совершенствование организации труда, стиля и метода руководства. В нашем Доме торговли введена должность инженера-психолога, с которой успешно справляется Анне Тууранд. В течение нескольких лет она проводила исследования психологического и социологического характера, выясняла причины увольнения продавцов, исследовала организацию досуга молодежи, учебного процесса, систему поощрений и другие вопросы. Выводов и рекомендаций оказалось много. Исследования еще раз подтвердили необходимость обучения продавцов искусству общения с людьми. Для этого в школе профессионального мастерства и для продавцов-практикантов начали регулярно проводить лекции по основам торговой психологии и занятия, обучающие продавцов навыкам общения по специально разработанной методике, тре-

---

Эвальдас НЕКРАШАС,
председатель совета молодых ученых и специалистов ЦК ЛКСМ Литовской ССР

ПЕРЕДНИЙ КРАЙ НАУЧНОГО ПОИСКА

ОДНОЙ из важнейших общегосударственных задач, от решения которой зависит сегодня дальнейшее экономическое и социальное развитие страны, стала задача повышения эффективности общественного производства. Как отмечалось на ноябрьском (1979 года) Пленуме ЦК КПСС, большое и принципиальное значение для решения этого вопроса имеет дальнейшее совершенствование системы планирования и управления народным хозяйством.

Заинтересованность предприятий и производственных объединений в скорейшем внедрении последних достижений науки и техники в производство и создание таких экономических условий, при которых они могли бы более быстро и по собственной инициативе реагировать на новые технические и конструкторские разработки, а также на новые решения в области

нировочным тестам, играм-ситуациям. Наставники, заведующие секциями и отделами получили также практические рекомендации, как помочь новичку преодолеть процесс адаптации. С этой целью для наставников организован цикл лекций по психологии руководства.

В последние годы к нам пришло много молодежи. Это позволило почти во всех секциях и отделах создать комсомольско-молодежные бригады. Они соревнуются между собой, а бригада из секции парфюмерии, которая трудится под девизом «Ни одного отстающего рядом!», участвовала в минувшем году во всесоюзном социалистическом соревновании и завоевала вымпел ЦК ВЛКСМ. Уже много лет подряд продавцы Таллина и Риги соревнуются в профессиональном мастерстве, неоднократно первые места в проводившихся конкурсах занимали продавцы Таллинского Дома торговли. Итоги конкурсов мы всегда обсуждаем на общем собрании, ставим лучших в пример, награждаем их сувенирами.

Одну из главных своих задач комитет комсомола видит в том, чтобы закрепить и распространить имеющийся опыт образцового обслуживания. И сейчас, неся предсъездовскую ударную вахту, мы мобилизуем усилия всей молодежи на успешное выполнение взятых обязательств, анализируем итоги каждого трудового дня, оперативно устраняем недостатки, обращаем свое внимание на нерешенные вопросы. Возможностей для дальнейшего повышения уровня культуры обслуживания, несомненно, много. Важно их умело использовать.

управления производством, дает возможность молодым ученым нашей страны активно участвовать в деле повышения эффективности общественного производства.

Говоря о научно-техническом творчестве молодежи нашей республики, нельзя не сказать о том вкладе, который внесли в решение многих вопросов советы молодых ученых и специалистов, организованные и действующие при райкомах и горкомах ЛКСМ Литвы.

Деятельность наших советов разнообразна. Это и идейно-политическое воспитание молодых ученых и специалистов, содействие их профессиональному развитию, разработка условий и проведение социалистических соревнований, организация конкурсов, конференций, семинаров, школ, которые помогают молодежи овладевать необходимыми навыками и методами научной работы, преодолевать те трудности, с которыми сталкивается каждый, попадая в сложившийся, подчиненный единому ритму работы научный или производственный коллектив. Одна из главных задач — помочь молодому человеку и специалисту в развитии его научной или производственной деятельности.

Большое внимание уделяется повышению квалификации молодежи, так как именно от этого в первую очередь зависят качество и сроки исследований и разработок. В этой области советы накопили немалый опыт организации раз-

личных конкурсов, научных и научно-практических конференций и семинаров, проведения аттестации молодых ученых и специалистов, а также ускорения адаптации их в коллективе.

В деятельности совета молодых ученых и специалистов республики и первичных советов важное место отводится работе с учащимися. Основное направление этой работы — выявить скрытые способности ребят, помочь им в выборе жизненного пути, развить творческие навыки и приобщить к научной деятельности. Мы используем много традиционных форм работы со школьниками: молодые ученые и специалисты регулярно выезжают в города и районы республики на встречи с ребятами, проводят консультации по определенной тематике и профориентации, с их помощью организуются научно-технические конференции школьников и олимпиады. В 1980 году в Литве проходила неделя науки, техники и производства. Перед учащимися выступило 240 ученых, 1580 специалистов, было организовано 5905 выставок научно-технического творчества, 320 экскурсий в лаборатории и учебные кабинеты НИИ и вузов. ЦК ЛКСМ Литвы поставил перед молодыми учеными и специалистами республики задачу — 8 процентов комсомольцев научных и производственных объединений должны работать в качестве руководителей технических кружков, трудовых бригад, отрядных вожатых.

Но основная работа советов молодых ученых и специалистов — содействие научно-техническому прогрессу и внедрение достижений науки и техники в производство. И здесь мы пользуемся испытанным методом сотрудничества между научными организациями и предприятиями, где испытываются и внедряются разработки и изобретения ученых.

На сегодняшний день наиболее действенной формой сотрудничества между научными работниками и производственниками стало создание творческих молодежных объединений, в состав которых входят, с одной стороны, разработчики-исследователи, а с другой — молодые специалисты предприятий, на которых внедряются результаты исследований и технологических разработок, или молодые специалисты, работающие на экспериментально - производственной базе научно-исследовательских институтов. Такие творческие молодежные объединения обеспечивают возможность оперативного обмена информацией о ходе внедрения результатов работы ученых, внесения необходимых изменений и уточнений, установления прочных деловых связей. Содружество дает значительный эффект и позволяет решать более широкий круг вопросов. Прекрасным примером подобных деловых связей стал договор, заключенный молодыми учеными и комитетом комсомола Академии наук Литовской ССР со специальным конструкторским бюро завода счетных машин имени В. И. Ленина.

Советы молодых ученых и специалистов способствуют созданию творческих объединений молодых ученых и специалистов различных организаций для изучения и решения социальных, экономических и технических проблем, имеющих городское или районное значение. Развитие НТР,

а соответственно и промышленности требует научного подхода к разработке и созданию комплексных планов социального развития города, и впервые в СССР такие планы были разработаны и осуществлены в нашей республике. Сегодня мы можем сказать, что в Вильнюсе накоплен значительный опыт активного участия молодых ученых и специалистов в разработке планов городского строительства, в расширении систем просвещения и здравоохранения, в исследовании демографической структуры города и определении наиболее необходимых мер, обеспечивающих оптимальные условия жизни в современном городе. Большую роль в этой работе сыграло сотрудничество между молодыми учеными Института экономики, Института философии, социологии и права Академии наук Литовской ССР и молодыми специалистами других организаций Вильнюса.

Четко налаженная работа советов по творческому общению дает реальные результаты. Молодые ученые, используя последние достижения науки и техники, создают необходимые для производства машины и приборы, устройства и автоматы. Так, в Вильнюсском филиале экспериментального НИИ металлорежущих станков группа молодых ученых создала координационно-измерительную машину, которая станет своеобразным автоматическим ОТК, проверяющим качество выпускаемых станков. Сейчас один ее экземпляр отправлен на Лейпцигскую ярмарку, готовится серийный выпуск машины. Но это дело недалекого будущего. а сегодня молодые рационализаторы Клайпедского автобусного парка разработали и внедрили на городском транспорте систему радиоконтроля, которая упорядочила работу диспетчеров. Внедрение такой системы позволяет ежегодно экономить 12 тысяч рублей.

В канун XXVI съезда КПСС молодые ученые и специалисты Литвы могут с уверенностью сказать, что в деле успешного выполнения республикой пятилетнего плана есть также и их вклад, их немалая заслуга.

Новые горизонты открывает перед наукой проект ЦК КПСС «Основные направления экономического и социального развития СССР на 1981—1985 годы и на период до 1990 года». Как отмечается в документе Центрального Комитета партии, в одиннадцатой пятилетке развитие науки и техники должно быть в еще большей степени подчинено решению важнейших проблем дальнейшего прогресса советского общества, ускорению перевода экономики на путь интенсивного развития.

Молодые ученые и специалисты приложат все усилия к тому, чтобы претворить в жизнь грандиозные планы по развитию науки и ускорению технического прогресса.

В подготовке материалов этого номера «Товарища» приняли участие журналисты Н. Васильев, Ю. Гурьев, А. Кусургашев, З. Мильман, В. Паю, Р. Соловьева, В. Чудаков.

ВСЕ ВО ИМЯ
ЧЕЛОВЕКА.
ДЛЯ БЛАГА
ЧЕЛОВЕКА

Астер БЕРКХОФ

ВУЛКАН В ЦЕПЯХ

Роман

Продолжение. Начало на стр. 148

Неожиданно на террасу вбежал юноша, живший в переулке за нашим садом. Его звали Бенго. Он тяжело дышал.

— Помогите, мама Пондо. Они уже близко.

Мама вскочила с камышового кресла.

— Пейте чай как ни в чем не бывало! — крикнула она.

На дверь, за которой исчезла мама, никто не смотрел. Детишек моментально отправили в сад. Первый момент растерянности быстро прошел.

В ворота вбежали двое белых полицейских с пистолетами в руках.

— Где этот парень? — заорал высокий полицейский.

Папа встал.

— Что случилось, констебль? — спросил он спокойно.

— Где он? Нам показалось, он побежал сюда.

— Боюсь, ничем не смогу вам помочь, — ответил папа.

В это время из дома появилась мама, держа в руках вазу с конфетами и напевая веселую мелодию. Подняв удивленно брови, она уставилась на полицейских.

— Это еще что такое?

— Сюда вбежал молодой парень! — продолжал кричать полицейский. — На нем порвана рубашка, на руке кровь.

— Я спрятала его под кровать, — ответила мама сердито. — Я всегда так делаю. Не могу заснуть, если у меня нет под кроватью парня в разорванной рубашке, с окровавленной рукой.

Полицейский внимательно посмотрел на маму:

— Ваша фамилия Тучела? Это вас на прошлой неделе вызывал комиссар за оскорбление полицейского?

— Полицейский столкнул меня с тротуара в лужу, и я промочила ноги, — ответила мама. — Тогда и я толкнула его в лужу. Когда со мной обращаются грубо, я плачу той же монетой.

— Мы должны обыскать ваш дом, — объявил полицейский. Но тут он увидел Пирре.

— А вы что здесь делаете? — спросил он удивленно.

— Пришел в гости, — ответил Пирре.

— Паспорт у вас с собой?

Пирре протянул паспорт. Полицейский внимательно изучил его.

— Вы позволяете себе то, что у нас не принято. Видимо, у вас очень странный вкус.

Полицейские исчезли в доме, мама последовала за ними. На террасе воцарилась мертвая тишина. Детишки, спрятавшись за взрослых, стояли не шевелясь.

Вскоре полицейские вышли из дома и направились в мастерскую. Когда они выходили оттуда, мама съязвила:

— А вы заглянули в ящики с песком? Может, он там закопался?

Ничего не ответив, обозленные полицейские выбежали за ворота.

Мама поманила Розу.

— Пошли. Его надо перевязать.

Они ушли в дом, а я с Пирре направился к воротам. Нам было видно, как полицейские обыскивали соседние дома.

— Этот юноша ваш родственник?

— Нет, но он из племени пондо. Уже несколько месяцев они пытаются увезти его в резерват. Вся его семья уже там, а он не хочет и прячется. Мы все помогаем ему.

Из дверей фруктовой лавки головой вперед вылетел человек. За ним выскочил один из полицейских и ударил его ногой. Затем он перевернул все ящики с фруктами.

— Они могут творить такое безнаказанно? — спросил Пирре.

— Полиция ЮАР все может делать безнаказанно, — мрачно произнес Джимми.

Обыскав все близлежащие дома, полицейские ушли.

— Завтра здесь у всех побывает инспекция, — сказал Джимми.

— Зачем? — спросил Пирре.

— Будут проверять, уплачены ли налоги, хорошо ли подметен тротуар, нет ли следов крыс. Мы обязаны уничтожать их. Могут найти в саду огрызки яблок. Тогда они заявят, что мы загрязняем район и так далее. Они обязательно найдут какую-нибудь мелочь и оштрафуют. Завтра штраф ждет всех.

— Таких, как Бенго, много, — печально произнесла мама, — нам приходится помогать им.

— Одно мне не нравится, — перебил ее папа. — Расисты всех несогласных с апартеидом именуют коммунистами и лицемерно утверждают, что защищают западную цивилизацию от коммунизма.

Том заметил насмешливо:

— Песенку о коммунистическом пугале мы давно слышали. Они ее распевают повсюду, где черные требуют свободы. Когда в Азии и Африке растет сопротивление колониальной эксплуатации, в метрополиях раздаются вопли, что коммунистические орды угрожают высочайшим ценностям человечества. А если разобраться, то этими ценностями окажутся банковские вклады колонизаторов.

— Говорят, что скоро для африканских детей будут открыты специальные школы, — сказал Пирре. — Школы с особыми программами, отличными от программ школ для белых детей. Вы слышали об этом что-либо?

— Как это так? — удивилась мама.

— Программа будет направлена главным образом на обучение ручному труду, так как большинство африканцев в будущем предполагается использовать на производстве. И преподавание, кажется, будет вестись уже не на голландском или английском, а на языках племен.

— Не может быть! — воскликнула мама.

— Так говорят журналисты, — пояснил Пирре. — Они утверждают, что правительством готовится специальное постановление.

— Хотят снова превратить нас в дикарей, — буркнул Том.

— Нет, нет, — горячилась мама, — я уверена, что это просто слухи.

— А зачем же тогда они во всех наших документах стали указывать племя? — перебил Том. — Зачем они организуют в воскресные дни танцевальные представления на золотых приисках, где исполняются только африканские танцы? Танцуют черные, одетые в леопардовые шкуры, с перьями в волосах. Такими представлениями туристам внушают, что мы непохожи на современных людей. Мы якобы до сих пор разрисовываем лица и татуируем тело, протыкаем носы и губы. Раз так, нам не надо знать ни английского, ни голландского языков. Это все облегчает начать завтра в школах обучать нас только ручному труду. Я уверен, что специальные школы для черных появятся. Вот увидите!

— Том, не надо так мрачно, — пытался успокоить его папа.

— Кое-кто из белых не разделяет политику расистов, — вмешался Джессе. — Почти весь наш университет против них. Но расисты просто не обращают на нас внимания. На сегодня их «Союз братьев» всемогущ. По существу, это настоящие нацисты. Только война спасет нас, партизанская борьба, революция!

— А что это за «Союз братьев»? — поинтересовался Пирре.

— Тайная организация буров, созданная для сопротивления англичанам, когда те были здесь хозяевами, — пояснил Джессе.

— Все, кто в этой стране имеет власть, — вставил Том, — являются членами этой реакционной организации.

— Это партия в партии, — продолжал Джессе. — Нечто вроде СС у нацистов. Нечто похожее на спрута...

— Ну, ну... — поморщился папа.

— У них своеобразная манера говорить от имени бога, — продолжал Джессе. — Обо всем, что им выгодно, они говорят, что этого хочет бог. Это практично, но не очень религиозно.

— Откуда вообще им взбрело в голову, что они избранный богом народ? — спросил Питер, муж Розы, добродушно улыбаясь. — Но дело усложняется тем, что нам в этой стране приходится сталкиваться с двумя «избранными богом» народами. Ведь англичане тоже считают себя избранным народом.

— Пора и нам придумать что-нибудь подобное, — пошутил Михаел.

Все весело засмеялись.

Когда большинство гостей разошлось, мама спросила у Пирре:

— А что вы думаете обо всем этом?

— До сегодняшнего дня, до митинга, я был настроен не очень оптимистично, — ответил Пирре. — А теперь успокоился. Я не знал, что вы настолько единодушны.

— Вы напишете о том, что увидели сегодня?

— Я намерен написать о каждом из вас. В понедельник мы встретимся с Джессе. Потом мне очень хочется поподробней поговорить с Михаелом. И с Томом тоже.

— Может быть, зайдете как-нибудь к нам вечерком? — пригласила мама.

— Непременно. Большое спасибо, мама Пондо. Я очень рад, что Джимми и Давид привезли меня сюда.

Мама сияла. Пирре стал прощаться. Сандра, Джимми и я пошли проводить его до машины. На прощание Джимми дал журналисту наш телефон, а Сандра телефон больницы, где она работала.

ГЛАВА II

О начале кампании неповиновения газеты сначала поместили маленькие, едва заметные сообщения. Но на второй день «Ди Фадерланд» и «Ди Трансвалер» озлобленно закричали о бандах анархистов, руководимых из-за границы, пытающихся подорвать единство нации. Ораторов, выступавших на митингах, само собой окрестили коммунистами, которые хотели бы «водрузить над всем миром красный флаг». Газеты призывали сплотиться для защиты «святынь цивилизации». А вскоре был опубликован список примерно пятисот граждан, которые клеймились как коммунисты. В списке значились доктор Марока, доктор Иллово, Нельсон Мандела, Вальтер Сисулу и Альберт Лутули.

В доме поднялся шум, когда стали решать, кто из нашей семьи примет участие в кампании неповиновения. Заранее было договорено, что один из нас войдет в первую группу. Теперь надо было определить кто.

Том заявил, что как самый старший пойдет он. Но мама ответила, что со своим невыдержанным характером он может перессориться и с полицией, и с другими участниками.

— Тогда я пойду, — сказал я.

— Даже речи быть не может, — возразила мама, — учащихся колледжей и так трудно утихомирить. Но что будет, когда их учителя превратятся в бунтовщиков? Это будет очень плохой пример.

— Давайте я пойду, — предложил Михаел.

Но мама отрицательно покачала головой:

— С твоим ли здоровьем... Нельзя сидеть в сырой камере с хроническим бронхитом.

— А для нас что ты придумала, мама? — спросила Роза, занимавшаяся вместе с Сандрой шитьем. — Наверное, скажешь, что девушкам неприлично затевать на улицах ссоры?

— А разве не так? — спросила мама.

Так как мы все знали, что Джессе отрицательно относился к кампании неповиновения, оставался один Джимми. Считая, что выбор пал на него, он выпятил грудь и произнес:

— Детки, как мне жаль вас! Почетное поручение досталось мне.

Но мама опять покачала головой и ответила, что он слишком нужен дома как продавец гончарных изделий.

Нам на мгновение показалось, что в первую группу из нашей семьи никто не пойдет.

Том сердито сказал, что это позор. Джимми поддержал его:

— Хорошенькое дело! Сначала мы орали во всю глотку, а как дошло до дела, спрятались в свою скорлупу!

— Мама, — сказал Том, — ты все время твердила, что не можешь представить себе кампанию неповиновения без участия в ее первых рядах Тучела.

— Это правда, мама, ты так говорила, — поддержали его мы.

Мама не рассердилась. Закрыв глаза, она очень спокойно ответила:

— А разве я отрицаю, что говорила? — По поведению мамы чувствовалось, что она чего-то недоговаривает. И тут вдруг нас осенило: мама пойдет сама! Она будет представлять семью Тучела! Поэтому она каждому и придумала причину для отказа.

Мы бросились все к ней. Папа воскликнул:

— Если и есть в доме человек, без которого не обойтись, так это ты, Сара! Ты и сама это хорошо знаешь.

Но мама серьезно сказала:

— Джон, дом держится на плечах мужчины.

В трудных ситуациях мама всегда прибегала к такого рода выражениям, содержащим истины, не требующие доказательств. Нередко ее доводы имели мало общего с делом, о котором шла речь. Но она умела ошеломить собеседников, и пока те приходили в себя, мама переходила на другую тему. А собеседники, как правило, оставались ни с чем. Она знала, что все участники кампании попадут в тюрьму, и хотела уберечь нас от этого. Мама вечно была в неладах с полицией, часто по своей собственной вине, потому что не умела молчать.

Но нас она всегда наставляла быть осторожными, избегать конфликтов с полицией, никогда не спорить с ней.

Она приняла решение участвовать в кампании не только из желания уберечь нас. Она учитывала, что Джимми нужен для АНК *, а Джессе и Михаел высказывали такие вещи, за которые их можно было надолго упрятать за решетку. Вместе с этим она никогда по-настоящему не препятствовала детям участвовать в прогрессивном движении. И сейчас, если бы по той или иной причине обязательно нужно было, чтобы в кампании неповиновения приняли участие Том, Михаел, Джимми или я, то она не стала бы нас удерживать. А вот теперь, когда она решила идти сама, причин нашлось хоть отбавляй. Ей очень хотелось участвовать самой! Это было приключением такого рода, которые маме очень нравились. Уж теперь-то она могла вволю подшутить над белой полицией.

Вечером 26 июня улицы Софиатауна заполнили толпы народа, бары и магазины были ярко освещены. Повсюду горели факелы. Торговцы стояли у открытых дверей своих лавок и через головы проходивших здоровались с друзьями и

* Африканский национальный конгресс.

знакомыми. Из баров валил табачный дым. Прохожие обменивались условным приветствием АНК: сжатый кулак с поднятым большим пальцем.

Мы умирали от любопытства. Нам было известно, что сегодня все пойдут на собрание, а потом произойдет что-то важное. Но никто толком не знал, что должно произойти.

Наш сад и дом тоже были полны людей. Собралась вся родня и соседи.

Пирре вошел через дверь из сада и увидел Сандру. Она пригласила его в комнату. Он стал осторожно пробираться сквозь толпу, стараясь не наступить на ребятишек, вертевшихся под ногами у взрослых.

— Они все хотят увидеть маму, — смеясь, сказала Сандра.

— Как выглядит наша героиня? — спросил Пирре.

— Как мальчишка, который слазил к пастору в сад.

Она показала на дверь:

— Мама в спальне. Она надела на себя четыре юбки и все карманы набила лекарствами. Собирается лечить друзей в камере.

Мы увидели маму в окружении галдящих женщин. Роза стояла на коленях, затягивая на матери пояс. Тетя Элла расправляла складки ее юбок. От возбуждения у мамы блестели глаза.

— Вот! — Мама похлопала себя по бокам. — Здесь, в карманах, шоколад, а здесь конфеты. Здесь мятные лепешки, а здесь висит бутылка виски. На всякий случай я захватила карты и кости.

Сандра нежно взяла ее за руку.

— Мамочка, а не лучше ли все же послать кого-нибудь из мужчин? Нам будет страшно, если тебя посадят в тюрьму.

— Ну и что? — воскликнула мама. — Они наверняка засунут нас всех в одну камеру. Не пропадем.

Вошел Джимми.

— Мама, поторопись! Через четверть часа начинается собрание.

Папа повел маму на улицу.

— Дорогая, — говорил он ей, — обещай мне, что не натворишь глупостей. Когда тебя арестуют, будь осторожна с полицией и тюремной охранкой.

— Джон, — вдруг озабоченно сказала мама, — ты хочешь, чтобы я осталась?

— Нет, нет, — ответил папа мягко. — Ты же у нас всегда впереди. Да благословит тебя бог, дорогая.

Мы все вышли на улицу. Друзья и знакомые встретили мать громкими аплодисментами. Все они были из племени пондо.

Каждому хотелось пожать ей руку, сказать что-то приятное, ободряющее. К ней подбежали дети, она их погладила по головкам.

На площадь со всех сторон стекались люди. Насколько хватал глаз — от старого завода до газохранилища — толпились тысячи людей. Толпа росла на глазах.

Вдоль дороги стояли полицейские машины. Несколько машин патрулировали от завода до газохранилища.

Трибуну построили около церквушки. Раздались приветственные крики, когда в ярком свете прожектора появился доктор Иллово. Выждав несколько минут, он поднял руки. И в мгновенно наступившей тишине мы услышали:

— Друзья мои, здесь наша родина! Большая, прекрасная, солнечная Южная Африка — наша родина, и мы не позволим изгнать нас отсюда.

— Нет, нет, нет! — кричала толпа.

— Родина у человека там, где он родился. Это правильно, — продолжал доктор Иллово. — Поэтому мы не собираемся выгонять буров в Европу, так же как не собираемся выгонять англичан в Великобританию. Мы считаем: Южная Африка и их родина. И очень хорошо, когда человек живет на своей родине. Но мы тоже родились здесь!

Доктор Иллово рассказал о попытках добиться от правительства отмены законов апартеида.

— Ничто не помогло, — сказал Иллово с горечью. — Правительство ЮАР не послушало ни епископа Иоганнесбурга, ни ООН, ни папу римского. Теперь мы вынуждены сказать: «Надо бороться».

Внезапно послышался женский голос, похожий на сдержанный крик. Он поплыл над толпой, превратившись в песню. Это пела мама. Ее сильный голос звенел над толпой. Доктор Иллово слушал, закрыв глаза.

— «Мы вспомним этот день... — пела мама. — О, этот день! Мы не хотим, чтобы этот день стал днем жестокости. Мы не хотим этого».

— Нет! Не хотим! — повторяла хором толпа.

— «Этот день должен стать днем радости и веселья...»

Глубоко растроганный Пирре сказал Сандре:

— Как красиво, мелодично... — И добавил: — Никому не уничтожить народ, который умеет так хорошо петь.

Голос мамы постепенно замер. Доктор Иллово открыл глаза и, подняв руки, начал читать псалм «Бог мой пастырь». Толпа молилась вместе с ним.

Затем доктор заговорил о кампании неповиновения. Только

в Иоганнесбурге записалось три тысячи добровольцев. Из них отобрали всего двадцать четыре человека.

— Все сегодня слышали маму Пондо? — спросил доктор Иллово. Он повернулся к молодому человеку и передал ему что-то, похожее на длинный узкий чемоданчик.

— Что это такое? — спросила Сандра.

— Я думаю, приемопередатчик, — ответил Пирре.

Молодой человек подключил провода к приемопередатчику и к усилителю. В микрофоне раздались треск и шипение, а затем громкий, отчетливый голос мамы:

— Алло! Алло! Вы все еще там?

— Да, мама Пондо, — ответил доктор Иллово, — мы еще здесь, на площади. А где вы сейчас?

— В автобусе, — ответила мама, — мы едем по Квинс Роуд.

На площади поднялся шум.

— По Квинс Роуд, — повторил доктор Иллово. — Это к центру Иоганнесбурга?

Сандра испуганно посмотрела на Пирре:

— Нам запрещено после одиннадцати часов вечера появляться в районах, где живут белые.

Доктор Иллово сказал:

— Некоторые здесь опасаются за вас.

— Мы выезжаем на Брее-страат, — сообщила мама. — Ой, у железнодорожного моста стоит полицейский. Он увидел нас и смотрит на часы! Уфф... пронесло.

— Ура-а-а! — прокатилось по площади.

— Приехали в центр! — объявила мама взволнованным голосом.

Собравшиеся на площади затаили дыхание.

— На тротуарах много гуляющей публики. Впереди и позади нашего автобуса едут машины. На нас обратили внимание. Нас заметил полицейский. Смотрит на часы, потом удивленно на нас, не верит своим глазам. Друзья, нам запрещено приходить в этот большой, красивый город. А мы все же находимся здесь!

Вдруг мама перешла на шепот:

— Доктор Иллово, как будто начинается главное. Около нас остановилась полицейская машина. Вышли два агента. Один спрашивает, что мы тут делаем. Джеймс Дула выходит вперед и отвечает: «Мы намеренно приехали в центр города после одиннадцати часов в знак протеста против раздела страны на зоны для белых и черных. Мы готовы понести наказание».

Агент выхватил пистолет. На улице собралось много людей. Доктор Иллово...

— Да, мама Пондо.

— Я ненадолго спрячу передатчик. Агенты теснят нас к домам.

— Хорошо, мама Пондо. Не забывайте, что мы все вместе с вами.

Через четверть часа мы снова услышали приглушенный голос мамы:

— Доктор Иллово! Мы в полицейской машине. Нас везут в тюрьму, в форт. До свидания, доктор Иллово! До свидания, друзья! До скорой встречи!

И репродуктор умолк.

— Дорогие друзья, — сказал доктор Иллово, — это начало нашей кампании неповиновения. Сейчас давайте спокойно разойдемся. Я не призываю немедленно идти спать. Сегодня слишком великий день.

Мы хором пропели «Бог, благослови Африку» и разошлись по домам.

ГЛАВА III

Всю ночь на улицах Софиатауна гудела веселая, оживленная толпа. На площади разожгли костры. Там мы встретили Тома и Михаела и вместе с ними отправились бродить. Вокруг костров пели и танцевали люди.

Доктор Иллово и молодые люди, бывшие вместе с ним на трибуне, стояли, окруженные плотным кольцом.

Мы встретили Билла Хормана, он предложил нам отправиться в бар «Эйнхоорн». В баре мы увидели негритянского поэта Джерома Конана. Он стоял у стойки и беседовал с двумя белыми девушками. Джером дружески приветствовал Билла.

— В этом баре хорошее настроение, — заметил Пирре. — Люди улыбаются, веселятся.

Вдруг Джером увидел кого-то и поднял руку. К нам пробирался мой брат Джессе. На нем был элегантный светло-серый костюм, в зубах гвоздика.

— Ха! — удивленно воскликнул он, увидев нас, и поцеловал девушек, стоявших с Джеромом.

— Джессе, — обратился к нему Джером, — этот человек радуется, что у черных хорошее настроение.

Джессе внимательно посмотрел на Пирре.

— Хорошо, когда люди верят в свои силы.

— Африка должна принадлежать африканцам! — воскликнул Джером Конан.

Пирре сказал:

— В Дар-эс-Саламе я слышал, как черные говорили: «Мир

принадлежит людям, а мы тоже люди». Это мне больше нравится.

— Но вы же говорите: «Европа принадлежит европейцам». Если так, то почему бы нам не сохранить Африку для африканцев?

— А мне не по душе, чтобы Европа была только для европейцев, — ответил Пирре.

Я был счастлив, что наш друг любит нас и верит в успех нашей борьбы.

Этой ночью я лег спать лишь в пять. Помню, что долго стоял перед зеркалом и разговаривал сам с собой.

Утренние газеты сообщали, как прошли манифестации в других городах. В одном месте группа черных пыталась отправить телеграмму через окошко для белых, в другом — черные вошли в вокзал через дверь для белых, в третьем — уселись на скамейки в парке.

Вскоре случаи неповиновения участились, и через несколько недель полиция уже не знала, что ей делать с задержанными. «Тюрьмы ломятся от заключенных», — писали английские газеты.

В одной из газет была помещена карикатура: белые гонят по этапу толпу черных, закованных в кандалы, из ЮАР в Мозамбик, а на границе их встречает этап черных, которых португальские офицеры гонят в ЮАР. Карикатура содержала недвусмысленный намек на события в ЮАР и Мозамбике.

Вскоре стало известно, что арестовано пять тысяч добровольцев.

В иностранных газетах появились пространные статьи. Несколько газет прислали сюда своих корреспондентов. Би-би-си передало песню «Ян Ван Рибек украл нашу свободу...», которая быстро стала популярна.

Наконец, ООН создала комиссию для изучения системы апартеида.

В разгар событий, после двухнедельной отсидки, вернулась домой мама. Наш дом сразу наполнился людьми. Мама рассказала, что в тюрьме им было весело. Нам стоило большого труда не пустить ее со второй группой добровольцев.

В августе все тюрьмы Иоганнесбурга и семь загородных были забиты до отказа.

Мы приносили заключенным еду и сладости, притаскивали столько, что приемные тюрем напоминали магазины. Полиция измучилась с нами. Видя ее беспомощность, мы уже подумывали, не прекратить ли кампанию.

И вдруг все изменилось.

Однажды утром в почтовом ящике мы обнаружили письмо Джессе. Он писал, что не может больше быть наивным человеком. Джессе упрекал нас и писал, то на террор надо отвечать только террором. Он просил не беспокоиться, если от него не будет вестей.

«Простите меня, если мое решение приносит вам горе, — писал он, — но я должен поступать так, как мне подсказывает совесть».

Письмо нас расстроило. Мы съездили в университет, где у Джессе была комната. Его друзья были удивлены не меньше нас. Оказалось, двое из них получили от него точно такие же письма.

А события продолжали нарастать. Уже стало известно, что некоторые добровольцы допускают брань, швыряют камни в окна, задираются с полицейскими. Не проходило дня без происшествий.

Комитет осудил такие поступки и еще раз призвал добровольцев к соблюдению порядка.

Тем временем в газетах все чаще сообщалось о безобразных драках. Появились раненые (их отправили в больницы), а затем и первые убитые.

В Нью-Брайтоне толпа затеяла перестрелку с полицией, после чего принялась громить станцию. Погибло четверо белых и семеро черных... В Ист-Лондоне черные в отместку за своих, погибших в драке, убили нескольких белых. Среди убитых оказалась монашка, хотевшая предложить свои услуги раненым... В Кемберли в один день застрелили четырнадцать африканцев, в том числе двух женщин.

Мы с ужасом читали эти сообщения. Ведь добровольцы получили строжайший наказ: не давать повода к ссорам, не оказывать сопротивления при аресте, не отвечать на оскорбления и издевательства.

— Газеты лгут, — со злостью сказал Том. — Ничего этого не было.

Мама покачала головой.

— Нет, — сказала она, — слишком уж много подробностей. А их легко проверить. Не нравится мне все это. Ой, не нравится.

Вошел дядя Джереми. Он вернулся с рынка и был в крайнем возбуждении.

— Знаете, что говорят? Что они все это подстроили нарочно. Они заставили нас драться.

— Мы как раз думали о том же, — ответила мама.

— Заставили драться? — переспросил Том. — Но какой в этом смысл?

— Они ничего не могли с нами поделать. Правда на нашей стороне, — сказал дядя Джереми. — Поэтому им нужны потасовки и убийства. Они засылают к нам провокаторов.

Мама спросила:

— Давид, у тебя есть немного времени? Пойдем со мной.

Она взяла пальто и, не сказав больше ни слова, вышла из дома.

— Я хочу поговорить с пастором Регтерсом, — сказала она мне на улице.

— С пастором Регтерсом?! — спросил я, пораженный.

Пастор был человеком, не скрывавшим своего отвращения к черным. Он всегда утверждал, что черные обязаны ходить только в свои церкви, а белые в свои. Регтерс поклялся, что будет любой ценой сохранять чистоту своей церкви. Если черные, случалось, осмеливались заходить к нему в церковь, он собственноручно выдворял их вон. Иногда он даже прекращал службу, собирал белых мужчин и выгонял черных с церковной площади. В своих проповедях он непременно говорил о «силах тьмы», против которых «дети света» должны вооружаться. В его проповедях черные всегда отождествлялись с дьяволом.

Мама сказала:

— Если пастор нас не пустит, значит, виноваты мы. Но если он пустит нас в дом и заговорит с нами, значит, это они нам все подстроили.

Экономка пастора, приоткрыв дверь, увидела нас в щель. Она хотела захлопнуть дверь, но мама успела подставить ногу.

— Господин пастор сказал, чтобы мы зашли.

— Очень сомневаюсь, — ответила экономка.

— А вы спросите, — посоветовала мама.

Экономка ушла, мы остались ждать.

— Она не явится, — сказал я.

— Вот этого-то я и хочу, — ответила мама. — Но если сейчас откроется дверь и выйдет сам пастор?

Так и случилось. На пороге появился пастор Регтерс в пижаме и домашних туфлях. Он поклонился и пригласил нас войти в дом.

Мама словно замерла, затем пробормотала извинение, взяла меня за руку, и мы ушли.

По дороге домой она была молчалива, не проронила ни слова, лишь когда мы вошли в кривые улочки Софиатауна, она остановилась.

— Мы не звери, но они превращают нас в зверей!

Вечером Сандра не вернулась домой. Часы пробили полночь, а ее все не было. Мама позвонила ей на работу, однако ночная сестра ничего не знала о Сандре.

Мы знали, что Сандра и Пирре любят друг друга. Зная об этом, мы боялись. В ЮАР черная девушка не имеет права любить белого мужчину. Их брак считается преступлением.

Сандра помогала Пирре в репортерской работе, знакомила его со своими друзьями, подбирала информацию. Ей нравилась эта работа. Чтобы избежать затруднений, Пирре зарегистрировал ее как свою секретаршу, в паспорте Сандры была сделана соответствующая отметка. Таким образом, они могли без опасения появляться на улицах после работы.

В кино или театр они пойти вместе не могли. В бар? Но бары у нас или для черных или для белых. Им оставалось ходить в гости к друзьям. Но из гостей Сандра обязательно возвращалась домой к полуночи.

Сандра не вернулась и в три часа. Мама страшно рассердилась. Папа успокаивал ее.

На рассвете мама, не выдержав, позвонила Пирре. Никто не ответил. Мы позвонили Сандре в больницу, но узнали лишь, что она еще не приходила.

— В полицию обращаться опасно, — с беспокойством сказал папа.

Мама позвонила Биллу Хорману и попросила его связаться с комиссаром полиции. Билл сделал это немедленно и через четверть часа он сообщил нам, что Сандра и Пирре были задержаны в гостях у адвоката Саундерса, англичанина. Шпики из Особого отдела сделали налет на его дом в поисках каких-то документов. Билл объяснил, что Антони Саундерс когда-то был консулом в Гонконге, его подозревают в связах с китайскими коммунистами.

— Я попытаюсь добраться до Пирре, — говорил Билл. — А ты, Давид, пойди к пастору Байту, он священник тюрьмы, и он поможет тебе получить свидание с Сандрой.

Благодаря пастору Байту мы с мамой были допущены в тюрьму. Нас провели в большое помещение, разделенное решеткой на две половины. Немного погодя привели Сандру. На ней было грубое тюремное платье. Сандра плакала.

Мама постаралась успокоить ее, сказала, что папа уже хлопочет. А мы сейчас пойдем к епископу.

К епископу отправился я. Кроткий старый человек принял меня в бедной келье. Он сразу же принялся звонить высокопоставленным чиновникам Претории. После долгих попыток ему удалось добиться обещания «побыстрей урегулировать дело».

День прошел в страшном напряжении. Вместе с нами переживали наши соседи.

Поздно вечером мы услышали на дорожке к террасе знакомые шаги. Папа и мама вскочили. Дверь открылась, и Сандра бросилась в их объятия.

Час спустя освободили и Пирре. Вскоре он пришел к нам. Его лицо было бледно. На лбу у него красовалась шишка, нижняя губа распухла. Он сказал, что его выдворяют из страны.

Сандра смотрела на него в испуге.

Пирре обратился к нашим родителям:

— Мама Пондо, господин Тучела... Я понимаю, что сейчас неподходящий момент для сватовства, но у меня мало времени. Я прошу у вас руки Сандры. Я люблю ее и буду счастлив, если вы позволите ей выйти за меня замуж.

Глаза мамы наполнились слезами. Она была счастлива. Счастлив был и папа. Он пожал Пирре руку:

— Это для нас большая честь.

Пирре повернулся ко мне.

— Давид, ты как-то говорил, что священник протестантской церкви твой большой друг. У него ведь есть ключ от церкви?

Сандра посмотрела на меня. В глазах сверкнула радость.

Я воскликнул:

— Сейчас я все устрою!

В доме поднялась суматоха. Новость, что Сандра тайно венчается с Пирре, с быстротой молнии облетела всех соседей. И когда часом позже, взволнованный и радостный, я вошел в церковь, там негде было яблоку упасть.

Из предосторожности мы зажгли только две свечи. Потом появились Пирре с Биллом Хорманом. Затем в церковь вошла Сандра под руку с папой. На ней было светло-желтое платье. Как она была хороша!

Мама надела черное платье с кружевами. Она вошла под руку с Томом.

Пирре преподнес Сандре небольшой букет белых гвоздик. Когда они вдвоем стали передо мной, мои глаза застлал туман. Дрожащим голосом я задавал им вопросы и услышал в ответ «да», «да». Потом они обменялись кольцами — это были кольца папы и мамы. Здесь народ не выдержал и бросился к молодым. Все целовали Сандру, пожимали руку Пирре. После церкви Сандра и Пирре посетили всех родственников. Им желали счастья и вручали подарки.

Это был большой праздник, длившийся до утра. В тот же день они уехали в Родезию.

Через несколько дней от них пришло первое письмо. Сандра писала, что они собираются в свадебное путешествие в Европу. На нас напала тоска. Теперь уж мы никогда не увидим, как наша Сандра бегает по дому в своих хорошеньких платьицах или сидит на софе с книгой, подняв колени к подбородку. Нам не хватало ее в доме, особенно папе. В эти дни он стал молчаливее, чем обычно. Но нас радовало, что хоть одна из нашей семьи теперь свободна.

Мама не ошиблась, сходив к пастору Регтерсу. Несколько дней спустя появились листовки АНК, в них сообщалось, что беспорядки вызваны платными провокаторами. «Будьте осторожны, — писалось в листовках, — провокаторы черные».

Доктор Иллово выступил в газете со статьей. Он настойчиво просил ни при каких обстоятельствах не давать провоцировать себя. «Сохраняйте спокойствие сами и успокаивайте других. Выявляйте лиц, затевающих бесчинства. Держите под контролем молодежь. Мы провели расследование и установили, что беспорядки возникали в первую очередь там, где скапливалось много молодежи, причем многие из них были в нетрезвом состоянии».

Далее доктор Иллово писал, что своей кампанией неповиновения мы произвели на мир большое впечатление. О нас пишут газеты всего мира, наше правительство в панике. И вот оно избрало новый метод борьбы, провоцируя нас на террор. Оно хочет скомпрометировать нас и этим самым оправдать свой собственный террор.

Газеты захлестнул поток злобных статей о «варварских ордах», которые хотят захватить страну и отдать ее «коммунизму и анархии». Между строк просвечивала радость — такая же, как у пастора Регтерса, когда он открыл нам с мамой дверь и с поклоном пригласил войти.

Тогда руководство Конгресса послало своих представителей к полиции с просьбой провести расследование беспорядков. Власти отказались вести расследование. Полиция не захотела даже отдать под суд провокаторов. Это ни к чему, говорили нам, ведь главные виновники уже задержаны. Но в происшедших беспорядках повинны были вовсе не задержанные, а совсем другие лица. Однако и тут полиция отказалась выслушать свидетелей. Больше того, министр заявил, что разбор подобных дел в открытом судебном заседании означал бы «предоставить трибуну безответственным агитаторам».

Но тут подошел день неповиновения в Парктауне.

ГЛАВА IV

Хочу подробнее рассказать о моем брате Томе. Человек он смелый, честный, но жилось ему нелегко. Судьба не наделила его ни красотой, ни способностью к учебе, дав ему огромную физическую силу. В школе он укладывал на лопатки всех своих сверстников. Всякий раз, когда в доме требовалось поднять что-либо тяжелое, звали Тома.

Том слыл великолепным гончаром. Его изделия пользовались большим спросом у клиентов. Думаю, работа скрашивала жизнь Тома, не позволяла ему страдать от своих недостатков, в частности от заикания. Стоило ему разволноваться, как лицо его багровело, он напрягался, слова застревали у него в горле.

В работе Том четко управлялся за троих. Иногда, наблюдая, как он трудится, я невольно думал, что брат этим мстит жизни за то, что она так его обидела. Работал Том с яростью, он словно сражался.

Том ненавидел свое заикание, и в этом, по-моему, одна из причин, объясняющих его вспыльчивость и резкость. Привыкнув молчать, Том был очень одинок. Я уверен, он любил и папу, и маму, и всех нас, но никогда этого не показывал. По этим же причинам у него совсем не было друзей, он даже не женился, хотя любой девушке едва ли найти мужа преданнее и благороднее Тома.

В прежние годы Том охотно чинил наши велосипеды, делал нам пистолеты, мастерил игрушки. Позже, когда он уже начал работать, мы, бывало, забегали к нему в мастерскую, и всякий раз у него находилось для нас яблоко. Тогда мы не умели ценить этого, просто радовались вкусному яблоку, но теперь, спустя много лет, я не могу без горечи вспомнить, что Том таким образом выражал свою любовь к нам. Как жаль, что мы никогда не задерживались у него, а убегали играть, получив яблоко...

Не знаю, что заставило Тома в тот день пойти в Парктаун. Это самый аристократический район Иоганнесбурга с фешенебельными домами, виллами, дорогими отелями для белых. Правительство строго следило за сохранением «белого» характера этого района. Черные не имели права появляться около вилл Парктауна даже днем.

Мы, группа черной молодежи, решили провести матч на баскетбольной площадке белых, в самом центре этого аристократического района. Для этого отобрали тридцать человек. Судить матч поручили мне. В Парктаун нас должны были доставить на автобусе.

В автобусе мы уселись на полу. Пусть до поры до времени

все думают, что автобус идет без пассажиров. Сидя на корточках между сиденьями, ребята переговаривались шепотом. Глаза у всех блестели.

Приехав, мы построились в две шеренги и направились к спортплощадке. Я заметил: прохожие с удивлением уставились на нас. Даже дети перестали играть и вытаращили глаза.

Наши ребята с восхищением рассматривали комфортабельные здания, шикарные автомобили. Вид аристократического района подействовал на них ошеломляюще. Они притихли и сконфузились.

На спортплощадке они пришли в себя, и я начал матч свистком. Скоро собрались зрители, тоже черные, они принялись громко подбадривать игроков.

Вскоре возле спортплощадки негде было яблоку упасть.

Я обратил внимание, что белые собираются около универмага. Напуганные матери уводили с площадки детей. Таким образом, на спортплощадке резвились мы, черные, а в отдалении сгрудились белые, словно ожидая защиты от большой опасности.

Но где же полиция? Когда она придет забирать нас в тюрьму? Я уже стал нервничать. Куда она запропастилась? Ведь полицейские агенты уже давно должны были вызвать подкрепление.

От толпы белых отделились несколько молодых парней и направились в нашу сторону. Они остановились в нескольких шагах. Стоят и смотрят. Мне это не понравилось. Потом к ним присоединилось еще несколько человек. Мне показалось, что они окружают нас, и меня осенила страшная догадка: «А не умышленно ли отсутствует полиция?»

Мы знали, что студенты университета недавно приняли манифест, призывающий белую молодежь к борьбе против «негризации страны». Заправляет ими профессор Фервурд. «Если власти ленивы или трусливы, чтобы поставить черных на место, — писалось в манифесте, — то мы, молодежь, должны сделать это вместо них».

«Скорей бы уж приехала полиция!» — пронеслось у меня в голове.

А белые все подходили. Около универмага остались только женщины да несколько стариков. Все остальные обступили нас плотной толпой.

Вдруг мы услышали крик в углу спортплощадки, там началась какая-то возня, перемешались белые и черные. Черный парень упал, раздался вопль женщины. Я бросился туда.

Высокий черный парень в джинсах и лиловой рубашке схватил белую девушку и стал срывать с нее юбку. Этого парня я ни-

когда не видел. Другой черный набросился на него и сбил ударом кулака. Оба упали, увлекая за собой девушку.

— Перестаньте! — закричал я не своим голосом.

На девушке остались только блузка и трусики. Задыхаясь, я попросил какую-то женщину дать ей пальто. Разнимая дерущихся, я к своему ужасу узнал в парне, который ударил насильника в лиловой рубашке, моего брата Тома.

— Том, что ты здесь делаешь? — закричал я. — Сейчас же прекрати! Встань!

Оба вскочили. Парень в лиловой рубашке сильно толкнул Тома. Тот упал на девушку, стоявшую на коленях.

Несколько белых бросились на Тома. Наши ребята стали защищать его. И тут появились полицейские и стали стрелять вверх. Толпа разбежалась.

Том лежал на земле рядом с упавшей девушкой. Один из полицейских подал ей порванную юбку. Остальные набросились на нас с дубинками. Несколько полицейских принялись бешено бить Тома ногами.

— Нет! — закричал я в страхе. — Он этого не делал! Это был другой! А он пытался его задержать.

Меня сильно ударили по голове, я упал навзничь. В глазах у меня потемнело.

Том судорожно прикрывал руками голову от ударов.

Девушку подняли, женщина укутала ее в свое пальто.

Я поднялся и закричал:

— Это не он! Это мой брат. Он хотел защитить ее!

Но полицейские ничего не хотели слушать. Тогда я обратился к свидетелям:

— Пожалуйста, помогите. Вы ведь видели, кто напал на девушку. Он был в лиловой рубашке.

Никто мне не ответил. Парень в лиловой рубашке исчез. Я бросился к девушке.

— Скажите хоть вы! Ну, пожалуйста. Это же был совсем другой...

Какая-то женщина сильно оттолкнула меня и заслонила девушку.

Том продолжал лежать на земле. Он обхватил руками голову и стонал. Полицейские подняли его и поволокли. Голова Тома была в крови, лицо распухло. Стоять он не мог.

Я бросился к людям:

— Кто видел, как все было? Пожалуйста, помогите! Этот человек невиновен. Он пытался защитить девушку!

Меня схватил полицейский и потащил к огромному грузови-

ку. В него заталкивали всех наших игроков. Тома сунули в небольшой автобус, стоявший в стороне.

— Он не виноват, — твердил я. — Напал на девушку другой человек. Он был в джинсах и лиловой рубашке.

Полицейский, здоровенный, дюжий блондин, схватил меня за воротник и брюки и швырнул в машину, словно мешок.

Набив грузовик до отказа, полицейские захлопнули задний борг. С нами сели двое полицейских с автоматами, и машина тронулась.

Всех нас посадили в одну тесную камеру. Лежать могли лишь несколько человек, остальные опустились на корточки. Нас окружали серые бетонные стены. Под потолком светилось небольшое, закрытое решеткой окно. На полу вдоль одной из стен был постлан тонкий слой соломы.

Спали мы по очереди. Пока одни лежали, другие сидели, подтянув колени к подбородку. Но страшней было другое: в помещении не хватало воздуха, было душно. Мы задыхались. Вдобавок у многих из нас были открытые раны.

Я уговаривал надзирателей дать знать нашим родителям о случившемся. Напрасно. Тогда я попросил разрешения поговорить с директором тюрьмы. По конституции мы имеем на это право. В ответ надзиратель ударил меня связкой ключей по лицу. Я потерял сознание.

Очнулся я на соломе с мокрой тряпкой на лбу. Под головой у меня лежало подобие подушки из одежды.

На следующий день, когда надзиратель открыл дверь, чтобы передать нам хлеб, я увидел шедшего по коридору мужчину в темном костюме. В руке он держал библию. Я догадался, что это тюремный священник. Я крикнул ему, что являюсь пастором и хочу с ним поговорить. Он остановился. Это был человек с короткой шеей, большой головой и маленькими светло-серыми глазками. Он подошел поближе.

— В какой церкви вы служите?

— Я преподаю в колледже святого Эдварда, там же служу помощником пастора.

Торопясь, я рассказал, что произошло на спортплощадке. Он слушал с плохо скрываемым раздражением.

— Пожалуйста, поговорите с директором тюрьмы, — умолял я его. — И позвоните родителям. Я дам вам номер телефона.

— Позвонить? — спросил он недоверчиво. — У вас есть дома телефон?

Мне пришлось несколько раз повторить номер телефона. Это не понравилось священнику. Уходя, он буркнул:

— Нечего долбить одно и то же.

Через четверть часа пришли две медсестры и перевязали раненых. Троих сразу отправили в лазарет. Потом нам принесли чай. Все это придало нам мужества. А примерно через час после разговора со священником пришел надзиратель и повел меня к начальнику тюрьмы.

Отлично одетый господин с голубыми глазами и гладко зачесанными назад светлыми волосами сидел за большим столом. Рядом с ним стоял священник. Мне пришлось еще раз рассказать всю историю. После этого начальник сделал знак, чтобы я удалился.

Я был взволнован. Мне показалось, что я спас Тома. «Начальник тюрьмы не стал бы затруднять себя, — думал я, — если бы не верил, что я говорю чистую правду!»

Немного спустя за мной опять пришел надзиратель. Он провел меня в комнату для свиданий, где, разделенные решетками, стояли два стула. Расстояние между решетками было не менее двух метров. Мне разрешили сесть.

Открылась дверь, и в комнату вошли мои родители. Их сопровождал батюшка Тревор.

Я не удержался и заплакал.

— Расскажи, что случилось с Томом, — попросил папа.

Выслушав мой рассказ, мама воскликнула:

— Свидетели! Мы должны найти свидетелей.

Папа кивнул.

— Надо найти тех, кто видел, как на нее набросился парень в лиловой рубашке.

— Я просил полицейских допросить свидетелей, но они не захотели меня слушать.

— Времени у нас мало, — сказал папа. — А такие дела рассматриваются без отлагательства. Мы сейчас поедем в Парктаун и попытаемся разыскать людей, которые все видели.

— Поезжайте, — сказал я. — О нас не беспокойтесь, думайте о Томе. Вы знаете, где он находится?

— В этой же тюрьме, — ответил батюшка Тревор. — Но к нему нас не пустили. Я поеду к следователю и постараюсь добиться отсрочки дела в суде.

Они ушли. Я с волнением смотрел им вслед. У меня появилась надежда.

Вечером одна из медсестер принесла нам чай, шоколад и печенье. Она пояснила, что это подарок от английских дам, которые занимаются благотворительностью. Незаметно для надзирателя я попросил ее позвонить батюшке Тревору и узнать: удалось ли задержать дело у следователя? Надзиратель услышал и крикнул, чтобы я замолчал. Но, когда сестра пришла за пустой

посудой, мне все же удалось рассказать ей о событиях на площади. Она взглянула на меня испуганно.

— Вы спрашиваете о сильно избитом человеке, который заикается? Одет в серый костюм?

— Да, да. В какой камере он сидит?

— Это ваш брат?

— Да! Передайте, пусть он не беспокоится. Произошло недоразумение. Все будет хорошо.

— Сделать это трудно, — заколебалась девушка. — Он находится в карцере. Туда никого не пускают.

В камеру вошел надзиратель, и мы вынуждены были замолчать. Уходя, девушка кивнула мне, дав понять, что попытается что-то сделать.

Ближе к вечеру я услышал голос медсестры в коридоре. Она говорила надзирателю, что ей необходимо сменить повязку у меня на голове. Ее впустили, и она принялась меня перевязывать. Надзиратель постоял немного и ушел. Видимо, ему было неприятно смотреть на рану, которую он сам мне нанес связкой ключей.

— Мне удалось поговорить с вашим братом, — шепнула мне девушка.

— Как он себя чувствует? — спросил я нетерпеливо.

— Боюсь, не очень хорошо. Он не может двигаться. Его, наверное, били по спине. У него сильные боли.

В дверях появился надзиратель, и сестра умолкла. Немного погодя он ушел, и она шепотом продолжала:

— Я сказала ему, что о нем беспокоятся и стараются помочь, но...

Сестра запнулась.

— Что такое? — в страхе спросил я.

— Боюсь, у меня для вас не очень хорошая новость.

— Говорите!

Надзиратель заглянул в камеру и крикнул:

— О чем вы там шепчетесь?

Он выпроводил медсестру, не дав ей больше сказать ни слова.

Ночью я непрерывно думал о Томе. Меня радовало, что сестра побывала у него, перевязала его раны и сообщила, что мы знаем, где он находится.

Неожиданно через щель в двери я увидел, что в коридоре зажегся свет. Раздалось бряцание связки ключей. Сердце мое замерло. Послышались шаги, замершие у нашей камеры. Дверь открылась, и на нас упал свет карманного фонаря.

— Да, за тобой, — грубо сказал надзиратель, увидев, что я встал.

Я направился к выходу, перешагивая через спящих.

Свет в коридоре ослепил меня, и я не сразу разглядел тюремного священника.

— Вы можете посетить вашего брата, — сказал священник холодным тоном.

— О, благодарю вас! Я так рад. С ним все в порядке?

— Не волнуйтесь, — посоветовал священник.

— Я всю ночь не спал. Как дела у Тома? Его освободят?

Священник не ответил. Он сделал мне знак следовать за ним и направился по плохо освещенным коридорам. Сопровождаемые надзирателем, мы спустились по каменной винтовой лестнице, прошли еще один коридор и остановились у маленькой дверцы, настолько низкой, что войти в нее, не сгибаясь, было невозможно. Она находилась так глубоко между толстыми стенами, что надзиратель исчез в нише, когда отпирал замок.

Железная дверь медленно открылась. Надзиратель мотнул головой, предлагая мне войти в камеру.

— Десять минут, — буркнул он.

При свете, проникавшем из коридора, я увидел, как мала камера: около четырех квадратных метров. Встать во весь рост в этом бетонном мешке Тому было невозможно. Надзиратель поставил свой фонарик в углубление в стене. Свет упал вниз, и я как следует разглядел Тома. Его лицо было изуродовано, он стал неузнаваемым. Обе руки были в бинтах, шея распухла, на ноге наложена шина.

— Том... — позвал я его, опускаясь на колени.

Он приоткрыл веки, и я увидел его глаза, налитые кровью. Я вспомнил: однажды он тяжело болел, лежал с высокой температурой, никого не узнавая, и у него были такие же глаза.

Том смотрел на меня пристально, испуганным взглядом.

— Это я, Давид. Ты узнал меня, Том?

Брат попытался что-то сказать, но мешала запекшаяся на губах кровь.

Том дышал с трудом. В горле у него клокотало.

Он попытался поднять голову и задохнулся.

— Нет, нет, лежи, Том. Что ты хотел сказать?

Его губы задрожали, выступила кровь. Я понял, что у него приступ заикания.

Распухшими пальцами Том вцепился мне в руку.

— Том, не надо! — попросил я. — Ты хочешь сказать, как с тобой здесь обращаются?

Он отрицательно покачал головой.

— О том, что случилось в Парктауне?

Его дыхание вдруг участилось, он стал задыхаться.

— Произошла ошибка. Тебя скоро отпустят домой. Смотри, меня уже пустили к тебе. Это хороший признак. Ведь в карцере навещать никого не разрешается.

Том опять покачал головой.

— Ты хочешь спросить о папе и маме?

Он стал дышать спокойней.

— Они были здесь. Тебе все рассказала медсестра? Они пошли искать людей, которые видели, что на девушку набросился парень в лиловой рубашке.

Том опять заволновался, по его лицу потекли струйки пота. Я почувствовал, что он пытается сжать мою руку.

«Что он хочет сказать?»

Внезапно я заметил, что он плачет. Я вытер ему слезы.

Я попытался успокоить брата, но не уверен, слышал ли он меня.

Дверь отворилась, вошел священник и тихо сказал:

— Время истекло...

Согнувшись, он стоял в дверном проеме. Я видел, что он нервничает. Священник показал на дверь и произнес:

— Они уже идут.

Я встал, ничего не понимая. Кто идет? Наклонив головы, мы оба стояли в дверях.

— Кто? — прокричал я. — Кто идет?

— Вы хорошо знаете, что я имею в виду, — ответил он, отступая в коридор.

В конце длинного, скудно освещенного коридора появились шесть человек. Впереди шел надзиратель, за ним двое с носилками, потом полицейский в форме, начальник тюрьмы с папкой в руках, рядом с ним какой-то господин. Позже я узнал, что это был тюремный доктор.

Застыв от ужаса, я смотрел, как они приближались.

— Будьте мужественны, — произнес священник.

Полицейский схватил меня за руку.

— Как он попал сюда? Эй ты! — крикнул он надзирателю.

Тюремный священник вышел вперед и, волнуясь, сказал:

— Все в порядке. Это брат приговоренного. Он пастор. Ему разрешили в последние минуты побыть с братом.

— Мой брат не нападал на девушку! — крикнул я начальнику.

— Прочь! — потребовал начальник.

— Пожалуйста, не делайте этого! Подождите немного! Папа

с мамой ищут свидетелей. Напал не Том, а другой парень, в лиловой рубашке.

Начальник заявил:

— У нас имеются показания пяти сотрудников полиции, честность которых не вызывает сомнений. Они видели, как девушка старалась вырваться из рук этого человека.

Он оттолкнул меня и вместе с доктором вошел в камеру. Двое тюремщиков поставили носилки на пол. Со мной в коридоре остался надзиратель.

Тюремщики выволокли Тома. Один держал его за плечи, другой за ноги. Том пытался вырваться, он дико озирался по сторонам.

Когда его уложили на носилки, он попытался встать. Надзиратель надавил ему рукой на грудь, а двое тюремщиков принялись привязывать его к носилкам.

Я упал на колени и схватил брата за руки.

— О, Том, Том...

Меня заставили встать.

Носилки понесли, я пошел рядом, держа Тома за руку. В конце коридора надзиратель забежал вперед и открыл дверь слева. Мы вошли в длинный сводчатый подвал без окон. Справа и слева у стен стояли скамьи. С потолка из круглых отверстий падал свет. В задней стене чернела железная дверь.

На скамье слева, между полицейскими, сидели двое черных: молодой и пожилой. Руки их были связаны, рты затянуты повязками. У молодого на виске виднелась кровоточащая рана.

Тюремщики опустили носилки с Томом на пол и сели на скамейку рядом с полицейскими. Открылась железная дверь, и высокий бледный человек увел пожилого заключенного. Минут через десять дверь вновь открылась, пришел черед молодого. Он сопротивлялся изо всех сил, но его потащили силой.

В подвале наступила мертвая тишина. Тюремщик, охранявший Тома, не спускал с меня глаз. Вдруг он спросил, указав на Тома:

— Правда, что он не виноват?

И тут я услышал, что Том зовет меня. Я быстро склонился над ним. Он спросил:

— Как... как... мама?

— Хорошо! Хорошо, Том! Не беспокойся о ней. Ты же знаешь, никто не осмелится сделать плохое маме Пондо.

Он улыбнулся. Как благодарен я ему теперь за ту улыбку! Он думал о маме и улыбался.

— А папа? — прошептал он.

— И папа тоже. Он вместе с мамой. Ты же знаешь, он всегда с ней рядом.

— Давид... Я рад, что ты здесь.

Не удержав слез, я поцеловал его распухшее лицо.

— Второй станок... — прохрипел Том. — Скажи папе, там приводной ремень не в порядке... а не ось. Она исправна, я проверил... Надо новый ремень...

— Да, да, скажу, — ответил я.

Брат посмотрел на железную дверь, на полицейского, сидевшего рядом на скамье, потом повернулся ко мне, но не смог произнести ни звука. Губы его судорожно задрожали. Глазами, полными страха, он уставился на железную дверь.

Дверь со скрипом отворилась, на пороге показался высокий бледный человек.

— Том!.. О, Том!..

Я сжал руки брата и пошел рядом с носилками. В комнате, где приводились в исполнение приговоры, под лампой без абажура виднелся люк. Я вижу его и сейчас так отчетливо, словно стою перед ним. С потолка над люком свисала петля.

В комнате стояли начальник тюрьмы, доктор и священник. Тюремщики стали развязывать ремни на носилках и сказали мне, чтобы я убирался.

— Прощай, Том, — прошептал я сдавленным голосом. — Прощай, мой старший брат! Да благословит тебя бог!

Меня силой оторвали от Тома. Тюремщики подняли его с носилок и потащили к люку. Бледный человек разрезал бинты на шее Тома и надел ему на голову черный колпак. Затем они поставили его на ноги, прямо под петлей. Брат внезапно задрожал. Руками он судорожно пытался за что-нибудь схватиться.

— Помогите!..

Высокий бледный человек стал надевать петлю. Том вырывался, мотал головой в черном колпаке из стороны в сторону.

Палач дернул рычаг, тюремщики отпрянули в стороны, люк под ногами Тома провалился. Я закрыл глаза и стал молиться.

Плохо помню, как тюремщики вытащили тело брата из люка, а высокий бледный человек снял петлю и черный колпак. Тело Тома уложили на большой каменный стол в углу. Только тут я заметил, что там уже лежали двое. Подошел доктор, приложил ухо к груди брата, записал что-то в папке и ушел.

Том лежал на столе с запрокинутой головой, подбородком вверх. Я видел курчавые черные волосы, хорошо знакомые мне, темно-серый костюм, всегда такой аккуратный, а сейчас измятый, грязный, превратившийся в тряпку.

— Если желаете, можете закрыть ему глаза, — услышал я тихий шепот.

Повернувшись, я увидел тюремного священника. Я подошел к столу, закрыл Тому глаза и поправил голову.

— Вам пора уходить, — сказал священник.

Все остальные уже ушли, лишь надзиратель ждал нас у двери. Я поблагодарил священника, он помолчал и сказал:

— Я хотел, чтобы они подождали. Могли бы и не торопиться! Но они не захотели. Впрочем, вы сами напрашиваетесь на такое. Ваши руководители — подстрекатели. На что они вас толкают?

Он повернулся и ушел, а надзиратель повел меня обратно в камеру.

ГЛАВА V

На следующий день мама не пришла ко мне в тюрьму. Она не появилась и через день, и через два. Так минула неделя. Я ничего не мог понять. Знает ли она о Томе? Думаю, знает. Газеты не упустят случая расписать, что «черное чудовище повешено...». Потрясенный, я думал о ненависти и ярости белых. Мне представлялось, как они по вечерам тщательно запирают двери, закрывают ставни на окнах и запрещают женщинам выходить в одиночку на улицу.

В нашей камере все были убеждены, что парень в лиловой рубашке — провокатор.

— Мы должны найти его, — сказал Мунго, сидевший в углу камеры. — Мы будем искать его и обязательно найдем.

— Да, да, — раздалось со всех сторон.

— У него длинные вьющиеся волосы, — заметил один из ребят, — большой рот.

В тюрьме нас продержали три месяца, намного дольше, чем позволял закон. Но о нарушении закона мы и не заикались. У нас это обычное дело.

Вскоре мы узнали, что власти умышленно не передают в суд дела участников кампании неповиновения. На суде черные всенародно заявили бы, что заставило их нарушить законы апартеида.

Отрезанные от внешнего мира, мы никак не могли связаться с семьями. Тюремный священник отказался нам помочь, а медсестер надзиратели больше в камеру не допускали. Хлеб и кипяток теперь приносили сами надзиратели.

Наконец в одно прекрасное утро нас освободили. Ничего не объяснив, надзиратель вывел всех во двор, выпустил на улицу и молча запер за нами ворота.

Я бегом помчался домой. В глаза мне бросалось, что в Софиатауне многое переменилось. Вместо прежних, беззаботных

улыбок на лицах встречных были озабоченность и страх. На улицах почти не было играющих детей. Двери баров закрыты, не слышно музыки. В тишине Софиатауна я слышал свои собственные шаги.

Несколько прохожих узнали меня. Они подходили пожать мне руку.

— Как там мама? — спрашивал я.

— О, поторопитесь к ней, — посоветовала какая-то женщина. — Она не может забыть фотографию.

— Какую фотографию?

— Которая была в газетах. Фотографию Тома. Там было написано: «Это зверь». Том был с распухшим лицом. Один глаз совсем закрыт, а другой... Не лицо, а физиономия негодяя!

На площади я встретил дядю Чарльза и тетушку Гертруду.

— Мы все время пытались добиться свидания, — прошептал дядя Чарльз, оглядываясь по сторонам. — Нас не пускали. Но передачи принимали.

— Никаких передач нам не передавали!

— Мы так и думали! Ты знаешь, мама Пондо сделала столько, сколько не сделают и десять человек. Она подала прошение прокурору. С помощью епископа заручилась поддержкой двух судей. Джона она послала к руководству Конгресса. Добилась аудиенции у одного из белых депутатов. Розу она посылала к английским дамам, у которых та работала. Джимми она направила к доктору Иллово...

— Надо было ее видеть! — перебила его тетя Гертруда. — Она перевернула Софиатаун вверх дном.

— О, Давид! — воскликнул дядя. — Здесь теперь совсем не так, как прежде. Повсюду полно предателей. Не знаешь, кому можно доверять. Появились какие-то черные, которых никто не знает. Сидят в барах, слушают, о чем говорим. Из нашей семьи арестовано уже четырнадцать человек.

Тетя Гертруда заплакала.

— Иди скорее домой, — сказала она.

— Да, да, — поддержал ее дядя Чарльз, — мама Пондо сама тебе все расскажет.

— Это из-за предателей так тихо в Софиатауне? — спросил я.

— И поэтому, — ответил дядя Чарльз.

— А еще почему?

Он оглянулся:

— Ты ничего не знаешь! — сказал он тихо. — Мы должны отсюда уехать.

— Как это... уехать? Что вы имеете в виду, дядя Чарльз?

— Мы должны освободить дома и уехать из Софиатауна. Они

снесут наши дома, а на их месте построят новые, для шахтеров и техников из Европы. Софиатаун должен исчезнуть.

— Уму непостижимо! — воскликнул я.

— Это решено, — сказал дядя Чарльз. — Мы должны убираться отсюда. Куда нас переселят, я не знаю, но отсюда мы должны уехать.

С ноющим сердцем побежал я домой. Показалась маленькая площадь с фонтаном и двумя большими деревьями, за которыми скрывался наш дом.

Как приятно было снова увидеть длинную белую стену, увитую плющом, ворота, мостовую, гончарную мастерскую, цветник, лужайку и террасу с дверью, выходящей в сад!

Навстречу мне выбежала Роза, наша добрая, верная Роза.

— Бедный Том... — вымолвила она, обнимая меня.

Из дома вышел Джимми. Это был уже не прежний шутник, а серьезный, задумчивый мужчина с необычайной суровостью во взгляде.

— Беги быстрее к маме, — сказал он мягко.

Мама сидела у окна в черном платье. Носки, которые она вязала, упали на ее колени. Мама протянула ко мне руки.

— Ты ли это? — воскликнула она. — Здравствуй, мой мальчик.

Она прижала меня к себе. Глаза у нее блестели, но она не плакала. Я не смог быть таким же сильным, как она. Мама заметила это.

— Нет, нет, мой мальчик, не надо. — И она своей доброй, теплой рукой смахнула слезы с моих щек.

В это время вошел папа. Спокойный, стройный, он держался солидно, как и мама.

— Здравствуй, Давид. Ты снова с нами!

Он положил руки на мои плечи. Он всегда делал так, когда кто-нибудь из нас возвращался после длительного отсутствия. Отец пристально смотрел мне в глаза, словно хотел увидеть, что происходило у меня в душе. Рыдая, я произнес:

— Я вернулся, папа, а Том уже не вернется.

Глаза отца покраснели, мама с осуждением посмотрела на меня. Я видел, они хотели знать, что произошло с Томом, все, до мельчайших подробностей: как он выглядел, что говорил... Но в то же время они старались отодвинуть мой рассказ и преувеличенно суетились, подавая на стол чай и сладости.

Начали подходить родственники, в доме стало тесно. Я все чаще ловил на себе взгляды папы и мамы: быстрые, мгновенные. В глазах моих родителей таился страх. И родственники из кожи лезли вон, чтобы отдалить мой страшный рассказ.

Неожиданно все умолкли, папа с мамой оказались рядом со мной. Лица всех обратились в мою сторону. Тянуть дальше было нельзя. И я рассказал им все. Они слушали не шелохнувшись. Я видел: на глазах их наворачивались слезы. А когда я передал папе, что Том просил сказать о втором станке в гончарной мастерской, отец и мать заплакали навзрыд.

Если когда-либо вас спросят, какая боль самая страшная, знайте: боль человека, который слышит вопль своего дитя, зовущего на помощь.

Отец и мать держали друг друга за руки. Я рассказал, каким спокойным Том лежал на каменном столе. Мои родители сидели не шевелясь. Прошло много времени, прежде чем они начали тихонечко переговариваться, вспоминая, каким Том был в детстве.

— Как сердито он поглядывал из люльки! — произнесла мама с улыбкой. — Когда надо было подержать мне пряжу, вы все разбегались. Том помог мне перемотать, наверное, тысячу мотков.

Мама рассказала, как она учила Тома танцевать. Он боялся наступить партнерше на ногу, боялся, что девушки будут над ним смеяться. Мама уверяла, что никто из нас не умел так хорошо танцевать, как Том. Затем папа стал рассказывать о работе Тома в гончарной мастерской. Так текла беседа. В рассказах Том словно бы ожил, он как бы очутился среди нас.

Незаметно соседи заполнили всю террасу, а потом и весь сад. Это разнеслась по округе весть о моем возвращении. К ночи вся площадь перед домом и прилегающие улицы оказались запруженными народом.

Европейцы считают наши похоронные церемонии слишком длинными, утомительными. На похоронах мы беседуем и поем, плачем и опять поем. Они полагают, что мы преувеличиваем свое горе. Ах, не знают они, что все это нужно не умершим, а нам, чтобы еще раз почувствовать связь с покойным, друг с другом, со всеми умершими и еще живыми. В этот день вместе с умершим мы проходим по всей его жизни, и жизнь эта как бы переходит в нас, теперь мы можем хранить ее в нашей памяти и для него, и для нас самих, и для наших детей. Хорошо иметь круг родных и близких, чтобы почерпнуть силы и тепло, когда на тебя вдруг пахнет холодом смерти!

Поздно вечером, когда родственники и соседи разошлись, я узнал, как наши искали свидетелей в Парктауне.

Отец рассказал, что нашел восемнадцать человек, видевших

собственными глазами, как все произошло. Но следователь не пожелал их принять. Мама сама отправилась к следователю. Но ее поймали по дороге и водворили в Софиатаун. Мама не успокоилась и попыталась добраться до тюрьмы, но полицейские снова задержали ее и на этот раз продержали под арестом до утра.

ГЛАВА VI

После тюрьмы я вернулся в свою школу, добрый старый колледж святого Эдварда. Высокая стена из темного кирпича была сверху донизу увита плющом. Я вновь увидел наш немощеный дворик, классы со старыми партами, крышки которых были сплошь изрезаны учениками, увидел нашу убогую церквушку, такую дорогую для меня. Я встретился со своими учениками, милыми детишками, о которых так скучал в тюрьме. Все вроде бы оставалось вокруг, как и прежде, но все было уже не прежним. Повсюду я видел страх и одиночество. Мы ходили по улицам нашего Софиатауна боязливо, словно в незнакомом городе. И я сам тоже чувствовал себя одиноким, потому что боялся.

Чего мы добились кампанией неповиновения? Ничего. Правительство не собиралось отменить хотя бы один из законов апартеида, наоборот, оно твердо решило довести все задуманное до конца. Пятнадцати руководителям кампании неповиновения навсегда запретили заниматься какой-либо общественной деятельностью. Около двадцати руководителей находилось под домашним арестом. Владельцам издательств и типографий запрещалось печатать листовки и брошюры АНК. Газеты не имели более права печатать заявления африканских лидеров. Кроме того, было запрещено проведение любых массовых собраний. За нарушение этих постановлений грозил длительный срок тюремного заключения.

Начался террор. С кампанией неповиновения было покончено.

Но народ не смирился. Тайно, без большой огласки началась расправа с предателями. Стали возникать подпольные группы, выступающие за «жесткие методы» борьбы. Они требовали перейти от разговоров к активным действиям. Даже в Конгрессе появилась группа сторонников новой организации «Африка для африканцев». Эта группа провозгласила лозунг «Сбросим белых в море».

До раскола в Конгрессе дело пока не дошло, но нас беспокоило, что в один прекрасный день такой раскол произойдет.

Однажды поздно вечером я сидел в своей комнате и читал. Кто-то тихонько позвал меня со двора. Я открыл окно и увидел

Као, ученика из нашей мастерской, сидевшего вместе со мной в тюрьме после баскетбольного матча в Парктауне.

— Батюшка Тучела, вы не могли бы пойти со мной?

Надев пиджак, я взял библию и вышел. Као ждал меня возле калитки. Увидев меня, он скользнул в переулок. При свете уличного фонаря я едва разглядел его в конце площади.

— Подожди же! — крикнул я.

Но парень быстро свернул на боковую улицу. Время от времени он проверял, иду ли я за ним.

Так пробирались мы через лабиринт маленьких переулков. Иногда я почти настигал Као, но он мгновенно уходил вперед. Наконец мы оказались в Кларемонте. Этот бедный пригород состоял из убогих лачуг.

Свернув в очередной раз за угол, я натолкнулся на молодого человека; похоже, он ждал нас.

— Мунго! — воскликнул я удивленно.

— Батюшка Тучела! — сказал Мунго глухим голосом. — Вас заставили присутствовать при казни Тома. Но мы нашли человека, который погубил его.

Он открыл дверь и пригласил меня в хижину. Маленькое затхлое помещение слабо освещалось керосиновой лампой, висевшей в углу на гвозде.

На скамейке у стены сидел Као и еще один парень, которого я не знал. Между ними находился человек, на голову которого был натянут мешок.

Мунго подошел к нему и сдернул мешок.

— Узнаете? — спросил меня Мунго, схватив парня за волосы и рывком повернув его лицо так, чтобы на него падал свет.

Связанный веревкой с головы до ног, с руками, прижатыми к бокам, парень походил на мумию. Во рту его торчал кляп. Я разглядел на нем лиловую рубашку.

— Мунго! Као! Что вы хотите делать? — с тревогой произнес я.

Ребята молча поставили парня на ноги. Мунго пододвинул какой-то ящик и достал веревку. Сделав петлю, он выдвинул на середину комнатушки скамейку и закрепил веревку на железной перекладине под крышей. Парень в лиловой рубашке отчаянно вырывался. Мунго поспешил на помощь товарищам. Втроем они подняли провокатора и поставили его на скамью. Мунго набросил ему на шею петлю.

Я пытался уговорить ребят, но их лица были строги и непоколебимы.

Мунго спросил парня в лиловой рубашке:

— Твоя имя Фредерик Масухи?

Не переставая дрожать, парень кивнул.

— Тебя завербовал Особый отдел?

Лоб парня покрылся каплями пота.

— Тебе за это заплатили?

Парень зарыдал, пытаясь опуститься на колени.

— Фредерик Масухи, ты приговорен к смертной казни за убийство Томаса Тучелы.

Мунго выбил скамейку у него из-под ног.

В ту ночь, пробираясь через лачуги Кларемонта, я впервые в жизни почувствовал себя совершенно одиноким.

Наш дом, наше доброе надежное пристанище, еще существовал. В нем жили папа и мама, в саду оставались теплые камни, на которых я играл ребенком, был уголок у камина, где всегда сидел папа, рассказывая нам всякие истории, существовало кресло мамы, моя кровать, моя комната, большой старый стол, за которым мы всегда обедали, водопроводный кран, под которым мы умывались; все так же золотистый солнечный лучик проникал к нам в полдень через боковое окошко. Но что-то уже сломалось в жизни.

Сандра и Джессе уехали, Том был мертв. Наш дом уже не казался таким уютным, как раньше. Я видел, какими озабоченными стали папа и мама, мне казалось, что их руки, всегда поддерживавшие нас, заметно ослабели. И меня все чаще навещала мысль, что однажды нам придется навсегда покинуть наш старый дом, наш Софиатаун.

Как без боли в сердце смириться с тем, что место, где ты родился и провел детство, с которым ты связан всем своим существом, однажды перестанет существовать?

Молодость не обязательно связана с легкомыслием. Наоборот, в своих невзгодах молодые люди более беззащитны, чем взрослые. Как раз об этом думал я той ночью, когда брел между лачугами Кларемонта к себе в колледж. Что-то сжимало мне горло, я чувствовал себя таким одиноким, что был готов позвать людей на помощь.

На следующий день ко мне в колледж зашел брат Михаел. Я рассказал ему обо всем, что пережил в прошедшую ночь. Он сидел, слушал, затем задумался. Потом сказал:

— Мы должны драться за свой дом, Давид! — И добавил: — Мы должны драться за свой дом, иначе они развеют нас по ветру как пепел!

Продолжение следует

Перевел с голландского Вячеслав ФЕДОРОВСКИЙ

ПОЭЗИЯ

Рюрик ИВНЕВ

Исполнилось 90 лет со дня рождения старейшего советского поэта Рюрика Ивнева, современника Владимира Маяковского и Сергея Есенина. Стоявший у начала русской советской поэзии, Рюрик Ивнев вместе с другими поэтами молодой Республики Советов, экспериментируя в области формы, искал свой голос, свои ритмы, чтобы отобразить в творчестве суровое и героическое время Великого Октября. Публикуем отрывок из поэмы «Семнадцатый год», работу над которой поэт начал в двадцатые годы.

СЕМНАДЦАТЫЙ ГОД

Семнадцатый год. Одни солдаты.
Изрытая оспой снарядов карта.
Все это было, было когда-то:
И тающий снег, и влага марта.
Бесславных сражений черный
боров,
Расширив круги осовевших
глазниц,
Не мог отвести помутневших взоров,
Обугленных и измученных лиц.
Все это было, словно в кегли,
Играли со смертью дырявые пушки,
И тучи вмешательство ветра
отвергли,
Окопы кропя, как из кадушки.
И точно копируя эти забавы:
«Какой капитал в игру вы
вносите?» —

Ловцы человеческих душ и славы
Играли легко в человечьи кости.
А тем, кого жгла непосильная мука,
В ответ на указанный Лениным путь,
Заржавленный тыл начинал сюсюкать,
Ударяя себя в бессильную грудь:
«Солдатики! Маленькие оловяшки
С разноцветными кантиками Андерсéна,
Наденьте смирительные рубашки
На мускулистое тело измены.
За новые рынки! За новые земли!
Парламент! Скорей освяти наши танки,
Пока пролетарий в безмолвии дремлет,
Для нужд наступленья готовьте болванки!..»
Но вот среди грохота канонады
В разбухший бочонок медовых речей
Ударила молния: не надо! Не надо!
Не надо нам власти помещичьей!
О, многим тогда не могло и присниться,
Что вместе с ручьями широкой весны
Потекут отряды рабочей милиции
С заводов Выборгской стороны.
Эти отряды не одиноки,
Мировой Октябрь — их цель!
Красная Армия — вот где твои истоки!
Вот где твоя колыбель!
Я помню: память еще жива,
Прохладное утро и та же Нева,
С моста Самсоньевского видны
Заводы Выборгской стороны.
И вот, точно кошка за острый уступ,
Цепляюсь за счастье углами губ.
О, сердце, мне было тогда невдомек,
Что путь настоящего счастья далек.
Не здесь, среди столбиков темных ресниц,
А там, среди серых измученных лиц.
Я помню: память еще жива —
Прохладное утро и та же Нева,
С моста Самсоньевского видны
Заводы Выборгской стороны.
Рабочих отряды не одиноки:
Мировой Октябрь — их цель!
Красная Армия — вот где твои истоки!
Вот где твоя колыбель!

НАШИ ПЕРВЫЕ ПУБЛИКАЦИИ

Егор КИСЕЛЕВ

Егор Киселев родился на рязанской земле. Закончил Литературный институт имени А. М. Горького. Около десяти лет прожил на Камчатке, в центре Коряцкого национального округа Палане, где работал в партийной газете «Коряцкий коммунист». В настоящее время Егор Киселев живет и работает в городе Рязани.

ОТ МОРЯ К ПОЛЮ

* * *

Циклоном потчевал Восток.
И в крене страшном
По-сельски нас валила с ног
Морская пашня.
Мы «жали» рыбные поля,
И нас спаяла
Та палуба, что нам была
Цех и поляна.
Нам солнце на краю земли
Дарило ласки,
Где не анютины цвели,
А рыбьи глазки.
Но срок пришел. И он позвал
Тоской слепою,
Путь сквозь Сибирь и сквозь Урал

От моря к полю.
И черной, бархатной, сырой
Волной упругой
Бежит, как гребень за кормой,
Отвал за плугом.
Нечерноземье и Восток.
Я думой полон:
Во мне струится, словно ток,
Связь моря с полем.
Я вижу: за лафетом встал
Волной на зо́рю
Пшеничный вал, десятый вал —
От поля к морю!

* * *

Разные годы. Разные воды.
Только одно неизменно — стога.
Разное чувство любви и свободы.
Разные, разные берега.

Разное счастье. Разная доля.
Только одно неизменно — судьба,
Где породнились с тундрою поле,
С нартой телега и с юртой изба.

Как эту жизнь всю вобрать и вдохнуть бы
На перекрестке долгот и широт!
Разные люди. Разные судьбы.
Только одно неизменно — народ.

* * *

Играют, играют Шопена,
И грустные звуки летят
Волна за волной постепенно,
Накат за накатом подряд.

Играют и трогают душу,
И платы не просят с души.
Но помню я, помню «Катюшу»
В моей вологодской глуши.

Едва ли забуду, едва ли
И тем благодарен судьбе,
Как бабы ее запевали
За прялками в нашей избе.

Хлебнувшие лиха в достатке,
В подругах опору ища,
Как будто хотели солдатки
Тоску искричать сообща.

Нутром выпевали, «на форте»,
С горячею верой — навек,
Чтоб там непременно, на фронте,
Услышал родной человек.

Как пели свекрови и снохи!
И бабьему горюшку в тон
Густел подголоском на вдохе
Размашистый скрип веретен.

Как пели, сморкаясь в подолы,
Не зная планиды своей,
Уже, может статься, и вдовы,
И матери без сыновей.

Та песня сегодня старинна,
Но в сердце сильна ее власть —
Ведь мама моя Катерина
В те годы Катюшей звалась.

* * *

На берегу залива Уала
Я позабыл про все свои дела.
Волна рвалась за изгородь ячей.
Залив кипел, как стадо сивучей.
И ласты бились с лязгом, как ножи,
В борта рыбонасоса и баржи.

На берегу залива Уала
Я понял вдруг, что молодость прошла.
Пустынный берег, он явился мне,
Как старый друг в прибойной седине.

И волны шли на берег табуном,
Как строй воспоминаний о былом.

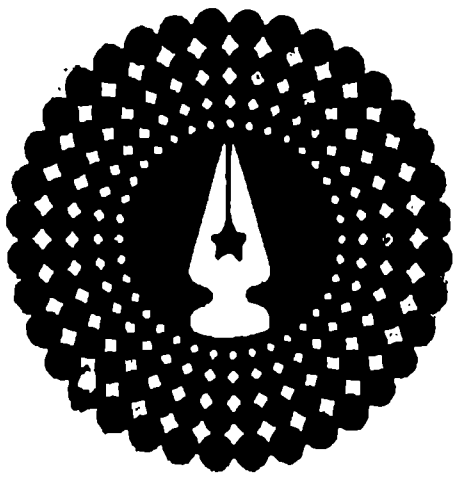
Восток, Восток, холодный и седой,
Зачем назвался ты моей судьбой?
Я был причастен к племени бродяг,
Кто выходил живым из передряг,
Кто перед морем дрейфить не умел
И не берег здоровья про запас,
Когда окрест могучий шторм ревел
И не спасал ни дизель, ни компàс!

Мне выжег душу леденящий ост,
Я понял связь морских и вышних звезд,
И палубы, блестящей от трески,
Мне не забыть до гробовой доски —
Всего, чем жизнь рыбацкая мила
На берегу залива Уала.

МАМА

Что случилось с годами?
Летят рысаками года!
И летит моя жизнь,
словно вихрь впереди колесницы.
Мама, мама, как ты у меня молода —
Тебе пятьдесят,
а мне уже, мама, за тридцать.
Ты из этих солдаток,
из этой великой родни,
Кому имя — Россия,
кому в невеселые руки
Недодали по карточкам
черного хлеба любви,
Но зато было вдоволь
морковного чая разлуки.
А сама как-нибудь,
а пайки берегла для детей.
До сих пор твои руки
колхозное полюшко ломит.
Сколько сыну тогда
ты отрезала вкусных ломтей

И не знала, что сын
станет сам, как отрезанный ло́моть.
Как я долг свой сыновний
тебе, моя мама, верну?
Ты картошкой и хлебом
кормила меня и окопы.
Год за годом война
шла пешком по лицу твоему —
Нету пудры такой,
чтобы скрыть от людей эти тропы.
Моя милая мама,
меж нами лежит материк,
И оглохла коса
от прибойного гулкого грома,
Но вдали от тебя
я душою бродяжьей постиг:
Все дороги ведут
к материнскому старому дому.
Ты все пишешь и пишешь,
тебе бы дождаться внучат.
Хватит сыну в седле
и на море горбатом качаться.
Ты вглядись и увидишь,
как белые чайки летят —
Это письма мои,
это строчки скупые с Камчатки.



ОЧЕРК И ПУБЛИЦИСТИКА

КО ДНЮ СОВЕТСКОЙ АРМИИ И ВОЕННО-МОРСКОГО ФЛОТА

Николай ЧЕРКАШИН

ТРАЕКТОРИЯ ШТОРМА

А вчера старший матрос Гуйдо отколол очередной номер. Вышел на вахту в бушлате, на рукаве которого желтели не три, а четыре годичные нашивки. Лейтенант Веденеев глазам не поверил, пересчитал взглядом — точно, четыре, как в старое доброе время, когда на флоте служили на год больше, чем ныне.

— Гуйдо, что за маскарад?

— Чо? — Губы рулевого сложились в осторожную усмешку. — Все по закону, товарищ лейтенант! Приказ министра об увольнении в запас неделю назад вышел... По четвертому году служим...

Газеты с приказом министра обороны пришли на сторожевик, когда тот накручивал на лаг предпоследнюю сотню океанских миль. Через сколько-то ходовых суток старший матрос запаса навсегда выйдет за ворота с якорями... А пока стоять ему вахты и чтить корабельный устав. Именно это хотел сказать Николай Веденеев как можно короче и спокойнее. Не успел. Вмешался командир — капитан-лейтенант Ухналев.

— Гуйдо! Нашивку снять! Отставить разговоры на руле!

Гуйдо с треском отодрал злополучную нашивку. Штурман разочарованно — сцены не вышло — взялся за измеритель. А Веденеев вышел на крыло мостика. В лицо ударил ветер с брызгами. «Канадка» вмиг обросла ледяным горохом...

После Киевского политического лейтенантская судьба — Веденеев ничуть не кривил душой — сложилась превосходно: распределился на Северный флот — самый лучший из флотов, попал на плавающее соединение, назначен сразу не «комсомольцем», не замполитом в БЧ, а заместителем командира корабля. Пусть не крейсера, не БПК *, всего-навсего номерного сторожевика, но Николаю нравились эти крутоносые, цвета грозового неба кораблики, готовые драться и с самолетами, и с подводными лодками, и с себе подобными. Недаром Ухналев не без гордости называл их «крейсерами в миниатюре». С командиром тоже сошлись характерами. Василий Ухналев, немолодой уже капитан-лейтенант («Тридцать один, разве молодой?» — искренне полагал Николай), пришел на корабль из береговой артиллерии. Переход, переаттестация, классы достались ему нелегко, и Ухналев страшно дорожил «командирским телеграфом». Как бы стыдясь «сухопутного прошлого», блюл на корабле морскую культуру с тщанием ярого боцмана. Нигде не было таких роскошных обвесов на сходнях, как на «двадцатьчетверке», такого хитро плетенного рындабулиня, такой чистой, всегда свежеподкрашенной палубы. Никто на СКР № 24 не смел присесть на кнехт или облокотиться на леер. И начальник штаба, старый морской волк, ничуть не подозревая об убийственности для Ухналева своей похвалы, поставил его в пример на совещании офицеров: «Вот капитан-лейтенант Ухналев береговой человек, а навел на своем корабле первостатейный морской порядок».

Веденеев знал об этом пунктике командира, «комплексе морской неполноценности», посмеивался в душе, но вслух никаких шуток себе не позволял. Дай бог каждому заму такого командира: толковый, въедливый, вечно в корабельных делах и заботах.

«Это ограниченность», — судили об Ухналеве веденеевские коллеги. «Это органичность», — спорил Николай. Кто-кто, а он хорошо знал, как остер бывает на язык командир «двадцатьчетверки», какие великолепные книги подобраны у него в каюте... Кроме всего прочего, Веденеев был несказанно благодарен ему за то, что тот принял его, зеленого лейтенанта, легко и просто — на равных. И если давал на первых порах предметные уроки, то делал это весьма деликатно, как бы походя и не упрека ради, а чтобы ввести в курс дела. Разве забудешь историю с тем же Гуйдо?!

Корабль стоял тогда в доке, и команда жила на плавказарме. Веденеев на второй месяц службы остался обеспечивающим в воскресный день. Осмотрев куцый строй увольняемых в город, он

* БПК — большой противолодочный корабль.

порадовался за своих орлов: черношинельная шеренга сияла золотом блях, пуговиц, «крабов»; бравые лица, аршинные плечи. Рота почетного караула, да и только.

«Рота» ушла за шлагбаум, а минут через десять в каюту зама постучали. Вошел старший матрос Гуйдо, а за ним капитан-лейтенант Ухналев.

— Вот, Николай Петрович, полюбуйтесь на молодца. Наглядное пособие для комендантской службы. Одиннадцать нарушений в форме одежды!.. Гуйдо, назовите сами!

— Есть назвать! — вскинул дерзкие очи рулевой. — Нарушение первое — каблуки скошены, второе — рант обрезан, третье — бляха на ремне обпилена, четвертое — литеры на погонах пластмассовые. Из мыльницы...

— Дай-ка «беску».

Донышко бескозырки было выстлано картинкой из «Огонька». Глаза красавицы Лопухиной с портрета Боровиковского печально смотрели из недр обмятого головного убора.

— Небось и гюйс белый нацепил?

Под шинелью и в самом деле оказался синий воротник с белым исподом — от летней форменки.

— Ну что ты на меня так смотришь, Гуйдо?

— Глаз у вас, товарищ командир, рентгеновский!

— Ах ты, зелень! — деланно рассердился Ухналев. — Молод еще мне комплименты говорить... Ты вот лучше объясни нам с товарищем лейтенантом, зачем тебе понадобилось уродовать благородную морскую форму?!

— А чтоб красивше была!

— И это говорит человек, у которого столько золота на погонах?! Возьмешь у заместителя учебник по эстетике — к концу докования сдашь мне зачет. А пока две недели без берега!

— Есть две недели...

От дерзкой веселости рулевого не осталось и следа. На скулах заиграли желваки.

— Р-решите идти?

— Погоди... Это ты к Татьяне так настропалился?

— Так точно.

— Значит, так. Час на устранение замечаний. Затем к товарищу лейтенанту за увольнительной запиской. Объяснишь Татьяне, за что тебе прервали связь с берегом.

— Есть!

Гуйдо вылетел за дверь.

— Хороший парень... — заметил вдруг командир ему вслед.

«Такой должности на флоте нет», — чуть не сорвалось у Веденеева с языка.

— Отличный рулевой, — поправился Ухналев. — Но... с мотыльком в голове. Правда, с Татьяной — есть тут учетчица с девочкой без отца — у них серьезно.

— Что, на свадьбу пригласил? — не выдержал, спросил Игорь.

— На свадьбу не на свадьбу, а вот стиральную машину он ей купил. Это уже кое-что... Ну, счастливого дежурства, Николай Петрович!

Перед выходом кораблей в океан приезжал в заполярный городок вице-адмирал из Москвы.

— Не молод для такого похода? — кивнул он на розовощекого лейтенанта.

— А вот мы у его командира спросим! — сказал начальник политотдела, поднимая взглядом капитан-лейтенанта Ухналева. Конференц-зал — командиры кораблей, помощники, заместители — притих.

— На лейтенанта Веденеева, товарищ капитан 1-го ранга, как на самого себя... — отрубил Ухналев.

А когда сел, Веденеев незаметно, за спинкой стула, пожал ему руку.

Сработались они с Ухналевым крепко. Их неразлучную пару так и прозвали — «капитан с лейтенантом». И никто не удивился, когда к концу года на крыле мостика «двадцатьчетверки» зажалела большая звезда с литерой А в середине — знак первенства в артиллерийской стрельбе.

Словом, все складывалось как нельзя лучше, если бы не «дурное наследство» от прежнего зама в виде старшего матроса Гуйдо. Еще в первую встречу, Веденеев только-только знакомился с командой, Гуйдо смерил лейтенанта в новехоньком кителе непочтительным взглядом и криво усмехнулся. Николай выдержал поединок глазами. Только стоячий воротничок кителя больно врезался в скулы...

По-настоящему они столкнулись с ним перед походом, в тот день, когда на корабль грузили продовольствие. По живому конвейеру матросы сноровисто передавали с пирса на палубу мешки с картошкой, ящики с консервами, коробки с сухофруктами. Изюм жевали все, потому что одна из картонок «нечаянно» развалилась. Помощник командира, он же провиантмейстер, нервничал: по конвейеру вот-вот должны были пойти банки сгущенного молока. Беспокойство помощника передалось и Веденееву: поход предстоял серьезный — океанский, без дозаправок, а тут то и дело слышались веселые намеки насчет «праздника живота». Это уже потом молодой зам узнал, что по негласному обычаю при загрузке продовольствия часть сгущенки, минуя кам-

буз, оседает в матросских рундуках. А тогда, увидев, как Гуйдо ловко перебросил на сигнальный мостик пару банок, вспылил, велел все вернуть и снял старшего рулевого с погрузки.

Гуйдо оказался намного старше остальных матросов и на целый год — замполита. На флот его призвали после нескольких отсрочек: батя Гуйдо утонул на лесосплаве, когда Тимоха кончал десятый. Так он и стал, как определили в военкомате, «единственным кормильцем» большой семьи из хворой матери, двух сестренок и младшего брательника. Работал на Онеге рулевым буксира, пока не подрос младшой... Знал парень, почем фунт лиха, потому и смотрел на лейтенанта свысока... Однако и Веденеев не считал себя хлюпиком. Правда, «единственным кормильцем» семьи он не был: папа — профессор философии, а мама преподавала в Киевском университете зарубежную литературу. Но в выпускном году золотой медалист поразил всех — уехал на шахту бойцом горноспасательного отряда. После тушения одного подземного пожара выскочил у Николая клок седых волос. Жаль, что за ухом — в самом невидном месте...

Было еще одно обстоятельство полагать жизнь в Заполярье вполне удавшейся: Леночка — стройная библиотекарша из Дома офицеров флота. Веденеев, пожалуй, был единственным читателем, которого строгая хозяйка книжных сокровищ впускала в лабиринт стеллажей.

Кроме этого закутка, встречаться им было негде. Леночка жила в общежитии, а Николай — на корабле. Как холостяку, квартира ему не светила. Городок мал: лишний раз вместе не покажешься. Правда, в отпуск они решили ехать вместе. Вначале в Ленинград, к Лениной маме, потом вниз по Волге на пароходе, как Даша и Телегин из «Хождения по мукам». Но в тот день, когда были куплены билеты, пришел приказ: «двадцатьчетверке» — в Атлантику.

Жестокое слово — боеготовность. Готовность по первому звонку, по первой сирене, по первому сигналу, в какую бы сокровенную минуту он тебя ни застал, все отстранить — надолго, на ощутимую часть жизни, а быть может, и навсегда; готовность выйти в море, готовность принять бой, готовность победить...

И что бы Веденеев ни делал — выступал ли на комсомольском собрании или проверял обустройство кубриков, проводил ли Ленинский урок или организовывал соревнование комендоров, писал ли письма родителям матроса или торжественно вручал своим морякам знаки классности, — все это в конце концов сводилось к одному: чтобы «двадцатьчетверка» была готова к бою и походу в любое время суток и в любую непогоду, стояла ли

она в ремонте или трепетала флагами на параде. Боеготовность — главная доблесть корабля в мирное время.

Из всех своих многочисленных обязанностей, помеченных в корабельном уставе, Веденееву больше всего нравилась одна: «В боевых условиях заместитель командира корабля по политической части обязан решительно пресекать проявления трусости, не допускать панических настроений...»

Веденеев не знал еще, как именно он будет пресекать «проявления трусости», но был уверен — обстановка подскажет, а уж он, как-никак по-старому комиссар, не спасует.

...Море зыбилось, и волны завивались в папирусные свитки. Сторожевик по клюзы зарывался во взбелененную воду. А в ходовой рубке благоухало «Золотым руном», лимоном и черным кофе. Ухналев, упершись в подножку командирского кресла, курил ароматизированную сигарету, прихлебывая из фарфоровой чашечки. Веденеев усмехнулся: «Шикует командир. Линкоровские порядки заводит». Благородные запахи в главном командном посту Ухналев считал старой флотской традицией. А от граненого чайного стакана отказался после того, как увидел в севастопольском музее хрупкую кофейную чашечку адмирала Нахимова.

Опять же по морскому обычаю, у каждого командира должно быть маленькое чудачество. Ухналев выбрал себе самое безобидное — голубую чашечку...

— На румбе?

— На румбе — семьдесят пять! — четко отвечал Гуйдо. Просторная роба не скрывала ладного его тела, и Веденеев с неприязнью подумал, что у девушек Гуйдо наверняка пользуется особым успехом.

— Есть семьдесят пять. Вправо не ходи!

Да что у девушек, сам командир души в нем не чает. И чего нашел в нем? Ну, хороший рулевой, так ведь это же не все... И замполит вспомнил некстати, что вчера обнаружил в ленкаюте диафильмы без баночек. В баночках Гуйдо догадался хранить новенькие матросские ленты.

— Штурман, график давления и ветра ведется?

— Давление падает, товарищ командир. Ветер до тридцати метров в секунду.

— Есть.

Ухналев вынул микрофон из переговорной трубы.

— Вниманию экипажа! Выход наверх категорически запрещен!

Сторожевик с полупустыми топливными цистернами изрядно пошвыривало. Гуйдо едва успевал перекладывать руль.

«Качка — это не обстоятельство. Качка — это состояние», — с тоской подумал Веденеев, прислушиваясь, как противно легчает в низу живота. Все запахи в качку искажаются: потухшая сигарета смердила отвратным дымком, в рубке воняло кофейной жижей.

— Пройду по боевым постам, — предупредил Веденеев командира.

— Добро, — согласился Ухналев. — Наверх только не вылазь.

Прихватываясь за горячие поручни, Николай спустился в машинное отделение. Свирепый грохот дизелей заложил уши больно и колко, словно стекловатой. Машинистам в шторм хуже всех. Лица побледнели, и следы мазута в желтом свете плафонов казались еще чернее.

— Как жизнь, орлы?! — прокричал Веденеев старшине 2-й статьи Постельному, комсоргу смены, и совсем позеленевшему ученику-мотористу Серебрякову.

— Жизнь известно какая... — невесело отшутился Постельный. — Завтрак съешь сам, обед отдай морю, а ужин — врагу.

Он не договорил — в отсеке раздался металлизированный динамиком голос командира.

— Вниманию экипажа! Ветер продолжает усиливаться. Мы входим в полосу сильного шторма. У кого на качелях кружится голова — разрешаю... сойти на берег. Остальные должны напрячь все силы, чтобы про наш доблестный корабль не говорили: «Утоп, как серебряная ложка в бульоне...»

Матросы заулыбались. Позеленевший Серебряков расплылся в улыбке до ушей. Не сдержал улыбки и Веденеев. Он всегда завидовал умению Ухналева общаться с командой просто и весело.

— ...Проверить крепление имущества по-штормовому, — продолжал командир. — Проверить готовность аварийно-спасательных средств. Усилить наблюдение за герметичностью корпуса!

В последнем распоряжении Веденеев уловил скрытую тревогу. Лишь он да командир знали, что «двадцатьчетверка» после похода пойдет в тихую гавань на переоборудование. Устают не только люди — устает металл. Возраст сторожевика приближался к «пенсионному». Выдержит ли «старичок»?

За обедом штурман, до которого дошли какие-то слухи о предстоящей судьбе корабля, небрежно и потому бестактно обронил:

— Так что, товарищ командир, последний наш поход?

Ухналев вспылил:

— Запомните, Юрий Леонидович, последним бывает только путь на кладбище. Поход же может быть только...

Ухналев искал подходящее слово. Веденеев помог:

— Минувшим или предстоящим.

— Вот, вот! — обрадовался командир. — Еще один наш поход, Юрий Леонидович!

Побывав у комендоров и радиотелеграфистов, Николай заглянул к себе.

Оба иллюминатора то и дело уходили в воду, наполняя каюту зеленовато-тусклым подводным светом. Из-под неплотных задраек сбегали водяные струйки и расползались по палубе как змеи. Веденеев поджал «барашки», вставил «броняшку», но прижать крышкой не успел. Переборка вдруг стала дыбом, руки схватили воздух — лейтенант кубарем влетел в койку, треснул деревянный фальшбортик, железный диск «броняшки» плясал в ногах, сыпались с полок книги, пузырьки с тушью, бахнула лопнувшая кинолампа...

«Самое страшное, — мелькнула мысль, — застать гибель корабля в одиночестве». Крен не отходил. Сторожевик валился на борт все круче и круче. «Градусов сорок пять, а то и все полста...» — считал Николай обескровленными губами. В следующую секунду вещи ринулись в обратную сторону, а вместе с ними всевластная сила швырнула и Веденеева, но ему удалось зацепиться за рундук.

«Что стряслось? Пробоина? Столкновение?..»

Наверху по коридору тяжело пробухали чьи-то ботинки. Не дожидаясь очередного навала, Николай выбрался из каюты-ловушки: прямо на него мчался Гуйдо.

— Что случилось?

— Рулевое заклинило, — бросил на бегу матрос. — Приказано перейти на ручное!

Он рванул дверь с красной надписью «В шторм не выходить!» и исчез в белом кусте водяного взрыва. Дверь захлопнулась — заплеснувшая вода лизнула веденеевские ботинки.

Пост ручного управления рулями находился в самой корме — в румпельном отделении. Чтобы туда попасть, надо было пробежать по открытой палубе метров двадцать, обогнуть орудийную башню, отдраить горловину люка и нырнуть прежде, чем семибалльная волна смоет тебя за борт. Поразмыслив с минуту, Веденеев решил, что его комиссарский долг быть сейчас там, где труднее; опустил с тыльной стороны околыша ветровой ремешок, запахнул поплотнее «канадку» и двинулся к двери, за которой скрылся Гуйдо. Море ярилось и пенилось.

Ему удалось довольно легко пробежать на ют, если не считать случая возле башни, когда каблуки предательски скользнули по мокрой перекошенной палубе. Веденеев задраил за собой квад-

ратную горловину люка, набрав полные рукава воды. Гуйдо и матрос Джафаров стояли по разные стороны большого рулевого колеса и дружно налегали то вправо, то влево, стараясь держать стрелку указателя на курсе, а катер — форштевнем против волны.

Здесь, в кормовой оконечности, не качало, а подбрасывало, так что приходилось цепляться за трубопроводы, за кабельные трассы, за контакторные коробки. Винты обнажались и, бешено вращаясь, сотрясали корму с кузнечным грохотом.

— Дай-ка я, — сказал Веденеев Джафарову, и матрос охотно уступил место.

— Осторожнее, товарищ лейтенант, — ухмыльнулся Гуйдо, — зашибить может!

Веденеев пропустил насмешку мимо ушей. Но тут штурвал действительно рвануло из рук так, что чуть не вывихнуло плечи. Это Гуйдо, доказывая справедливость предупреждения, приослабил малость напор, а в перо руля поддало волной. А все-таки приятно было сознавать, что ты перемогаешь океан один на один — без сервоприводов и гидроусилителей, как древние кормчие: веслом и мускулом. Рулевое дело Веденеев немного знал: на учебном судне отстоял не одну вахту. Но разве могли они идти в сравнение с этой?!

— Ну все, Джафар! — кричал Гуйдо сквозь грохот винтов. — Заместитель за тебя вахту стоит. Мешком урюка не отделаешься!

— Урюк нет! — скалил белые зубы Джафаров. — Миндаль есть!

— Годится! — улыбался в ответ Веденеев. В промозглом железе румпельной стало жарко — сбросил «канадку».

Вот уж недаром говорится: одна беда не приходит. Веденеев ощутил вдруг, что топчется в воде, что черпнул в ботинок жидкого льда.

— Джафаров! — крикнул он. — Посмотри, откуда топит!

От таранных ударов волн лопнул шов кормовой обшивки. В щель прорывалась вода, и довольно быстро. Пока доложили на ГКП, пока подоспела аварийная партия, рулевые уже стояли по пояс. Румпельное немедленно обесточили. Стало темно, как в шахте. Аварийщики включили аккумуляторные фонари, и впрямь стало казаться, будто они на дне затопленной шахты.

Ног Веденеев не чувствовал — одеревенели, и он переставлял их, упирался ими, как ходулями. Перед глазами близко-близко мелькало лицо напарника, перекошенное от напряжения.

Вода в румпельном ходила врасхлест, и четверо аварийщиков, мешая друг другу, чертыхаясь, на ощупь конопатили щель куделью. Затычку вышибало, а водоотливную помпу забило старой

ветошью. Корма просела, винты теперь почти не выбрасывало. Но вода подступала под грудь. Хорошо, что документы остались в каюте. Мыслъ о бумагах, при всей своей сиюминутной нелепости, приободрила: все будет хорошо, и документы нам еще пригодятся! Вспомнился командир горноспасательного взвода — сивоусый Горпищенко. Тот в крутых ситуациях приговаривал: «Будь что будет, только пусть нам повезет!» И везло.

Волны перекатывались по палубе, и в румпельном, как в железной бочке, гулко отдавались и водопадные ревы, и грохот какого-то сорванного железа.

Гуйдо, растягивая от напряжения слова, вдруг сказал:

— Батя говорил... Кто в море не бывал... тот богу не маливался...

Веденеев хотел поддеть его насчет бога, но раздумал. В голосе Гуйдо впервые не прозвучало насмешки.

— Петрович! — рявкнул динамик. — Как вы там?

Замполит с трудом дотянулся до переключателя.

— Щель забили. Но держит плохо. Помпа работает вполсилы. Выживем!

— Наверх не выходить! — приказал динамик. — На корме леера пообрывало! Поутихнет, подбросим вам химкомплекты и горячий чай в термосах. Индийский. Из собственных запасов. Как поняли?

— Поняли, чай с лимоном!

— Нормально поняли. Курс прежний — семъдесят пять!

Есть у синоптиков такое понятие — «траектория шторма», то есть путь циклона по морю. Каким бы жирным фломастером ни наносился этот путь на метеокарты, он не в силах прервать волосяной карандашной линии генерального курса корабля. Если подвиг имеет графическое выражение, то оно в этих линиях...

Вода не прибывала и не убывала. Веденеев с тоской прикидывал, во что ему обойдется ледяная ванна: люмбаго, ревматизм, хронический радикулит? Хорошо бы отделаться воспалением легких... Белая постель, шерстяное одеяло и чай с малиной... Огненный красный чай, вобравший в себя сладкую кровь лета — малину. Много-много горячего чая...

Штурвал рвался из окостеневших пальцев. Веденеев уже не вращал деревянное коло, а висел на нем, и если бы не Гуйдо, наверное, свалился бы в воду.

«Колесован штормом на штурвале...» — билась дурацкая мысль.

Джафаров несколько раз пытался сменить лейтенанта, но арктическая купель не для южного человека. Так скрывал Веденеев от себя главную причину упрямства...

Сколько уже длилась эта дьявольская вахта и что там, наверху, — день, ночь, а может, утро? Часы, залитые водой, стояли. Мокрый китель заледенел и теперь хрустел при каждом движении. Аккумуляторы подсели, и фонари не светили, а тлели. Грохотало на все лады — винты, помпа, шторм... Губы Гуйдо шевелились почти беззвучно. Прислушавшись, Веденеев разобрал: «Будет буря, мы поспорим и поборемся мы с ней...»

Видимо, остальных слов Гуйдо не знал и твердил эти строки как заклинание. Николай сумел припомнить лишь первый куплет:

Нелюдимо наше море.
День и ночь шумит оно.
В роковом его просторе
Много бед погребено.

Песня знакома ему была по кинофильму «Семеро смелых» и еще по сборнику «Любимые песни Ильича», что стоял у него на полке. Странно было думать, что и Ленин пел эту песню, казалось, такую современную, такую северофлотскую...

«Будет буря, — повторил замполит, — мы поспорим...»

Крышка люка распахнулась, и в глаза ударил ослепительный квадрат света. Вниз ссыпалась промокшая до нитки смена — шесть человек.

Ухналев не обманул. Чай и в самом деле оказался божественным. Шторм уснул, проснулся голод. Гуйдо вгрызся в запекшийся горб буханки. Наперебой стучали три переносных аварийных насоса...

...Разбойно-удалой посвист сирены. Сторожевик с изломанными леерными стойками, с промятыми крыльями входил в гавань. На ободранных скулах свежо и остро алели звезды. Волны виновато зализывали ссадины.

В ходовой рубке тоненько нудил локатор. Капитан-лейтенант Ухналев, посасывая из растрескавшихся губ кровь, ругался по радиотелефону с оперативным дежурным. Дежурный настырно предлагал выслать буксир. А командир столь же упорно отказывался от позорища.

— Моторы в строю! Управляюсь нормально. Встанем сами... Прием.

Веденеев стоял за его спиной и щурился: море, выблещенное солнцем, резало глаза до слез. Он то и дело подтягивал рукава — китель после купания в румпельном здорово сел. И что поразительно — никаких простуд. Хоть бы раз чихнул!

Дня через три после возвращения на базу провожали увольняемых в запас. Команда, переодетая в первый срок, при белых ремнях, стояла в двухшеренговом строю, а вдоль фронта в новеньких бушлатах, клешах и бескозырках, несмотря на морозец, шагали с «дембельными» портфелями Гуйдо и еще трое старшин. Только раз в жизни выпадает матросу пройти вдоль строя вот так вот: по-адмиральски, пожимая руки и заглядывая в глаза каждому.

Лился из репродукторов марш «Прощание славянки». У Веденеева вдруг запершило в горле.

Гуйдо прощался с «корешами» и, не довольствуясь рукопожатиями, хлопал по плечам так, что шинельное сукно курилось соленой пыльцой. Джафарова и двоих ребят из своего отделения он даже полуобнял, не выпуская портфеля.

Офицер с сине-белой повязкой на рукаве прокричал в мегафон:

— Увольняемым в запас — в автобус!

И со всех причалов, где также стояли экипажные шеренги, побежали к зеленому «пазику» щеголеватые матросы, старшины с широкими «лыками» на погонах.

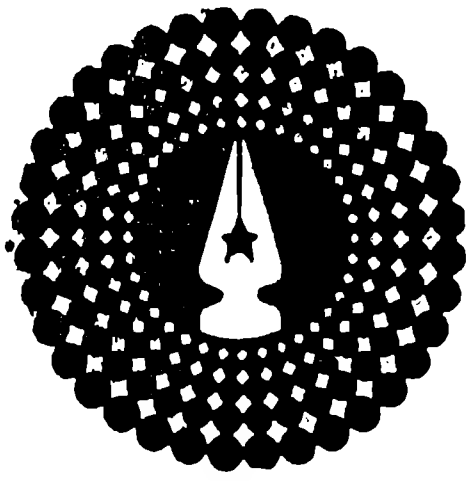
Строй у борта «двадцатьчетверки» уже распустили. Веденеев зашагал к рубленому домику политотдела, но визг снега под башмаками заставил оглянуться. Придерживая бескозырку на лбу, к нему бежал Гуйдо.

— Товарищ лейтенант!.. Товарищ лейтена... Вот тут адресок, — сунул он в руку бумажку. И заулыбался. — Я на Онеге живу. Если занесет... У меня лодка есть. Порыбачим!

Неловко козырнул и побежал обратно. Шофер «пазика» нетерпеливо сигналил.

Краснознаменный Северный флот

●



БЫТЬ ЧЛЕНАМИ СОЮЗА МОЛОДЕЖИ, ЗНАЧИТ ВЕСТИ ДЕЛО ТАК, ЧТОБЫ ОТДАВАТЬ СВОЮ РАБОТУ, СВОИ СИЛЫ НА ОБЩЕЕ ДЕЛО. ВОТ В ЭТОМ СОСТОИТ КОММУНИСТИЧЕСКОЕ ВОСПИТАНИЕ. ТОЛЬКО В ТАКОЙ РАБОТЕ ПРЕВРАЩАЕТСЯ МОЛОДОЙ ЧЕЛОВЕК ИЛИ ДЕВУШКА В НАСТОЯЩЕГО КОММУНИСТА.

В. И. ЛЕНИН

НА ЗЕМЛЕ СИБИРСКОЙ

Николай БЕЛОУС,
электросварщик
нефтегазодобывающего управления
«Стрежевойнефть»

ГОРОД НАШЕЙ ЮНОСТИ

С чего начинается ударная комсомольская стройка? Не знаю, как для других, а для меня она всегда связана с позывными радиостанции «Юность».

Сам я родом из херсонских мест. Комсомольцем стал в Каховке. Работал монтажником, электросварщиком. Потом уехал на строительство Ланджаурской ГЭС, что возводилась в горах Сванетии неподалеку от Кутаиси. После армии вернулся в Каховку. Ах, что это за город — зеленый, красивый, молодой! И очень спортивный. Именно здесь начинал путь к мировым рекордам Валерий Борзов. Я, конечно, не рекордсмен, но спорт люблю, особенно футбол. И в Ланджаури, и в Каховке играл в сборной за свои коллективы.

Хорошо мне жилось в Каховке — завод крупный, благоустроенный, отличное общежитие, кругом асфальт, цветы. Работай и радуйся. Радоваться-то я и правда радовался, но тянуло в неизведанные края, к более трудной, суровой жизни — куда-нибудь в необъятную Сибирь или на Дальний Восток. Кому не известно — именно там открыты крупнейшие запасы нефти и газа, железных руд, угля и других природных богатств, именно туда перемещается энергетический центр страны, именно там сегодня передний край, фронт ударной работы. Поэтому когда однажды услышал я по радио: «Говорит радиостанция «Юность». Передаем новую песню Александры Пахмутовой и Николая Добронравова «Усть-Илим», — я буквально заболел желанием отправиться в этот самый Усть-Илим.

В горкоме ВЛКСМ пошли мне навстречу. Так я попал в Приморский край. В бухте Большой Камень возводилась гидроэлект-

ростанция. Это была моя третья ГЭС, третья комсомольская стройка. Ей я обязан многим, и прежде всего встречей с Тамарой. Тамара приехала в Большой Камень после окончания Горьковского планово-экономического техникума тоже по комсомольской путевке. Стройка сдружила нас, породнила. И кто знает, как сложилась бы наша с Тамарой жизнь дальше — а уезжать из Большого Камня мы не собирались, — если бы не болезнь дочурки-приморочки Наташи. Врачи настоятельно советовали сменить климат. И мы вынужденно отправились в Горький, к Тамариной матери, а затем в мой родной Бериславский район, под Каховку, в село Отрадно-Каменку.

Наташа быстро поправилась, окрепла — смотреть радостно. Нам с Тамарой как молодым специалистам дали не просто квартиру, а домик с приусадебным участком. Вокруг зелень, фруктовые сады. Совхоз крепкий, народ в нем подобрался доверчивый, дружный, трудолюбивый. Работу мне предложили по профессии — электросварщиком в механических мастерских, Тамаре — плановиком в совхозной бухгалтерии. И Наташу без внимания не оставили — стала она ходить в детский садик.

В довершение всего новые друзья-товарищи избрали меня комсоргом. Большое на них впечатление произвел мой рассказ о комсомольских стройках. Расспрашивали, что там да как, удивлялись, радовались, мечтали: вот бы и нам. Отношения у нас сложились самые доверительные. А где доверительные отношения, там и работается хорошо, и живется интересно.

Свою комсомольскую работу в Отрадно-Каменке я начал со спорта. Сам любил погонять в футбол и других к нему приваживал. Тамара, разговаривая с сельчанами, подтрунивала надо мной: «Мой Коля как увидит этот пузырь, так все у него из рук валится. Забывает даже свое имя. В загс из-за футбола опоздал. И сейчас мается — сил много, а девать некуда. Привык к кочевой жизни, его уже не переделаешь...»

Что тут скажешь — действительно привык к кочевой жизни. Не по мне спокойная размеренность. Настрою радиоприемник на волну «Юности», сижу и слушаю репортажи из таежного края, в который «только самолетом можно долететь». И так мне захочется самому в этом крае оказаться — сил нет. В Сибири все иное — просторы, масштабы работ. А в Отрадно-Каменке земля обихожена, поделена на квадраты — туда не пойди, сюда не шагни. Тесно.

А потом мы с Тамарой на первые рабочие сбережения телевизор купили. Смотри сколько хочешь в любое время. Не то что в общежитии.

Однажды включил телевизор, а сам стал «Комсомольскую правду» читать. Потом взялся за «Экономическую газету». Честно говоря, «Экономическую газету» я выписал не без умысла: на последней полосе там обычно печатаются приглашения на работу — как правило, на самые крупные стройки страны. Интересно же. Что ни приглашение — электросварщики на одном из первых мест!

«Нет, — радуюсь, — профессия у меня что надо, самая ходовая и при этом современная. С ней не пропадешь».

И тут внимание мое привлекли документальные кинокадры, которые транслировало Центральное телевидение. Три мощных трактора пытались вытащить из болота четвертый, засевший по

самую кабину. Парни в брезентовых штормовках подкладывали под гусеницы бревна. На голове у каждого шляпа с сеткой от комаров, на ногах резиновые сапоги выше коленей. Рыбаки не рыбаки и пчеловоды не пчеловоды. Диктор пояснил: нефтеразведчики.

Вот оно что. Я отложил «Экономическую газету» и уже не отводил глаз от экрана. Мелькнуло несколько небольших деревянных домиков. Диктор назвал их янтарно-смоляными. Красиво. Затем в кадр попал высокий худощавый мужчина. Одет он был необычно — костюм, ослепительно белая рубашка и все те же болотные сапоги. Мужчина уверенно шагал по дороге, выложенной из бревен, возбужденно с кем-то разговаривал. Фамилия запомнилась своей необычностью — Мержа. Главный инженер нефтепромыслового управления.

Пока шагал по бревенчатой дороге Мержа, диктор успел сообщить, что на севере Томской области открыты новые крупные месторождения нефти. Томские студенты построили здесь первые дома для строителей и нефтяников. Раньше здесь стояла небольшая охотничья деревушка. Так вот, деревушка эта вскоре станет Нефтеградом.

«Вот бы куда махнуть, — подумал я. — Есть где развернуться». И записал адрес: Томская область, Нефтеград, Стрежевой.

Этот адрес долго не давал мне покоя. Наконец я не выдержал и решил разведать, не нужны ли в Нефтеграде сварщики и плановики, уже поработавшие на ударной комсомольской стройке? Тамару раньше времени тревожить не стал. Да и боялся: а если она меня не поймет? Раньше мы отвечали только за себя, теперь отвечаем и за Наташу. А вдруг сибирский климат ей тоже противопоказан? К тому же для любой женщины, даже такой боевой и неприхотливой, как Тамара, с возрастом становится очень важен хотя бы элементарный домашний комфорт, устроенность. Не каждая захочет из хором переселиться в палатку или общежитскую комнатушку...

С письмом в Нефтеград я явно перемудрил. Чтобы подчеркнуть свои самые серьезные намерения, ввернул вопрос: «Можно ли привезти с собой телевизор?» Подумал: если получу утвердительный ответ, легче будет доказывать Тамаре, что на Севере тоже все удобства имеются. Потом запереживал: а вдруг в Нефтеграде посчитают меня хватом — мол, парень собирается в увеселительную поездку, накопил барахла и дрожит над ним.

Прошел месяц — ни ответа, ни привета. Покатился второй. «Все, осечка, — переживаю. — Нужно было опять в Каховский горком ВЛКСМ идти. Они меня знают. Одну комсомольскую путевку я честно отработал. Неужели вторую не дадут?»

Но в Каховку ехать не пришлось: откликнулся все же Нефтеград. Письмо-приглашение получила в мое отсутствие Тамара. Выждала момент и лукаво этак спрашивает:

— Посланий ни от кого не ждешь, Коля?

— Жду, — обрадовался я. — Из Большого Камня. От ребят. Что-то молчали долго.

— А еще?

Тут я и вспомнил про Стрежевой. Лопочу:

— Из Не теграда тоже. А что, откликнулись?

— Откликнулись, — кивнула Тамара и протягивает мне конверт с обратным адресом — Томская область, Александровский

район, поселок Стрежевой, ГПУ «Томскнефть». — Ну чего ж ты застеснялся? Читай, а мы с доченькой послушаем, что там наш непутевый папка затеял. — Сама гладит Наташу по голове.

Читаю. Оказывается, приглашение одному мне адресовано. Мол, в Стрежевом с жильем пока трудно. Упоминания о телевизоре нет. Зато указан самый короткий маршрут: до Тюмени на поезде, оттуда на самолете до Нижневартовска, из Нижневартовска ходят до Стрежевого пароходы и вертолеты. Добро пожаловать!

— Ну вот, доченька, — горестно вздохнула Тамара. — Мало того, что папка тайны от нас за ел, он еще хочет один от нас в Сибирь уехать.

— Ничего я не хочу. Но ведь под лежачий камень вода не течет! Люди город строят, а я тут сид фруктами объедайся...

Нелегкий разговор у нас получился.

— Что в ответе-то написать? — спросил наконец я.

— Что хочешь, то и пиши. Заварил кашу, сам ее и расхлебывай!

Не удержался я, показал письмо из Стрежевого ребятам из мехмастерских. Они на меня с уважением смотрят, с пониманием. Езжай, говорят, Коля, такой ты человек, не ломай себя. Правда, нашлись и скептики. Эти отговаривать стали: Сибирь, мол, морозы, болота, ты свое отъездил и дальше в таком же духе. А нормировщица Зоя в обеденный перерыв за счеты села и давай итожить северные, полевые, премиальные и прочие надбавки, которые оговаривались в условиях приема. Выходило, ни много ни мало, около четырехсот рублей.

Сельчане давай подшучивать:

— Ставка профессора. Куда, Белоус, деньги девать будешь?

— Не забудь, Коля, луком запастись. На Севере с витаминами не очень...

— Когда ждать — через полгода или раньше?

— А Тамару в интернат сдашь или с собой заберешь?

С Тамарой, считал я, вопрос самый сложный, остальное не проблема. Оказалось, наоборот. Дома-то она меня отутюжила для порядка, а на работе заявила: нас с Николаем в Стрежевой зовут. Поедем! Более того, покупателей на мебель и телевизор нашла.

Парторг совхоза наше решение одобрил. Директор тоже. О комсомольской организации и говорить нечего. Помню добрую напутственную речь:

— Жаль расставаться с вами, ребята. Да ведь на хорошее дело едете! Не забывайте нас. Нужна будет помощь, напишите — что сможем, сделаем...

И мы поехали. Наташу временно оставили в Горьком на попечении бабушки. Добирались до Стрежевого трудно, с многочисленными приключениями. В пути встречались нам люди самые разные: романтики и рвачи, летуны и работяги. Иных Север манил рублем, иных возможностью испытать свои силы, а иных просто любопытством...

И вот наконец Нефтеград. Вернее, огромное поле, отвоеванное у тайги и болот. На этом поле желтело десятка два двухэтажек из новенького бруса. Вокруг пирамиды из труб, кирпич, мешки с цементом, валы из выкорчеванных деревьев. Вместо дорог реки грязи. Повсюду ямины, низинки, залитые водой,

чахлый кустарничек. Вместо тротуаров деревянные настилы или коробки с опилками, в которые укрыты трубы водяного отопления.

К чему это я вам рассказываю? Да к тому, что таких, как мы с Тамарой, в Сибирь поехало в те годы много. Значит, и разговор идет не о нас с Тамарой, а о нашем поколении — о молодых строителях индустриальной Сибири.

Шел 1968 год. Нам с Тамарой объяснили: первожители поселка ютились в палатках на берегу Пасола. Теперь иное время — появилось благоустроенное жилье. Пусть мало и не для всех, но это уже кое-что. Все познается в сравнении. Не нужно делать скороспелых выводов, лучше осмотреться, привыкнуть, понять.

В конторе нефтепромыслового управления «Томскнефть» на вопрос: «Кто вам нужен?» — я неожиданно для самого себя ответил: «Мержа!»

И вот я в кабинете главного инженера (позже он стал начальником управления, а сейчас генеральный директор объединения «Томскнефть»). Здесь, как и в коридоре, густо пахло масляной краской. Увидев меня, главный инженер Мержа поднялся навстречу. Глаза у него усталые, но веселые. Русоволос, лицо, как и у большинства русоволосых людей, в чуть заметных конопушках.

«Ну и мотыль! — еще раз поразился я. — Головой потолок чертит».

— Вот, Николай Филиппович, пополнение прибыло, — представили ему меня. — Желает поговорить лично с вами.

— Слушаю, — оглядел меня Мержа.

И начал я ему рассказывать про телевизионную передачу, про письмо, потом понял, что отрываю у занятого человека время, осекся и выложил на стол целлофановый мешочек с документами.

Николай Филиппович терпеливо просмотрел их, спросил:

— На промысел пойдешь работать, Николай Петрович?

— Конечно, пойду.

— Тогда вот тебе записка. К начальнику промысла. Пусть определит в бригаду мастера по ремонту скважин Сапеги. Короче, к Андреичу. А сейчас ступай-ка в отдел кадров, оформляйся, получай спецодежду. Насчет жены я позвоню в СУ-15, попробую договориться. С жильем у вас как?

— Пусто.

— Плохо дело. Самый больной вопрос. Живем в балка́х, в вагончиках. Домов мало. Есть у нас тут гостиница в деревенском домишке на пятнадцать коек. Общий зал. На первые дни поселитесь в ней. Потом походите, поспрашивайте, может, кто из местных жителей возьмет на квартиру. Там многие наши работники устроились... А вообще-то работа у нас вахтовая. В понедельник вертолет завозит на промысел, в пятницу или субботу — назад, в Стрежевой. Если погода нелетная, идет катер или баржа-самоходка. На промысле с жильем нормально: вагончики-общежития. Устраивает?

— Самое то.

— Ну вот и договорились.

Я знал, что в Нефтеграде встречать нас с Тамарой оркестром не будут, митинговать тоже, а потому простота и деловитость

приема мне понравились. Сразу видно: люди делом заняты, им не до пряничных разговоров.

— Ну как? — подошла ко мне в коридоре Тамара.

— Все в порядке. Вещи давай оставим здесь, под лестницей, кто их возьмет? А сами в СУ-15 тебя устраивать. Я уже принят.

И мы отправились искать нужное строительное управление.

— Смотри, Коля, — вглядываясь в лица встречных людей, сказала Тамара. — А город-то уже сейчас молодежный. Все в основном нашего возраста или моложе.

— А ты как думала?

Помню, у разбитой машинами дороги (сейчас это площадь у кинотеатра «Орленок») «голосовала» юная мамаша с двумя малышами на руках. На ней забрызганная раствором спецовка, на ногах большущие болотники. А сама крепенькая, веселая. Видимо, зашла после работы в детский садик за ребятишками. С коляской по ухабинам Стрежевой не осилить, поэтому приспособилась добираться домой на попутных. Чем «Урал» или КрАЗ не детская коляска?

С шумом притормозила возле женщины «Татра», водитель распахнул дверцу, малыши с готовностью потянулись ему навстречу. Через минуту «молодежный экипаж» двинулся дальше.

— Ничего, — сказал я бодро. — Скоро Наташу привезем. Все образуется.

— Ты сначала с жильем определись, — усмехнулась Тамара. — А то у тебя все слишком просто выходит.

— Я не говорю — просто, я говорю — нормально.

На следующий день, получив в отделе кадров «бегунок» для прохождения медицинской комиссии, я несколько приуныл. Еще бы, в списке значилось шесть или семь специалистов, которые должны были решить, могу ли я работать на промысле или нет. Делать нечего, занял длинную очередь — не меньше, чем в баню, которую посетил накануне. Томлюсь без дела. Прислушиваюсь к разговорам.

Из каких только мест не приехали ребята — из Татарии и Молдавии, из Эстонии и Грузии, из Белоруссии и Узбекистана, об Украине и Российской Федерации и говорить нечего. Все больше крепкие, плечистые. Одни о спорте спорят, другие знакомятся, третьи разговор о живописи завели. Оказывается, приехал в Стрежевой томский художник Попов Василий Федорович, в местной школе должна открыться выставка его работ.

Тут я вовсе повеселел: Нефтеград только на первый взгляд кажется неустроенным, на самом деле и школа в нем уже есть, и детский сад, и больница, и даже художественная выставка готовится.

Пока я предавался приятным размышлениям, ребята, вместе со мной пришедшие на медкомиссию, решили бумажную процедуру сократить.

— Подходи по одному, — предложил самый догадливый. — Я сам «бегунки» вмиг подпишу. Подумаешь, очередь создали. Добро бы за хлебом, а то за здоровьем. Вон оно, у каждого на фотокарточке написано. Без обмана...

Мы посмотрели на него, потом друг на друга и давай в справках вычеркивать: «Годен. Здоров. Годен. Здоров...»

Но в отделе кадров управления нашу подтасовку сразу обнаружили.

Покачал кадровик головой, осмотрел меня осуждающе:

— Эх ты, комсомолец-доброволец. Художник. Твое счастье, что нам срочно сварщик на промысел нужен. Ладно, смотри не ври больше. Вот тебе квиток — иди в пожарную часть. На инструктаж. С нефтью и газом дело придется иметь. Эта подпись поважней прочих будет...

Утром, проводив Тамару на работу, заспешил я по шатким мосткам к вертолетной площадке. На несколько минут задержался у дома с табличкой: «Первый дом будущего города Стрежевой заложен 23 июля 1966 года студенческим строительным отрядом «Нефтяник» г. Томска».

Молодцы, студенты! Вы заложили первый дом, мы добудем большую нефть... Беда только, не знал я в ту пору, как добывается большая нефть. Да и живой нефти ни разу не видел.

У вертолетной площадки я спросил наугад:

— Мужики, как найти начальника промысла?

— А, дважды Коля, — повернулся ко мне симпатичный чернявый парень. — Сейчас подойдет. Новенький?

— Старенький.

Парень был чуть повыше меня ростом. Из-под шапки, как пена, выпирали кудрявые волосы.

— Кем устроился? — не обратил он внимания на мой ответ.

— Сварщиком.

— Рядом работать будем. Папка меня Николаем назвал. Фамилия Батрукеев. Если фамилию забудешь, спроси у ребят: кто, мол, у вас тут русский татарин? Сразу скажут. А тебя как зовут?

— Тоже Николай.

— Смотри ты, одни Николаи. Вон начальник промысла идет. Николай. Да еще Николаевич. У меня напарник есть — Коля Атясов. Гузик тоже Николай. Ты с ними потом познакомишься. Помбуром работает... Считать всех — пальцев не хватит... Ладно, жми к дважды Коле. Он тебя ко мне же и прицепит. Успеем еще, наговоримся.

Я пошел представляться начальнику промысла, невысокому, не в меру полному человеку. У всех за плечами походные вещмешки, а у него в руке большой, даже на вид скрипучий портфель.

Пробежав глазами мое направление, дважды Коля распорядился:

— Сапего на промысле. Полетишь с Батрукеевым. Он тебя проинструктирует, как садиться в вертолет.

— Ну, что я говорил? — засмеялся Батрукеев и посмотрел вслед дважды Коле. — Что я ему, инженер по технике безопасности? Блажь это. Если вертолет в болото шлепнется, никакой инструктаж не поможет... Ладно, слушай. Порядок есть порядок. Как к кобыле подходить, знаешь?

— Ясное дело, сбоку.

— Правильно. Ни к кобыле, ни к вертолету сзади подходить нельзя. Там винт крутится. Рубанет по башке — и не на чем будет шапку носить. Уяснил? Верю на слово. Без расписки.

Сделав круг над болотом, пошел на посадку краснобокий вертолет. Все вокруг наполнилось гулом. Наклонившись ко мне, Батрукеев прокричал:

— Четверка заходит. Ми-4. За мной пойдешь.

Наклонившись вперед, с трудом удерживаясь на ногах, я натянул кепку на глаза и, глядя в спину Батрукеева, заспешил к вертолету. Пересчитав нас, бортмеханик захлопнул дверь, полез по лесенке куда-то наверх, в кабину.

Я впервые летел на вертолете. Все было ново, интересно. Я жадно глядел вниз, на зеленую тайгу, испятнанную мутными зеркальцами озер. Проплыли внизу огромные серебристые цистерны на берегу Пасола, остались позади большие нефтеналивные танкеры, баржи с гравием, кирпичом, трубами. Впереди, бледный в лучах восходящего солнца, заалел нефтяной факел. Дальше — еще один.

Батрукеев, словно почувствовав мое удивление и восхищение необозримыми просторами, прокричал:

— Гляди, Николай, лебеди!

И правда, на одном из озер белыми лодочками плавали диковинные птицы. Вот уж где не ожидал их увидеть — на Севере.

Минут через двадцать вертолет сделал посадку. Согнувшись вдвое, придерживая кепки, чтобы не сдуло, мы заторопились прочь.

— Считай, прибыли, — подождав, когда утихнет гул «вертушки», объявил Батрукеев. — Это и есть ударный край нашего времени!

— А где нефть? — не утерпел я.

— Успеешь еще, насмотришься. Искупаешься, нанюхаешься тоже. Причем безо всякой очереди.

Мы подошли к вагончикам, поставленным на самом берегу реки.

— Те два, что стоят отдельно, — сказал Батрукеев, — Сапегины. Дальше ихние склады. Зажиточно живут. И тебя в свою веру обратят, вот увидишь... Кажись, Гузик идет. Легок на помине. Я тебе про него говорил: наш брат — Николай. Тоже у Андреича трудится. Баламут страшный. С ним ухо востро держи. Откусит. У них все такие. Хорошие ребята, хлесткие. Работают как звери. Опять же рыбаки, охотники.

Подошел веснушчатый парень, лицо живое, только вот весь лоб в морщинах. Наверно, думает много.

— Здорово, Коляха!

— Здоров, Николай. Знакомься. Это сварщик в вашу бригаду. И тебе и мне тезка.

— Годится. Ну, пошли, что ли, друг.

— Ага.

Батрукеев зашагал дальше, а мы с Гузиком свернули в ольшаник и черемушник к вагончикам бригады. Покрашены они были в разный цвет — зеленый и серебристый. Рядом сушилась большая рыбацкая сеть.

— Это наш цех! — повел рукой Гузик. — Будущий, конечно. Пока одно название имеется — ЦПКРС. Расшифровывается так: цех подземного и капитального ремонта скважин.

— Это что же, вы под землю лазите скважины ремонтировать?

— Не мы сами. Трубы опускаем, приспособления разные... Зубы у тебя когда-нибудь болели?

— Было дело.

— Ну вот, здесь то же самое. Скажем, получилась где-то в колонне труб неисправность. Что делать? Пломбируем место

повреждения. Понимай: закачиваем туда раствор, делаем цементную пробку. Когда цемент камнем станет, разбурим. И опять скважина целая, в работе. А вообще, чего только мы не делаем: насосы ставим, чтобы помочь качать нефть, когда она под своим давлением уже плохо идет, глушим скважины, промываем пробки, вынимаем из забоя упавшее оборудование. Всего не перечислишь. Поработаешь, сам поймешь. Главное, чтобы скважины исправно нефть давали. На этом весь Север держится.

Мы вошли в зеленый вагончик. Обстановка подходящая: восемь кроватей в два яруса. Над каждой натянута марля.

— А это зачем? — полюбопытствовал я.

— Пологá. Без них комар обгложет и косточек не оставит. Неужели не почувствовал, какой у нас тут комар?

Ну, конечно, я почувствовал. Метлой можно из вагончика выметать. На природе чуть полегче, особенно на ветерке.

— Каждый вечер, — сообщил Гузик, — облаву на них устраиваем. Все равно щель найдут. А бывает, какой-нибудь шутник ночью, когда идет на улицу, поднимет пологá. Тут уж до утра играем в ладушки. Смотри не будь вороной. Здесь не детский сад... Полюбовался? Тогда айда в столовку. Сейчас должны наши подъехать.

Столовая разместилась в двух вагончиках — в одном кухня, в другом обеденный зал.

— Анечка, — явно рисуясь, крикнул Гузик в раздаточное окно. — Два полных! Черпни там со дна пожиже. Чтобы дольше помнилось!

Черноглазая дивчина и правда заскребла черпаком по дну:

— Извиняйте, ребята, хлеба нет. Сухари на замен возьмете?

— Возьмем! — Гузик сыпанул в мою тарелку горсть сухарей, потом в свою. — Еще даже лучше. Они питательные!

Пока мы хлебали суп, вернулась бригада Сапеги — моя будущая бригада. Тяжелые, пропитанные темно-коричневыми пятнами нефти робы ребята сбросили у зеленого вагончика, долго мыли руки с песочком, а уже потом с мылом. Отфыркивались как моржи.

— А это что, к нам в бригаду? — поинтересовался мимоходом самый высокий из прибывших, увидев на пороге столовой нас с Гузиком. Помбур или бурильщик?

— Сварщик.

— Вступительные привез?

— Ладно, чего привязался? — встал на мою защиту Гузик. — Человек еще не устроился как следует. Если невтерпеж, «Дэты» хлебни. Полегчает.

— Один хлебнул, — засмеялся тот. — Потом пену пускал. Как огнетушитель.

— И тебе захотелось?

— Не, я спокойный. Шучу. — И с этими словами высокий протянул мне сильную жесткую ладонь: — Вовка Савченко.

Только теперь я заметил, что у Савченко большой орлиный нос.

Подошли и другие капремонтники.

— Витя Целовальников...

— Иван Капчикаев...

— Дети есть?

— Есть. Дочка. У бабки осталась.

— У меня тоже, — посочувствовал Целовальников. — Сын. И у Савченко. А Гузик своих пацанов сюда припер. Не побоялся.

Парни мне понравились — добродушные, свойские. Под стать мастеру своему, Георгию Андреевичу Сапего.

На вид Андреичу лет сорок пять, не больше. Ходит чуть враскачку, словно тянет клеш. Под курткой тельняшка. Сразу видно — бывший моряк. Распорядился:

— Свистать всех наверх!

Это значит: шагайте, хлопцы, в столовую. И мне:

— Рыбу сетями таскал?

— Случалось.

— Вечером увидим. Тут рядом карасиное озерко. Пойдем всей бригадой. Заодно родословную расскажешь — кто такой, откуда. А завтра проверим, какой ты сварщик.

Порядок в бригаде у Андреича, я сразу заметил, флотский. Сам он морскими словечками так и чешет. Ребята не отстают. Мостики между вагончиками у них — палуба. Веревка, на которой сушатся портянки, — шкимка. Столовая — камбуз. Мастерский вагончик — кают-компания...

Так вот и началась моя первая вахта. Экзамен, который устроил мне на следующий день Сапего, я выдержал. Правда, экзамен оказался немного не по специальности: нужно было таскать трубы, мешки с солью и цементом, бревна и доски. Умотался как надо. К вечеру едва ноги волочил.

— Вот это сварка, — подтрунивали надо мной ребята. — Вот это класс!

То же самое завтра и послезавтра. Постепенно я стал понимать, что делается на месторождении, чем конкретно занимается нарождающийся ЦПКРС. Привык к тому, что каждый в бригаде делает не только то, что ему положено по квалификации, но и то, что необходимо в этот момент промыслу. Обстановка здесь боевая, меняется она постоянно, и нужно быть готовым к любой работе.

В те дни своего сварочного агрегата в бригаде Андреича не было. Поэтому, когда наконец дошло дело до сварочных работ, я пошел к Батрукееву. Коляха работал в паре с Николаем Атясовым. Агрегат свой он отдал мне без разговоров, спросил:

— Ну как, тезка, обжился?

— Вполне. Здесь у вас не цех, а загородная дача. Река рядом. Рыбалка — ай да ну!.. Трава выше головы. Воздух на хлеб намазывать можно. Если бы не комары, рай, да и только.

— Что верно, то верно. Работа у нас курортная: устал — отдохнул. Вечером в баньку сбегаем, а?

Банька на промысле отличная, в другом месте такую днем с огнем не сыщешь. На 318-й скважине день и ночь хлещет из трубы подземная вода с глубины в тысячу семьсот метров. Капитальщики приспособились закачивать ее в нужные пласты для поддержания пластового давления. Горячая, соленая. По-моему, лечебная. Геологи называют ее сеноманской, или сеноманом.

Промысловики — народ дошлый, подтащили к трубе здоровущий резервуар, наполнили сеноманом. Купайся в свое удовольствие. Не Север, а Черноморское побережье Кавказа. Усталость как рукой снимает. Жаль только, мыло в сеномане не

дает пены. Зато можно тереть друг друга дерюжкой вместо мочалки. До красноты. Но если какой-нибудь ухарь в шутку завяжет узлом штаны или куртку, сначала хорошенько прополоскав их в сеномане, не развяжешь. А шутники находились, с избытком даже...

Забегая вперед, скажу, что зимой, когда баня на промысле была закрыта на ремонт, мы с Батрукеевым по-прежнему плескались в бассейне. Правда, пришлось подогнать к 318-й будку на санях. Натопишь в ней печку, разденешься и айда в парную. Потом прыгнешь в снег, покатаешься, взбодришься и опять в сеноман. В будке после всего просыхаешь, пьешь чай, беседуешь на разные интересующие тебя темы. Жаль, через год смыло нашу будку половодьем...

Народ на промысле молодой. Молодое и руководство. Особым уважением пользовался старший геолог Владимир Мангазеев, выпускник Томского политехнического института. Комсорг промысла Миша Худобец тоже оказался душа-человек. Строго следил за тем, чтобы не нарушался «сухой закон». «Молнии», стенные газеты выпускал постоянно. Если у кого-то день рождения или другое радостное событие, Худобец обязательно найдет возможность оповестить об этом всех, поздравить, отметить красочным плакатом. Умеет он с каждым поговорить, каждого понять и привлечь к общественной работе.

Рация на промысле работала отвратительно, но Миша умудрялся, несмотря на это, постоянно быть в курсе последних событий на месторождении. И свежие газеты всегда при себе имел. Выдастся свободная минутка, он уже политинформацию проводит.

Ясное дело, мы и сами не ждали, когда нам калач в рот засунут. Работали с полной выкладкой, со временем не считались. Все нам было интересно, до всего было дело. Как только свободная минута выдастся, в волейбол режемся, победителям — кастрюля киселя. Или «за жизнь» разговариваем.

Накануне Дня работников нефтяной и газовой промышленности, первого в моей жизни, мы с Николаем Гузиком получили свой сварочный агрегат — бригадный. И началась работа по квалификации — изготовляли разного рода оборудование и приспособления для ремонтников Андреича.

С вахты я возвращался усталый, но радостный. Рассказывал Тамаре свои новости, она мне свои. Вместе ходили на Пасол к дизельной буровиков стирать белье. Вода для охлаждения дизеля нагревается — чем не прачечная? А прополаскивали белье в карьере с чистой, отстоявшейся до голубизны водой. Заодно и сами прополощемся.

Из гостиницы, похожей на казарму, мы по совету Николая Филипповича Мержи переселились к местным старожилам, к Харчевниковым. Чудо люди: добрые, дружные, заботливые. Привязались к ним, как к родным. Хозяин, Поликарп Прокофьевич, а попросту дядя Поля, — рыбак, охотник, лесник, скотник, словом, мастер на все руки. Фронтовик. С ним даже помолчать — удовольствие. Хозяйка, Прасковья Григорьевна, тетя Пана, под стать мужу — хлопотунья, работница каких поискать. Трое детей у Харчевниковых, да вот беда, разъехались кто куда. И стали мы им вроде как родные.

Тетя Пана предупредила:

— Одного не люблю — пьянки. Жил у меня один выпивала, так я живо его наладила. И вас налажу, если что.

Так вот мы и зацепились в Стрежевом. Осваиваться начали.

Быстро отгуляло лето, зарядили дожди, надвинулись холода. Зима выдалась лютая, даже по сибирским меркам. И превратилась загородная дача в холодильник. Без привычки в нем ай да ну!

Вот тогда мы и решили с Андреичем сдвинуть вагончики бригады, сварить в одном из них печь, котел и наладить водяное отопление. За неделю управились с этой работой. Я внес рацпредложение: чтобы не возиться с дровами, установить повыше бак с соляром. Соляр по медной трубке будет стекать в печь. Вот вам и самогрейка.

Сказано — сделано, смонтировали самогрейку. Сапего мне даже сорок рублей премиальных за рацпредложение выписал. Поначалу, пока сильных морозов не было, самогрейка работала исправно, а потом ерундить начала. Каждый вечер я возле нее бегаю, лицо и руки грязные от копоти, продуваю трубку или прогреваю факелом. Соляр сначала бежит исправно и вдруг пересох. Ну что ты будешь делать? Не пойму, что с ним.

Ребята ругаются, особенно машинист подъемника, веселый парень.

— Слышь, Едисон (это он специально «е» вместо «э» вкручивает)! Если ты будешь так топить, однажды нас вынесут из вагончика...

Володя Савченко грудью встает на мою защиту:

— Ты бы поменьше болтал, лучше завези арктическую солярку. Не видишь, что ли, летняя перемерзает?

Вот оно что: оказывается, обычную солярку зимой лопатами можно грузить, а нужна специальная, арктическая. Учтем на будущее...

Много кое-чего мне и моим напарникам пришлось еще учесть, много наделать ошибок. Но, как говорится, на ошибках учимся.

Каждое утро мы с Николаем Гузиком долго мучились, прежде чем нам удавалось завести сварочный аппарат. Ох и надоело крутить кривой стартер! В обычные дни это физзарядка, не более. В морозы — мучение. Набили на ладонях мозоли. Взопреем, измочалимся, сбросим полушубки. Чих-пых, чих-пых. Посопит и опять заглохнет. Зато мускулы накачали, пообвыкли на морозе не кутаться. Подумаешь, курощуп. Сибиряка таким не удивишь.

Так и маялись, пока не догадались обзавестись паяльной лампой. Да не заводской, а собственной конструкции, с поправкой на северные условия.

По неопытности и спецодежду я подобрал неправильно. Приглянулись мне валенки черные, мягкие, 28-го размера. Как раз впору, на ноге сидят ловко, по-городскому. Через неделю, после частых просушек, не могу их даже нáбосо натянуть. Спасибо Андреичу, разыскал где-то на складе серые, чуть побольше. Выбирать не приходится — другие разобрали. Хорошо, хоть на один носок новые надевать можно.

Только в феврале в виде поощрения за хорошую рабогу получил валенки 33-го размера, подшил транспортерной лентой, чтобы не промокали, и начал «новую жизнь». С тех пор спецодежду не по красоте выбираю, а по практичности, с запасом.

Зимой на вахту добирались на крытых брезентом «Уралах». Дорога долгая, трудная. Не работа, а сплошная езда. Предложи сейчас кому-нибудь покататься в «большой кабине», посмотрят как на ненормального — к «Икарусам» привыкли, к «пазикам». А тогда «Уралы» верхом комфорта казались. Набросаем сена, чтобы мягче ехать было, и айда. Мороз под сорок, а то и под пятьдесят.

Зимой мы наконец получили собственное жилье. Представьте себе наскоро сбитое деревянное общежитие. Трубы водяного отопления в нем перемерзли еще осенью. Жильцы обогревались самодельными электропечками. От этого пробки часто перегорали. Света не было.

Нам с Тамарой досталась комнатушка охотника, в которой он жил вместе с собаками. В холода охотник отдирал доски со стен, чтобы протопить печь. Пришлось начинать оседлую жизнь с капитального ремонта. Хорошо, помогли ребята — Гузик и Батрукеев, Савченко и другие. Вместе мы сколотили из досок кровать, сварили «буржуйку», убрали сор. Как и на промысле, оборудовал я самогрейку. Солярку залил в баллон из-под огнетушителя, приварил трубку с краником, приспособил резиновый шланг. Через десять-пятнадцать минут в комнате тепло, как в бане.

Отметили новоселье. Все честь по чести.

Вскоре после новоселья нагрянула в общежитие комиссия. И к нам с Тамарой наведалась. Знакомые все люди — один из санэпидстанции, другой из пожарной части, третий — представитель профсоюза. Похвалили:

— Чисто у вас. Молодцы. И противопожарная безопасность на высоте. Единственная комната, где имеется огнетушитель!

Что было, то было: слов из песни не выбросишь. Всесоюзная ударная комсомольская стройка еще только-только начиналась. И дисциплина и традиции складывались постепенно, причем в труднейших условиях. Многого не хватало. Не все хлопцы и девчата выдержали выпавшие на нашу долю испытания. Зато те, кто выдержал, стали настоящими северянами, настоящими сибиряками.

Через год мы с Тамарой переселились в комфортабельный таллинский вагончик — с газовой плитой, с водяным отоплением. Жизнь наладилась, вошла в колею.

Помню, поехали мы в отпуск на Украину. Товарищи из Отрадно-Каменки, из Каховки, из Берислава, встречая нас, восхищались:

— Ты дывысь. А Белоусам Сибирь на пользу пишла. Казалы, що в Сибири жить нылызя. А воны жывуть и красывеют. Вертаться не думаете?

— Зачем? Нам и так хорошо. От добра добра не ищут.

В тот год мы окончательно стали сибиряками — перевезли в Стрежевой Наташу. А потом родился Андрей.

Нефтеград рос буквально на глазах. Появились не только новые дома, но и новые улицы. Вернешься с промысла и глазам не веришь — еще на этаж дом по соседству вырос. Еще один магазин открылся. Еще одна школа, еще один детский сад...

Пришла пора Андрея в детский сад определять. Собираюсь утром на работу, он рядом сопит, тоже к рабочему дню готовится. Потопали.

На улице темно, окна вокруг, как звездочки, светятся. Людно уже. Кто на вахту, кто на стройку. Я то и дело встречаю однобригадников или просто хорошо знакомых людей. Чаще всего бригадира каменщиков из комсомольско-молодежного управления номер один Николая Хоменко (он стал одним из первых лауреатов премии Ленинского комсомола в Нефтеграде). С Хоменко мне по пути — он ведет в детский сад свою дочь Оксану. Разговариваем.

— Вчера по радио слыхал: наш Стрежевой одно из первых мест по рождаемости в Союзе держит.

— А что, очень даже возможно.

— Стройте больше, рождаемость еще подскочит.

— Мы и строим.

У ребятишек свой разговор. Оксану и Андрюшу догоняют Оксана Саромуд и Миша Шалин. Одеты празднично, с иголочки.

— Кто на свете самый сильный? — спрашивает Миша.

— Слон, — говорит Андрей.

— Лев, — щебечет Оксана Хоменко.

— Надо подумать, — хмурится Оксана Саромуд.

— Мой папка! — победно возвещает Миша Шалин. — Вот кто!

— Нет мой, он нефть из-под земли достает!

— А мой зато дома строит! И для вас построит!

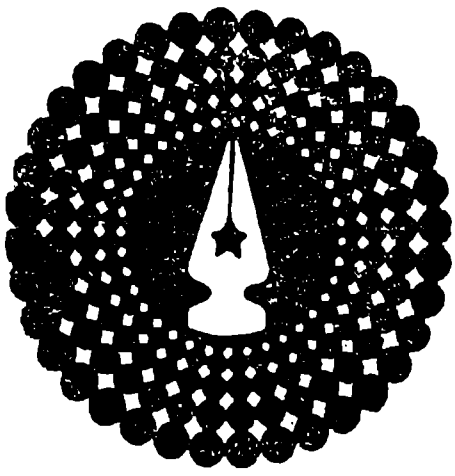
Оксана Хоменко оказалась права: ее папа построил для нас замечательный девятиэтажный дом. В этом доме мы получили просторную трехкомнатную квартиру. Чуть раньше отметил новоселье Николай Гузик. Это событие мы отметили особенно торжественно — всей бригадой. Пришли сразу два гармониста — Николай Батрукеев и каменщик Владимир Шатолин. Отплясывали допоздна. Радость, задор, нерастраченные силы всех так и распирали. Я не утерпел, решил подшутить над ребятами: переворошил в коридоре всю обувь. Многие так и ушли в разных ботинках или в разных сапогах. А я и вовсе остался без обуви — не шути.

Но без доброй шутки на Севере никак нельзя, это каждый знает. Она помогает одолевать трудности, скрашивает будни.

Каждый из нас освоил немало смежных профессий. На Севере иначе нельзя. Наша комсомольская стройка недаром называется ударной. Ударная — это значит боевая, активная, по-настоящему молодежная. Неважно, что многие из нас, первостроителей, вышли из комсомольского возраста, важно, что Стрежевой по-прежнему молод, что на груди его, как прежде, блестит и не тускнеет комсомольский значок...

●

Юлий ФАЛАТОВ



ВСТРЕЧАЮЩАЯ ЗАРЮ

Труд пастуха — один из древнейших на земле. Но встречаются люди, которые считают его слишком простым: мол, мудреное ли дело — перегонять с одной лужайки на другую коров или овец? Такое суждение неверно. Быть пастухом непросто. На твоем попечении находится самое ценное, что есть у сельского жителя. Поэтому пастух испокон веков почитаемая фигура в деревне. Он — хранитель стада, знаток природы, по приметам может предсказать погоду, по травам и солнцу определить время, поэт в душе, а то и в жизни. Профессия пастуха, чабана так же почетна на селе, как и механизатора, полевода, строителя, агронома, врача, учителя...

Бальжиним Мажиевич развернул на столе карту колхозных владений. Жирными красными точками на ней отмечены чабанские стоянки. Их около шестидесяти.

— Отара Бальжит Сагаевны находится вот здесь. — Председатель правления колхоза имени Кирова показал на точку, обведенную синим карандашом. — Жаль, что не могу с вами поехать — в район вызывают.

По дороге я думал, что сейчас встречу женщину с морщинами на лице, укутанную шерстяным платком. А на крыльцо чабанского домика вышла девушка с худенькой гибкой фигурой, в джинсовых брюках, свитере, пригласила в дом.

Вскоре на столе появились фарфоровые чашки, полная сахарница разных конфет, молоко и национальное бурятское блюдо — позы.

— Угощайтесь, — предложила хозяйка и принялась разливать крепкий, ароматный чай. — Гостю самую большую чашку, — весело сказала она. — Таков у нас обычай.

В комнату вошла девушка, как две капли воды похожая на Бальжит. Такие же густые брови, большие карие глаза, коротко подстриженные иссиня-черные волосы.

— Младшая сестра Цыцыгма, — представила хозяйка, — кончила десять классов и ко мне в помощники...

Так же стала чабаном и Бальжит. 1974 год. Выпускной класс Хара-Шибирской школы встречал рассвет. Тридцать юношей и девушек, нарядные, счастливые, поднялись на высокий курган в километре от села. Здесь свежо, воздух прозрачен и гулок. Видно далеко окрест. Вот густой седоватый туман поднимается над вертлявой речкой Хара-Шибиркой, белеет здание школы-десятилетки, которую они покидают с грустью и надеждой, вот Дом культуры, где занимались в художественных кружках, учились

познавать прекрасное, чуть поодаль широко раскинулся больничный городок, обсаженный стройными тополями.

— Жалко покидать родные места, — вздохнула Долгор, подруга Бальжит, и взяла ее за руку.

— А я и не думаю.

— Как? А медицинский?

— В колхозе чабанить стану.

Это решение созрело не сразу. Возможно, оно возникло тогда, когда ее, десятилетнюю девочку, мать оставила в степи, а сама поехала в окружной центр на совещание передовиков и вернулась оттуда с ценным подарком. Бальжит тогда поняла, что чабанский труд на селе уважают. А может, когда к ним, восьмиклассникам, пришел на урок председатель колхоза Бальжиним Мажиевич Мажиев. Он уроженец здешних мест.

Пятьдесят лет назад на месте современного поселка стояло с десяток юрт. Хозяйство не ахти какое — шестьсот овец, 350 коров и... девять гектаров пашни. Место это называлось «Тасархай» — что в переводе значит: «отрезанное от внешнего мира». Если ехать из районного центра Могойтуя, то издалека видна длинная, изогнутая подковой гряда голых сопок. Они разбросаны почти на равном расстоянии друг от друга и как бы отгораживают часть степи. Бурятская легенда гласит, что очень давно, когда не было еще на свете людей, разразилась страшная гроза: ослепительно сверкала молния, гремел беспрерывно гром. Вдруг с неба неожиданно упал дракон. Он вновь хотел взлететь за облака, но, как ни извивался, как ни напрягал силы, ничего у него не получилось. Наконец чудовище испустило дух и навечно застыло вот так, полукруглой седлообразной лентой.

Долго эта легенда отпугивала бурят от Хара-Шибирской пади, никому не хотелось задерживаться в этом, как казалось всем, неуютном месте, на которое наложил свою зловещую печать таинственный и страшный дракон. В тридцатых годах этот заброшенный угол облюбовала группа аратов-пастухов во главе с неутомимым комсомольцем Бальжинимом для коллективного хозяйства. Немало воды утекло с тех пор, колхоз по-богатырски расправил плечи. Сейчас его владения располагаются почти на пятидесяти двух тысячах гектаров. В степи пасется около ста тысяч овец, сотни коров, лошадей. Бессменный руководитель правления поседел, имеет звание Героя Социалистического Труда, четыре созыва подряд избирался депутатом Верховного Совета СССР.

Беседа со столь уважаемым человеком, бесспорно, оставила глубокий след в душе восьмиклассницы. Вскоре открылся колхозный музей на центральной усадьбе. Здесь Бальжит узнала историю родного села. Вглядываясь в портреты основателей колхоза, написанные художниками из Ленинграда, она старалась понять, в чем их сила любви к земле: ведь нелегким было становление колхоза, тяжела была и ноша войны. А люди сохранили оптимизм. Спросила об этом у матери. Дулма Гасановна, много повидавшая и немало пережившая, проведшая сорок лет с отарой в степи, ответила: «Кому, дочка, труд в радость, того и беда не берет». Слова матери заставили задуматься: «Труд в радость... Значит, надо выбрать такую профессию, которая была бы желанной».

Бальжит любит свои бескрайние степи. Сказочно красивы они

бывают ранней весной — не степи, а разноцветный ковер. Как только пригреет солнце, появляется ургуй — подснежник. От него степь становится синей. Синее небо, синяя земля, а где-то в вышине висит на ниточке жаворонок. У подножья увалов выбросят листочки белоствольные березки, а над ними, широко раскинув узловатые ветки, возвышаются кряжистые сосны. Отовсюду доносится птичий галдеж. В поднебесье парит орел, высматривая добычу, где-то в увалах затаилась лисица, готовая ринуться на зазевавшегося зайчишку. Осенью степь в буквальном смысле слова золотая. Где еще найдешь такую красоту? Да и зачем ее искать, когда ты здесь родился, сделал свой первый шаг.

Когда Бальжит объявила матери о своем намерении стать чабаном, Дулма Гасановна сказала: «А я и не сомневалась, дочка, что тебе передам отару». Она видела, с каким старанием старшая дочь ухаживает за животными, поит, кормит больных ягнят, и исподволь готовила себе смену. Дулма Гасановна часто брала девочку в степь, учила, как по травам узнавать время, по восходу и заходу солнца — погоду, лечить овец, отыскивать для них съедобные травы, запоминать, где можно укрыть животных в непогоду.

Одновременно с аттестатом зрелости Бальжит получила комсомольскую путевку, где было сказано, что она направляется работать чабаном в колхоз имени Кирова. Правление послало ее в отару матери. У матери к непогоде стала ныть поясница, по ночам ломило ноги. Поэтому вся тяжесть работы легла на Бальжит. Она вскакивала чуть свет и бежала к родничку Нарым-Булак, что в переводе с бурятского означает «солнечный». Родничок тугой струей вырывается из скал и, воркуя, торопится к речке Хара-Шибирке. Ранним летним утром вода в родничке переливается разноцветной радугой. Любит Бальжит это время. Чувствуется ночная прохлада, в березовом колке, занявшем южный склон сопки, перекликаются птицы.

Бальжит освежит студеной водой лицо и торопится вывести отару в степь, чтобы, пока не наступила полуденная жара, овцы успели покормиться.

И так изо дня в день. Жизнь с отарой в степи однообразна, к ее ритму нужно привыкнуть. Это удается только тому, кто беззаветно любит свой край, профессию, уживается со степью.

Незаметно подкралась осень. Небо стало хмурым, низко над землей поплыли густые облака. Зарядили дожди. Бальжит с матерью принялись строить катон для отары. Катон — это круглый двор без крыши, чуть-чуть склоненный внутрь и метра на полтора заваленный соломой. Стены иногда делают из горбыля, а чаще плетут, как тын. Зимой в него на ночь и в непогоду загоняют овец, они ложатся плотно друг к другу и согреваются своим теплом.

Зима наступила сразу. С вечера ничто не предвещало мороза: ветер южный, небо голубое-голубое, над ближайшей сопкой висит бледный серп луны, а утром, когда Бальжит вышла на улицу, земля схвачена морозом, как цемент, ветер бьет в лицо снежной крупой, ртутный столбик в термометре остановился где-то возле тридцати ниже нуля.

Вывела отару в степь. Как обычно, неторопливо идет вперед Серко — Бальжит, укутавшись в тулуп, сидит в седле. Не за-

метила, как на горизонте появилось черное облако, оно росло, ширилось, захватило полнеба. Сделалось темно, подул сильный ветер. Бальжит догадалась, что надвигается буран — нужно быстрее поворачивать отару к кошаре. Овцы сбились в кучу и не хотят идти против ветра. Ревет ветер, колкий снег забивает глаза, рот. Бальжит думает, как удержаться в седле, не потерять из виду отару. Овцы какое-то мгновение стояли, сбившись в плотную кучу, и вдруг бросились бежать по направлению ветра. Отара растаяла в белесой мгле.

Бальжит хлестнула Серка, тот побежал рысью в сторону, где исчезли животные. А ветер уже намел сугробы снега. Наступила ночь. Степь, буран, и Бальжит на коне. Где искать овец в такой круговерти? Вспомнила слова матери: «Овцы до тех пор будут бежать, пока не найдут место, где от ветра можно укрыться». Такое место в верховьях родника Нарым-Булака. Там между сопками распадок, окруженный лесом. Направила туда лошадь. Серко выбился из сил, еле переступает ногами. Бальжит окоченелыми руками вцепилась в луку седла, ее одолевает усталость, клонит ко сну. Она потеряла счет времени. Ветер, как назло, не утихает, в двух шагах ничего не видно. Бальжит не поняла, а скорее почувствовала, что Серко начал спускаться. По тулупу чабана скользнула обледенелая ветка. Лес! Значит, лошадь привела в распадок между сопками. Ветер здесь потише. Бальжит стала пристальнее вглядываться вперед. На дне распадка увидела большой сугроб. Соскочила с лошади, начала руками разгребать снег. Овцы! Теперь надо было не дать им замерзнуть, надо было их поднять на ноги.

— Натерпелась страху? — спрашиваю Бальжит.

— Думала, что жизни моей пришел конец, — призналась она. — В то же время я поняла, что мне надо учиться. Имей я тогда какие-то ветеринарные навыки, не допустила бы падежа.

Бальжит едет в окружной центр Агинское и возвращается оттуда с дипломом ветфельдшера. Пока она училась, мать совсем сдала и с трудом управлялась с отарой.

— Дочка, настала пора тебе быть за старшую, — сказала Дулма Гасановна. — Хвороба совсем скрутила меня.

Правление колхоза согласилось с предложением старшей Цыбеновой. Бальжит стала во главе чабанской бригады. Забот прибавилось. Приходилось пораньше вставать и позднее ложиться спать, спорить с зоотехником, чтобы вовремя и сполна доставляли минеральные корма, убеждать председателя, чтобы отремонтировали кошару, пропадать в степи, отыскивая травы посочнее.

Все это окупилось сторицей. В отаре не было падежа животных, сохранено и получено по 102 ягненка от каждой сотни овцематок, настрижено по 4,6 килограмма шерсти. Подобного успеха добились лишь несколько чабанов в районе.

По труду и честь. Бальжит Цыбенову комсомольцы Читинской области избрали делегатом на XI Всемирный фестиваль молодежи и студентов в Гаване. В душе ее творилось тогда непонятное: волнение и радость, переходящая порой в робость, — все смешалось. Нет-нет да и проблескивала мысль: «А с чем поеду на остров Свободы, что расскажу сверстникам со всех континентов?» Решила: «Расскажу о сегодняшней жизни своего бурятского села».

Сейчас о Хара-Шибире знают кубинец Эмилио из Гаваны, араб Ахмед из Алжира, вьетнамец Дуан из Ханоя, немец Курт из Берлина, Валентина Шмелева из Воронежа, Вячеслав Крюков из Арзамаса... С друзьями, с которыми познакомилась на фестивале, Бальжит переписывается. Недавно получила письмо от Эмилио с далекой солнечной Кубы. В ответ отправила посылку с русскими и бурятскими сувенирами.

С фестиваля Бальжит привезла пухлый блокнот, куда заносила свои впечатления. В нем восторженные записи о встречах с кубинской молодежью, фотографии. Юноши и девушки с улыбкой на лицах беспрерывно скандируют: «советико», «компаньеро», — крепкие объятия, рукопожатия до боли в руках. Советскую делегацию кубинцы не отпускали до глубокой ночи.

Обо всем Бальжит рассказывала своим односельчанам. Выступала в Доме культуры, в школе, на полевых станах, чабанских стоянках. Постепенно утихали фестивальные волнения. Блокнот с записями, сувениры, привезенные с острова Свободы, сданы на хранение в колхозный музей, где для них отведен специальный стенд.

Приближалась зима. Бальжит ждали нелегкие хлопоты. Однажды на ее чабанскую стоянку приехал секретарь партийной организации колхоза имени Кирова — Цыден Болотович Намдаков. Расспросил, как дела, в чем нужна помощь, а под конец спросил:

— Бальжит, не думаешь вступать в партию?

Цыбенова смутилась, на щеках появился румянец, с трудом ответила:

— А примут?

— Я рекомендацию дам, комитет комсомола, — продолжал Цыден Болотович, — попроси председателя колхоза, думаю, не откажет.

Коммунисты колхоза единогласно приняли Бальжит Цыбенову кандидатом в ряды Коммунистической партии Советского Союза. Партийное бюро поручило ей возглавить производственный сектор комитета ВЛКСМ. Он стал действовать боевитее. Благодаря старанию Бальжит были созданы комсомольско-молодежная овцеводческая ферма, состоящий из молодежи отряд по кормодобыванию, двенадцать выпускников средней школы остались трудиться в колхозе.

В минувшем году двадцатидвухлетняя Бальжит Цыбенова получила партийный билет. А спустя немного времени в ее жизни произошло другое важное событие.

На улице ревела пурга такой силы, что человека валило с ног. А в Доме культуры празднично украшена сцена. Труженикам одного из лучших хозяйств области было доверено выдвинуть кандидата в депутаты Верховного Совета РСФСР. На трибуну поднялся старший чабан, член партийного бюро Ленхобо Нанданов и предложил послать в Верховный Совет Российской Федерации Бальжит Цыбенову. Его поддержали лучшие люди Хара-Шибири: председатель колхоза Б. М. Мажиев, главный врач участковой больницы Н. Ф. Болданова, преподаватель средней школы Л. Э. Эрдынеев, передовая доярка Х. Тучинова, секретарь комсомольской организации А. Будаев. Для Бальжит это было неожиданностью. Ее, двадцатитрехлетнюю девушку, колхозного чабана, предлагают избрать в парламент республики,

где она вместе с партийными, советскими деятелями, знатными людьми страны будет решать государственные вопросы. Мыслимое ли дело! От волнения к горлу подкатил комок, на глаза навернулись слезы. А в зале гремели аплодисменты, с разных сторон люди тянулись с поздравлениями.

Слово предоставили Бальжит. Уняла волнение, вышла к трибуне, обвела притихший зал внимательным взглядом и отчетливо произнесла: «Постараюсь оправдать ваше доверие».

Потом были встречи с избирателями, выступления на предвыборных собраниях. Избиратели давали наказы своему кандидату в депутаты: помочь построить музыкальную школу, открыть детский сад, провести водопровод, дорогу, построить через речку капитальный мост...

Все эти вопросы Цыбеновой приходится решать сейчас, когда она стала депутатом Верховного Совета РСФСР. У нее есть специальная папка, в которой она хранит письма избирателей. О чем только они не пишут своему избраннику! Продавец из села Акши просит Бальжит: муж пьет, посоветуй, депутат, что делать. В одном селе пятый год строится больничный комплекс — помоги. Девушка по конкурсу не прошла в институт и сейчас не знает, как дальше жить. Депутат отвечает на каждое письмо, по некоторым делает запросы в район, область, в Москву. Кроме этого, Цыбенова раз в месяц, как и положено, лично принимает избирателей. У каждого неотложное дело, каждому кажется, что он прав, а его несправедливо обижают. Всех Бальжит внимательно выслушает и по мере сил обязательно поможет. У нее замечательная черта в характере — человеку правду говорить в глаза, решать вопрос сразу, а не откладывать на потом.

Как-то раз к ней на прием пришла пожилая женщина из соседнего колхоза. Просит:

— Бальжит, помоги моему сыну Эрдэни.

— Что с ним?

— Судом неправильно осужден.

Депутат пообещала во всем подробно разобраться. В следующий раз, когда пришла женщина вновь на прием, Бальжит сказала ей напрямую:

— Будь я судьей, еще на бóльший бы срок упрятала за решетку твоего Эрдэни. На тракторе ездить за водкой да задавить человека...

— Сын пишет, что в тюрьме исправился, — не дала договорить ей женщина.

— Он уже третий раз исправляется.

Следом заходит молодой парень. Отслужил в армии, женился. Строит дом. Осталось подвести стропила и покрыть, а председатель не дает шифера. Бальжит успокаивает избирателя, обещает помочь. Через неделю от него письмо: «Спасибо, депутат, приезжай на новоселье».

Перед отъездом Бальжит пригласила меня посмотреть отару, которая паслась в степи километрах в трех от чабанского домика. Сесть в «Волгу» отказалась, а проворно вскочила в седло, и Серко поскакал впереди машины. «Так привычнее», — донесся ее голос. Овцы, сбившись в кучу, отдыхали у подножия сопки в тени тонких, редких берез. Чуть поодаль, на пригорке, сидела сестра Цыцыгма с книжкой в руках. Рядом лежал транзистор.

Бальжит взяла его, покрутила ручку настройки, раздался непонятный треск. Девушка положила приемник на землю и неожиданно спросила: «Хотите, я спою вам песню?» Не дожидаясь ответа, запела. Голос чистый, звонкий, в мелодии буйство жизни.

— А по-русски?

— Можно и по-русски.

Бальжит откашлялась и запела. В песне говорилось: «Агинская степь, ты бескрайняя, но ты порой бываешь неласковой, но мы, молодые, покорим тебя, понастроим города, проложим дороги, проведем каналы, превратим в оазис. Степь, ты покоришься молодым и сильным рукам».

Кончила петь, присела на землю:

— Эту песню мы в нашем хоре сочинили. — Помолчала. Потом сорвала траву, похожую на пырей, и сказала: — Ее очень овцы любят. Прямо за версту чуют. Но на пастбищах ее становится все меньше и меньше, будем подсевать.

И пошел рассказ о травах, какие съедобные, какие нет, что надо делать, чтобы обогатить выпасы. Думалось, что перед тобой не колхозный чабан, а ученый с громким именем. Сорвала невысокий цветок. На тонком его стебельке собраны колечки — мутовки, нитевидные листочки. На верхушке отдельные цветочки на длинных цветоножках. Они белые и совсем маленькие, немногим более булавочной головки.

— Хотите, скажу, который сейчас час? — озорно спросила Бальжит.

— Хотим! — ответили все в один голос.

— Это торица, — сказала Бальжит. — Смотрите на цветы. Закрыты? Значит, нет еще десяти часов. Они раскрываются между десятью и одиннадцатью часами утра. Закрываются между тремя и четырьмя пополудни. Торица показывает, — Бальжит немного подумала, — что сейчас больше трех часов. На сколько больше? — Девушка увидела дикий цикорий. Оказалось, что голубая его корзиночка раскрывается между пятью и шестью часами пополудни.

— Видите, — показала она, — цикорий еще не раскрылся. Значит, пяти еще нет.

В разговор вступил шофер Валерий:

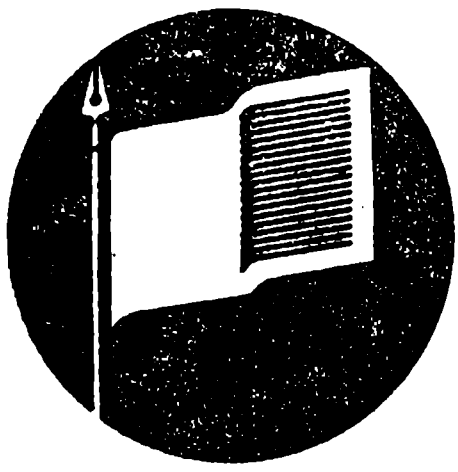
— Можно по растениям погоду узнать?

— Конечно, многие растения и животные чувствуют дождь заранее. Например, у чертополоха колючки к ненастью плотно прижимаются к головке и не так колки. Вьюн к дождю ни за что не раскроется. А если паук забился в середину паутины, лошадь фыркает — жди ненастной погоды...

Слушал я Бальжит и думал, что духовная связь роднит ее с природой, с людьми, с землей. Она первой на селе встречает утреннюю зарю, первой начинает трудовой день Родины. Много на земле умерло профессий или изменилось до неузнаваемости. А эта вечна и неизменна, без пастуха или чабана в деревне не обойтись.

Агинский Бурятский национальный округ,
село Хара-Шибирь

●



ЛИТЕРАТУРНАЯ КРИТИКА

Г. ЗАОСТРОВЦЕВ

ПАМЯТЬ СЕРДЦА

ЗАМЕТКИ О ПОЭЗИИ ВЛАДИМИРА ФИРСОВА

Война рождает особую память. Память легендарную, которая как бы сглаживает конкретные черты событий. Поэтому она, должно быть, и обладает громадной силой эмоционального воздействия. Подобно кристаллу, она вырастает внутри, в самой сердцевине духовного мира человека, делая его лучше и чище, служит точкой отсчета в определении поступков, из которых слагается жизненный путь.

Память эта связывает поколения, формируя высокие представления о чести, достоинстве, совести, и каждое поколение рождает своих носителей этой священной памяти.

Один из них — известный советский поэт, лауреат Государственной премии РСФСР имени Горького и лауреат премии Ленинского комсомола Владимир Фирсов.

Сколько было тревог пережито,
Лишь припомнишь —
И видишь вдали
Дым над полем, где вызрело жито,
Дым над Ельнею, стертой с земли.
Черный снег ниспадавшего пепла
Оседал на поля и леса,
Украина
От дыма ослепла,
Над Россией
Черны небеса.
Белоруссии небо
Не в силах
Проглотить эту страшную тень...
Даже тлели кресты на могилах
От горящих вдали деревень.

Трагические деревни и города Смоленщины, проселки военных дорог... Могилы, обелиски, памятные места. И так едва ли не в каждой деревне, рабочем поселке, во всех городах Смоленской

области. Народ полег, как хлеб под серпом, деревни и города огнем и свинцом стирались с лица земли.

В этих краях и в это время прошло детство Владимира Фирсова.

Пули,
Как напев забытых песен,
До сих пор в ушах моих звучат,
До сих пор черны мои деревья.
И хотя прошло немало лет,
Нет моих ровесников в деревне.
Нет ровесниц.
И деревни нет...

Ю. Бондарев как-то заметил, что если писатель, познавший войну, «не желает помнить и знать о трагических годах недавней истории, не хочет тревожить себя воспоминаниями, а хочет лишь жить, отрезав прошлое, и наслаждаться сиюминутным покоем, то никто не осудил бы его за усталость. Его осудили бы за предательство памяти и истины».

Творческое постоянство В. Фирсова позволяет назвать его часовым на страже этой священной памяти. И потому его поэзия в полной мере соответствует духу нашего времени, она союзник будущего. Поэт яростно и проникновенно говорит о том, о чем нельзя не сказать, не крикнуть, не остановить потрясающее в своем трагизме мгновение:

Вышел парень, невзрачный с виду,
И сказал, подождав тишины:
— Выступает хор инвалидов
Отечественной войны... —
Перед тем, как они запели,
Над дорогами всей земли
Прогремели
И проскрипели
Самодельные костыли...

Оптимизм поэта, верящего в бессмертие жизни, осознавшего необоримость движения своего народа к цели, предопределенной ему судьбой, опирается на глубокую внутреннюю веру в бесконечность, неистребимость того социально-общественного уклада, который торжествует на земле его Родины.

Бессмертен я,
Пока они живут —
Смоленские, рязанские березы,
Пока по небу облака плывут
И травы на заре роняют росы.
Пока бессмертны Ленина слова,
Пока жива священная свобода.
Бессмертен я,
Пока она жива —
Священная история народа.

Отсюда вырастает убеждение, что историческое прошлое — это не архивная пыль веков, оно входит легендой, преданием, памя-

тью в современную жизнь человека, в известной степени формируя его национальное самосознание, определяя его индивидуальность.

Жизнь поколения, к которому принадлежит В. Фирсов, его становление прошли под знаком войны, кровавым и трагическим. И хотя повседневность несколько сгладила остроту воспоминаний — человек не может постоянно думать о горе, — люди этого поколения неизменно живут с ощущением прошлого, так как то, что́ свершилось на их памяти, настолько глубоко, что стало частью их сущности.

С этих позиций все творчество Владимира Фирсова — это проявление главного содержания духовного мира личности, опаленной войной, живущей в постоянной готовности к действию. И хотя это не мешает поэту воспринимать жизнь во всей ее многосложности и красоте, но скрытая пружина этой готовности ощущается постоянно, даже в любовании прекрасными русскими пейзажами.

Внутреннюю напряженность поэзии В. Фирсова почувствует каждый читатель, она присутствует во всех его стихах и поэмах.

У тех, чье детство начиналось во время войны, с малых лет вошла в жизнь надежда: наши победят. И с этой надеждой пришла радость. Они еще не понимали, что победа принесет с собой не только радость, но и горе утрат. Это придет позднее: «И страшный веер похоронок после победных светлых дней». И с осознанием этого появится чувство признательности и вины перед павшими: «Я плачу от сознания того, что этот долг мне не вернуть вовеки».

Лишь глаза закрою...
В зимнем поле —
Под Смоленском,
Псковом
И Орлом —
Факелы отчаянья и боли
Полыхают неземным огнем.

Так поколение погибших, замученных, расстрелянных обрело в вечной памяти детей войны вторую жизнь. В свою очередь, эта память возвысила и самих носителей ее, сделала их лучше и чище. Они стали как бы продолжателями той незавершенной жизни. И вместе с нею они приняли груз тяжелой, не убывающей с годами моральной ответственности.

Я перед прошлым
В вековом долгу.
В долгу перед солдатами седыми,
В долгу
Перед могилами святыми,
Где слезы удержать я не могу.

В одной из недавних бесед Леонид Леонов заметил: «Насколько дано мне понимать, каждый художник, помимо своей главной темы, включаемой в интеллектуальную повестку века, сам по себе является носителем личной, иногда безупречно спрятанной проб-

лемы, сложный душевный узел которой он и развязывает на протяжении всего творческого пути».

Для Владимира Фирсова эта глубоко спрятанная проблема — ощущение в себе и выражение в творчестве этой «второй» жизни, корректирующей его взгляд на мир.

Как обидно!
Вот и мне не драться.
Не поднять тяжелой головы.
Вот и я лежу в могиле братской
Здесь, неподалеку от Москвы.
Сколько нас навеки отслужило,
Нас — двадцатилетних, озорных!..

Авторское «я» сливается с этим поколением молодых, погибших на войне. В этом незримом, но реальном присутствии «второй» жизни сокрыта основа мироощущения поэта. Его душа благодарна и виновата и потому не может быть другой: «Солдаты переднего края как совесть приходят ко мне».

Тема войны, тема памяти в творчестве В. Фирсова иногда достигает такой высоты, такой щемящей ноты, что становится достоянием подлинно народной поэзии.

Для художника, как, впрочем, и для любого человека, нужна определенность. Без нее он как бы лишается того внутреннего стержня, вокруг которого группируются его образы и который в конечном счете создает устойчивость всей конструкции поэтического здания. Следовательно, и поэтической судьбы.

Для поэтов фронтового поколения это своеобразная заданность их жизни обстоятельствами экстремальными, которые заложили в них некое табу на определенные поступки, действия и даже мысли. Отношение к действительности определялось как на войне — это жизнь, а шаг в сторону уже смерть. Поэтому они и в мирное время решали свои проблемы так же бескомпромиссно. Послевоенная поэзия поэтов фронтового поколения — это попытка сохранить нравственные начала той беззаветной и честной поры, сохранить человеческое в человеке.

Определенность, открытость поэзии В. Фирсова идет от этой же основы. Детство его пришлось на трудные годы войны и отмечено трагическими ощущениями. Его герои и он сам сформировались в послевоенные годы в деревне. Ему тогда еще не дано было осознать то главное, что позднее позволит найти свою целесообразность мира, ту единственную точку опоры, которая и определит неразрывность мира и его самого, точку сопряжения быта и бытия.

Эта точка, в которой сконцентрировалась вся целесообразность мира — Родина. Это понимание целесообразности объединило его с людьми его поколения, протянуло нити тесной связи к фронтовикам, включило в единую общность людей, во внутреннее братство, близкое по своему духовному содержанию военному поколению.

Так он обрел свободу, но не ту отрицательную свободу, которая несет в себе сомнение, а ту, единственную, которая подарила ему счастье цельности.

Сергей Есенин однажды посоветовал одному молодому поэту: «Ищи родину, найдешь — пан». Владимиру Фирсову такой совет не нужен: он пришел в литературу как сын родной земли. Ему

не нужно было искать Родину, он искал слово, чтобы выразить всю свою любовь и привязанность к ней. И он нашел это слово.

Родина, суровая и милая,
Помнит все жестокие бои...
Вырастают рощи над могилами,
Славят жизнь по рощам соловьи.

Что грозы железная мелодия,
Радость или горькая нужда?!
Все проходит.
Остается Родина —
То, что не изменит никогда.

Идея служения Родине пронизывает все стихи В. Фирсова, в ней сосредоточился смысл его жизни.

В этом сказалось естественное, как вздох, выражение самого себя в слове, счастливое совпадение возможностей — что́ сказать и как сказать.

Понятие «малой» и «большой» Родины, появившееся в поэзии военных лет, стало для Фирсова позицией, с которой он двинулся дальше. Отечество, воплощенное в родной деревне, и Родина «от края и до края» — понятия эмоционально нераздельные, которые естественно слиты с его духовным миром.

Она была всех душ материальней.
В нее вмещались
Все края страны —
От островов на Тихом океане
И до дунайской голубой волны.
Вмещались города,
Названья улиц,
Глаза друзей,
Чужих людей глаза.
Вмещались птицы, что с зарей проснулись,
И тишина вмещалась,
И гроза.
Вмещался мир
Огромнейший и древний.
И я от счастья чуть не зарыдал,
Когда узрел
В душе своей деревню,
Где я впервые солнце увидал.

Будучи своеобразным связным между поколениями воевавших и не знавших войны, поэт стремится как бы заполнить временной просвет между ними, внести в патриотизм содержание не только высокой цели служения Отечеству, но и освятить его признательностью и любовью к тем, кто отстоял его, часто ценой своей жизни.

В. Фирсов — поэт гражданственной тематики. Любовь к Родине, сыновняя верность родному краю — основной мотив многих его стихов и поэм. Он открыто, «во весь голос» говорит о своих патриотических чувствах:

Ты не вставала на колени
Ни перед кем и никогда...
И каждый кустик твой священен.
Священны небо и вода.
Священен тын,
Где сохнут крынки,
Ракет космических огонь
И даже малая дождинка,
Что падает в мою ладонь.
Священен
Мир широких пашен,
Священны льды родимых рек,
И снег,
Что полит кровью нашей,
И кровь,
Что пролита́ на снег.

В разработке патриотической темы поэт полифоничен, авторские интонации его многообразны. Это и открытый пафос утверждения своего кредо, и отстаивание гражданственных позиций, и острая полемичность, и лирические интонации в описании родного края, природы, любви.

Этот органичный сплав гражданственности и лиризма, любви к жизни и родной земле придает особое своеобразие поэзии В. Фирсова, раскрывает перед читателем истоки его внутренней силы, сокрытые в духовном наследстве поколений.

Мой первый учитель!
Не вправе
Забыть о тебе никогда.
Пусть жил ты и умер не в славе —
Ты с нами идешь сквозь года.
Тебе я обязан всем чистым,
Всем светлым,
Что есть на земле,
И думой о судьбах Отчизны,
Что нес ты на светлом челе.

В. Фирсову свойствен социально ответственный подход к своему творчеству. Его герои — реальные люди со здоровой психикой и цельностью мировидения. Свой эстетический идеал поэт излагает прямо и открыто, он воплощается в понятии блага родного народа, родного края, в целом — Отчизны.

Живу заботой Родины,
Заботой
Родной земли,
Что так ко мне щедра.
Она дала мне тяжкую заботу
С бессонницей на кончике пера.

В таком выражении гражданственности поэт утверждает свой эстетический идеал. И здесь, как нам кажется, поэзия В. Фирсова отвечает в известной мере на вопрос о совместимости искусства и политики. В его творчестве политика присутствует повсеместно.

Но это политика вечных ценностей — борьба за свободу, счастье, достоинство человека.

Этим все творчество Владимира Фирсова как бы противостоит той литературе, в которой отсутствие значительных духовных открытий и талантов подменяется демонстративным провозглашением «благих» идей, «великих» целей. В острой полемичности его стихов отражается непримиримый бойцовский характер автора.

Герой поэзии Фирсова раскрывается в любви к родному краю, его природе, дорогой его сердцу женщине, в твердой мужской верности другу. Ему не нужно вызывать в сознании духов совести, чести, долга, благородства — он органичен в этих чувствах. Не нужно и приспосабливать чувства к обстоятельствам. Он сам, своим существованием, создает эти обстоятельства, наполняя их содержанием, противоборствуя всему, что́ не соответствует его миру любви и честности. В этом смысле герой В. Фирсова воитель.

Поэт никогда не говорит, каким должен быть человек, он показывает человека, воплощающего его нравственный идеал. И автор, и его герой воспринимают все то, чему мы являемся свидетелями и участниками, с высокой степенью исторического осознания. Именно исторического, ибо, «прорастая» в прошлое, поэт устанавливает внутреннюю связь разрозненных, казалось бы, звеньев в цепи событий.

В поэзии, как и в искусстве вообще, есть одно постоянное стремление — перешагнуть через уже изведанное и в то же время сохранить ценности, наследуемые с традицией. В этом один из критериев подлинности искусства, его жизнестойкости во времени. Если присмотреться к поэзии прошлого, сохранившей свою значимость по сей день, воочию убеждаешься, что все подлинно великое в ней стоит в наследственном ряду. Пушкин, Лермонтов, Тютчев, Некрасов, Блок, Есенин воплотили в себе живую суть традиции, ее движение. Они являют собой пример того, как формирует традицию сама эпоха.

В современной советской поэзии понятие традиции тесно смыкается с понятием национальной самобытности. Родники национальной культуры питали и питают творчество лучших поэтов наших дней. Всем существом своим, силой духовно-национального наполнения оно противостоит тому явлению в поэзии, против которого горячо протестовал С. Есенин, прощаясь с имажинизмом: «У собратьев моих нет чувства родины во всем широком смысле этого слова... Поэтому они так и любят тот диссонанс, который впитали в себя с удушливыми парами шутовского кривляния ради самого кривляния».

Поэзию В. Фирсова невозможно воспринять без понимания его приверженности традиционно-национальному началу в поэзии. Это не выбор по разуму, это постоянное состояние поэта, которое позволяет ему достигнуть гармонии, когда чувство едино с разумом и разум одухотворен чувством.

Природа живет в стихах поэта как единый с человеком организм. К его пейзажной лирике можно смело поставить эпиграфом известные тютчевские слова: «Не то, что мните вы, природа — не слепок, не бездушный лик, в ней есть душа, в ней есть свобода, в ней есть любовь, в ней есть язык». Эта говорящая своим языком природа необычайно близка лирическому герою В. Фирсова. В ней нет противостояния человеку, она расположе-

на к нему. Здесь просматривается та «узловая завязь природы с сущностью человека», о которой писал Есенин в своей статье «Ключи Марии» и которая открывает реальные пути к обогащению и развитию национальной классической традиции.

Все для меня:
И первая гроза,
И самых первых ландышей цветенье,
И шумные весенние леса,
И птиц лесных размашистое пенье.
Все для меня:
И ночи холодок,
И шаткая скрипучая телега,
И огонек случайного ночлега —
Доверчивый, неяркий огонек.
Все для меня:
И солнце,
И ненастье...
А разве это не зовется счастьем?

Читая стихи и поэмы Владимира Фирсова, невольно отмечаешь последовательность творческого поведения поэта, ясность его поэтической судьбы. Уже первая его книжка позволила сказать, что в литературу пришел человек, в произведениях которого органично соединились личная судьба поэта и судьба целого поколения. Время предстает перед читателем сквозь призму личной биографии поэта. Факты биографии становятся фактами художественного осмысления, фактами поэтической судьбы, когда каждое, казалось бы, ординарное, ничем не примечательное событие как бы включается в единый ритм внутреннего движения.

Цельность — важнейшая особенность поэзии Владимира Фирсова. «Пиши, как живешь», — говорил поэт Батюшков. Поэзия Фирсова — это продолжение жизни поэта в стихе: «Жил я, как велела совесть». В этом органическом сращении заложена основа подлинности поэзии. Его стихи проникнуты жизнелюбием, оптимистическим мироощущением. И поэтому мир его поэзии пронизан светом жизни.

Я рад,
Что снова в удивлении
Легко слилось
В родном лесу —
Природы светлое творение
И свет,
Что я в душе несу.

В лирике Владимира Фирсова воплощена прежде всего острота переживания. При этом его стихи как бы разрушают устоявшееся представление о лирике как о чем-то сугубо интимном, находящемся вне отношения с огромным миром, в котором живет человек. В его лирической стране нашлось место и интимным переживаниям, и гражданственному пафосу, и чувству любви к природе. Поэт объемлет все: от прутика «изогнувшейся лозы» до космических далей, от телесности цветка, звука, запаха до вечной мысли о сущности бытия.

В лирике, как и вообще во всей поэзии В. Фирсова, слово и содержание нераздельны настолько, что не мыслятся в отрыве друг от друга. Это единый организм, непосредственно излучающий переживание, так что читатель поневоле отождествляет себя с личностью самого поэта, как бы вступая с ним в соавторство.

На заре рассветные озера
Голубого неба голубей.
И летят в извечные просторы
Голубые стаи голубей.
Ласковая Родина, Россия!
Сердце беспокойное
Навек
Голубые ливни оросили,
Спеленали ленты синих рек.
Синева, голубизна сквозная...
И глухой осеннею порой
Все равно
Других краев не знаю,
Где бы я дышал голубизной.

Определенность национального содержания творчества В. Фирсова еще раз подтвердила его новая поэма «Набатные колокола». Все то, что прослеживалось в его стихотворениях, нашло свое концентрированное выражение в этом произведении. Поэма «Набатные колокола» поднимает важные нравственно-этические проблемы современности, глубоко проникая в духовные пласты народной истории, с тем чтобы сказать о тех нетленных ценностях, которые пронес в себе русский человек через всю свою многовековую судьбу до наших дней и которые и поныне являются одним из главных составляющих его мировидения.

Это в первую очередь глубочайший патриотизм, готовность к самопожертвованию во имя Родины.

В поэме автор создает обобщенный образ русского народа, воплотив его высокие духовные качества в своем лирическом герое. По сути дела, произведение посвящается не только «шестисотлетию Куликовской битвы и светлой памяти всех павших во все времена за свободу и независимость Отечества», как пишет сам автор, но в целом России, ее народу. Поэт как бы напоминает о великом историческом предназначении России — ценой крови и лишений быть вечной заступницей от темных сил зла и разрушения. И в этом нет национального чванства — иным русский народ просто быть не может, о чем красноречиво говорит его многовековая судьба.

Россия!
Не искать иного слова.
Иной судьбы на целом свете нет.
Ты вся —
Сплошное поле Куликово
На протяженье многих сотен лет!

Образ основного лирического героя поэмы выстроен весьма необычно — он как бы един в трех лицах. Читатель видит безвестного человека, погибающего под пыткой от руки фашиста, стано-

вится свидетелем гибели Семена-звонаря, распятого Батыем на березе, слышит непосредственно голос самого автора, нашего современника, душа которого неразрывна с героями. Это триединство и создает образ широкого эпического звучания. Характерно, что в этом произведении автор достигает органического слияния эпического и лирического начал, что придает поэме искренность, достоверность живого человеческого чувства и одновременно позволяет увидеть всю широту и значимость событий, о которых идет речь.

Стремление к масштабности проявляется и в философской символизации набатных колоколов — предвестников грозных событий. Сама смерть героя приобретает в поэме характер символа, который вбирает в себя прошлое, настоящее и будущее, гибель его как бы предрекает грядущие события большой исторической важности.

Он умирал,
Того не зная —
Да и откуда б ведал он! —
Что не Батыю,
А Мамаю
В то утро он нанес урон,
И что до Дмитрия Донского
Еще за полтораста лет
Ко славе поля Куликова
Он проторил свой кровный след.

Обращает на себя внимание, что герой поэмы живет как бы вне конкретного исторического времени, но внутри большого Времени жизни народа, когда прошлое и будущее совершаются одновременно с настоящим. В этом и состоит «секрет» постоянства сущности героя, которую удалось раскрыть поэту.

Образ этого героя проходит через разные этапы исторической биографии народа — от Батыева нашествия до Великой Отечественной войны. Но всегда в самой критической ситуации проявляется главное его качество — верность Отечеству, готовность к самопожертвованию.

В этой связи хочется отметить одно интересное обстоятельство, которое всплывает при чтении поэмы. Сегодня признают, что художественная литература нередко опережает науку в исследовании общественных явлений. О Куликовской битве, ее политическом значении написано немало. А вот о нравственном ее влиянии на всю последующую русскую историю немного сказано. Между тем это влияние было весьма существенным. Именно после битвы в русских летописях усилилось прямое осуждение тех князей, которые в угоду своим корыстным интересам изменяли общему делу, призывая на помощь инородцев, рвали Русь на мелкие уделы. При этом следует помнить, что авторитет летописей в те времена был значителен. Человек, приведший на родную землю «неверных» подвергается общественному осуждению. Отсюда нетерпимость русского человека к перебежчикам. Нетерпимость, оплаченная кровью. И стремление к единству, «в котором спасение и слава Руси».

Своего героя поэт испытывает на верность родине. Батый предлагает звонарю службу и возвеличение за измену, а фашист су-

лит «чины, кресты, богатство, званья»... Герой без колебаний отвечает: смерть, но не измена. Трусость и малодушие никогда не определяли судьбу народа, но оставляли язвы на его теле.

Главным в судьбе народа была верность идеалам Отечества, радение за его единство.

Русь!
Великая боль
Мне скрутила тяжелые руки.
Я сливаюсь с тобой,
Принимая несметные муки.
Сколько бед за спиной,
Что сумел я с тобою осилить!
Русь!
Ты стала страной,
Стала вечной великой Россией.
И во все времена
У тебя неизменно богатство:
Ты безмерно сильна
Правотой бескорыстного братства.

Внутренняя направленность поступков определяется в поэме не корыстными мотивами, а высшим нравственным принципом — пострадать за благо всех людей. Потому трагическая судьба героя — немой нелицеприятный укор тем, кто «собственную хату за хату крайнюю считал». Творец колокольной музыки, звонарь Семен один «пошел на рать» и погиб. Но сама героическая смерть его разбудила людей, она прозвучала тем набатным колоколом, который услышали все русичи. Не звучание меди, а самопожертвование человека подняло их на борьбу. Гибель людей, отдавших жизнь за Отечество, — это и есть те набатные колокола, которые поднимают на борьбу и которые прозвучали сегодня в сердце поэта, отлившись в строки его поэмы.

Вдруг сами собой загудели
Семеновы колокола.
И поняли люди на деле,
Что Родина к мести звала.
Набатным неистовым звоном
Над кладбищем мирных берез
Звала
Отомстить за Семена,
За горе, что ворог принес.
Звала к единенью,
В котором
Спасенье и слава Руси.
Звала позабыть о раздорах,
И слышалось в звонах:
— Спаси!..

Приверженность русского человека к решению коренных вопросов отражает его стремление жить по справедливости, или, как говорили раньше, «жить по правде».

Погружаясь в художественный мир поэмы «Набатные колокола», читатель воспринимает не только и не столько известный

ему факт истории, но осознает свою внутреннюю причастность к людям безвестным, но до боли близким ему, будто жили они под одной крышей.

В этом состоит важная нравственно-этическая подоплека поэмы, произведения предельно простого по форме, но глубокого по мысли, в нем заложенной.

Трагические события XIII века стали той точкой отсчета, откуда начался трудный путь созревания общенационального самосознания народа, проложившего путь всему человечеству в будущее. Именно тогда определились духовные ценности русского народа, которые воодушевляли целые поколения на борьбу против его недругов.

Талант и мастерство поэта сказались в художественном открытии единого животворящего образа народа в образах разных исторических эпох. Характер человека, распятого Батыем на березе, и характер воина, погибающего от руки фашиста, объединяет то общее, что свойственно всему народу, что родилось «еще до Коловрата» и живо поныне.

Отсюда и эпичность этого характера, сформированного многовековым борением за свободу и независимость Отечества, та объемность образа, которая включает в себя нравственное содержание, столь близкое всем народам, мечтающим о мире.

Погасни же, кровавая заря!
Яви прохладу,
Тишину на раны...
Из векового древнего тумана
Глядит на мир —
Восьмое сентября.

* * *

Поэтический мир В. Фирсова созидается им на протяжении десятилетий. Он звучит для читателя в словах, объединенных сложной связью, в ритмике стиха, в эпитетах, метафорах, сравнениях, во всем объеме художественного образа. Своим творчеством поэт как бы утверждает истину, что вне философии, вне понимания собственной социальной роли, вне ответственности за жизнь своего народа нет поэзии.

Поэзия В. И. Фирсова, если рассматривать ее ретроспективно, — это яркое, образное исследование глубин народного характера, выявляющее богатство и красоту внутреннего склада советского человека, раскрывающее преемственность в духовно-нравственной жизни нации.

В облике лирического героя Владимира Фирсова явственно вырисовывается типический характер нашего современника, живущего напряженной и осмысленной жизнью, нераздельного с идеалами того общества, которое он сам создал и постоянно созидает. Поэтому обращение поэта к истории, к важнейшим героическим событиям прошлого — это не ностальгия по нему, а стремление выявить и утвердить в поэтической строке нравственный итог исторического развития народа, определить внутреннее родство нашего современника с многовековой биографией его пращуров. В этом органическом единстве поэт видит главное усло-

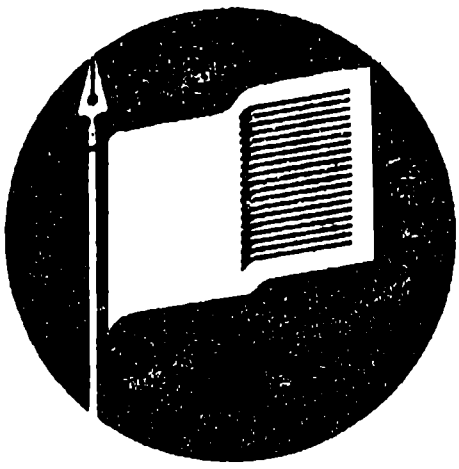
вие прочности всей жизненной позиции своего героя, основной стержень его характера.

Память в понимании поэта — родная сестра совести. Без нее невозможно существование человека. Потому его способность откорректировать свою жизненную линию со своей собственной памятью и одновременно с исторической памятью народа становится в произведениях Владимира Фирсова основным условием человеческой и гражданской зрелости, фундаментом внутренней прочности и цельности личности. Поэтому сам поэт, а вслед за ним и его герой отчетливо сознают всю опасность для морального здоровья человека в любой попытке отрешения от прошлого народной жизни и его нравственных уроков.

Если оглянуться назад, в поэтическое прошлое В. Фирсова, то каждый из его двадцати сборников представляется своеобразным кораблем, запущенным рукой поэта в «путешествие по реке времени», вспоминая слова Ю. Бондарева, но «не вниз по течению, а вверх, к истокам и первоистокам, чтобы постигнуть в движении секунду и как бы закрепить ее между прошлым и будущим».

В поэтическом «прорастании» в прошлое Владимир Фирсов находит свой ключ к прозрению будущего. Все его стихи и поэмы, посвящены ли они истории или современности, заключены в ядре большого Времени, объемлющем прошлое — настоящее — будущее. Потому они могут быть одновременно и воспоминанием и пророчеством. В этом едином поэтическом восприятии времени сокрыта «тайна» современности творчества Владимира Фирсова и его устойчивости в общем потоке литературного и общественного движения. И способность поэта, говоря словами А. Блока, «включиться в музыкальный ритм своего времени, исчезнуть в нем, раствориться и, растворяясь, говорить о том, что видишь и чувствуешь».

●



К 150-ЛЕТИЮ
СО ДНЯ РОЖДЕНИЯ Н. С. ЛЕСКОВА

Вл. СЕМЕНОВ

ЧАРОДЕЙ СЛОВА

Хорошо известна высочайшая оценка, данная творчеству Н. Лескова великими представителями нашей культуры. Л. Толстой называл Лескова «писателем будущего», А. М. Горький поставил его в число наиболее значительных деятелей русской литературы. «Как художник слова, — писал он, — Н. С. Лесков вполне достоин встать рядом с такими творцами литературы русской, каковы Л. Толстой, Гоголь, Тургенев, Гончаров. Талант Лескова силою и красотой своей немногим уступает таланту любого из названных творцов священного писания о русской земле, а широтой охвата явлений великорусского языка он нередко превышает названных предшественников и соратников своих».

Не случайно это признание принадлежало человеку другой, в сущности, эпохи, во многом испытавшему на себе влияние «чародея слова».

За долгий творческий путь, продолжавшийся более тридцати лет, Лесков создал целую галерею неповторимых характеров талантливых русских самородков, «очарованных странников», «праведников», которые должны были, по словам Горького, «ободрить, воодушевить Русь, измученную рабством».

Лесков творил в эпоху громадных социальных сдвигов в жизни пореформенной России, начавшихся после февраля 1861 года. Он не всегда разбирался в сложной политической борьбе своего времени, часто ошибался и платил за это положением литературного изгоя, но проходили годы, и писатель вновь выступал со страстным словом о народе и его нелегком пути к счастью и справедливости. Младший современник Л. Толстого и Ф. Достоевского, Лесков формировался еще в эпоху крепостничества, в самой пучине николаевского произвола, хорошо узнав привычные черты тогдашнего народного быта. «Простонародный быт я знал до мельчайших подробностей и до мельчайших же оттенков понимал, как к нему относятся из большого барского дома, из нашего «мелкопоместного курничка», из постоялого двора и с поповки. ...Публицистических рацей о том, что народ надо изучать, я вовсе не понимал и теперь не понимаю, — признавался он позднее. — Народ просто надо знать, как самую свою жизнь, не штудируя ее, а живучи ею».

Наверное, ни один из русских писателей XIX века не обращался так часто в художественном творчестве к своему прошлому, как Лесков. Но, как сказал Бунин, «ничто не определяет нас так, как род наших воспоминаний».

Прежде чем стать писателем, Лесков успел объездить почти всю Россию, начав странствовать по ней чуть ли не с детства. Сначала это были поездки по окрестным местам вместе с бабушкой Акилиной Васильевной, происходившей из купеческого рода Колобовых. Путешествия длились по нескольку дней. В дороге Лесков слушает многочисленные рассказы о добрых и злых, лихих людях, о праведниках и разбойниках, о прошлом, как оно отразилось в народной памяти. Нравился ему простонародный говор, который был присущ бабушке Акилине Васильевне. Знакомый послушник любил рассказывать сказки, от которых недалеко и до истинных происшествий, так пленявших Лескова своим простодушием. Бывало, сидя у костра или готовясь ко сну, кто-нибудь вспомнит страшную историю и спросит: «Отчего это, братцы мои, нет теперь хороших разбойников?» Другой возразит и начнет рассказывать случай, который можно считать ответом на этот вопрос.

М. Горький писал, что Лесков объединил в себе кровь четырех сословий, но особенно сильное влияние было разночинское, шедшее от отца, служившего в орловском суде. Лесков любил вспоминать отца, видя в нем «человека 40-х годов», мечтателя и «либерала» в тогдашнем смысле слова, то есть тот тип, который был прямо противоположен людям «банковского периода», столь ненавистным писателю.

Когда читаешь автобиографические заметки Лескова, в которых он пишет, что в детстве его родители жили в простом крестьянском срубе, крытом соломой, понимаешь условность принадлежности писателя к «благородному сословию». И сам Лесков хорошо это понимал, с пренебрежением отзываясь о «дворянской захудалости» своего рода.

Память писателя сохранила картины солдатской муштры и палочного боя — самые ранние впечатления детства, получившие отражение во многих его произведениях. Несмертельный Голован, Пугало — это соседи, которые жили совсем рядом, почти вместе. Несмертельный Голован — простой русский крестьянин, положивший свою жизнь ради спасения других. «Лицо его с чрезвычайно крупными чертами врезалось в моей памяти с ранних лет и осталось в ней навсегда», — вспоминал впоследствии Лесков. А здесь, в центре Орла, где родился будущий писатель, еще совсем недавно стояли одноэтажные строения, серые с красными крышами и белыми колоннами — бывший крепостной театр графа Каменского. Несколько раз в театре играл великий русский актер М. Щепкин. Одну из сохранившихся легенд недавнего прошлого о жизни крепостных артистов писатель отразит в «Тупейном художнике».

Уже в старости Лесков вспомнит и кулачные бои, когда из толпы выносили избитого «на помин души», и «наемщиков», которые ради денег нанимались идти в солдаты, а извозчики развозили их по городу, чтобы все видели, как они, «наемщики», куражатся и «гуляют». Вспомнит знаменитые орловские пожары и бесчинства полиции, помогавшей орловским «подлетам» грабить простых обывателей («Грабеж»).

Не закончив гимназии, молодой Лесков работает мелким канцелярским служащим, затем, накануне Крымской войны, уезжает в Киев.

Родительский уголок ушел в прошлое, а вместе с ним и целый

ряд впечатлений, которые оживут лишь много лет спустя. Устойчивость и «органичность» семейного быта, поэзия детских игр вместе с деревенскими сверстниками, близость к «своей» дворне — эти черты мелкопоместной жизни определили неизменное внимание писателя к корневой России с ее определенным укладом.

В Киеве Лесков встретился с новой культурой и совершенно иным укладом жизни. Большой университетский город, живописно раскинувшийся по днепровским холмам, привлекал своей оригинальностью, своими чудаками и «лыцарями», которые, вспоминал Лесков, умели «рассказать нам о Канте, о Гегеле, о «чувствах высокого и прекрасного» и о многом другом». Воспоминания о Киеве на рубеже 40—50-х годов были для Лескова, наверное, самыми отрадными среди многих других впечатлений. Из глубины прожитых лет Киев казался ему городом патриархальной простоты и свободы. Его привлекает мягкая малороссийская «мова», задушевность и теплота национального характера народа. Он любил бродить по днепровским кручам, особенно возле Владимирской горки и Андреевского спуска. Его привлекают свобода и непринужденность подольских нравов. Именно здесь он впервые сталкивается с артелями раскольников («Запечатленный ангел»), с мастеровыми, солдатами, ополченцами, отправлявшимися под осажденный Севастополь.

Не раз на страницах произведений Лескова упоминается имя тогдашнего «аболяциониста» Д. Журавского. Этот человек не только выступал против крепостного права, но и практически делал для этого все, что мог, в условиях николаевского режима: на свои скудные средства он выкупал крепостных и успел — до своей смерти — освободить из неволи несколько семейств. Подвиг, надо сказать, трогательный, под стать действиям многих будущих лесковских «чудаков» («Захудалый род», «Печерские антики», цикл о русских праведниках).

Писателя привлекали люди самоотверженные и одинокие, немножко чудаковатые. Это соль земли, без нее и сама жизнь кажется невозможной. Они тоже пополнят галерею лесковских героев.

В Киеве Лесков недолго служит по рекрутскому набору, затем переходит в фирму своего родственника, обрусевшего англичанина Шкотта, и по делам этой фирмы получает возможность объездить всю тогдашнюю Россию — объездить «то в телеге, то пешком», как писал Пушкин. Это была такая школа, которая осталась на всю жизнь. Рассказ в дороге или случай при исполнении служебных обязанностей — обычное начало произведений писателя. Описанием постоялого двора, случайных попутчиков, остановившихся переночевать и разговорившихся между собой, начинаются многие его рассказы и повести.

Еще до того, как железные дороги прорезали патриархальную тишину, Лесков много ездит по России. Он имеет дело с людьми всех сословий: разорившимися дворянами, купцами, трактирщиками, рекрутами, староверами, крестьянами, монахами, чиновниками, офицерами. О том, что́ это были за поездки, он вспоминал в рассказе «Жемчужное ожерелье». Приводимые им слова Писемского выразили и устоявшееся мнение самого Лескова: «Теперь человек проезжает много и безобидно, и оттого у него никаких сильных впечатлений не наблюдается, и наблюдать ему нечего и

некогда, — все скользит, оттого и бедно. А бывало, как едешь из Москвы в Кострому «на долгих», в общем тарантасе или «на сдаточных», — да и ямщик тебе попадет подлец, да и соседи нахалы, да и постоялый дворник шельма, а «куфарка» у него неопрятище, так ведь столько разнообразия насмотришься... ну, разумеется, густо и в сочинении выходило...»

Эти поездки дали Лескову великолепный жизненный материал. Он изучил русский народный язык настолько, что мог по одним диалектным особенностям определить род занятий или происхождение человека, его губернскую «прописку».

«Люди его рассказов, — замечал Горький, — часто говорят сами о себе, но речь их так изумительно жива, так правдива и убедительна, что они встают пред вами столь же таинственно ощутимы, физически ясны, как люди из книг Л. Толстого...» Он считал Лескова не имеющим себе равных в русской литературе в умении рассказывать, предоставляя слово самому герою, устами которого говорил народ.

Однако творческий путь Лескова начался в условиях острых столкновений и со своими литературными современниками, журнальными партиями, за которыми стояли различные общественные силы. Молодой писатель оказался в самом центре этой борьбы, тяготея больше к «умеренным», «постепеновцам», нежели к революционно-демократическим кругам. Взаимная неприязнь между начинающим писателем и некоторыми из деятелей революционного лагеря усугубилась после появления злополучной статьи Лескова о петербургских пожарах 1862 года, роль которой в перипетиях будущей жизни писателя достаточно выяснена. М. Горький неоднократно утверждал, что на Лескова как на автора статьи возложили вину, которой на нем в действительности не было, что только легкомысленные люди могли истолковать статью в том смысле, что «будто бы именно Лесков приписывает поджоги буйному студенчеству».

Пройдет немало лет, прежде чем Лесков в одном письме так отзовется об истинных «шестидесятниках» и их предшественниках: «В наше время разгильдяйства и шатаний отошли в вечность такие имена, как Белинский, Добролюбов, Писарев». Но и в те злополучные для себя годы он высоко отзывается о вожде революционной демократии Чернышевском, публикует статью о романе «Что делать?», когда автор его находился в Петропавловской крепости. Он проводит четкую грань между подлинными деятелями своей эпохи и теми, кто лишь копировал их и доводил до абсурда их внешние черты.

Воспоминания о 60-х годах, начале творческой жизни писателя, долгое время вызывали в нем горечь. Наказание, которому он был тогда подвергнут, — временный разрыв с демократическим крылом журналистики, преследование со стороны многих радикальных органов печати вплоть до обвинений в связи с III отделением — было явно не в меру допущенной ошибки. Горечь еще усугублялась запальчивостью обеих сторон. Лесков тяжело переживал свое одиночество, но ни последующие так называемые «антинигилистические романы», ни временное сотрудничество в журнале Каткова «Русский вестник» не смогли дезориентировать писателя. Он шел своим путем в литературе. Долгие странствования по России убедили Лескова в том, что стране нужны просвещение, хорошие дороги, уничтожение сословных перегородок,

что надо прежде всего избавиться от нищеты, от стеснения личности, от бесчисленных остатков крепостного права. В сущности, писатель еще смутно представлял будущее России, а когда явственно обозначились буржуазные черты этого будущего, Лесков вместе с другими классиками выступил в качестве «потаенного нигилиста». Он «рыхлил» почву там, где его великий современник — Лев Толстой — переворачивал целые пласты. Одновременно он противопоставил буржуазному прогрессу свою художественную «утопию» — галерею положительных типов всех сословий русского общества. Провинциальная, «почвенная» Русь казалась ему надежным барометром в хаосе петербургских впечатлений.

Спор о народе имел тогда особую остроту для литературы. Еще были живы традиции либерально-сентиментального любования нравами «младшего брата», реакционные утопии на манер М. Погодина, утверждавшего терпение как национальную черту русского народа, обосновывавшего особый якобы путь для России, вне классовых столкновений и сословной розни. Действительность не имела с этим ничего общего. С другой стороны, Лескову претят и крестьянские рассказы Николая Успенского, герои которого часто показаны какими-то «недоумками». Писателю надо было торить свою дорогу, не впадая в крайности, не идеализируя народ, но и не представляя его в карикатурном виде. Лесков тоже пишет о терпении народа, но объясняет это темнотой и невежеством. В то же время терпение имеет свои границы и сменяется тем стихийным возмущением, о котором говорится еще в одном из самых ранних произведений Лескова — рассказе «Язвительный». Крестьяне, возмущенные притеснениями управляющего, поднимают его «на кулаки», сжигают фабрику, идут на каторгу... Можно подумать, что молодой писатель обращается к злободневной тогда теме крестьянских волнений. Но у Лескова она приобретает несколько неожиданную окраску.

60-е годы XIX века были временем реформ, проводимых тогдашним правительством. После отмены крепостного права начались реформы местного управления, цензурного устава, суда. Обсуждались даже проекты конституции. Публицист-славянофил А. Кошелев печатает за границей работу под названием «Конституция, самодержавие и Земская Дума», высказываясь за совещательную думу. Иван Аксаков носится с проектом добровольного отказа дворянства от своих сословных преимуществ. Проекты касаются и положения духовенства, что найдет отражение в творчестве Лескова последующих лет. Большую часть либеральных публицистов охватывает, по выражению Достоевского, настоящий «административный восторг». Ожидали немедленных результатов от одних гуманных проектов улучшения положения крестьян, трогательно заботились о народной нравственности, видя ее неминуемое укрепление в распространении специальных книжек для народного чтения, в обществах трезвости, повсеместно возникавших тогда в России. Оживленно обсуждалось тогда и состояние школьного образования. Конечно же, реформы эти были буржуазными, носили строго ограниченный характер и положение народа не улучшили и не могли улучшить. Лесков хорошо знал, что народная жизнь имеет свои законы, совершенно не подвластные ретивым администраторам. В рассказе Лескова проблема усугубляется тем, что в роли такого администратора выступает иностранный подданный господин Ден, призванный графом для ис-

коренения злоупотреблений в своих имениях. Он «тех убеждений, что неуклонная система всегда достигает благих целей». Это отдаленный предшественник немца Пекторалиса из «Железной воли», прибывшего в Россию покорить ее при помощи своей системы. Быстро обнаруживается, что гуманные проекты Дена далеки от понимания народной психологии. Он требует во всем порядка, а у нас «того терпеть не могут». Он не отпускает крестьян на заработки, а им непременно надо уйти: на Украину за дешевой водкой, как объясняет один купец. Он гуманно и твердо проводит свою «систему», не наказывает на конюшне, не бьет, наказывает по-своему: привязывает провинившегося... за ниточку, как воробья, запрещая что-либо делать — сиди, дескать, просто так и смотри, как другие работают. Такая «язвительность» быстро приводит к бунту. Крестьяне готовы пострадать самым жестоким образом, лишь бы избавиться от гуманного администратора.

Лесков помнил слова своего друга Якушкина, который в очерке «Бунты на Руси» писал, что крестьянин «решительно не верит ни во что, что выдумано образованными». И здесь же не скрывает скептического отношения к «административному восторгу» — модной теме тогдашних либеральных изданий. Он дает иронический портрет самого рассказчика, молодого чиновника, который верил, что «в нашей административной организации обнаружить зло — значит сделать шаг к его искоренению». Из помощников правителя один еще кое-как слушал этот рассказ, но другой без церемонии барабанил по окнам пальцами, а полицмейстер, оседлав ногами свою кавалерийскую саблю, пускал из-под усов колечки из дыма и как бы собирался сказать: «Как вы, дитя мое, глупы!» По мнению писателя, неизбежно терпят крушение проекты тех агитаторов, которые шли «в народ» со своим словом, тоже с самой гуманной «системой». Таков в рассказе «Овцебык» сын сельского дьячка Василий Богословский. «Ему отдавать было нечего, но он способен был снять с себя последнюю рубашку и предполагал такую же способность в каждом из людей, с которыми сходился...» Это непосредственный предшественник будущих лесковских «праведников».

Интересно, что образы «праведников» появились в самых ранних произведениях Лескова. Писателя непреодолимо «тянуло» к положительным типам из народной жизни, и в этом он был близок Л. Толстому и Ф. Достоевскому. Даже исключительно мрачный колорит романа «Житие одной бабы» он не мог не «разрядить» образом народного фельдшера Крылушкина. Как и многие другие персонажи Лескова, Крылушкин ищет свою правду, далекую от официальной, признанной и узаконенной в то время, и поэтому приходит в столкновение с местными властями. Какой-то патриархальной идиллией веет от рассказа писателя о тихом и кротком Пизонском из ранней редакции романа «Чающие движения воды». С исключительной самоотверженностью Пизонский, не укладывающийся в официальный мир старгородского общества, заботится о двух девочках-сиротках, его племянницах. Сняв бедную каморку, сложив крошечную печурку, Пизонский явил собою, по словам писателя, пример того, «как надо разрешать проблематические трактаты о счастье».

Вместо хрустального дворца Фурье — чулан бабушки Роховны, уступившей свою каморку «по полтиннику за месяц» ски-

тающемуся по земле добряку с кошелкой за плечами, в которой спокойно спят дети. Писатель предлагает свой художественный ответ на запросы времени. Не хорошие порядки нужны нам, а хорошие люди, говорит Лесков. «Праведники», без которых не стоит ни одно село, появляются из той же народной среды. И служат они не только малым или слабым этого мира, а самой России.

Лесков глубоко верил в народ, в его нравственное здоровье, в чистоту его потаенных помыслов и надежд. Скоро его уже начинают привлекать не просто «униженные и оскорбленные», а люди активного действия, грудью встающие за правду. Таков Ахилла Десницын из романа «Соборяне», отдаленный потомок Алеши Поповича, и ряса для него столь же случайна, как и для «очарованного странника» Ивана Флягина.

Герой «Очарованного странника» бывший крепостной, в трудных борениях с собой и многочисленными препятствиями, которые встретились ему в жизни, ищущий правды, напоминает автору простодушного русского богатыря: «Казалось, что ему бы не в ряске ходить, а сидеть бы на «чубаром» да ездить в лаптищах по лесу и лениво нюхать, как «смолой и земляникой пахнет темный бор».

Если своего «Левшу» писатель сделал под русский лубок, столь популярный тогда в народе, то «Очарованный странник» больше напоминает былинный эпос, герой которого «всю жизнь свою... погибал и никак не мог погибнуть».

В сущности, Иван Флягин — это народ, ищущий правды и справедливости на самых неизведанных дорогах. Для писателя он имел непосредственную связь с другим любимым персонажем — несмертельным Голованом, который в лютую чуму спасает своих односельчан от напасти. Оба они — и Иван Флягин и несмертельный Голован — из Орловской губернии, где прошло детство писателя. Лесков, как всегда, опирается на какие-то личные впечатления и воспоминания об уездной русской глуши, в которой попадались люди, подобные Ивану Флягину. Лесковский «праведник» — олицетворение народа, медленно пробивающегося к новому сознанию. И само желание Ивана Северьяновича снять клобук и надеть «амуничку», то есть пойти на войну, чтобы пострадать за народ, под силу «очарованному страннику», и все собеседники его так это и поняли.

В конце повести образ русского странника вырастает в монументальную фигуру. Лескову дорого в нем как раз героическое начало, оно словно предсказывало неизведанные горизонты в самой судьбе народа.

Современники не поняли тогда скрытого смысла повести Лескова, его веры в народ. Пройдет немало десятилетий, пока Горький не скажет о его произведениях этого цикла: «...он писал не о мужике, не о нигилисте, не о помещике, а всегда о русском человеке, о человеке данной страны. Каждый его герой — звено в цепи людей, в цепи поколений, и в каждом рассказе Лескова вы чувствуете, что его основная дума — дума не о судьбе лица, а о судьбе России».

Мысль писателя пробивала себе дорогу, опровергая старые схемы и привычные каноны, эта главная мысль — о русском человеке на сложном историческом повороте его судьбы. «Трудный

рост» — так называл сам писатель свой нелегкий творческий путь.

Лесков создал в литературе свой особый стиль. Отсюда многообразие жанров и их подразделений: «Биографический очерк», «Истинное событие», «Сказ», «Картинка с натуры», «Легендарный случай», «Рапсодия», «Отрывки из юношеских воспоминаний».

Писатель словно подчеркивал реальность тех событий или лиц, которых изображал в своих произведениях. Так, в ряде рассказов о «праведниках», относящихся к недавнему прошлому николаевской эпохи, Лесков использует приемы документальной прозы. Как правило, герои его — реальные люди. Но писатель не следовал формулярному списку, когда рассказывал об их жизни, его интересовали типические черты эпохи, характерные события и явления, дающие красочное представление о ней. Сам он называл эти свои произведения «бытовыми апокрифами».

Наиболее известный рассказ Лескова из цикла о «праведниках», тоже относящийся к николаевской эпохе и основанный на реальных событиях, — это «Человек на часах», встреченный одобрением и читателей и критики. Это редкое единодушие объяснялось и блестящим мастерством писателя, и той горечью, с которой он повествовал о рядовом Постникове — простом русском герое, получившем наказание за то, что спас утопающего в Неве. Фантасмагория «замундиренной империи» Николая I раскрывалась в проступке часового, покинувшего пост у Зимнего дворца ради спасения человека. Все озабочены больше всего тем, чтобы наградить за спасение утопающего случайного офицера, проезжавшего в тот момент по набережной, и скрыть действительного «виновника» происшедшего. И каждый получает свое: офицер — орден, а рядовой Постников — двести розог. Даже сам владыка, в котором читатели узнали Филарета, автора манифеста об освобождении крестьян, выразил полное согласие с решением полковника Свиньина выпороть рядового, хотя батальонный командир и чувствовал некоторое смущение от неожиданного конца всего дела. Ведь рядовой Постников «понимал, что, спасая жизнь другому человеку, он губит самого себя...». «Это высокое, святое чувство!» — говорит воспитанный в христианском духе Свиньин митрополиту. Но владыка с этим не согласился: «Святое известно богу, наказание же на теле простолюдину не бывает губительно и не противоречит ни обычаю народов, ни духу писания. Лозу гораздо легче перенесть на грубом теле, чем тонкое страдание в духе».

И добрый и участливый Миллер, начальник караула, где был Постников, и «человеколюбивый» Свиньин, приказавший выпороть Постникова, и обер-полицмейстер Кокошкин — все понимали, что рядовой совершил героический подвиг, но в николаевское время он мог обернуться большой неприятностью для всех невольных участников этого дела. Поэтому, к общему удовольствию, находчивый обер-полицмейстер и «повернул» его так, что хвастуна офицера наградили, да и Постников тоже рад, что отделался легко — экзекуцией при строе «как следует».

Русская литература XIX века до сих пор поражает многогранностью таланта своих главных представителей. Лескову оказались под силу и едкая сатира, ставящая его рядом с Салтыковым-Щедриным, и жанр неторопливо развертывающейся семейной хроники («Захудалый род»), напоминающей повести С. Аксакова, жанр

автобиографического произведения («Далекие годы») и популярный в прошлом жанр святочных рассказов, «рассказов кстати», основанных на действительных событиях, художественно преображенных фантазией писателя. Его рассказы — неплохой путеводитель по тогдашней России. Однако, несмотря на пристрастие к точной бытовой детали, писательская фантазия иногда побеждала «приземленность» отдельно взятого факта.

Предметом этих произведений были «знамения времени», наложившие отпечаток на всю эпоху, — такие, как голод 1891 года, деятельность народовольцев («Путешествие с нигилистом») или усиление полицейских преследований, характерное для царствования Александра III («Административная грация»). Называя себя «выметальщиком сора», создав в 80-е годы ряд произведений с несомненным отпечатком толстовских идей, Лесков мучительно ищет положительное начало в характере русского человека, что, по мнению писателя, так необходимо современной жизни и составляет непреходящую ценность творчества писателя вообще.

Лесков хорошо знал талантливость русского народа, его тягу к красоте. Он ценил многочисленные изделия народных промыслов, а в своем «Левше» возвысил звание русского мастера. Да и сам он оставался таким же взыскательным к себе творцом, о чем бы ни писал.

В своих письмах к собратьям по перу Лесков любил вспоминать случай, связанный с именами поэта Ф. Глинки и историка Н. Карамзина. Однажды он напомнил его в письме к поэту-самоучке А. Разоренову — автору впоследствии широкоизвестной песни «Не брани меня, родная». Просмотрев присланные ему «вещи» молодого поэта, которые показались «очень и очень незаурядными», Лесков в то же время заметил: «Отделывать их вы или не умеете, или совсем не хотите. Так писать нельзя». И далее приводит широко распространенный анекдот о Карамзине: «Когда появились его повести, один из тогдашних поэтов, Глинка, спросил автора: «Откуда у вас такой дивный слог?» — «Все из камина, батюшка!» — отвечал Карамзин. Тот в недоумении. «Не смеется ли?» — думает. «А я, видите ли, — отвечает, — напишу, переправлю, перепишу, а старое — в камин. Потом подожду денька два, опять за переделки принимаюсь, снова перепишу, а старое — опять в камин! Наконец-то уж и переделывать нечего: все превосходно. Тогда — в набор».

Именно так работал и сам писатель. Одному из своих корреспондентов он сообщает о рассказе «Несмертельный Голован»: написал его «вдоль», теперь надо пройтись «поперек», переделать набело. Каждому своему замыслу он отдавался со страстью, находя в такой работе исход для мучивших его сомнений и мыслей. Представление об искусстве у него было такое же высокое, как у других русских классиков XIX века.

В тесной связи с искусством Лескова-писателя находилось его страстное увлечение живописью. Автор повести «Запечатленный ангел», Лесков через всю жизнь пронес любовь к живописи, отдавая ей немало внимания и времени. Многие годы он усердный посетитель выставок произведений русских художников, их мастерских. Он переписывается с Репиным, живо откликаясь на его новые картины. Лесков, конечно, хорошо знал не только современную русскую живопись, но и картины старинных мастеров, в том числе западноевропейских. Интересные мысли о твор-

честве художников эпохи Возрождения, свидетельствующие о глубоком знании предмета, имеются в незаконченной повести Лескова «Чертовы куклы». Причем в произведениях, посвященных искусству, автора больше всего волновали не тайны ремесла, а судьба художника и его творчества в современном мире. Он с живейшим интересом встречает выступление Л. Толстого, посвященное роли и назначению искусства.

Какие же мысли привлекли Лескова в этой небольшой статье, посвященной искусству подлинному и мнимому? Л. Толстой еще не развил здесь свои известные идеи об искусстве «господском», создававшемся для нужд небольшой, «образованной» части общества, и искусстве подлинно народном, о громадной пропасти, существовавшей между ними. Однако и здесь заметно, что великий художник не просто подчеркивает высокую цель и задачи искусства, но и останавливается на самой личности творца: «Для того, чтобы то, что говорит художник, было вполне ново и важно, нужно, чтобы художник был нравственно просвещенный человек, а потому не жил бы исключительно эгоистичной жизнью, а был участником общей жизни человечества».

В ряде произведений 70—80-х годов Лесков ставит проблему о духовном мире художника, вступающего на трудную стезю служения людям. Каким духовным «потенциалом» должен обладать молодой человек, перед которым открываются широкие горизонты новой и неизведанной жизни? Повести Лескова «Детские годы», «Чертовы куклы» близки произведениям Гоголя «Портрет», «Невский проспект», его многочисленным высказываниям о личности творца, о его духовном и нравственном мире. Сам Лесков прямо говорил: «Я люблю литературу как средство, которое дает мне возможность высказать все то, что я считаю за истину и за благо; если я не могу этого сделать, я литературы уже не ценю; смотреть на нее как на искусство не моя точка зрения... Я совершенно не понимаю принципа «искусство для искусства»: нет, искусство должно приносить пользу — только тогда оно и имеет определенный смысл... Точно так же и в литературе: раз при помощи ее нельзя служить истине и добру — нечего и писать, надо бросить это занятие».

В своих представлениях об искусстве Лесков был особенно близок к Л. Толстому. Не пресловутая красота, выдвинутая декадентами к концу века на передний план, а общественная полезность и народность искусства увлекали писателя. Он не дошел до такого резкого разрыва с «барским» искусством, которое публично обличал Толстой, но он всегда подчеркивал святое право художника на постановку таких вопросов, которые затрагивали жизнь миллионов.

Проблемы искусства Лесков живо обсуждает в письмах со своими современниками. Это прежде всего Л. Толстой, к которому писатель ощущает особую духовную близость, поддерживая его «еретическое» настроение, его резкий разрыв с официальным миром, с господствующими сословиями, его слугами, с казенной церковью. Лесков создает вскоре «Мелочи архиерейской жизни», «Заметки неизвестного», давшие сатирические зарисовки тогдашнего духовенства. Лесков далеко отошел от своих прежних намерений нарисовать идеальный причет русского города, как в «Соборянах». «Я не написал бы «Соборян» так, как они написаны», — оговаривается он в одном письме.

Близость к Л. Толстому ощущается во многих произведениях Лескова 80-х годов. Хорошо знавшая писателя в последние годы его жизни Л. И. Веселитская-Микулич так вспоминала о тогдашнем умонастроении Лескова. Учитывая его болезненное состояние, она старалась ничего не говорить неприятного или раздражающего его. «Только когда он слишком обрушивался на священников, которых он неизменно называл «попами», я, не стерпев, называла его и Льва Толстого сектантами!

— Нет, не сектанты, — поправлял он меня. — Мы не сектанты, а еретики. А я только не понимаю, как при вашей очевидной любви к Толстому, — ведь вы его любите, — как он для вас не авторитет. Непонятно. Нельзя одновременно любить Льва Толстого и Иоанна Кронштадтского».

Шарлатанская деятельность этого «чудотворца», не случайно упомянутого здесь, получит соответствующую сатирическую «подсветку» в повести «Полунощники». Характерно, что Лесков обрушивается не только на высших служителей церкви, но одинаково не приемлет и «рядовых» ее пастырей. Он не принимает церковь, забывшую о «евангельских» истинах добра и справедливости, церковь, оправдывающую социальное неравенство, войны, смертные казни, церковь, служащую удобным пристанищем для корыстолюбивых попов и их прислужников.

Но это не мешало и скептическому отношению Лескова к толстовским идеям «непротивления» и их приверженцам. Л. И. Веселитской-Микулич запомнились слова Лескова, что со смертью Льва Николаевича «все это, вся игра в толстовство кончится да так кончится, что и вспоминать об этом никто не будет».

В последнем опубликованном при жизни писателя произведении — повести «Зимний день» — это новое отношение в толстовству отразилось в полной мере, хотя тема затронута в легком салонном разговоре двух праздных барынь. Их иронические высказывания по адресу «непротивленок» и «непротивленышей» следует оценивать, так сказать, со скидкой на лица тех, кто их произносит. Но все равно скептический взгляд автора на это явление достаточно красноречив.

Сохраняя неизменное уважение к Л. Толстому, Лесков в то же время решительно отделяет его от последователей. «Не так страшен черт, как его малютки» — в этой игре слов виден уже сам писатель.

На исходе 80-х годов после Л. Толстого Лесков считался наиболее знаменитым писателем. Все чаще он встречается с молодыми литераторами, которые смотрят на него как на признанного мастера. Лесков дарит своего «Левшу» молодому Чехову, с одобрением отзывается о его повести «Палата № 6». В переписке Лескова мелькают имена И. Потапенко, поэта К. Фофанова, которого писатель особенно любил. Молодой и энергичный репортер, друг многих писателей, художников, людей самых разных городских слоев Вл. Гиляровский вспоминал о своих визитах к знаменитому современнику.

Лесков до сих пор известен прежде всего как создатель «Левши», «Очарованного странника», «Тупейного художника», «Чертогона». Однако в творчестве писателя нет «главных» и «второстепенных» произведений. Вместе с крупнейшими писателями-современниками Лесков нарисовал наиболее полную картину жизни пореформенной России, показав не только губительную

власть «банковских нравов», но и красоту и мужество русского человека в его поисках народной правды. Лесков не обладал «исступленным», пророческим даром Ф. Достоевского, не надеялся изменить мир в согласии с новой моралью, как яснополянский философ, он знал, что рано или поздно сам народ выдвинет из своей среды подлинных героев, «новых людей», о которых достаточно прозрачно написал в повести «Заячий ремиз», не увидевшей света при жизни писателя по цензурным соображениям.

Книги Лескова неизменно показывают, что он знал и любил Русь. Нигилистические высказывания в ее адрес вызывают резкий отпор со стороны писателя. Не осталось без внимания, например, одно замечание А. Волынского о России, которую он назвал «полуневежественной Обломовкой». Возмущенный писатель отзывается на это так: «В статье Волынского... сказано, будто «полуневежественная Обломовка» не дала ни одного борца за теоретическую истину». А раскол? А сожженный поневоле Курицын и его товарищи? А Косой и Матвей Башкин и вообще «религиозные вольнодумцы»? Неужели это не «борцы» за теоретическую истину?»

Он умел ценить творчество тех русских писателей, которые по-своему, оригинально показали неведомые ранее литературе «куски» русской действительности, какие-то важные стороны и черты того времени. Так, он дает справедливую оценку творчеству С. Терпигорева, творившего под псевдонимом С. Атава. Автор «Оскудения» показал в своих очерках дворянского разорения новые типы для тогдашней русской действительности. Он словно снял меланхолическую ностальгию с уходящих в прошлое «дворянских гнезд», дав их резко сатирическое, «снижающее» освещение. «Разве Лейкин не выразил жизни рыночного быта и мастеровщины, — пишет Лесков в одном письме. — Разве Атава не выразил дворянского рассеяния и «оскудения»? Мельников не воспроизвел быта раскола и староверия, и я, хотя слабо, не передал духовенство, богомолов и нигилистов? Лейкин, Атава и Мельников всегда останутся хорошими знатоками и описателями занимавшей их группы русских людей».

Сам Лесков словно врастает в русскую литературу конца XIX — начала XX века, у него все чаще появляются чеховские мотивы. Как верно заметил Б. Эйхенбаум, «Путешествие с нигилистом» мог бы написать и Чехов. А рассказ «Интересные мужчины» окажет несомненное влияние на Куприна («Брегет»). Непосредственным толчком для создания рассказа был очерк Г. Успенского «Куда девался один хороший русский тип?». Лесков ценил этого писателя, отлично знавшего русскую действительность, — «одного из немногих литературных собратий наших, который не разрывает связей с жизненною правдою, не лжет и не притворствует ради угодничества так называемым направлениям». В очерке Г. Успенского, упоминаемом Лесковым, одна «пожилая дама» говорит: «Нет теперь интересного мужчины... Вот что мне кажется...» Раньше «был господствующий тип мужчины, «достойного благоговения», поклонения... А теперь нет его... нет теперь такого типа, сокровенную глубину души которого масса женщин могла бы в самом деле благоговейно чтить, уважать ли, наконец, просто бояться...»

В рассказе «Интересные мужчины» писателю хотелось пока-

зать черты, необходимые новому времени, пораженному духом делячества.

Обычная офицерская среда, времяпрепровождение в ней однообразное: «Кутежи и поклонение Бахусу, а также богине радости сердечной». То самое общество, из которого вышли герой пушкинского «Выстрела» Сильвио, офицеры Лермонтова, где имелись свои Грушницкие и Максим Максимычи: «Общество самое пустое и забубенное, в котором молодые спешили равняться со старшими и все равно не представляли в своих особах ничего умного и достойного уважения».

Так характеризуется среда, в которой произошла драма, невозможная для «банковского» времени, драма настоящей любви.

Есть что-то простодушное и безыскусное в рассказе Лескова. Так может рассказывать о прошлом человек бывалый — самый распространенный герой произведений Лескова, выступающий под различными именами, представляющий разные социальные слои общества.

Рассказ «Интересные мужчины» представляет собой произведение, предсказывающее будущие образы русских офицеров Чехова и Куприна, наивных мечтателей вроде барона Тузенбаха или поручика Ромашова. Герои Лескова оказались способны на подлинную глубину чувств. Драма любви тесно сплетена с уголовной историей, когда обнаружилось, что у одного приезжего поляка, игравшего в карты с офицерами, исчезла крупная сумма денег. Вступает в действие понятие об офицерской чести. Решено было обыскать всех подряд. Поиски ни к чему не привели, и лишь один юный корнет Саша, двоюродный брат молодой жены полкового командира, отказывается дать себя обыскать, заверяя всех честным словом, что чужих денег у него нет. А затем неожиданно кончает с собой. Дело объяснилось просто: он хранил маленький медальон с портретом молодой полковницы, подаренный ему еще до замужества в залог вечной любви. Он остался верен своему чувству, но не хотел, чтобы другие знали об этом.

Знамением времени для Лескова было исчезновение рыцарского великодушия и мужской чести в любви, и он напомнил старую офицерскую историю с той же целью, с какой писал о «праведниках», встречаемых им ранее, вспоминал о других лучших людях, попадавшихся ему в жизни.

«Иной даже любить может, да и оставит — скучно станет. А отчего это? — чай от многого, а более всего — думается — не от равнодушия ли к тому, что называется личной честью?..» — заключает свой рассказ писатель.

На глазах Лескова ушли в прошлое издержки писаревского «разрушения эстетики», попытки «развенчания» Пушкина. Лесков любил подлинную поэзию, особенно Пушкина, Никитина, А. Толстого. Он ценил Пушкина как «главного и действительно великого представителя» русской поэзии.

Несмотря на сложные отношения с рядом русских писателей — своих современников, Лесков оставил о них отзывы, проникнутые не преходящими соображениями, а мыслью о развитии отечественной словесности. Гордое звание писателя он нес с достоинством всю жизнь и никогда не шел на уступки, противоречащие его убеждениям. Он ценил творчество и тех литераторов, которых считал своими «противумышленниками». С усилением критических настроений писателя по отношению к тогдашней

действительности все чаще стали появляться сравнения «нового» Лескова с Салтыковым-Щедриным. Сравнение не кажется ему натянутым, а скорее лестным.

Долгие годы Лесков живет в Петербурге на Фурштадтской. Здесь созданы произведения, которые вошли в золотой фонд отечественной литературы. Именно здесь навестила его писательница Л. И. Веселитская-Микулич, оставившая описание его рабочего кабинета: «Я вошла в комнату, которая сразу показалась мне похожей на Лескова. Пестрая, яркая, своеобразная. Два окна на улицу. На одном из них клетка с птицей, звонко заливающейся веселыми трелями. Мирно тикают часы. Их что-то много, и, тикая, они переговариваются между собой. Сажусь на пеструю оттоманку. Вспоминаются мне чьи-то слова, чуть ли не из «Некуда», о том, что человеческое жилище всегда выражает собой характер его обитателя... Я оглядывала комнату... И казалось мне, что стены ее говорят: «Пожито, попито, поработано, почитано, понаписано. Пора и отдохнуть».

Дверь наконец отворилась. Вошел пожилой, довольно тучный человек, не совсем еще поседевший, с выразительным, умным лицом и живым неспокойным взглядом. Он был в домашней блузе из светло-серой фланели с лиловыми полосками. Блуза была не рабочая и не толстовская, а своя, лесковская».

На одной фотографии тех лет писатель запечатлен в простой, домашней поддевке, в низко надвинутой на лоб фуражке, какая бывает у простых ремесленников или мастеровых; из-под козырька — пронзительный взгляд человека, много перенесшего невзгод, незаслуженных обид и преследований, взгляд человека, сосредоточенного только на одном — на творчестве. Вспоминая беседу с Лесковым, молодая писательница слышит от него такие слова о Толстом:

«Великий человек. Сила, смелость, мощь и глубина. Вы знаете, услыхав о моей болезни, он хотел приехать ко мне. Я бы этого не вынес. Мне волнение вредно».

Несмотря на резкие отзывы о толстовстве, сам великий писатель остался неизменным нравственным ориентиром для Лескова. Оба шли одной и той же дорогой, хотя и прошли неравный путь. Если бы Лесков дожил до появления романа «Воскресение» — вершины критического реализма Толстого, порвавшего со всем официальным миром господствующих сословий, с антинародным государством и казенной религией, он, безусловно, приветствовал бы это самое смелое произведение русского гения. Когда в 1895 году Лесков скончался, в его кабинете, над диваном, висел большой портрет Л. Толстого.

Всем своим творчеством Лесков подтвердил, что в самый трудный, переломный период русской истории XIX века он оставался на стороне народа, и именно голос народа явственнее всего звучал со страниц его произведений.

●

Амир МАХМУДОВ

ПОЭЗИЯ БЕССМЕРТИЯ

15 февраля 1981 года Мусе Джалилю исполнилось бы 75 лет... Вся планета теперь знает о великом подвиге поэта и его товарищей, погибших в борьбе с фашизмом. Стихи Джалиля переведены более чем на шестьдесят языков мира. И каждый раз, читая строки поэта-борца, открываешь новую сторону его поэтического мира.

Одной из важных проблем в творчестве Джалиля является проблема бессмертия и героизма народа. Бессмертие человека тесно связано с бессмертием народных масс. Такую мысль высказывает поэт во многих своих стихах, песнях и поэмах.

Проходя по тернистым дорогам столетий, человек должен оставить для будущего свой след на земле. Это одна из основных философских мыслей поэта, высказанная во многих произведениях и, в частности, в стихотворении «Дуб»:

Стоит жить, чтоб в землю врезать
След поглубже, позаметней,
Чтоб твое осталось дело,
Словно дуб тысячелетний.

Бессмертию личности, непобедимой воле человека посвящены такие философско-лирические стихи поэта, как «Мои песни», «Песня девушки», «Воля», «Красная ромашка», «Меч», «Могила цветка». В этих прекрасных героических произведениях создается образ нашей свободной Родины. Каждое стихотворение поэта пронизано оптимизмом, верой в победу.

Стойкий борец и пламенный патриот, готовый в любую минуту встать в ряды советских воинов, Муса Джалиль в стихотворении «Прости, Родина» восклицает:

Есть одна у меня надежда,
Сердце стремится мое к одному:
В ваших рядах идти на битву.
Дайте, товарищи, место ему!

Идейно-эстетические принципы изображения народного подвига, выдвинутые поэтом еще до начала Великой Отечественной войны в драматической поэме «Алтынчеч», помогли Джалилю создать глубоко патриотический характер лирического героя. Как ни трудна была борьба за справедливость, поэт не теряет чувства оптимизма. Он и под топором палача создает стихи, вошедшие в

золотой фонд произведений татарской и многонациональной советской литературы.

О торжестве правды жизни над смертью говорится в стихотворениях «Влюбленный и корова», «Звонок», «Хадича», «Простуженная любовь», «Клоп», «Часы».

Известный татарский критик и литературовед Гизи Кашшаф во вступительном слове к новому изданию произведений поэта пишет, что такие жемчужины мог создавать только великий поэт, «понимающий всю красоту узоров жизни».

Правдиво осмыслив диалектическую сущность бытия, тонко чувствуя психологию героев, Муса Джалиль выполнил работу огромной важности. Истоки эстетического идеала поэта лежат в героической натуре самого народа, в его справедливой борьбе за освобождение человечества от фашизма.

Верный духу интернационализма, Джалиль видит и немецкий народ свободным, верит в его творческие силы, предрекая неизбежный крах нацизма.

Продолжая философско-эстетические традиции, выработанные Габдуллой Тукаем, Маджитом Гафури, Хади Такташем, Муса Джалиль создал новые образцы философской лирики. Он следовал и лучшим образцам русской советской поэзии, заставляя читателя еще глубже вникать в сущность явлений современности.

Героическая поэзия подарила Джалилю новую жизнь. Каждая его строка стала символом героизма и стойкости. Путеводная звезда в мир бессмертия — вечно живые, вечно звучащие, полные глубокого оптимизма стихи Мусы Джалиля.

●

НАШЕ ОБОЗРЕНИЕ

БОЕВОЙ ПОМОЩНИК ПАРТИИ

В преддверии XXVI съезда нашей партии смотр своих рядов проводил и ее боевой резерв и помощник — Ленинский комсомол. О славном пути комсомола, о неразрывной связи его с партией, о тех задачах, которые ставит КПСС перед комсомольцами, рассказывается в книге Е. М. Тяжельникова «Союз молодых ленинцев».

Возникнув как революционная партия рабочего класса, РСДРП должна была с самого начала позаботиться о надежной смене. В книге приводятся слова С. М. Кирова о том, что вопрос об организации рабочей молодежи «...стоял у нас с момента рождения нашей большевистской партии. Мы не успели еще оформиться в настоящих твердокаменных большевиков, когда Ленин призывал нас обратить самое серьезное, самое бережное внимание на подрастающее рабочее поколение». Рабочей молодежи нужно было объяснить, что путь к свободной и счастливой жизни — в революционной борьбе за свержение капиталистического строя и установление диктатуры пролетариата, построение социализма и коммунизма, нужно было учить и организовывать ее для этой борьбы.

Первым документом партии по вопросам юношеского революционного движения явилась написанная Лениным резолюция II съезда РСДРП «Об отношении к учащейся молодежи». В ней предлагалось организациям, группам, кружкам вовлекаемой в революционную работу молодежи «поставить на первый план в своей деятельности выработку среди своих членов цельного и последовательного революционного миросозерцания». В. И. Ленин предлагал также включить в резолюцию тезис о необходимости «остерегаться ложных друзей молодежи», но этот тезис встретил ожесточенное сопротивление Троц-

Е. М. Тяжельников. Союз молодых ленинцев. Изд. 2-е, дополненное. М., Политиздат, 1980.

кого и Мартова, добившихся исключения его из резолюции съезда. «Тезис о «ложных друзьях молодежи» тогда не был принят, но практика революционной борьбы, — подчеркивает Е. М. Тяжельников, — показала, насколько актуально было ленинское предостережение». Под слащавыми лозунгами «молодежь — барометр революции», «юность революции — ты всегда права» Троцкий и троцкисты не раз пытались совлечь недостаточно сознательных юношей и девушек с революционного пути; льстя молодежи, они пытались заразить ее своими мелкобуржуазными воззрениями, сбить с классовых, пролетарских позиций. В. И. Ленин же «всегда стоял за классовый подход к молодежи. Отмечая ее специфические особенности как возрастной категории, Владимир Ильич никогда не допускал их абсолютизации, рассматривал проблемы подрастающего поколения применительно к конкретно-исторической обстановке, в связи с борьбой классов». В книге разъясняется, что размежевание в обществе идет на самом деле по признаку классовых позиций, а не по «возрастному признаку», поэтому воспитание трудящейся молодежи должно вестись «в духе революционных идеалов рабочего класса» и «образцы героической борьбы русского пролетариата» должны служить «маяком в деле воспитания новых поколений борцов».

Настаивая на полной идейной общности партии и союзов молодежи, большевики в то же время выступали за организационную самостоятельность этих союзов, без которой нельзя выковать настоящих борцов за социализм и коммунизм. Взаимоотношения между партией и союзами молодежи определяются тем, что партия — это авангард класса, она руководит всеми его организациями.

Правильность этих принципов построения молодежных социалистических организаций и взаимоотношений их с партией рабочего класса подтверждена историей. На всех этапах классовой борьбы рука об руку с партией бились ее молодые союзники и помощники.

Готовясь к социалистической революции, партия приступила к усиленной организации рабочей молодежи.

К моменту вооруженного восстания бойцы в возрасте до 23 лет включительно составляли 54,6 процента Красной гвардии, а в возрасте до 30 лет — преобладающее большинство.

Чувствуя приближение революции и боясь ее, контрреволюционеры убаюкивали себя тем, что, мол, темные рабочие и крестьяне если и годны для разрушительной работы, то создать ничего не могут, и работа по управлению государством им не под силу. В 1917 году, незадолго до Октябрьской революции, реакционная газета «Новое время» со злорадством писала: «Допустим на минуту, что большевики победят. Кто будет управлять нами тогда? Может быть, повара, эти знатоки котлет и бифштексов? Или пожарные? Конюхи, кочегары? Или, может быть, няньки побегут на заседание Государственного совета в промежутке между стиркой пеленок? Кто же? Кто эти государственные деятели?.. Конюхи, няньки, кухарки — вот те, кто, по мыс-

ли большевиков, призваны, очевидно, править страной. Будет ли это? Возможно ли это? На такой сумасшедший вопрос большевикам властно ответит история». И история, подчеркивает Е. М. Тяжельников, действительно ответила. Рабочий класс, простые трудящиеся стали хозяевами страны. Рабоче-крестьянская молодежь стала активным участником преобразований. Партийные комитеты вовлекали молодых людей в деятельность государственных и общественных организаций, из числа передовой молодежи готовились кадры для партийных, государственных и хозяйственных органов. «Новые рабочие силы для управления государством, для осуществления задач диктатуры пролетариата, — писал В. И. Ленин, — подрастают быстро в лице той рабочей и крестьянской молодежи, которая всего более искренне, горячо, беззаветно учится, переваривает новые впечатления от нового строя, сбрасывает с себя скорлупу старых, капиталистических и буржуазно-демократических предубеждений, выковывает из себя еще более твердых коммунистов, чем старое их поколение».

Первый Всероссийский съезд союзов рабочей и крестьянской молодежи состоялся 29 октября — 4 ноября 1918 года. Образованный на этом съезде Российский Коммунистический Союз Молодежи был призван стать помощником партии в строительстве социализма, университетом коммунистического воспитания, в котором юноши и девушки приобретают навыки классовой борьбы, управления государством, общественной деятельности. Рожденный в огне революции комсомол выступил в первых рядах бойцов Красной Армии на защиту Советской власти. «Первое комсомольское поколение покрыло себя неувядаемой славой в ожесточенных боях за победу социалистической революции, за молодую Республику Советов, — пишет Е. М. Тяжельников. — Тысячи юношей и девушек сражались против полчищ иностранных интервентов, белогвардейских армий Колчака и Деникина, Юденича и Врангеля. Почти половина состава РКСМ тех лет — около 200 тысяч человек — участвовала в гражданской войне».

Комсомолу пришлось вместе с партией вести борьбу не только против внешних врагов, но и против внутренних. «Среди них самым искусным и коварным, — подчеркивается в книге, — а потому и наиболее опасным был троцкизм. Не получив в рабочих массах поддержки, троцкисты решили увлечь за собой часть политически незрелой, главным образом учащейся, молодежи». Они спекулировали на ее доверчивости и неопытности, проповедовали теории юношеского авангардизма, независимости комсомола от партии, ратовали за особую «партию молодежи». Комсомол с помощью партии разоблачил вредность «теорий», направленных на отрыв молодых пролетариев от своего класса, показал истинную цель противопоставления интересов юношеского движения интересам старшего поколения революционеров, партии.

Чтобы противостоять этим и другим мелкобуржуазным влияниям, нужно научиться классовому подходу к обще-

ственным явлениям. В книге подчеркивается, что «вся идейно-политическая работа партии и комсомола должна формировать у молодого поколения марксистско-ленинское самосознание, классовый подход к явлениям общественной жизни, воспитывать преданность делу Коммунистической партии». Идеей классового воспитания пронизана речь В. И. Ленина на III съезде комсомола. В этой речи В. И. Ленин определил главную задачу комсомольцев — учиться коммунизму, воспитывать в себе коммунистическую нравственность. Эксплуататорские классы, скрывая свои интересы, замалчивали классовый характер морали и нравственности, разглагольствуя о боге, абстрактной справедливости, правде и красоте. Ленин в своей речи подчеркнул: «Всякую такую нравственность, взятую из внечеловеческого, внеклассового понятия, мы отрицаем. Мы говорим, что это обман, что это надувательство и забивание умов рабочих и крестьян в интересах помещиков и капиталистов.

Мы говорим, что наша нравственность подчинена вполне интересам классовой борьбы пролетариата. Наша нравственность выводится из интересов классовой борьбы пролетариата». В книге приводятся основные положения речи В. И. Ленина на III съезде РКСМ, показано подлинно программное значение речи по глубине решения поднятых проблем, их философскому, научному осмыслению, ясности коммунистической перспективы.

На смерть своего вождя и учителя комсомол ответил сплочением рядов вокруг большевистской партии. В Манифесте, принятом в июле 1924 года VI Всесоюзным съездом КСМ, говорилось: «КСМ, принимая имя Ленинского комсомола, клянется, что какие бы препятствия на нашем пути ни стояли, каких бы жертв от нас ни требовали, мы выполним все эти задачи, мы не уроним знамени Ленина. По тысячам фабрик и заводов, по рудникам и шахтам, по лицу всей земли советской, в селах и деревнях разнесет комсомол знамя и идеи ленинизма. Он поднимет и воспитает под руководством славнейшей, испытанной РКП новые сотни тысяч ленинских бойцов». В книге Е. М. Тяжельникова убедительно показано, что эта клятва комсомольцев 20-х годов стала клятвой верности всех комсомольских поколений заветам Ленина.

Чрезвычайно сложным было решение задач строительства социализма. Отвергнув троцкистскую теорию «ситцевой» индустриализации и капитулянтскую идею затухающих темпов роста экономики, Коммунистическая партия дала решительный отпор попыткам нарушить единство и преемственность революционных поколений, отвлечь юношество от социалистического строительства, отравить его сознание ядом нигилизма, внести разброд в молодежное движение под флагом «свободы фракций и группировок», «защиты демократии». В сентябре 1920 года Центральным Комитетом РКП(б) было обращено внимание партийных и комсомольских организаций «на некоммунистические уклоны, замечавшиеся у некоторых активных товарищей из союза молодежи... Так, они

вели борьбу за организацию советов рабочей молодежи, противопоставляя не класс пролетарский классу буржуазному, а юных пролетариев пролетариям взрослым, извращая, таким образом, принцип классовой борьбы». Преодолеть эти уклоны и активно участвовать в решении задач социалистического и коммунистического строительства помогло формирование и постоянное укрепление партийного ядра в комсомоле.

Героическими вехами истории комсомола стали первенцы индустриализации Кузнецк и Магнитка, Днепрогэс и Турксиб, «Уралмаш» и Сталинградский тракторный, Метрострой и Комсомольск-на-Амуре. В первой пятилетке на ударные стройки было направлено свыше 350 тысяч комсомольцев. В период коллективизации в ответ на призыв партии «Комсомолец — на трактор!» в стране было подготовлено 2,5 миллиона молодых механизаторов. К началу 1934 года членами колхозов состояли 93 процента деревенских комсомольцев. «Когда начался великий перелом в сельском хозяйстве, когда развернулась острейшая классовая схватка в ходе коллективизации — пишет Е. М. Тяжельников, — комсомол проявил себя верным боевым помощником партии в деревне... Первые сельские комсомольцы перепахали не только старые межи, но и старые привычки, весь прежний уклад деревенской жизни».

Как верный помощник партии комсомол проявил себя и в суровые предвоенные годы, проводя работу по повышению обороноспособности страны. Он взял шефство над Военно-Морским и Военно-Воздушным Флотом, а в 1927 году, как и в годы гражданской войны, было введено военное обучение комсомольцев. Комсомольцы выступали инициаторами открытия аэроклубов, строительства тиров, парашютных вышек. К началу Великой Отечественной войны было подготовлено из числа молодежи около 400 тысяч летчиков запаса, парашютистов, авиационных специалистов, 52 тысячи медсестер, десятки тысяч других специалистов.

Уже в первые дни после нападения фашистских армий на СССР миллионы заявлений с просьбой послать на фронт были поданы молодыми патриотами в военкоматы, партийные и комсомольские комитеты. Боевые расчеты «катюш» почти целиком состояли из коммунистов и комсомольцев. Для подпольной работы на оккупированных землях были оставлены 3,5 тысячи комсомольских активистов. Родина никогда не забудет подвигов Николая Гастелло, Александра Матросова, Зои Космодемьянской, героев Краснодона и Людинова, Таганрога и Оболи. В боях за социалистическую Родину классовое единство коммунистов и комсомольцев было скреплено кровью павших в смертельной схватке с фашистскими поработителями.

Новым подвигом комсомола было участие в восстановлении разрушенного войной хозяйства. Затем последовало освоение целины, покорение сибирских рек, строительство крупнейших заводов. По зову партии комсомол взял шефство над строительством Байкало-Амурской магистрали. Комсомольцы вез-

де на переднем крае борьбы за дальнейший подъем нашей экономики.

В конечном счете, пишет Е. М. Тяжельников, «осуществление всех наших планов зависит от людей, их знаний, культуры, коммунистической сознательности, готовности, воли и умения строить коммунизм». В идеологической работе необходимо исходить из того, что «в сознании людей не бывает вакуума. И если у человека своевременно не воспитываются марксистские воззрения, то их место могут занять чуждые представления, далекие от коммунистических». Сегодня, когда партия перед всем народом ставит новые сложные задачи коммунистического строительства, не только не стареет, а становится еще более актуальной поставленная В. И. Лениным перед комсомольцами задача учиться коммунизму. Раскрывая смысл этой задачи, Е. М. Тяжельников пишет: «Учиться коммунизму — значит неустанно овладевать теорией марксизма-ленинизма, вырабатывая в себе ясное понимание великого исторического дела, за которое боролись и борются КПСС, советский народ, твердую идейную убежденность в правоте этой борьбы, постоянно развивать в себе классовое самосознание, воспитывать себя на революционных традициях коммунистической партии и рабочего класса, в духе непримиримости к классовым врагам и их идеологии; учиться распознавать классового врага, какой бы личиной он ни прикрывался».

Нельзя не учитывать того, что наши идейные противники ведут огонь по великим завоеваниям социализма избирательно, в расчете на отдельные возрастные, социальные, национальные группы. Объектом самого пристального внимания империалистических пропагандистских центров была и остается советская молодежь. Прилагается много стараний, чтобы привить молодому человеку потребительскую психологию, опустошить его духовно, возбудить низменные инстинкты, настроить антиобщественно. Для этого используются любые средства, в том числе и средства искусства: литература, кино, театр. Идеологи антикоммунизма мечтают об «эрозии» идейно-нравственного сознания молодежи социалистических стран. Е. М. Тяжельников отмечает, что, к сожалению, в борьбе против враждебной идеологии «многим органам информации и пропаганды недостает оперативности, наступательности. Не всегда учитывается, что острые вопросы, оставленные без ответа, выгодны лишь классовому врагу».

В последнее время особенно активные усилия направляются на то, чтобы опорочить вошедший в плоть и кровь советских людей принцип пролетарского интернационализма, воспитание которого — одна из важнейших задач комсомола. «Особенно ярко и зримо, — пишет Е. М. Тяжельников, — выражается величие советского молодого человека — интернационалиста в бескорыстной помощи другим странам и народам». Советский Союз оказывал и оказывает огромную помощь и поддержку народам, борющимся за свою свободу. «Современная эпоха, — подчеркивается в книге, — характеризуется острейшей классовой борьбой на мировой

арене. Империализм ведет ожесточенную идеологическую войну против мирового социализма. Идеологи буржуазии стремятся ослабить могучее воздействие марксизма-ленинизма, великих достижений реального социализма, противопоставить молодежное движение общепролетарскому, лишить юношество ясных революционных перспектив, убаюкать его проповедью классового мира, так называемых «общенациональных», «общечеловеческих» интересов, притупить бдительность. Особую изощренность и упорство проявляют наши классовые враги в попытках повлиять на умонастроение молодежи социалистических стран, ослабить ее революционный дух, политическую бдительность». Вот почему партия еще и еще раз подчеркивает: «Нельзя быть активным комсомольцем, не овладев ленинизмом—марксизмом XX века, не изучив и не постигнув законы общественного развития, революционного движения, строительства социализма и коммунизма. Быть комсомольцем — это значит быть ленинцем». Тому, чтобы помочь комсомольцам воспитать из себя настоящих ленинцев, и служит книга Е. М. Тяжельникова «Союз молодых ленинцев».

М. ПОПОВ

ВСЕПОБЕЖДАЮЩАЯ ЖИЗНЬ

Наверное, в мировой литературе вечна будет тема добра и любви, побеждающих смерть. Быть может, не случайно, что в нашей стране, пережившей сотни вражеских набегов и вновь возвращавшейся к мирному созидательному труду, звучит она особенно волнующе.

Именно об этом размышляешь, знакомясь с новым романом Михаила Горбунова «Жаворонок, жаворонок, прилети».

Повествование о судьбе дочери типографского рабочего Аннушки знакомит нас с женщиной, мечтающей о мирной счастливой жизни, перенесшей в годы войны немалые муки, но сохранившей любовь и сострадание. Не правда ли, сколь обычна для русской женщины эта история... Ведь испокон века она провожает мужа, уходящего защищать Отечество, держит дом, сеет и пашет, а то и сама становится в ратный строй. Быть может, поэтому в нашем народе так близки понятия Мать и Родина и потому мог древний летописец сказать: «Нам Родина что младенец для матери».

Действие в романе разворачивается по преимуществу в предместье небольшого русского города. Лишь война вырывает героиню из привычной жизни. С ее завершением возвращается Аннушка, словно птица, в родное гнездо, отдавая тепло души растерзанному краю. Когда, баюкая уснувшего сынишку, она дает грудь погибающему от истощения чужому младенцу, это не только житей-

---

Михаил Горбунов. Жаворонок, жаворонок, прилети. Роман. — «Москва», 1980, № 4—5.

ская подробность, не только еще одно подтверждение величия русской души, но и образ страны, отдающей страждущим все, что у нее есть. Не случайно незадолго до этого в освобожденной Вене, размышляя о директиве командования передать в дар жителям муку, мясо, жиры, сахар, Аннушка, как замечает автор, «не оскорбилась за свой разоренный, измотанный войной народ, отдающий последнее». Смотрит она в этот миг на человека, удивительно похожего на того, кто убил на ее глазах отца. Но чувства Аннушки автор объясняет не в духе христианского «всепрощения», а именно как осознанное чувство долга перед всем миром, ответственности за него, за каждую былинку, как подвиг самоотверженности, пусть творится он и в самой будничной обстановке.

Михаил Горбунов умеет одной-двумя фразами дать представление об атмосфере действия, о том или ином действующем лице, стремясь к точному, скрупулезному описанию лишь того, что не сразу укладывается в сознании, что должно запечатлеться, остаться в нас. Анна, как и автор, пристально вглядывается именно в то, что нуждается в сострадании, и описание происходящего становится почти осязаемым.

Вот символическая сцена спасения чужого ребенка:

«По сморщенному его лобику Анна почувствовала что-то, что запульсировало в полумертвой бездне, по ту сторону рассудка, может быть, открылся еще живший капиллярик, дрогнул от поданного ему знака крохотный нервик. Анна снова вложила ему исходящую молоком грудь, он зашлепал губами, потянул, засвербив сосок тайной радостью, и тут же она почувствовала: будто оживающие мощи, начали расходиться локотки и коленочки, невообразимо немощные ручонки инстинктивно потянулись к Аннной груди.

Толкавшаяся где-то рядом, за плечом, женщина, напряженно сдерживая дыхание, засмеялась таким шелестящим смехом, в котором уже не было признаков безумия, будто и сама она оживотворялась вместе с клубочком своей плоти, что-то шептала и неизвестно на кого молилась: «Господи, господи...»

Если попытаться разглядеть философский, глубинный смысл повествования, то судьба Аннушки, в начале — юной девушки, в финале — молодой матери, воспитывающей без отца своего сынишку, выглядит не столь однозначной. Самое привлекательное в романе — его поэтичность, не привнесенная извне, а рождающаяся от знания жизни, влюбленности в нее. Отсюда постоянное ощущение неразрывной связи героини и всего окружающего ее — земляков, родного края, его природы, своего народа. Ни одно звено в этой живительной цепи не выпало, и скреплено все с самого начала именно любовью, то есть мечтой о созидании, о продолжении рода.

С тех пор как умерла мама, главным стал для Аннушки отец, Владимир Афанасьевич, тихий человек, для которого все в жизни сосредоточилось в дочери и в работе, в поеньком линотипе, чуде полиграфии, которому отдает он все силы. В любое время суток могут прийти за отцом, и, когда надо, он бежит к своей

машине. И поймем мы этого скромного человека в тот его смертный и самый высокий миг, когда громит он ломом чудо техники, чтоб не служило оно паразиту-захватчику: «...Он что-то кричал гебитскомиссару, выплевывая кровь, подавшись к нему изуродованным лицом, всем своим щупленьким телом, с которым не могли справиться охранники, и в эту минуту был чем-то похож на привязанного к столбу Тараса Бульбу».

У Владимира Афанасьевича и Горощихи, Нины Вильгельмовны и Григория Ивановича, Марии Федоровны и их детей, словом, у всех героев такие же нелегкие русские судьбы. Но ни одного унылого слова не услышим мы от них, каждый — богатырь в своем роде, каждый надеется, и все тянутся друг к другу. Роман «Жаворонок, жаворонок, прилети» мог быть посвящен целиком каждому из них и, думаю, оказался бы не менее интересным. Почему же Михаил Горбунов избрал именно Аннушку? Причин, возможно, множество. Но одно несомненно: в Аннушке соединились два животворных начала — материнство и детство, созидание и первое открытие мира. «Для Аннушки — окна ее комнатенки выходили в сад — он был как живой, вся ее жизнь состояла из чреды весеннего цветения яблонь и бесшумных листопадов в пору холодно-оловянного свечения неба. Уже с марта, когда на смолисто порушенный туманом-снегоедом наст ложились резкие кубовые тени, она начинала ждать пробуждения деревьев, а затем каждый день приносил ей тихую радость исполнения ее желаний почти ощутимым живым движением внутри стволов...»

А вот ночь. Сын Нины Вильгельмовны, Саша, говорит о вселенной, о звездах, уносящихся в бесконечность... «В ничто, — повторила Аннушка тоскливо от жалости к бездонным зернам Вселенной, которые гибнут, не дав никаких всходов... Если бы дотянуться до нее, взять в ладошки, как птенца, согреть нежным счастливым дыханием...»

Неумолимая война испепеляет родное, близкое, убивает отца, друзей юности, на милую землю, словно «дьявольщина, тяжелый морочный сон», приходят колонны завоевателей. Мир созидания, любви, предчувствия счастья разрушен безжалостной ордой. Но душа не умирает, живет. А ведь фашистской орде именно это-то и нужно — чтобы душа умерла!

И говорит нам об этой живой душе после полутора лет партизанских землянок, смертельной борьбы с врагом вновь природа.

Ночь. Аннушка идет в соседний отряд за почтой — к прилетающему нынче «кукурузнику» с Большой земли. «Полная луна стояла над соснами, свет ее падал с ветки на ветвь, пока не достигал земли; выбитая средь деревьев тропинка, придорожные кусты зеленовато мерцали, и Аннушку брала оторопь от призрачного лесного свечения. Облитый луной Снегирь был красив, как в сказке, когда, круто выгибая шею, запрокидывал голову, тихо ржал в ожидании свободы, уздечка, за которую вела его Аннушка, рассыпала мерцание и звон, что-то томило Аннушку, но она не знала, что сулит ей обступившая сказка».

Многие из событий романа предчувствуются героиней. Таково и предощущение встречи ее с Андреем. В этой сцене на партизанском аэродроме немало юмора (как и во всем романе), забавно со стороны столкновение лихого летчика и гордой девчонки. Понимание случившегося следует позже. Вот оно... «Вдруг в глаза ей посыпался тихий и легкий золотой дождь: перед ней по колени в уже прогретой солнцем воде стояла небольшая расцветшая ветла. Она вся светилась поднятыми к небу желтовато, невесомо опушенными сережками, гнездышками начинающейся жизни... Снегирь стал, опустил, будто в поклоне, голову к воде, и Аннушка долго смотрела на цветущую ветелку, словно вступая с ней в тайный заговор. Неожиданно ей снова привиделись «панки» и весенний сад за ее девичьим окошком... Всему свой черед, все приходит и уходит, и вот теперь пришло весеннее цветение к этому деревцу с ветками, похожими на девчоночьи отрочески тоненькие руки...»

Каждый миг, переживаемый героиней, увиден как бы глазами полуребенка, быстро взрослеющего, но сохраняющего нежную, не замутненную злом душу. И в то же время каждый этот миг как бы предугадан давно, еще в детстве. Предчувствие зарождающейся в ней новой жизни неотрывно от детского воспоминания о гениальном мальчике из Зальцбурга, о Моцарте, о богине на памятнике ему, увиденной на гравюре Нины Вильгельмовны. Сейчас Анна рассматривает этот памятник воочию и не может оторвать взгляда от богини. «Они как бы объединились в той тайне, которая их связывала и связывала пришедшего из детства мальчика-гения с ответливо ощущаемой в себе Аннушкой жизнью, и тут не было ни святотатства, ни гордыни...»

Автор стремится к предельной достоверности своего рассказа, и потому большая часть изображаемого насыщена цветом, запахом. Как и в русских пословицах и поговорках, к которым Михаил Горбунов охотно обращается, он лаконичными средствами создает запоминающиеся художественные образы. Вражеские танки ползут по городу, «будто принюхиваясь». Дети разоренных Николиных Дворов видятся Аннушке словно «худые опята». Взгляд ее блуждал по ним, «как по лицу очень близкого человека, которого она долго не видела», и чувствует она, как «соединяются какие-то распавшиеся рядом с ней и в ней самой звенья». Глаза у Нины Вильгельмовны «такие спокойные, что и говорить с нею хотелось тихо и ласково». Будто из самых глубин ее древнего рода доносятся к Аннушке мысли о добросердечии, сострадании, деянии души, о высоком женском предназначении. Звучащие в романе понятия «добрая душа», «вещий смысл», «жертва духа» не звучат архаично по той простой причине, что судьба Аннушки, мадонны с младенцем, — это ведь, по существу, житие одной из тех миллионов соотечественниц, которые жертвовали всем ради Отчизны.

Все пережито, все перенесено. И остается чистая совесть, материнское счастье. «Она кинулась к Андрюшеньке, смеша его и смеясь с ним, и, откинувшись, вдруг

будто впервые увидела совершенно развеселившую ее... слепленность невероятно знакомого, подрумяненного на прогулках весенним солнцем личика. Схватив своего птенчика, она подбежала с ним к окну и, держа под грудку, стала вскидывать, вынося, будто выбрасывая в золотое утреннее небо, в яблоневое цветение, в шмелиный гул, укладывая каждое движение в длину по-детски счастливого речитатива:

Жаворонок, жаворонок,
прилети...
Красное солнышко принеси...»

Роман Михаила Горбунова создает впечатление только что увиденного и услышанного мира во всем богатстве его симфонии. Ведь это наша близкая история, наша гордость, это признание в любви к героическому поколению советских людей.

Юрий ДЬЯКОНОВ

СДЕЛАТЬ ВСЕ ДЛЯ МИРА

Дипломатическая война скрыта от глаз наблюдателей. Но это война, и в ней есть свои сражения, свои герои и свои жертвы. И так же, как в сражении на поле боя, все в конечном счете определяют люди, их морально-политические и деловые качества. Боевая техника, оружие, какими бы совершенными они ни были, не могут воевать сами по себе. Все дело в том, в чьих руках они находятся, чьим интересам служат.

О дипломатической предыстории второй мировой войны написано немало — историками, публицистами, писателями. Все новые и новые публикации документов и свидетельства очевидцев подтверждают верность нашего внешнеполитического курса тех предгрозовых лет. В этом ряду, несомненно, выделяется книга И. Андросова «На перекрестке трех стратегий», повествующая о международном кризисе лета 1939 года, этом прологе второй мировой войны.

Страшная истребительная война стояла у порога Европы. Конечно же, и в тридцать девятом люди учились и работали, любили и растили детей. Но в тиши дипломатических кабинетов сроки этой войны уже назывались. Наше государственное руководство знало об этом, понимал это советский народ. С тревогой наши люди всматривались в день завтрашний.

Разумеется, на Западе и сейчас хорошо помнят трагический опыт истории второй мировой войны. Профессиональные защитники капиталистического общества порой неплохо изучают историю, знают факты. Но они сознательно занимаются их подтасовкой, сознательно лицемерят, сознательно закрывают глаза на подробности.

Новая книга содержит популярный и в то же время достаточно полный рассказ о внешней политике Англии и

Игорь Андросов. На перекрестке трех стратегий. М., «Молодая гвардия», 1979.

Франции. Мюнхенский сговор создал у руководителей этих стран надежды на возможность дальнейшего мирного сотрудничества с фашистской Германией. Чемберлен и Даладье надеялись, что отныне германская агрессия будет направлена только на Восток, хотя даже самый общий взгляд на внешнеполитический механизм нацизма показывал: гитлеровцы готовы пойти на любой пакт и разорвать любое соглашение в зависимости от своих тактических военных замыслов. В марте 1939 года войска фашистской Германии заняли Чехословакию, не обращая внимания на то, что ее границы после мюнхенской сделки были гарантированы правительствами Англии, Франции, Германии и Италии. Затем гитлеровская Германия вынуждает Литву подписать соглашение о передаче немцам Мемельской области. Заключается германо-румынское соглашение, превращающее Румынию в аграрно-сырьевой придаток Германии. И в том же марте Германия нагло потребовала от Польши передачи ей Данцига и «прав» на «польский коридор». Правительство Чемберлена с большим опозданием признало, что «политика умиротворения провалилась».

Только тогда начинается постепенный и еще нерешительный поиск дипломатов Англии общих с СССР позиций. Воздерживаясь от действительного сотрудничества с Советским Союзом, английское правительство все же боялось оттолкнуть от себя возможного союзника. Кроме того, англо-советские контакты оно стремилось использовать как средство давления на Германию. «Я должен признаться в своем глубоком недоверии к России, — писал Чемберлен. — Я не верю в ее боеспособность даже сдержать эффективное наступление». Нацистское руководство, в свою очередь, было неплохо информировано о настроениях английского правительства. Военное столкновение СССР с Германией являлось конечной целью английской внешней политики. Советские предложения о пакте трех держав отвергались. Предлагалось, чтобы в случае вовлечения Англии и Франции в войну Советский Союз оказал им немедленную военную помощь. Но при этом совсем не упоминалось, на какую помощь мог бы рассчитывать СССР со стороны Англии, Франции, если бы он оказался вовлеченным в войну, выполняя предложенные ему обязательства в отношении стран Восточной Европы. Не считая себя в достаточной степени готовой к войне с Советским Союзом, Германия начала дипломатическое маневрирование. Она стремилась полностью реализовать возможности, таившиеся в антисоветизме англо-французских правителей. С апреля 1939 года «третий рейх» азартно играет картой советско-германского сближения. Нацистское руководство успешно использовало антикоммунистический козырь в игре против правящих кругов западных стран, в то же время стремясь сорвать советские усилия по созданию системы коллективной безопасности.

Немало интересных страниц книги посвящено рассказу о германской дипломатии, о механизме ее создания и работы; вскрыта ее классовая сущность, тесно

связанная с геополитикой, теорией «избранного народа». Но, пожалуй, наибольший интерес для читателя представляет предыстория подписания советско-германского пакта о ненападении.

Искусство советской дипломатии сорвало планы мюнхенцев по развязыванию войны между Германией и СССР. Когда стало ясно, что англо-франко-советские переговоры обречены и создать фронт коллективной безопасности не удастся, Советское правительство вынуждено было принять германское предложение о заключении торгово-кредитного соглашения, а затем и договора о ненападении.

Автор объективен в изложении этой очень сложной темы. В книге показано, с какой осторожностью, с какой оглядкой шло наше правительство на переговоры с Германией. Но пойти на такие переговоры все же пришлось... Этого требовала безопасность нашей державы.

Англия и Франция, сорвав переговоры с СССР, вели секретные переговоры с фашистами. Летом того же года милитаристская Япония напала на Монгольскую Народную Республику. Красная Армия вела тяжелые бои с японской армией. Но до последнего часа, используя буквально все возможности, СССР стремился к союзу с Англией и Францией. Германский посол Шуленбург 3 августа 1939 года, то есть незадолго до приезда Риббентропа в Москву, записал в своем отчете: «Мое основное впечатление таково, что Советское правительство в настоящий момент полно решимости заключить соглашение с Великобританией и Францией, если они пойдут ему навстречу». Но этому активно противились Даладье и Чемберлен. Заключение англо-франко-советского соглашения не входило и в планы Белого дома. Соглашение не было достигнуто не потому, что СССР пошел на заключение договора о ненападении, как утверждают фальсификаторы истории, наоборот, договор был заключен именно потому, что были сорваны московские переговоры. СССР подписал с Германией лишь пакт о ненападении, а не о союзе. Он был готов продолжить переговоры с Англией и Францией.

Советско-германский договор был подписан в Москве 23 августа 1939 года. Его содержание, как отмечает автор книги, советская дипломатия разработала с особой тщательностью. Статьи договора с исчерпывающей определенностью и абсолютной ясностью отнимали у агрессора всякую возможность чем-либо оправдать нападение на СССР. Обе договаривающиеся стороны обязались воздерживаться от всякого насилия, от всякого агрессивного действия и всякого нападения в отношении друг друга как отдельно, так и совместно с другими державами. В случае, если одна из договаривающихся сторон окажется объектом военных действий со стороны третьей державы, другая договаривающаяся сторона не должна поддерживать ни в какой форме эту третью державу. Правительства обеих договаривающихся сторон обязались информировать друг друга по вопросам, затрагивающим их общие интересы.

Договор был подписан сроком на десять лет. Советское

правительство не пошло дальше обязательств, налагавшихся такого рода документами. Германская делегация предложила открыть договор пышной преамбулой о «дружбе» двух стран. На это И. В. Сталин ответил: «Советское правительство не может внезапно представить народу заверения о дружбе после того, как нацистское правительство на протяжении шести лет поливало его ведрами грязи». ЦК ВКП(б) и Советское правительство исходили из того, что пакт не избавлял СССР от угрозы фашистской агрессии, но давал возможность выиграть время в интересах укрепления нашей обороны, препятствовал созданию единого антисоветского фронта. Значение договора состояло прежде всего в том, что он серьезно подорвал единство внутри агрессивного фашистского блока, а это не могло не отразиться на ходе готовившейся войны. Например, в Японии 25 августа на заседании кабинета премьер Хиранума заявил, что «заключение пакта о ненападении между СССР и Германией противоречит антикоминтерновскому соглашению. Правительство решило прекратить линию на усиление антикоминтерновской «оси» между Японией и Германией... и ликвидировать прежние планы». Японский кабинет во главе с Хиранумой, выступавший застрельщиком совместной японо-германской войны против СССР, был вынужден 28 августа подать в отставку. Книга «На перекрестке трех стратегий» является убедительным ответом тем западным историкам, которые сейчас задним числом дают советы, как должно было вести себя Советское правительство в те суровые годы.

Пакт о ненападении был договором о поддержании мира между двумя странами. Мудрый шаг Советского правительства явился серьезным ударом по мюнхенской политике правительств Англии, Франции и США. Подписание пакта с Советским Союзом вызвало сильнейшее недовольство сил реакции, делавших ставку на немедленную войну против СССР. Особенно беспокоила самых твердолобых гитлеровцев возможность влияния пакта на настроения в широких массах немцев. Как отмечал в своем дневнике начальник генерального штаба германской армии генерал Гальдер, Гитлер во время совещания признал, что «пакт с Советским Союзом неправильно понят партией. Это пакт с сатаной, — заявил он, — чтобы изгнать дьявола». Он же требовал разъяснения для членов фашистской партии, что пакт является временной мерой и не меняет враждебного отношения к СССР.

Для советской дипломатии был очень актуален вывод В. И. Ленина, сделанный им в 1918 году: «Все, что может наша дипломатия дать, чтобы отдалить момент войны, дабы продлить перерыв, мы обязаны сделать, мы обещаем рабочим и крестьянам сделать все для мира».

Внешнеполитическая победа стратегии Советского Союза была закономерна. СССР с позиций марксистско-ленинской науки подходил к оценке экономических и социально-политических реальностей и потребностей развития международных отношений.

«История, — говорил Л. И. Брежнев, — жестоко

наказала «умиротворителей», которые отвергли все предложения Советского правительства о коллективном отпоре фашистским агрессорам. Вопреки прогнозам и надеждам, господствовавшим тогда в Лондоне, Париже и Вашингтоне, фашистская Германия начала вторую мировую войну нападением не на СССР, а на капиталистические страны Европы». Говоря о книге «На перекрестке трех стратегий», к сожалению, нельзя обойтись без замечаний. Первые две главы, повествующие о предыстории вопроса, несколько затянуты, перегружены второстепенным материалом. Их так и хочется скорее перелистать, чтобы перейти к сути интереснейшего исторического сюжета. Жаль, что нет карт, пояснений справочного характера. Но особенно обидно за ряд фактических погрешностей. Не «Дранх нах Остен», а «дранг», не Габино, а Гобино, не Гамолен, а Гамелен, не фон Ломберг, а фон Бломберг, по-русски принято писать не «форан-офис», а «Форин Оффис» и т. д. Этот упрек нужно адресовать вместе с автором и издательству.

Книга Игоря Андросова представляет несомненный интерес для широкого круга читателей. Воспитание интереса к отечественной и мировой истории, гордости за свою Советскую Родину, за советский народ — это важнейшие средства на пути к формированию патриотического мировоззрения у каждого советского человека. Книга вносит свой вклад в это важнейшее дело.

В. КОЛОБАЕВ,
С. СЕМАНОВ

ГЛАВНЫЙ ОРИЕНТИР

Современную нам литературу характеризует пристальное внимание к человеку, к его духовному и нравственному миру. Как достоинство прозы мы подчеркиваем ее психологичность, философскую глубину. При этом, рассматривая идейную направленность, проблематику произведения, мы не всегда обращаем внимание на построение сюжета. А ведь от того, насколько органично, реалистично сюжетное строение, во многом зависит сила эмоционального воздействия художественного произведения.

Книги Сергея Высоцкого, которому в феврале этого года исполняется 50 лет, не залеживаются на прилавке магазина или на библиотечной полке. Его повести и рассказы построены на занимательном сюжете — в этом особенность его письма, в этом его сила. Повести, посвященные работе милиции, не отделяются в творчестве писателя от повестей и рассказов, скажем, о блокаде, о военном детстве, о событиях недавних дней. Творчество Сергея Высоцкого не подразделяется на «серьезное» и «несерьезное». Писатель не обходит сложных

Сергей Высоцкий. Крутой поворот. М., «Молодая гвардия», 1979; Праздник перепутий. Повести и рассказы. М., «Современник», 1980.

ситуаций, столкновений неоднозначных, требующих размышлений прежде всего от читателя, так как сам автор не спешит дать свое решение конфликта. Сергей Высоцкий выступает и как новеллист, в краткой, емкой, сюжетной форме концентрируя обширное жизненное содержание.

Когда мы говорим об остросюжетной, детективной литературе, не нужно забывать о том, что сюжет не нейтрален, в нем заложена идейная позиция автора. В сюжетной расстановке персонажей, в столкновениях характеров — важная убедительная сила произведения, в особенности приключенческого или детективного жанра. В этом смысле книги Сергея Высоцкого радуют точно найденной и отчетливо выраженной позицией автора, его социальной зоркостью. А это немаловажно. Ведь, разбирая многочисленные публикации детективного жанра, еще нередко можно встретить произведения, где на первый план выходит некая «сильная личность», «мастер сыска», его блистательные победы и поимки бандитов. И хотя такие книги бывают посвящены борьбе с социальным злом, жестокость методов, неразборчивость в средствах достижения цели подобных «героев» сводят подчас на нет положительный эффект воспитательного воздействия. А что же тогда говорить о тех произведениях, где, возможно, помимо желания авторов, романтизируется сам преступный мир?..

Сергей Высоцкий не отходит от традиционного построения детективных повестей, но в самом сюжете акцентирует внимание на человеческой, личной ответственности за содеянное зло. И если детективное произведение написано с верных позиций, то мы увидим в нем социальные проблемы современности. Увидев же, сможем задать себе вопрос: почему возникают такие ситуации, откуда берутся негативные персонажи? И, может быть, в себе поищем маленькую язвочку, червоточинку, куда способен проникнуть вирус зла. В повести «Пропавшие среди живых» расследуется кража, ловят банду, угонявшую и продававшую машины. Но сюжет сталкивает прежде всего не преступников и работников розыска, а двух братьев. Заместитель начальника угрозыска Игорь Корнилов никак не может понять, когда же его брат Иннокентий, способный инженер, утерял верный жизненный ориентир, занялся приобретательством, очерствел душой. Нет, брат не связан с преступниками, хотя и соблазнялся «легкими деньгами», но, разбираясь в его жизни и в себе самом, Игорь Корнилов идет к решению вопроса о преступлении, вопроса прежде всего нравственного.

Но все-таки здесь преступление совершено. Повесть же «Крутой поворот» можно назвать своеобразным «антидетективом». Расследование там призвано доказать, что преступления не было, что смерть старшего помощника капитана Горина была несчастным случаем. Не скроешь от себя: читая повесть, так и ждешь, даже хочешь, чтобы открылось в рамках жанра нечто романтическое — обманутый муж убивает соперника... Бывает? Да, но автор, обманывая наши привычные ожидания, обращает нас к размышлениям. Сергей Высоцкий показывает, как равнодушие, эгоизм, жадность становятся

причиной большой беды для многих людей. Даже цельный, привлекательный образ капитана корабля Бильбасова напоминает нам о гражданской ответственности. Разве, давая дорогу подхалиму, приспособленцу, стяжателю, капитан не потворствовал преступлению, которое могло произойти? Разве его личная честность и чистота оправдывают маленькую вначале непринципиальность — по соображениям удобства, по нежеланию разбираться в неприятностях?

Преступления не было, но виновные были. Лично виновные, человечески ответственные. Эта мысль утверждается в повести, и поэтому кончается она не на драматической ноте, а буднично, ведь именно буднично может начинаться цепь поступков и уступок, которые ведут к беде.

В повести «Недоразумение» сюжет еще более отдален от дел милиции, хотя и тут есть нелепая гибель девушки. Да, гибель, хотя формально снова «несчастный случай». И снова сюжет ведет нас от причины к следствию, снова в центре столкновение людей, непосредственно непричастных к трагической случайности. Журналист Рукавишников, приведший к себе домой замерзавшую девушку, и его давний, с детских лет, приятель, а теперь сослуживец Возницын, предавший его, бросивший, опасаясь за свою — нет, не жизнь, — карьеру... Милиция появляется и в этой повести — вовремя, чтобы разобраться в происшествии, но слишком поздно, чтобы предотвратить его. Сергей Высоцкий как бы задает нам вопрос: почему же надо ждать «человека в форме», доводить до трагедии? Неужели нельзя разобраться самим, вовремя остановиться, спросить себя: а так ли живем? Вспоминая свою жизнь, разве не знал Рукавишников истинную цену Грише Возницыну, дважды уже предавшему? А зная это, почему молчал, молчал тогда, еще до войны, когда еще можно было остановить подлеца, да и свое место в жизни определить более четко? Недаром называют Рукавишникова Половинкиным: сделает доброе дело, а сам сомневается — стóило ли?

Да, по человеческим меркам милиция приходит иногда слишком поздно. Об этом с горечью размышляет Корнилов.

Он вспоминает мрачную историю, когда во время блокады сандружинница, спасавшая множество людей, однажды присвоила драгоценности умершей одинокой женщины. Преступление открылось случайно много лет спустя и по закону уже не каралось за истечением срока давности. Но для автора, как для его героя, не тот писаный закон важнее всего, а внутренний, нравственный. По этому закону для подлости и предательства срока давности не существует, по суду совести он не подлежит оправданию. Но особенность этого суда и в том, что творить его можно лишь над собой. В этом пафос повести «Увольнение на сутки». Ее герой, Петя Гаврилов, возвращаясь после войны в Ленинград, одержим одной идеей — покарать человека, виновного в смерти матери, обиравшего их, за ценнейшие книги и картины дававшего крохи еды... Но такой суд неправомочен, и Гаврилов, снова и снова вспоминая трагические события блокады, все же понимает, что не в силах

вершить расправу над жалким подобием человеческого существа, которое увидел в их старой квартире... Иначе в нем самом что-то изменится, стронется.

Прав Корнилов, когда говорит, что страшнее всего не само преступление, а некая готовность человека совершить его.

Сергей Высоцкий внешне скупыми художественными средствами достигает большой убедительности своих произведений. Его наблюдения, психологически точные диалоги, детали быта, конкретность временных примет не несут, быть может, особенной смысловой нагрузки, но сообщают читателю доверие к автору, к зоркости его взгляда, к верности его оценок. Работа следователя сталкивает его со многими людьми, и автор, таким образом, может познакомить читателя с целой галереей портретов наших современников. Для следователя такое столкновение мимолетно и запомнится лишь профессиональной деталью, но писатель может сделать такую встречу для читателя значительной. Так детективный сюжет включает в себя многообразное содержание различных сфер жизни в их связи и осмыслении. В повестях Сергея Высоцкого подобных встреч немало, и прежде других запомнится читателю слепой математик Кононов, случайный свидетель происшествия, чьи слова о смысле бытия во многом определяют идейный стержень и других книг писателя. Умение сообщить важную мысль устами эпизодического персонажа, а значит, сообщить ненавязчиво, исподволь — привлекательная черта повестей Сергея Высоцкого. Но главная его сила в сюжете. Характерно поэтому, что там, где сюжет ослаблен, где действие тормозится размышлениями — важными, принципиальными, но привязанными к сюжету, а не вытекающими из него, — там видна некоторая схематичность движения персонажей, как это происходит в повести «Выстрел в Орельей гриве». Не случайно один из самых сильных кусков этой повести — новеллистическая по форме вставка, рассказывающая о войне, об оккупации фашистами деревни, о русском мальчике по имени Тельман, о ночи в церкви, куда согнали всех жителей, и о сельском священнике, которого повесили на кресте за то, что помог он бежать пленным красноармейцам.

Говоря о достоинствах прозы Сергея Высоцкого, хочется подчеркнуть, что советская приключенческая литература — это литература публицистическая по существу, по жанровым особенностям, по обнаженности пристрастий автора, по художественным средствам, по ясности утверждаемой идеи. Именно в этом видится коренное отличие советского детективного жанра.

Публицистическая страстность, коммунистическая убежденность автора делают настоящий советский детектив, приключенческую книгу полноправным участником нашего литературного дела.

Искусство обличает и карает не злого человека, не конкретного носителя зла, а зло в самом человеке, обращая его взгляд внутрь самого себя. В этом главный урок и высокий смысл книг Сергея Высоцкого.

Георгий СУРИН

КРУГ ЧТЕНИЯ

Олег Туманов. Глубже ватерлинии. Повесть и рассказы. М., «Современник», 1979.

Олег Туманов пришел в литературу со своей, сугубо индивидуальной темой. В прошлом фронтовик, вначале — наводчик противотанковой истребительной батареи, а затем — инструктор-водолаз, участвовавший в спасении кораблей на Черном море, в районе Новороссийска, он воссоздает в своих повестях и рассказах неповторимые картины и эпизоды, свидетельствующие о мужестве и героизме наших советских воинов, моряков Черноморского флота.

Тема ратного долга, товарищеской верности, тема подвига нашла свое дальнейшее развитие и воплощение в новом сборнике прозы Олега Туманова «Глубже ватерлинии».

Глубоко символично посвящение, своего рода авторский эпиграф к книге:

«В 1941 году новороссийские мальчишки и девчонки по первому комсомольскому набору семнадцатилетними ушли на фронт.

Многие из них не вернулись, и человеческая память не сохранила их имен.

И люди поставили памятник Неизвестному матросу и зажгли Вечный огонь. И каждый час звучит гимн павшим героям...

Это все в честь него, моего товарища, сверстника, друга.

Если вы будете в Новороссийске, то поклонитесь ему: он очень мало прожил и все отдал людям. Он отдал за них жизнь — и стал взрослым только в бронзе...»

Возвышенная интонация посвящения задала настроение всей повести «Глубже ватерлинии» — ее патриотическому содержанию, романтическому звучанию.

Целая галерея образов мужественных и обаятельных людей нарисована автором. Это рассказчик Алеша и его любимая девушка Надя; начальник осоавиахимовской водной станции старший матрос Ян Григорьевич Воробьев и водолаз-глубоководник, инструктор дядя Саша Оболенский; капитан героического корабля «Ташкент» В. Н. Ерошенко, военные водолазы Голчнец и Стоценко,

Ставрида и Тягилев... И немало других, встретившихся Алеше на дорогах войны.

На страницах повести мы имеем возможность не только следить за возмужанием характера главного героя, ставшего одним из опытнейших морских спасателей и водолазов - глубоководников, но и приобщиться к боевым делам наших моряков, вместе с отрядом аварийно-спасательной службы, возглавляемым капитан-лейтенантом Ветовым, участвовать в подъеме флагмана Черноморской эскадры крейсера «Ташкент».

Повесть Олега Туманова приоткрывает еще одну малоизвестную, но славную и героическую страницу в истории Великой Отечественной войны.

Проза писателя полна жизнеутверждения. Это читательское убеждение подтверждают и новеллы о животных. Животные, птицы и даже «ручные» рыбы становятся полноправными персонажами произведений. В повести «Глубже ватерлинии» — это всеобщий любимец щенок Тамерлан и привязавшаяся к водолазу рыбка-бычок Тишка; в рассказе «Телега» — нескладеха кобылка Телега и форсистый конь Орлик; в новелле «Варлаам» — освоившийся в квартире и выросший возле человека сизый голубок с единственной приметочкой «Белое перышко»...

Книга Олега Туманова заслуживает пристального и благожелательного читательского внимания: книга мужественная, сердечная, добрая и при этом поэтичная, окрыленная.

Леонид БАЛАНДИН

Кадрия. Мосты. Стихи и поэма. Перевод с ногайского. М., «Советский писатель», 1979.

Дагестанский читатель знает Кадрию не только по выходившим на ногайском языке книгам и многочисленным поэтическим публикациям, но и потому, что она всегда находилась в гуще культурной жизни республики. Молодая поэтесса встречалась с любителями поэзии в огромных спортивных залах и маленьких сельских клубах, в студенческих аудиториях и на колхозных полях. Знаком с Кадрией и всесоюзный читатель по сборникам стихов «Улыбка луны», «Спасенные звезды». В 1979 г. издательство «Советский писатель» выпустило сборник последних стихов этой талантливой, безвременно ушедшей из жизни поэтессы.

Сборник «Мосты» открывается стихотворениями, посвященными самому дорогому для поэтессы — своему народу, родному краю. Дагестан воспет многими поэтами, Кадрии нужно было найти «свой» Дагестан, выразить свое чувство Родины.

Кадрия подходит к этой теме с сознанием ответственности и раскрывает ее со всей силой своего поэтического дарования, полностью отдавая себя «строке на растерзание». В сравнительно небольшом стихотворении она рассказывает о прекрасных обычаях своего народа, которые с раннего детства воспитывают в горце любовь к человеку, достоинство, храбрость. Для выражения неразделимости своей судьбы и судьбы народной поэтесса нашла точные строки:

О мой народ!
Я горсточка твоих
И радостных
И горестных раздумий,
Которые без праздной суеты
Ты обращаешь
К предкам и потомкам.

(Перевод Т. Кузовлевой)

Именно чувство ответственности перед Родиной заставляет Кадрию так часто размышлять о роли поэта и поэзии в жизни общества. Для нее поэзия прежде всего активная сила, помогающая выстоять даже в самую тяжелую минуту, пережить трудности и невзгоды.

Возможно, мир не потрясется
И лучшею моей строкой.
Но если я в жару кому-то
Не заменю глоток воды
Иль обойду в метели лютой
Кого-то каплей теплоты,
Тогда с поэзией в разлуке
Пусть буду до могилы я.
И пусть тогда
Ко мне недуги
Приблизят час небытия.

(Перевод Т. Кузовлевой)

По характеру своего дарования Кадрия прежде всего лирик. Чувства и мысли лирического героя чаще всего передаются в форме монолога, обращенного непосредственно к читателю.

В своем творчестве Кадрия не только опирается на родной фольклор и богатые традиции дагестанской поэзии, но и стремится найти новые возможности поэтической выразительности.

Героиня Кадрии — человек активный, ищущий себя и свое место в жизни, жаждущий духовной гармонии. Это горянка, которая полна решимости бороться не только за свое счастье, но и счастье любимого. Главное в ней — вечный поиск истинных ценностей, преодоление кажущегося, видимого.

Любовная лирика, как и все творчество Кадрии, близка к произведениям родного фольклора не только своей тематикой и поэтическими средствами, но и трактовкой темы любви. Об этом лучше всего свидетельствует поэма «Сказание о любви».

Любовь в поэме рассматривается как недостижимые для героев единство и гармония, в стремлении к которым автор видит не только героизм, но и предназначение героев. Конечно, на пути любви дочери ногайского хана Темира Саибджемал и простого джигита Кемала прежде всего преграды социальные, которые оказываются смертельными для них обоих, но автор акцентирует наше внимание на трагизме гибели любви.

Чему ни раскрывай объятья,
Кого на помощь ни зови,
Коварство — траурное платье
Любой безоблачной любви.

Поэма написана в форме бытующих в народе преданий, сказаний. Любовь Саибджемал и Кемала идеальна в полном смысле слова. Она равносильна самой жизни, стремлению человека утвердить свое человеческое достоинство. В защите права человека на любовь, на счастье проявляется активный характер автора.

Одно из стихотворений в сборнике «Спасенные звезды» Кадрия заканчивала словами:

...если все сказать я не успею,
— Любите жизнь! —
негромко прошепчу.

Лучшие стихи поэтессы, хотя она была еще на подступах к раскрытию своих настоящих творческих возможностей, сохранят ее имя в благодарных сердцах любителей поэзии Дагестана.

А. АБДУСАЛАМОВ

Владимир Андреев. Тяжелые ветви. Стихи. М., «Современник», 1979.

Зрелость — это не просто пора жизни, это определенный уровень взаимоотношений человека с миром, в котором он живет. До зрелых лет дожить может любой — достигнуть зрелости способен не каждый, ибо ей должны предшествовать годы, не только плодотворно прожитые, но и по-своему осмысленные, прочувствованные.

У Владимира Андреева за плечами именно такие годы. Начало жизни, как и у всех, кому сейчас за тридцать, связано с войной:

И помню, слышу — бьют зенитки,
Мне страшновато и темно
Сидеть на русской знаменитой
Печи, не топленной давно.

Это первые строчки стихотворения «Детство», а дальше идет рассказ о том, как в тяжелое время мать бродила по дальним селам, пытаясь обменять немудреные вещи на еду.

А ничего не обменяет,
Домой приходит чуть жива,
Меня подолгу обнимает
И шепчет добрые слова.

Страдания матери для поэта, не воевавшего с оружием в руках, стали черным знаком войны, олицетворением человеческого мужества и доброты.

Для В. Андреева, чья судьба соприкоснулась с войной, очень органичны стихи о службе в армии. О ней писать трудно; мы знаем немало примеров облегченной «строевой» поэзии, но бывает и наоборот — за естественными тяготами солдатской жизни не видна огромная воспитательная роль армейской службы. В. Андрееву удается найти и верную позицию, и точную интонацию. Вот он пишет о ночной тревоге:

Готовы все. Ряды стройны. Упруги.
И ветер в вышине полощет флаг.
Мы ждем приказ. Мрачнеют наши руки
На молчаливо-сдержанных стволах...

Стихи В. Андреева автобиографичны. И не только потому, что, вчитываясь в них, можно легко понять его жизнь, трудовую биографию, историю любви. Важно другое: за строчками стоит поэтическая осмысленность каждого факта, каждого события, которая переплавляет в поэзию, к примеру, воспоминание о работе кочегаром.

В книге много стихотворений, посвященных природе. И в них чувствуется художник, стремящийся найти каждому ощущению, рожденному общением с природой, каждой переменчивой картине точный поэтический эквивалент. Образы В. Андреева характерны изобразительной и психологической достоверностью:

Молчит под ивами обмякшая осока.
И, подминая высохшую тень,
Столетний дуб, как солнце одинокий,
Спокойно держит раскаленный день.

В книге на первый взгляд немного стихотворений о любви, ибо поэт в русле давней традиции русской лирики передает любовные переживания через тонкий пейзаж, через тревожные, ставшие во многом символичными образы природы.

Зрелость не только внут-

ренний стержень стихов В. Андреева, она становится определяющей в размышлениях поэта.

Зрелость, утверждает автор, — это не только итог, но и новое начало, важнейшая пора жизни. Об этом, заключая книгу, пишет В. Андреев в стихотворении «Аттестат зрелости»:

...Тревожно поневоле
Теперь душе, но видно
только ей,
Как залежи непрожитых
раздолий
В краях судьбы раскинутся
моей.

Прости-прощай, годов
умчавших стая,
Как легок звук небесного пера!
Да здравствует вовеки золотая
Моя земная зрелая пора!..

Ю. ПОЛЯКОВ

Алексей Осипов. Я люблю Кольку. Повести. М., «Московский рабочий», 1978.

Рязанский прозаик Алексей Осипов более четверти века работает сельским учителем. Герои его книг — хлебопашцы, животноводы, интеллигенты — люди, которые все силы своего ума, свой талант труженика посвятили борьбе за лучшее устройство общества. Писатель рассказывает, о чем они мечтают, показывая многообразие и сложность их чувств и переживаний. Но главными персонажами произведений А. Осипова остаются дети.

Действительность раскрывается писателем через призму восприятий подростков, которые всматриваются в окружающий их мир, и каждый по-своему, с присущей их возрасту категоричностью, пытается определить свое место в жизни.

В повести «Я люблю Кольку», посвященной времени коллективизации деревни, противоречивые, нередко трагические явления читатель наблюдает глазами восьмилетнего парнишки Сережки.

Рисуя трудную деревенскую жизнь тридцатых годов с ее нуждой, когда ледец, попавший в руки ребенка, почитался за радость, когда мякиш хлеба был лакомством, изображая полуголодных крестьян, все еще находившихся в кулацкой кабале, Алексей Осипов создает полнокровные, достоверные образы подростков.

Романтически окрашенное восприятие действительности юным рассказчиком не помешало автору сказать горькую правду о трудном и суровом быте хлебопашцев, вынужденных жить впроголодь и мучительно соображать, где бы добыть копейки для покупки праздничных гостинцев детишкам, как выкроить рубль-полтора на пару дешевеньких ботинок для мальчика, собирающегося в школу.

Однако в целом повесть звучит оптимистично. И обусловлено это не только тем, что А. Осипов с трогательной теплотой нарисовал образы маленьких мечтателей и тружеников, но тем, что автор сумел передать черты времени, когда наша деревня с верою в лучшую долю делала первые шаги к будущему.

Пробуждение самосознания ранее бесправных людей отчетливо проступает на фоне реалистически показанного быта и житейских представлений — опасливое отношение ко всему новому, суеверия, стремление жить в сторонке — «каждый сам по се-

бо...», — все это так или иначе преломляется и в сознании героев писателя.

Вторая повесть, вошедшая в книгу, — «Партизанскими тропами», является своеобразным дополнением к первой, хотя по времени действия их разделяет более десяти лет.

Чтобы дать хотя бы приблизительное представление о тяготах, выпавших на долю солдата сорок первого года, директор школы Николай Петрович поставил перед школьниками, отправившимися в поход, условие: транспортом не пользоваться, домашними вещами и готовыми продуктами — тоже. Надейся на свою смекалку и пользуйся лишь дарами «лесной кладовой» — грибами, ягодами, съедобными кореньями растений, которыми питались попавшие в окружение.

Во время путешествия старый учитель эпизод за эпизодом вспоминает факты из своей боевой молодости, рассказывает о друзьях-однополчанах, о разрушениях, причиненных гитлеровцами, а его воспитанники между тем видят на месте пепелищ благоустроенные села.

В походах по местам героических сражений ежегодно участвуют десятки тысяч мальчиков и девочек. Воздействие таких походов несомненно. Чтобы любить настоящее, человек должен знать прошлое, должен иметь наглядное представление о том, каких усилий и жертв оно стóило.

Повести А. Осипова внушают молодежи любовь к Родине, к ее прекрасной природе, учат трудолюбию и гражданской честности.

Николай ДАЛАДА

Татьяна Веселова. Двадцать лет. Стихи. М., «Молодая гвардия», 1978.

Первый поэтический сборник. Дает ли он возможность почувствовать неповторимую индивидуальность автора? «В творениях поэта всегда, — писал современник и друг великого Пушкина Вильгельм Кюхельбекер, — нередко даже без его на то согласия, отражается он сам, отсвечиваются его собственный образ мыслей, его чувства, опыт, наклонности, любимые занятия».

Пожалуй, жизнерадостная распахнутость души наиболее ясно выражена в стихах Татьяны Веселовой:

В розовом цвете-лете
Черного цвета нет.
Я прожила на свете
Двадцать прекрасных лет...

Первое чувство, которое владеет поэтессой, — восхищение. Оно прорывается в каждой строке стихотворения «Ветлуга». Читая его, постигаешь кем-то сказанное, что стихи не нужно объяснять, они сами говорят за себя. Этим стихотворением открывается сборник:

Там гуще растут туманы,
Там раньше начало дня.
Там детство мое, там —
мама,
Там родина у меня!

Восхищение передано в ярком проявлении всего солнечного, что увидено поэтессой на родной ее реке Ветлуге, где она выросла. Выражено зримо, поэтично, с радующей экономией слов. Не утрачивая связи с конкретностью, Татьяна Веселова способна создать образ:

Чувство Родины —
не в поклоне
Святу месту, где отчий кров.
Это чувство — в составе
крови,

Только с ним полноценна
кровь.

Обретая новую глубину, поэтический образ Родины — та призма, сквозь которую преломляется мир в стихах Татьяны Веселовой. Представляя ее всесоюзному читателю, Николай Старшинов отмечал ее непохожесть на некоторых молодых «певцов печали» и цитировал строки, соответствующие характеру поэтессы: «Я жить вас зову! И поэтому, что б ни случилось, печальную песню я вам никогда не спою!» Нелегко возразить против такого жизненного кредо. И все-таки спросим себя: не слишком ли категорично это «никогда»? Да, в розовом цвете не сыщется черного цвета. Но лирической героине уже не двадцать лет: «Я здесь росла — да выросла. Детей растить везу!» — уже она не мамина дочка с «бантиками вразлет...».

Кажется, Татьяна Веселова вопреки своему поэтическому кредо, «даже без его на то согласия», начинает чувствовать жизненную атмосферу, когда будут необходимы и мотивы иной песни. «Довольно одной песчинки, чтобы обжечь ладонь» — это не случайная обмолвка. В стихотворении «Восточная граница» Татьяна Веселова — «тоже в тревоге»:

Но выстоять счастье —
смогу ли?
Смогу ли?.. Наверно, смогу!

Знаменательно это стремление заглянуть в себя.

Можно считать, что Татьяна Веселова сделала серьезную заявку на высокое звание поэта.

Анатолий ТРИНЬКО

Борис Петров. Мой край сибирский. Красноярск, Книжное изд-во, 1978.

Само название говорит, чему посвящена книга журналиста Бориса Петрова. Автор приглашает в путешествие. Невозможно не принять приглашения. Такова притягательная сила Сибири.

Встреча с Ангарой. Она то мечется в узких скальных теснинах, белая в кипени, то разливается широким потоком, и тогда на тихих прозрачных отмелях, в водорослях, жируют щуки, окуни. Какая благодать рыбакам! А в прибрежной тайге трудятся рабочие одного из лучших в Сибири леспромхозов — Пинчугского. Когда-то у лесозаготовителя главным инструментом был топор. Теперь действует специальная валочная машина, и рабочий зовется уже не лесорубом, а оператором.

А вот история Горьковского свинцово-цинкового месторождения, равного которому нет в мире; мы прослеживаем судьбу первооткрывателя этого клада, скромного, увлеченного геологией человека, Юрия Николаевича Глазырина, удостоенного Ленинской премии.

«По следу ходить — вчерашний день догонять. Мать родит голову, время — ум, а ум — всё. Думать надо!» — эти слова следопыта, Героя Социалистического Труда Георгия Степановича Бояки, когда-то сказанные автору книги в ответ на его вопрос, как промышлять соболя в забуреломленных лесах, понимать надо гораздо шире.

Борис Петров, восхищаясь встреченными им людьми, событиями, природой, ни на минуту не позволяет себе осво-

бодиться от тревожных мыслей: хорошо ли все у нас делается, бережливо ли, не допускаем ли мы где-то перехлестов? От этого книга обретает глубину...

Мы радуемся, что лес по берегам Ангары (знаменитая ангарская сосна), прежде пропадавший от перестоя и пожаров, теперь пущен в дело, продаем мы его через северные порты в Англию, ФРГ, Италию... По реке за один летний день пронесутся на стремнинах десятки плотов, в каждом плоту бревен столько, что едва ли погрузишь и в 500 железнодорожных платформ. Но к каждому плоту снизу прицеплены тяжелые длинные цепи — для устойчивости. Цепи прочесывают дно реки по всему руслу на тысячу километров, перемешивая ил и камни. Долго ли продержится рыбья жизнь?

Да, говорит автор, рабочий не топором в лесу орудует, а машиной. За минуту роняет толстую сосну на землю. Облегчение, экономия. Автор тут же настораживает нас: следовало бы острие технического прогресса направить в первую очередь не на то, как скорее и проще свалить лесину, а на то, как из сваленной наготовить больше полезных нам вещей. Ведь все еще по лесосекам, на складах, вокруг лесопилок пылают костры: горят сучья, вершинник, опилки, щепки, стружки, пни да и сами бревна гниют.

Борис Петров напоминает, что край наш огромен, широк, его сокровища велики. Но бездумное потребление этих сокровищ может порождать и негативные явления. О них-то, этих негативных явлениях, должен сегодня знать наш юный гражданин, чтобы подступал он к делу серьезно и ответственно, когда придет ему пора трудиться.

Анатолий ЗЯБРЕВ

Главный редактор **Анатолий ИВАНОВ**

Редакционная коллегия: **Валерий ГАНИЧЕВ, Вячеслав ГОРБАЧЕВ** (заместитель главного редактора), **Владимир ГРОШЕВ, Нодар ДУМБАДЗЕ, Александр ИГОШЕВ** (ответственный секретарь), **Борис ЛЕОНОВ, Михаил ЛОБАНОВ, Борис ОЛЕЙНИК, Петр ПРОСКУРИН, Иван САВЕЛЬЕВ, Владимир СЕМЕНОВ, Владимир СОЛОУХИН, Иван УХАНОВ, Василий ФЕДОРОВ, Владимир ФИРСОВ, Вячеслав ШУГАЕВ, Виктор ЯКОВЕНКО** (первый заместитель главного редактора).

Художественный редактор В. Недогонов

Технический редактор Н. Строева

Сдано в набор 05.12.80. Подп. в печ. 22.01.81. А07728.
Формат 84×108 1/32. Печать высокая. Условн. печ. л. 16,8.
Уч.-изд. л. 21,4. Тираж 870 000 экз. Цена 60 коп. Заказ 1904.
Типография ордена Трудового Красного Знамени
изд-ва ЦК ВЛКСМ «Молодая гвардия».
103030, Москва, К-30, Сущевская, 21.

ФОТОРЕПРОДУКЦИОННАЯ УСТАНОВКА ФРУ-1

предназначена для перефотографирования цветных и черно-белых слайдов с размером кадра 24×36 мм в масштабе один к одному. Это можно сделать при помощи зеркального фотоаппарата типа «Зенит».

Цена 27 руб.

Обращайтесь в магазины, торгующие фототоварами.

Там же вы можете купить

ФОТОУВЕЛИЧИТЕЛЬ «ЛЕНИНГРАД-4».

Он предназначен для получения черно-белых и цветных фотоснимков с негативов размерами 24×36, 18×24, 14×21, 10×14 мм с 16- и 35-мм пленок. Рассчитан на применение объективов И50-У, И26М-У и «ВЕГА 11-У».

Увеличение в плоскости экрана возможно от 2,4 до 10 крат и с разворотом проектора на 180° — до 20 крат.

Габаритные размеры 375×480×550 мм.

Цена 25 руб.

ЦКРО «РАДИОТЕХНИКА»

54

Цена 60 коп.
Индекс 70544